

А. СТРИНДБЕРГЪ СОЧИНЕНІЯ

КРАСНАЯ КОМНАТА

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

**ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ.**

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Изданіе В. М. Саблина.

Августь Стриндбергъ.

КРАСНАЯ КОМНАТА.

Перевъ. А. Койранскаго.

Москва.—1909.

2007085846

Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, домъ Обидиной.
Телефонъ 131-34.

Красная комната.

I.

Быль вечеръ въ началѣ мая. Маленькій садикъ на Моисеевой горѣ, въ южной части города, еще не былъ открытъ для публики, и клумбы еще не были вскопаны; подсиѣжники выбрались изъ-подъ прошлогодней листвы и какъ разъ заканчивали свое короткое цвѣтеніе, чтобы уступить мѣсто болѣе нѣжнымъ цвѣтамъ шафрана, искавшимъ защиты подъ дикою грушей; сирень ждала южнаго вѣтра, чтобы раскрыть свои цвѣты, а липы представляли укромный уголокъ среди своихъ еще нераспустившихся почекъ щегламъ, начинавшимъ строить свои покрытыя мхомъ гнѣзда на ихъ стволахъ и вѣткахъ. Еще ни одна человѣческая нога не ступала по усыпаннымъ щебнемъ дорожкамъ съ тѣхъ поръ, какъ сошелъ снѣгъ, и поэтому животныя и цвѣты жили тамъ свободной жизнью. Воробьи занимались сборомъ всякаго хлама, который они потомъ прятали подъ черепицами крыши мореходной школы; они возились съ обрывками ракетныхъ гильзъ отъ послѣдняго осенняго фейерверка, собирали солому, оставшуюся отъ упаковки молодыхъ деревцевъ, покинувшихъ въ прошломъ году питомникъ зоологическаго сада, — и все они видѣли! Они находили обрывки

кисеи въ бесѣдкахъ и вытаскивали изъ щелей скамьи ключья шерсти собакъ, не грызшихся здѣсь съ прошлогодняго дня св. Юзефины. То-то было раздолье!

Но солнце стояло надъ Лиліенгольмомъ и бросало цѣлые снопы лучей на востокъ; они пронизывали столбы дыма на Бергзундѣ, бѣжали черезъ Риттерфьердъ, взбирались на крестъ Риттергольмской церкви, перебрасывались на крутую крышу нѣмецкой церкви, играли съ вымпелами лодокъ у пристани, зажигали окна въ большой морской таможенѣ, освѣщали лѣса острова Линдингъ и гасли въ розовомъ облакѣ, далеко-далеко, тамъ, въ морской дали. А оттуда несся вѣтеръ и бѣжалъ въ обратную сторону той же дорогой черезъ Воксгольмъ, мимо крѣпости, мимо морской таможни, вдоль острова Сикла, проникалъ за Фердегольмъ и заглядывалъ въ дачи; выходилъ оттуда, продолжалъ свой путь и добирался до больницы Данвикенъ, пугался и бросался прочь, вдоль южнаго берега, замѣчалъ запахъ угля, дегтя и рыбаго жира, набѣгалъ на городскую набережную, взлеталъ вверхъ по Моисеевой горѣ, въ садъ, и ударялся тамъ въ стѣну.

Тутъ въ стѣнѣ служанка открыла окно, только что сорвавъ замазку съ двойныхъ рамъ; ужасный запахъ жарящагося сала, пивного сула, сосновыхъ вѣтокъ и опилокъ вырвался изъ окна, и его понесло дальше вѣтромъ, захватившимъ теперь, пока кухарка вдыхала свѣжій воздухъ, оконную вату, усыпанную канителью, ягодами барбариса и розовыми лепестками, начавшими кружиться въ пляскѣ, въ которой приняли участіе чижи и воробьи, увидѣвшіе теперь разрѣшеніе большей части своихъ жилищныхъ заботъ.

Между тѣмъ кухарка продолжала трудиться надъ двойными рамами, и черезъ нѣсколько минутъ открылись двери

изъ ресторанички на веранду, и въ садъ вышелъ молодой человекъ, одѣтый просто, но изящно. Лицо его не представляло собой ничего необыкновеннаго, но какая-то забота и безпокойство были въ его чертахъ; но это исчезло, когда, выйдя изъ тѣсной комнаты кабачка, онъ увидальъ открытый горизонтъ. Онъ повернулся въ сторону вѣтра, растегнулъ сюртукъ и нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ. Это, казалось, облегчило его грудную клѣтку и его сердце. Потомъ онъ сталъ бродить назадъ и впередъ вдоль периль, отдѣлявшихъ садъ отъ обрывовъ къ морю.

Вдали подъ нимъ шумѣлъ только что пробудившійся городъ; паровыя лебедки дребезжали внизу въ гавани; желѣзные брусья грохотали на вѣсахъ, свистки шлюзовщиковъ гудѣли, дымились пароходы у пристани, омнибусы грохотали по неровной мостовой; шумъ и гамъ на рыбномъ рынкѣ, паруса и флаги, развѣвавшіеся у устья рѣки, крики чаекъ, сигналы рожка съ Шипсгольма, оклики часовыхъ на плацу, стукъ деревянныхъ башмаковъ рабочаго люда — все производило впечатлѣніе жизни и дѣятельности, которое, казалось, будило энергію молодого человека, ибо теперь лицо его приняло выраженіе упрямства, жизнерадостности и рѣшимости, и когда онъ наклонился надъ барьеромъ и взглянулъ на городъ, разстилавшійся у его ногъ, то казалось, что онъ смотритъ на врага; его ноздри расширились, его глаза сверкали, и онъ поднималъ сжатый кулакъ, какъ бы угрожая бѣдному городу или бросая ему вызовъ.

Теперь пробило семь на церкви св. Екатерины, и св. Марія вторила своимъ надтреснутымъ дискантомъ, а соборъ и нѣмецкая церковь вступили своими басами, и вскорѣ вся окрестность задрожала отъ всѣхъ колоколовъ города; когда же они, одинъ за другимъ, замолкли,

то слышенъ былъ еще одинъ, пѣвшій вдали свою мирную вечернюю пѣсню: тонъ его былъ выше, звукъ чище и темпъ быстрѣе.

Онъ прислушался и старался узнать, откуда шель этотъ звонъ, ибо онъ, казалось, будиль въ немъ воспоминанія. Лицо его смягчилось, и на немъ отразилась боль, какую испытываетъ ребенокъ, оставшійся совсѣмъ одинъ. Былъ онъ одинокъ, такъ какъ отецъ и мать его лежали тамъ, на кладбишѣ св. Клары, колоколъ которой еще былъ слышенъ; и былъ онъ ребенкомъ, потому что еще вѣрилъ всему, правдѣ и сказкамъ.

Колоколъ св. Клары смолкъ, и звукъ шаговъ по гравію дорожки вывелъ его изъ его мечтаній. Къ нему приближался отъ веранды маленькій человекъ съ густыми баками, въ очкахъ, которые, казалось, больше защищали взглядъ, чѣмъ глаза, со злымъ ртомъ, всегда принимавшимъ дружелюбное, даже добродушное выраженіе, въ помятой шляпѣ, въ грязномъ пальто съ недостающими пуговицами, въ высокоподтянутыхъ брюкахъ, съ походкой, равно выражавшей увѣренность и робость. Его внѣшность была такъ неопредѣленна, что невозможно было узнать его общественное положеніе и возрастъ. Можно было считать его ремесленникомъ и чиновникомъ, и казалось, что ему отъ 29 до 45 лѣтъ. Теперь онъ, очевидно, чувствовалъ себя польщеннымъ обществомъ человека, къ которому онъ приближался, ибо онъ необычайно высоко поднялъ шляпу и изобразилъ добродушную улыбку.

— Вамъ не пришлось ждать, господинъ окружной судья?

— Ни минуты; колоколъ только что прозвонилъ семь часовъ. Благодарю васъ, что вы были такъ любезны, что пришли; долженъ признаться, что это свиданіе для меня

очень важно; я сказалъ бы, что дѣло идетъ о моей будущности, господинъ Струвэ.

Господинъ Струвэ заморгаль глазами, потому что онъ ожидалъ только выпивки и къ серьезной бесѣдѣ былъ мало расположенъ. На это онъ имѣлъ свои основанія.

— Чтобы намъ удобнѣй было разговаривать, — продолжалъ окружной судья, — мы сядемъ здѣсь снаружи, если вы ничего не имѣете противъ этого, и выпьемъ тодди.

Господинъ Струвэ запустилъ руку въ свой правый бакенбардъ, осторожно примялъ шляпу и поблагодарилъ за приглашеніе, но встревожился.

— Прежде всего, я долженъ просить васъ не титуловать меня больше окружнымъ судьей, — началъ молодой человекъ, — ибо я имъ никогда не былъ, а былъ только сверхштатнымъ нотаріусомъ, да и тѣмъ я пересталъ быть и теперь я только — господинъ Фалькъ.

— Какъ?!

У господина Струвэ былъ такой видъ, какъ будто онъ потерялъ хорошее знакомство, но онъ остался любезнымъ.

— Вы человекъ съ либеральными идеями...

Господинъ Струвэ старался найти слова, чтобы объяснить, но Фалькъ продолжалъ:

— Я пригласилъ васъ сюда, какъ сотрудника свободомыслящей «Красной Шапочки».

— Помилуйте, я такой ничтожный сотрудникъ.

— Я читалъ ваши громовыя статьи по рабочему вопросу и другимъ вопросамъ, близкимъ намъ. Мы теперь считаемъ III годъ римскими цифрами, ибо теперь третій годъ новаго риксдага, и вскорѣ мы увидимъ осуществленіе нашихъ надеждъ. Я читалъ въ «Другѣ Крестьянъ» ваши прекрасныя біографіи политическихъ лидеровъ, этихъ людей изъ народа, которые, наконецъ, могли высказать то,

что такъ долго ихъ обременяло; вы человѣкъ передовой, и я глубоко уважаю васъ!

Струвэ, взгляды котораго погасъ, вмѣсто того, чтобы загорѣться отъ зажигательной рѣчи, съ удовольствіемъ ухватился за предложенный громоотводъ и взялъ слово.

— Долженъ сказать, что мнѣ доставляетъ истинную радость признаніе такого молодого и, долженъ признаться, прекраснаго человѣка, какъ вы; но, съ другой стороны, зачѣмъ намъ говорить о вещахъ очень серьезнаго, такъ сказать, печальнаго характера, когда мы здѣсь на лонѣ природы въ первый день весны, когда все цвѣтетъ и солнце расточаетъ свое тепло всей природѣ; будемъ беззаботны и мирно выпьемъ наши стаканы. Простите, но я думаю, я болѣе стараго выпуска и, осмѣливаюсь предложить, говорить на ты...

Фалькъ, подобно кремню искавшей стали, замѣтилъ, что ударилъ по дереву. Онъ принялъ предложенія безъ радости. И вотъ сидѣли новые братья и имъ нечего было сказать другъ другу, кромѣ разочарованія, выражавшагося на ихъ лицахъ.

— Я упомянулъ раньше, — возобновилъ Фалькъ бесѣду, — что я сегодня порвалъ съ прошлымъ и бросилъ служебное поприще; теперь я хочу только прибавить, что собираюсь стать литераторомъ!

— Литераторомъ! Зачѣмъ же? Жалко!

— Нѣтъ, не жалко; но я хотѣлъ бы тебя спросить, не знаешь ли ты, куда мнѣ обратиться, чтобы получить работу.

— Гм... Это, правда, трудно сказать. Такъ много притекаетъ народу со всѣхъ сторонъ. Право же, жалко прерывать твою карьеру; путь литератора такъ труденъ!

Струвэ дѣлалъ видъ, что очень жалѣетъ, но не могъ

крыть нѣкотораго удовлетворенія, что нашелъ товарища по несчастью.

— Но скажи же мнѣ, — продолжалъ онъ, — по какой причинѣ ты покидаешь поприще, которое могло принести тебѣ почетъ и власть?

— Почетъ — тѣмъ, кто присвоить себѣ власть, а власть — безсовѣстнымъ.

— Какъ ты болтаешь; но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

— Развѣ нѣтъ? Ну, такъ мнѣ придется говорить иначе. Я дамъ тебѣ только заглянуть въ одно изъ тѣхъ шести учрежденій, въ которыя я записался. Пять первыхъ я тотчасъ же покинулъ по той простой причинѣ, что въ нихъ вовсе не было работы. Каждый разъ, когда я приходилъ и спрашивалъ, есть ли какая иибудь работа, мнѣ отвѣчали: «нѣтъ!» И я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь что-нибудь дѣлалъ. И притомъ я былъ въ такихъ дѣловыхъ учрежденіяхъ, какъ: «коллегія винокуренія», «канцелярія прямыхъ налоговъ» и «главное управленіе по чиновничьимъ пенсіямъ». Когда же я увидѣлъ это количество чиновниковъ, сидѣвшихъ другъ на другѣ, мнѣ казалось, что учрежденіе, которое платитъ всѣ эти оклады, имѣетъ какую-нибудь работу. Я записался въ «управленіе по чиновничьимъ окладамъ».

— Ты служилъ въ немъ? — спросилъ Струвэ, начинавшій интересоваться.

— Да. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвело на меня мое поступленіе въ это вполне и прекрасно организованное учрежденіе. Я въ одиннадцать часовъ пришелъ, ибо въ это время учрежденіе должно было открываться. Въ прихожей два молодыхъ сторожа навалились на столъ и читали «Родину».

— «Родину»?

Струвэ, до сихъ поръ бросавшій сахаръ воробьямъ, насторожился.

— Да! Я сказала: здравствуйте! Легкое волнистое движеніе спинъ этихъ господъ показало мнѣ, что мой привѣтъ принять безъ опредѣленнаго недоброжелательства; одинъ изъ нихъ даже сдѣлалъ движеніе правымъ каблукомъ, которое должно было выражать рукопожатіе. Я спросилъ, не свободенъ ли одинъ изъ этихъ двухъ господъ и не можетъ ли онъ мнѣ показать помѣщеніе. Они объяснили, что не могутъ; имъ было приказано не покидать прихожей. Я спросилъ, нѣтъ ли еще сторожей. Но оказалось, что у старшаго сторожа вакаціи, что первый сторожъ въ отпуску, второй сегодня свободенъ отъ службы, третій на почтѣ, четвертый боленъ, пятый пошелъ за водой, шестой на дворѣ и тамъ онъ сидитъ цѣлый день; впрочемъ, «никто изъ служащихъ не приходитъ раньше часа». Этимъ мнѣ данъ былъ намекъ, что мой ранній визитъ мѣшаетъ, и напоминаніе, что сторожа тоже служащіе.

Когда же я изъявилъ твердое намѣреніе посѣтить присутственное мѣсто, чтобы благодаря этому получить представленіе о распредѣленіи занятій въ такомъ важномъ и всеобъемлющемъ учрежденіи, мнѣ удалось заставить младшаго пойти со мной. Было величественное зрѣлище, когда онъ открылъ передо мной дверь и взору моему представилась амфилада шестнадцати комнатъ, большихъ и поменьше. Здѣсь, должно быть, много работы, подумалъ я и почувствовалъ, что записаться сюда было счастливой мыслью. Трескъ шестнадцати вязанокъ березовыхъ дровъ въ шестнадцати кафельныхъ печахъ пріятно нарушалъ пустынную мѣста.

Струвэ, слушавшій съ все большимъ вниманіемъ, выта-

шилъ теперь карандашъ между сукномъ и подкладкой жилета и написалъ на своей лѣвой манжетѣ 16.

— Здѣсь комната сверхштатныхъ, — сказалъ сторожъ.

— Такъ! А много сверхштатныхъ здѣсь въ присутствіи? — спросилъ я.

— О, да, больше чѣмъ надо.

— Что же они дѣлають?

— Пишуть, конечно, немного. — Онъ при этомъ глядѣлъ такъ фамиллярно, что я нашелъ, что пора прервать разговоръ. Послѣ того, какъ мы прошли черезъ комнаты писцовъ, регистраторовъ, канцеляристовъ, ревизора и его секретаря, юрисконсульта, эконома, архивариуса и библіотекаря, казначея, кассира, уполномоченнаго, протонотара, протоколиста, контролера и его секретаря, бухгалтера, экспедитора, завѣдующаго канцеляріей и завѣдующаго экспедиціей, мы остановились, наконецъ, передъ дверью, на которой было написано золотыми буквами: «Президентъ». Я хотѣлъ отворить дверь и войти, но мнѣ воспрепятствовалъ сторожъ, въ тревогѣ ухватившійся за мою руку и прошептавшій мнѣ: «Тише!»

— Что, онъ спитъ? — не удержался я отъ вопроса, вспоминая старинные толки. — Ради Бога, не говорите ничего, сюда никто не имѣетъ права входить, пока президентъ не позвонитъ.

— А часто звонитъ президентъ?

— Нѣтъ, я не слыхалъ ни разу его звонковъ за то время, что я служу здѣсь, а этому уже годъ. — Казалось, мы опять забрались въ таинственную область, и я прервалъ разговоръ.

Когда было около двѣнадцати, стали прибывать сверхштатные служашіе, и я былъ очень удивленъ, узнавая въ нихъ старыхъ знакомыхъ пенсіоннаго присутствія и вино-

курённой коллегіи. Но еще больше удивился я, когда восшелъ экономя присутствія налоговъ, засѣлъ здѣсь въ комнату и креслѣ актуара и такъ же удобно разговаривалъ какъ въ вѣдомствѣ налоговъ.

Я отозвалъ одного изъ молодыхъ людей въ сторону и спросилъ его, не находитъ ли онъ полезнымъ, чтобы я представился президенту. «Тише!» гласилъ его таинственный отвѣтъ, въ то время какъ онъ отводилъ меня въ восьмую комнату. Опять это таинственное: «Тише!»

Комната, въ которой мы теперь находились, была такъ же мрачна, какъ и всѣ остальные, но грязнѣе. Конскій волосъ лѣзъ изъ рваной кожи мебельной обивки; толстый слой пыли лежалъ на письменномъ столѣ, на которомъ стояла засохшая чернилица; тамъ же лежала еще не начатая палочка сургуча, на которой прежній владѣлецъ написалъ свое имя англо-саксонскими буквами; ножницы для бумаги, лезвія которыхъ слиплись отъ ржавчины; календарь, остановившійся въ лѣтній день пять лѣтъ тому назадъ; настольный календарь, тоже пятилѣтняго возраста, и листъ промокательной бумаги, на которомъ Юлій Цезарь, Юлій Цезарь, Юлій Цезарь былъ написанъ по меньшей мѣрѣ сто разъ попережку съ такимъ же количествомъ Отецъ Ной, Отецъ Ной.

— Это комната архиваріуса, здѣсь насъ не побезпокоятъ, — сказалъ мой спутникъ.

— Развѣ архиваріусъ сюда не заходитъ? — спросилъ я.

— Онъ пять лѣтъ уже не былъ здѣсь. Теперь ему будетъ стыдно притти сюда!

— Кто же исполняетъ его работу?

— Это дѣлаетъ бібліотекаръ.

— Въ чемъ же состоитъ занятіе этого послѣдняго въ

такомъ учрежденіи, какъ присутствіе по уплатѣ окладовъ?

— Оно состоитъ въ томъ, что сторожа сортируютъ квитанціи въ хронологическомъ и алфавитномъ порядкѣ, послѣ чего ихъ отправляютъ къ переплетчику, а бібліотекаръ наблюдаетъ за разстановкой ихъ на соответствующихъ полкахъ.

Струвэ, очевидно, забавлялся теперь этимъ рассказомъ и онъ время отъ времени записывалъ нѣкоторыя слова на своихъ манжетахъ, и когда Фалькъ остановился, онъ почувствовалъ, что долженъ сказать нѣчто важное.

— Но какъ же архиваріусъ получалъ жалованье?

— Оно ему посылалось на домъ. — Развѣ это не просто? Между тѣмъ, мой молодой товарищъ посовѣтовалъ мнѣ представиться актуару и попросить его представить меня остальнымъ чиновникамъ, которые теперь прибывали мало-по-малу, чтобы помѣшать въ печкахъ и насладиться послѣднимъ тепломъ, исходившимъ отъ угольевъ. — Актуаръ — могущественная и благосклонная личность, рассказывалъ мой другъ, — и очень чувствителенъ къ вниманію.

Я лично имѣлъ другое мнѣніе объ актуарѣ, котораго я знавалъ въ качествѣ эконома, но я повѣрилъ товарищу и пошелъ.

Въ широкомъ креслѣ сидѣлъ этотъ почтенный господинъ передъ печкой и вытянулъ ноги на оленьей шкурѣ. Онъ былъ занятъ обкуриваньемъ мундштука изъ настоящей пѣнки, защитой въ лайку. Чтобы не быть безъ дѣла, онъ взялъ вчерашнюю «Почтовую Газету», чтобы освѣдомиться о видахъ правительства.

При моемъ появленіи, которое, казалось, огорчило его, онъ сдвинулъ очки на лысое темя; правый глазъ онъ скрылъ за краемъ газеты, а лѣвымъ стрѣльнулъ въ меня.

Я сообщил о цѣли моего прихода. Онъ взялъ мундштукъ въ правую руку и посмотрѣлъ, насколько тотъ обкурился. Страшное молчаніе, наступившее теперь, подтвердило всѣ мои опасенія. Онъ кашлянулъ и вызвалъ этимъ сильный шипящій звукъ въ кучѣ тлѣющаго пепла. Потомъ онъ вспомнилъ о газетѣ и сталъ продолжать чтеніе. Я подумалъ, что мнѣ надо повторить мое заявленіе съ нѣкоторыми варіаціями. Тутъ онъ больше не выдержалъ. — Какого чорта вамъ надо? Что вы лѣзете въ мою комнату? Нельзя ли меня оставить въ покоѣ хоть въ моей собственной комнатѣ? Что? Вонъ, вонъ, милостивый государь! Къ чорту, ужели же вы не видите, что я занятъ? Обращайтесь къ протонотару, если вамъ что-нибудь надо, а не ко мнѣ.

Я пошелъ къ протонотару.

Тамъ было большое «матеріальное совѣщаніе», длившееся уже три недѣли. Протонотаръ предсѣдательствовалъ, а три канцеляриста вели протоколы. Присланные поставщиками образцы лежали кругомъ на столахъ, за которыми заняли мѣста всѣ свободные канцеляристы, писцы и регистраторы.

Высказались, хотя и съ большими разногласіями, за двѣ стопы лесебоевской бумаги и остановились послѣ многократныхъ испытаній на 48 ножницахъ премированной фабрикаціи Граторна (каковой фабрики актуаръ имѣлъ 25 акцій); испытаніе стальныхъ перьевъ потребовало цѣлой недѣли, и протоколъ его поглотилъ двѣ дести бумаги; теперь перешли къ перочиннымъ ножамъ, и совѣщаніе какъ разъ было занято испытаніемъ ихъ на черныхъ доскахъ столовъ.

— Я предлагаю шефильдскій двойной клинокъ № 4, безъ штопора, — сказалъ протонотаръ и отгрѣзалъ щепку

отъ стола, достаточно большую, чтобы развести ею огонь. — Что скажете на это первый нотаръ?

Этотъ, слишкомъ глубоко заѣхавшій при испытаніи и наткнувшійся на гвоздь, повредившій «Эскильстун» № 2 съ тремя клинками, предложилъ этотъ сортъ.

Послѣ того, какъ всѣ высказали свои мнѣнія и подробно мотивировали ихъ, прилагая результаты испытаній, предсѣдательствующій рѣшилъ, что надо выписать два гросса шефилдскихъ.

Противъ этого первый нотаръ высказался въ обстоятельномъ особомъ мнѣніи, которое было внесено въ протоколъ, копировано въ двухъ экземплярахъ, зарегистрировано, разсортировано (въ алфавитномъ и хронологическомъ порядкѣ), переплетено и поставлено сторожемъ подъ наблюдениемъ бібліотекаря на соответствующую полку. Это особое мнѣніе дышало всей теплотой патріотизма и главнымъ образомъ клонилось къ тому, чтобы указать, какъ важно, чтобы государство поощряло мѣстныя мануфактуры.

Но такъ какъ это являлось обвинениемъ правительства, потому что было направлено противъ правительственного чиновника, протонотару пришлось взять подъ свою защиту правительство. Онъ началъ съ исторической экскурсіи въ область учета мануфактурныхъ товаровъ (при словѣ «учетъ» всѣ сверхштатные насторожились), бросилъ взглядъ на экономическое развитіе страны за послѣдніе двадцать лѣтъ, при чемъ такъ углубился въ детали, что часы на Риттергольмской церкви пробили два часа раньше, чѣмъ онъ добрался до темы. При этомъ роковомъ звонѣ всѣ чиновники вскочили съ мѣстъ, какъ будто начался пожаръ. Когда я спросилъ одного изъ молодыхъ коллегъ, что это обозначаетъ, старый нотаръ, услыхавшій мой вопросъ, от-

вѣтилъ: — Первѣйшая обязанность чиновника, сударь, — аккуратность!

Въ двѣ минуты третьяго во всѣхъ комнатахъ не было больше ни души.

— Завтра у насъ будетъ жаркій денекъ, — шепнулъ мнѣ одинъ товарищъ на лѣстницѣ. — Что такое, ради Бога? — спросилъ я тревожно. — Карандаши! — отвѣтилъ онъ. И настали жаркіе дни! Сургучи, конверты, ножи для разрѣзанья, промокательная бумага, бечевка. Но это еще куда ни шло, ибо всѣ были заняты. Но насталь день, когда занятія не хватило. Тогда я собрался съ духомъ и попросилъ работы. Они дали мнѣ семь дестей бумаги, чтобы дома переписывать черновики, чѣмъ я могъ «выслужиться». Эту работу я выполнилъ въ очень короткое время, но вмѣсто того, чтобы заслужить признательность и поощреніе, со мной обращались недовѣрчиво, ибо не хотѣли прилежныхъ людей. Съ тѣхъ поръ я не получалъ больше работы.

Я избавлю тебя отъ утомительной повѣсти о цѣломъ годѣ униженій, безчисленныхъ уцоловъ, горечи безъ границъ. Все, что казалось мнѣ смѣшнымъ и ничтожнымъ, являлось здѣсь предметомъ торжественной серьезности, отъ всего, что я считалъ значительнымъ и похвальнымъ, отворачивались. Народъ называли сволочью и предполагали, что онъ существуетъ для того только, чтобы въ случаѣ необходимости солдаты могли въ него стрѣлять. Открыто порицали новую государственность и называли крестьянъ измѣнниками; мнѣ стали недовѣрять, такъ какъ я не принималъ участія въ насмѣшкахъ, и меня задирали. Когда въ слѣдующій разъ задѣли «оппозиціонныхъ собакъ», меня взорвало, и я сказалъ рѣчь, результатомъ которой было то, что положеніе мое выяснилось и что я

талъ невыносимымъ И теперь я поступаю, какъ многіе, потерпѣвшіе крушеніе; я бросаюсь въ объятія литературы!

Струвэ, который, казалось, былъ подавленъ оборваннымъ заключеніемъ, спряталъ карандашъ, выпилъ свой тодди и выглядѣлъ разсѣянно. Но онъ счелъ необходимымъ сказать что-нибудь.

— Милый братъ, ты еще не изучилъ искусство жизни; ты увидишь, какъ тяжело добывать хлѣбъ и какъ это постепенно становится главной задачей жизни. Работаешь, чтобы добыть себѣ хлѣбъ, и добываешь себѣ хлѣбъ, чтобы быть въ состояніи работать! Повѣрь мнѣ, у меня жена и дѣти, и я знаю, что это значить. Надо приспособляться къ обстоятельствамъ, видишь ли, надо приспособляться! А ты не знаешь, каково положеніе литератора. Литераторъ стоитъ внѣ общества!

— Ну, это наказаніе за то, что онъ хочетъ поставить себя выше общества! Впрочемъ, я ненавижу общество, ибо оно основано не на свободномъ соглашеніи, оно—сплетеніе лжи—я съ удовольствіемъ бѣгу отъ него!

— Становится холодно, — замѣтилъ Струвэ.

— Да, пойдете?

— Пойдете, пожалуй.

Огонь бесѣды догоралъ.

Между тѣмъ солнце сѣло, полумѣсяцъ вонзился въ горизонтъ и стоялъ теперь надъ полемъ къ сѣверу отъ города; тамъ и сямъ звѣзды боролись съ дневнымъ свѣтомъ, еще блуждавшимъ по небу, газовые фонари внизу, въ городѣ, зажглись, и городъ сталъ замолкать.

Фалькъ и Струвэ побрели вмѣстѣ къ сѣверу, толкуя о торговлѣ, мореплаваніи и промышленности и о всемъ остальномъ, что не интересовало ихъ; послѣ этого они, къ обоюдному облегченію, разстались.

Новыя мысли зарождались въ головѣ Фалька въ то время, какъ онъ спускался внизъ по Стремгатамъ къ Шипсгольму. Онъ казался себѣ птицей, налетѣвшей на оконныя стекла и теперь лежащей разбитой, вмѣсто того, чтобы широкоимъ взмахомъ крыльевъ устремляться на волю. Онъ сѣлъ на скамью у берега и прислушивался къ плеску волнъ; легкій бризъ пронесся черезъ цвѣтушіе клены, и полумѣсяцъ слабо свѣтилъ надъ черной водой; двадцать—тридцать лодокъ были причалены къ пристани, и онѣ рвались на своихъ цѣпяхъ, и подымали головы одна за другой на одно лишь мгновеніе, чтобы потомъ опять нырнуть; казалось, что вѣтеръ и волны гнали ихъ впередъ и онѣ бросались, какъ спущенная свора собакъ, но цѣпь тянула ихъ обратно, и тогда онѣ бились и стучали, какъ будто хотѣли оторваться.

Тамъ онъ оставался до полуночи, пока вѣтеръ не зашумѣлъ, не улеглись волны и лодки не перестали рваться на своихъ цѣпяхъ, пока не смолкъ шумъ кленовъ и не пала роса.

Тогда онъ всталъ и, мечтая, направился къ своей одинокой мансардѣ въ сѣверо-восточной части города.

Такъ сдѣлалъ молодой Фалькъ, а старый Струвэ, который въ тотъ же день вступилъ въ «Сѣрый Колпачокъ», такъ какъ получилъ отставку въ «Красной Шапочкѣ», пошелъ домой и написалъ для извѣстнаго «Народнаго Знамени» корреспонденцію «О присутствіи по окладамъ»; четыре столбца, по пяти кронъ за столбецъ.

II.

Торговецъ льномъ Карлъ Николаусъ Фалькъ, сынъ покойнаго торговца льномъ, одного изъ пятидесяти старѣйшинъ сословія и начальника гражданской милиціи, церковнаго старосты и члена дирекціи Стокгольмскаго страхового общества Карла-Йоганна Фалька и братъ бывшаго регистратора, а теперь писателя Арвида Фалька, имѣлъ контору или, какъ называли его недруги, лавку, на западномъ Ланггатанъ, наискось переулка Феркенъ, такъ что молодой челювѣкъ, тайкомъ читавшій романъ за прилавкомъ, могъ увидѣть, поднявъ глаза отъ книги, часть парюхода, коожухъ колеса или рею и верхушку дерева на Шипсгольмѣ и немного воздуха надъ ней.

Приказчикъ съ заурядной фамиліей Андерсенъ только что (это было утромъ) отперъ лавку, вывѣсилъ кудель льна, нѣсколько удючекъ и рыболовныхъ снастей; затѣмъ онъ вымелъ лавку, посыпалъ опилокъ на полъ и сѣлъ за прилавкомъ; тамъ онъ устроилъ себѣ изъ пюстого свѣчнаго ящика нѣчто въ родѣ мышелювки: въ нее онъ кидалъ свой романъ, когда входилъ хозяинъ или одинъ изъ его знакомыхъ. Покупателей онъ, очевидно, не боялся, отчасти оттого, что было еще рано, отчасти потому, что онъ не привыкъ къ слишкомъ большому числу покупателей.

Тюргювя была основана во времена покойнаго короля Фридриха. Карлъ - Николаусъ Фалькъ унаслѣдовалъ это учреждение отъ своего отца, который, въ свою очередь, унаслѣдовалъ его въ прямой нисходящей линіи отъ своего дѣдушки; тюргювя цвѣла въ свое время и приносила хорошій доходець, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наступилъ

несчастный парламентскій режимъ, положившій конецъ всякой торговлѣ, и сталъ угрожать гибелью всему сословію. Такъ говорилъ самъ Фалькъ; другіе же утверждали, что дѣло плохо ведется; къ тому же внизу на Шлюзной площади обосновался опасный конкурентъ. Но Фалькъ зря не говорилъ о паденіи дѣла, онъ былъ достаточно уменъ, чтобы выбирать обстоятельства и слушателей, при которыхъ можно было играть на этой стрункѣ. Если какой-нибудь дѣловой пріятель любезно улыбался сократившемуся притоку покупателей, то онъ рассказывалъ, что удѣляетъ особое вниманіе оптовой торговлѣ съ провинціей, а лавку держитъ только такъ, въ видѣ вывѣски; и ему вѣрили въ этомъ, потому что сзади лавки у него была небольшая контора, гдѣ онъ и сидѣлъ большей частью, когда не уходилъ въ городъ или на биржу. Но если его знакомые, нотаріусъ или магистръ, выражали то же самое любезное безпокойство, тогда было иначе; тогда дѣло было въ плохихъ временахъ, происходящихъ отъ новаго парламентскаго режима; вотъ что было тогда виной затишья.

Андерсенъ былъ прерванъ въ своемъ чтеніи нѣсколькими мальчишками, которые спрашивали, сколько стоятъ удочки. Когда онъ при этомъ выглянулъ на улицу, онъ увидѣлъ молодого Арвида Фалька. Такъ какъ онъ какъ разъ у него взялъ книгу, то онъ могъ ее оставить тамъ, гдѣ она лежала; и дружескимъ тономъ привѣтствовалъ онъ своего прежняго товарища по играмъ, когда тотъ вошелъ въ лавку.

— Онъ наверху? — спросилъ Фалькъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Онъ какъ разъ за кофе, — отвѣтилъ Андерсенъ и показалъ на потолокъ. Въ это время они услышали, что надъ ихъ головами двинули стулъ.

— Теперь онъ всталъ изъ-за стола, господинъ Арвидъ.

Казалось, что они оба знаютъ этотъ звукъ и его значеніе. Затѣмъ они услышали довольно тяжелые, скрипящіе шаги, бороздившіе комнату во всѣхъ направленіяхъ, и глухое бормотанье донеслось сквозь потолокъ къ прислушивавшимся молодымъ людямъ.

— Былъ онъ вчера вечеромъ дома? — спросилъ Фалькъ.

— Нѣтъ, онъ выходилъ.

— Съ друзьями или со знакомыми?

— Со знакомыми.

— И поздно вернулся домой?

— Довольно поздно.

— Скоро ли онъ сойдетъ внизъ, Андерсенъ, какъ вы думаете? Я не хотѣлъ бы подниматься изъ-за невѣстки.

— Онъ, навѣрно, скоро сойдетъ. Я слышу это по его шагамъ.

Въ это время они услышали, какъ наверху хлопнули дверь; они обмѣнялись многозначительными взглядами. Арвидъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая уйти, но удержался.

Черезъ нѣсколько мгновеній звуки уже доносились изъ конторы. Злой кашель потрясъ маленькую комнатку, а потомъ слышны были знакомые шаги, говорившіе: «топъ-топъ, топъ-топъ!»

Арвидъ зашелъ за прилавокъ и постучалъ въ дверь конторы.

— Войдите!

Арвидъ стоялъ передъ своимъ братомъ. Тотъ выгляделъ лѣтъ подь сорокъ, и столько ему и было, приблизительно, ибо онъ былъ на пятнадцать лѣтъ старше своего брата и поэтому, но также и по другимъ причинамъ, онъ привыкъ глядѣть на него, какъ на мальчика, которо-

му онъ былъ отцомъ. У него были русые волосы, свѣтлые усы, свѣтлыя брови и рѣсницы. Онъ былъ довольно полонъ и потому могъ такъ хорошо скрипѣть сапогами, визжавшими подъ тяжестью его плотной фигуры.

— А, это только ты? — спросилъ онъ съ легкимъ налетомъ благосклонности и презрѣнія, — два чувства, нераздѣльные для него, ибо онъ не сердился на тѣхъ, кто въ какомъ-нибудь отношеніи стоялъ ниже его, онъ презиралъ ихъ. Но кромѣ того онъ выглядѣлъ еще разочарованнымъ; ибо онъ ждалъ благодарнаго объекта для своего взрыва; братъ же былъ скромнень и робокъ отъ природы и никогда не противорѣчилъ безъ надобности.

— Я не мѣшаю тебѣ, братъ Карлъ? — спросилъ Арвидъ, остановившійся въ дверяхъ.

Этотъ покорный вопросъ имѣлъ слѣдствіемъ то, что братъ рѣшилъ проявить благоволеніе. Онъ взялъ самъ сигару изъ своего большого вышитаго кожанаго портсигара и предложилъ брату взять изъ ящика, стоявшаго вблизи камина, потому что эти сигары — сигары для посѣтителей, какъ онъ называлъ ихъ откровенно, а онъ былъ по природѣ откровеннымъ — перенесли кораблекрушеніе, что дѣлало ихъ очень интересными, хотя и не лучшими; и аукціонъ, что дѣлало ихъ очень дешевыми.

— Ну, что у тебя такое? — спросилъ Карлъ Николаусъ, закуривая свою сигару и пряча обгорѣлую спичку въ карманъ — изъ разсѣянности, ибо онъ могъ удержать мысли только въ одномъ кругу, не очень большомъ; его портной могъ бы сказать величину этого круга въ дюймахъ, если бы снялъ мѣрку его живота.

— Я хотѣлъ бы поговорить о нашихъ дѣлахъ, — сказалъ Арвидъ, вертя въ пальцахъ свою незакуренную сигару.

— Сядь! — скомандовалъ братъ.

Это было его обыкновеніемъ — сажать людей, когда онъ хотѣлъ ихъ пробрать, ибо тогда они были ниже его, и онъ легко могъ ихъ уничтожить — если это было нужно.

— Наши дѣла? Развѣ у насъ какія-нибудь дѣла другъ съ другомъ? — началъ онъ. — Ничего объ этомъ не знаю! Развѣ у тебя есть какія-нибудь дѣла?

— Я хотѣлъ только сказать, что желалъ бы знать, не долженъ ли я получить еще что-нибудь?

— Что же именно, позволь спросить? Быть можетъ, деньги? Что? — шутилъ Карлъ Николаусъ и пустилъ въ брата дымъ дорогой сигары.

Такъ какъ онъ не получилъ отвѣта, да и не желалъ его получить, ему пришлось говорить самому.

— Получить? Не получилъ ли ты все, что тебѣ слѣдовало? Не подписалъ ли ты самъ счетъ для опекуновъ? Не кормилъ ли я тебя послѣ того и не одѣвалъ, я хочу сказать, далъ ссуду, которую ты долженъ мнѣ возратить, когда сможешь, какъ ты самъ согласился! Я записалъ это, чтобы получить въ тотъ день, когда ты самъ сможешь зарабатывать свой хлѣбъ, а этого ты еще не можешь.

— Я какъ разъ хочу это теперь сдѣлать и поэтому я пришелъ сейчасъ сюда, чтобы выяснить, могу ли я еще ждать чего-нибудь или я долженъ...

Братъ бросилъ пронизывающій взглядъ на свою жертву, чтобы узнать, есть ли у него какія-нибудь заднія мысли. Послѣ этого онъ началъ шагать своими скрипящими сапогами по діагонали между плевательницей и стойкой для зонтовъ. Брелоки на часовой цѣпочкѣ звенѣли, какъ бы предостерегая людей попадаться ему на дорогѣ; табачный дымъ подымался и ложился длинными, угрожающими облаками, обѣщавшими, казалось, грозу. Онъ ходилъ порывисто, склонивъ голову и опустивъ плечи, какъ бы по-

вторяя роль. Когда ему показалось, что онъ ее знаетъ, онъ остановился передъ братомъ и заглянулъ ему въ глаза долгимъ, фальшивымъ, зеленымъ, какъ море, взглядомъ, который долженъ былъ выражать довѣріе и боль, и голосомъ, который долженъ былъ звучать такъ, какъ будто раздается изъ фамильнаго склепа на кладбищѣ св. Клары, онъ сказалъ:

— Ты не честенъ, Арвидъ! Ты не честенъ!

Какой слушатель, кромѣ Андерсена, подслушивавшаго за дверью, не былъ бы тронутъ этими словами, съ глубочайшей сердечной болью сказанными братомъ брату? Самъ Арвидъ, съ дѣтства приучившійся думать, что всѣ люди прекрасны и одинъ онъ гадокъ, подумалъ одно мгновеніе, честенъ ли онъ или нѣтъ; и такъ какъ его воспитаніе цѣлесообразными средствами привило ему очень чувствительную совѣсть, онъ нашель, что поступилъ не совсѣмъ честно или, по меньшей мѣрѣ, не совсѣмъ откровенно, не поставивъ своему брату прямо вопросъ, негодяй ли онъ.

— Я пришелъ къ выводу, — сказалъ онъ, — что ты обманулъ меня на часть моего наслѣдства, я высчиталъ, что ты слишкомъ дорого считалъ за плохой столъ и старое платье; я знаю, что мое состояніе не могло быть поглощено моимъ образованіемъ; и я думаю, что ты мнѣ долженъ довольно большую сумму: теперь она мнѣ нужна, и я прошу, чтобы ты уплатилъ мнѣ ее!

Улыбка освѣтила бѣлокурое лицо брата, и съ выраженіемъ, столь спокойнымъ и съ такими увѣренными жестами, какъ будто онъ упражнялся въ нихъ долгіе годы, чтобы быть готовымъ каждое мгновеніе встрѣтить рѣшительное слово, онъ засунулъ руку въ карманъ штановъ, потрясъ связкой ключей, подбросилъ ее въ воздухъ и благоговѣнно подошелъ къ кассѣ. Онъ открылъ ее скорѣй, чѣмъ

входило въ его намѣренія и чѣмъ допускала святость мѣста, вынулъ бумагу, ждавшую того же рѣшительнаго слова и передалъ ее брату.

— Это ты писалъ? Отвѣчай! Это ты писалъ?

— Да.

Арвидъ всталъ, чтобы идти.

— Нѣтъ, садись! Садись!

Если бы тутъ была собака, она навѣрно тотчасъ же сѣла бы.

— Что здѣсь написано? Читай! — Я, Арвидъ Фалькъ, свидѣтельствую, что я отъ брата моего Карла Николауса Фалька, назначеннаго моимъ опекуномъ, получилъ сполна мою часть наслѣдства общей суммой... и т. д.

Онъ стыдился назвать сумму.

— Ты значить подтверждаешь то, что ты не считаешь правдой! Честно ли это, — спрашиваю я? Нѣтъ, отвѣтъ на мой вопросъ! Честно ли это? Нѣтъ! Слѣдовательно, ты далъ ложное свидѣтельство. Значить, ты негодай! Да, да! Развѣ я не правъ?

Сцена была слишкомъ благодарна, и торжество слишкомъ велико, чтобы наслаждаться ими безъ публики. Невинно обвиненный долженъ былъ привлечь свидѣтелей: онъ стукнулъ въ дверь, ведущую въ лавку.

— Андерсенъ! — крикнулъ онъ. — Отвѣтъ мнѣ на одно! Но внимательно слушай! Если я даю ложное свидѣтельство, негодай я или нѣтъ?

— Конечно, вы, хозяинъ, негодай, — отвѣтилъ Андерсенъ, горячась и не задумываясь.

— Слыхалъ ли ты, онъ сказалъ, что я негодай, если я подпишу неправильную квитанцію! Что я говорилъ? Ты не честенъ, Арвидъ, ты не честенъ! Это я тоже всегда говорилъ тебѣ! Добродушные люди очень часто — негодаи;

ты всегда былъ добродушнымъ и уступчивымъ, но я видѣлъ, что ты таишь другія мысли; ты негодай! Это говорилъ и твой отецъ, ибо онъ всегда говорилъ, что думалъ, и былъ порядочнымъ человѣкомъ, Арвидъ, а ты — не таковъ! И будь увѣренъ, что если бы онъ жилъ еще, съ болью и тоской сказалъ бы онъ: «Ты не честенъ, Арвидъ! Ты — не честенъ!»

Онъ опять нѣсколько разъ прошелся по діагонали, и это звучало, какъ будто онъ ногами аплодировалъ своей сценѣ, и онъ звонилъ ключами, какъ бы давая знакъ къ подачѣ занавѣса. Заключительная реплика была такъ закруглена, что всякое добавленіе испортило бы впечатлѣніе цѣлаго. Несмотря на тяжкое обвиненіе, котораго онъ на самомъ дѣлѣ давно ждалъ, ибо всегда думалъ, что у брата неискреннее сердце, онъ былъ доволенъ, что оно миновало, и такъ счастливо, удачно и остроумно миновало, что онъ чувствовалъ себя почти веселымъ и даже нѣсколько благодарнымъ. Кромѣ того, ему представился такой хорошій случай сорвать на комъ-нибудь свою злобу, которая у него возникла наверху, въ лонѣ семьи; срывать ее на Андерсенѣ—это съ годами потеряло свою прелесть; срывать его на женѣ онъ потерялъ охоту.

Арвидъ смолкъ; онъ былъ человѣкомъ, котораго воспитаніе сдѣлало настолько робкимъ, что ему всегда казалось, что онъ неправъ; онъ съ дѣтства ежедневно и ежедневно выслушивалъ ужасныя слова: «порядочно, честно, откровенно, правдиво», такъ что они стояли передъ нимъ какъ судья, вѣчно твердившій ему: «виновенъ!» Одну секунду онъ подумалъ, что онъ ошибся въ своихъ вычисленіяхъ, что братъ невиновенъ и что онъ самъ, дѣйствительно, негодай; но въ слѣдующее мгновеніе онъ уже видѣлъ въ братѣ обманщика, надувшаго его простой адвокатской

уловкой; и онъ хотѣлъ бѣжать, не вступая въ споръ, бѣжать, не сдѣлавъ ему своего заявленія № 2, именно о томъ, что онъ рѣшилъ переимѣнить поприще.

Пауза продлилась дольше, чѣмъ была задумана. Карлъ Николаусъ имѣлъ время мысленно измѣрить свое торжество. Словечко «негодяй» пришлось ему по вкусу, оно ему такъ было пріятно, какъ будто онъ сказалъ «вонъ!» А открыванье двери и отвѣтъ Андерсена, и появленіе бумаги,—все сошло такъ хорошо; связку ключей онъ не забылъ на ночномъ столикѣ, замокъ отперся безъ затрудненія, доказательство было крайне связно, и выводъ былъ удочкой, поймавшей шуку. Хорошее настроеніе вернулось къ нему; онъ простилъ, нѣтъ, онъ забылъ, все забылъ, и когда онъ захопнулъ кассу, онъ навсегда замкнулъ непріятную исторію. Но онъ не захотѣлъ такъ разставаться съ братомъ; у него была потребность поговорить съ нимъ о чемъ-нибудь другомъ, набросать нѣсколько пригоршней болтовни на непріятную тему, увидѣть брата при обыденныхъ обстоятельствахъ, хотя бы за столомъ, ѣдящимъ и пьющимъ; люди всегда имѣютъ довольный видъ, когда они ѣдятъ и пьютъ, а онъ хотѣлъ видѣть его довольнымъ; онъ хотѣлъ видѣть его лицо спокойнымъ и не слышать дрожи въ его голосѣ, и онъ рѣшилъ пригласить его завтракать. Трудность заключалась теперь въ томъ, чтобы найти переходъ, подходящий мостикъ, чтобы перешагнуть черезъ пропасть. Онъ искалъ въ головѣ и не нашелъ ничего. Онъ искалъ въ карманѣ и нашелъ... спичку.

— Чортъ дері, ты не закурилъ сигару, малый! — сказалъ онъ съ искренной, нелицемѣрной теплотой.

Но малый такъ искрошилъ во время разговора свою сигару, что она не могла больше горѣть.

— Вотъ тебѣ другую!

Онъ вытащилъ свой большой кожаный портсигаръ.

— Вотъ, возьми! Это хорошія сигары!

Братъ, не бывшій въ состояніи обидѣть кого бы то ни было, принялъ предложенное съ благодарностью, какъ протянутую руку.

— Такъ, малый, — продолжалъ Карлъ Николаусъ и заговорилъ пріятнымъ компанейскимъ тономъ, которымъ такъ хорошо умѣлъ пользоваться, — пойдемъ въ ближайшій ресторанъ и позавтракаемъ! Пойдемъ!

Арвидъ, не привыкшій къ любезности, былъ такъ тронуть, что поспѣшно пожалъ руку брата и выбѣжалъ вонъ черезъ лавку на улицу, не прощаясь съ Андерсеномъ.

Братъ остоленѣлъ, этого онъ не могъ понять; убѣжать, когда его пригласили къ завтраку; убѣжать, когда онъ не сердился! Убѣжать! Этого не сдѣлала бы собака, если бы ей бросили кусокъ мяса!

— Это такъ страшно! — пробормоталъ онъ и зашагалъ. Потомъ онъ подошелъ къ своей конторкѣ, подвинутилъ табуретъ, какъ только можно было, и влѣзъ на него. Съ этого возвышеннаго мѣста онъ взиралъ на людей съ болѣе высокой точки зрѣнія и находилъ ихъ маленькими, но не настолько, чтобы они не годились для его цѣлей.

III.

Былъ девятый часъ того прекраснаго майскаго утра, когда Арвидъ Фалькъ послѣ сцены у брата шелъ внизъ по улицамъ, недовольный собой, недовольный братомъ и недовольный всѣмъ свѣтомъ. Онъ желалъ бы, чтобы небо покрывлось облаками и чтобы самъ онъ попалъ въ плохое

общество. Что онъ негодай, этому онъ вполне вѣрилъ, но все же онъ не былъ собою доволенъ; онъ такъ привыкъ предъавлять къ себѣ высокія требованія, и ему такъ было вколочено, что въ братѣ онъ долженъ видѣть нѣчто въ родѣ вотчима, къ которому онъ долженъ былъ питать большое уваженіе, почти благоговѣніе. Но всплывали и другія мысли, и онѣ тревожили его. Онъ былъ безъ денегъ и безъ дѣла. Послѣднее было пожалуй худшимъ, ибо бездѣлье при его вѣчно бодрствующей фантазіи было для него злымъ врагомъ.

Въ непріятномъ размышленіи вышелъ онъ на Горденгатавъ; онъ пошелъ по лѣвому тротуару, миновалъ драматическій театръ и вскорѣ вышелъ на улицу Норландъ; безъ цѣли шелъ онъ все дальше; вскорѣ мостовая стала неровной, деревянные домики стали попадаться вмѣсто каменныхъ домовъ; плохо одѣтые люди кидали недовѣрчивые взгляды на хорошо одѣтаго господина, такъ рано посѣтившаго ихъ кварталъ; исхудавшія собаки угрожающе рычали на чужого; среди группъ артиллеристовъ, рабочихъ, служащихъ въ пивныхъ, прачекъ и мальчишекъ прошелъ онъ конецъ улицы Норландъ и вошелъ въ Хмельный Садъ. Коровы генераль-фельдцейхмейстера уже начали пастись; старья, голыя яблони дѣлали первыя попытки пустить почки; липы уже позеленѣли, и бѣлки играли въ верхушкахъ. Онъ прошелъ мимо карусели и попалъ въ аллею, ведущую къ театру; тамъ сидѣли мальчишки, удравшіе изъ школы, и играли въ пуговицы; нѣсколько дальше подмастерье маляра лежалъ на спинѣ въ травѣ и смотрѣлъ сквозь высокій сводъ зелени на облака; онъ такъ беззаботно насвистывалъ, какъ будто ни мастеръ ни товарищи не ждали его, а мухи и другія насѣкомыя слетались и топились въ его горшкахъ съ красками.

Фалькъ пришелъ къ Утиному пруду; тамъ онъ остано-
вился, изучая разновидности лягушекъ, наблюдалъ пѣвокъ
и поймалъ водяного жучка. Затѣмъ онъ занялся бросань-
емъ камешковъ въ воду. Это привело его къ дви-
женію, и онъ почувствовалъ себя помолодѣвшимъ, почув-
ствовалъ себя мальчишкой, удравшимъ изъ школы, сво-
боднымъ, гордо свободнымъ. Ибо это была свобода,
купленная довольно большой жертвой. При мысли, что
онъ свободенъ и свободно можетъ общаться съ природой,
которую онъ понималъ лучше, чѣмъ людей, только уни-
жавшихъ его и старавшихся сдѣлать его дурнымъ, онъ
обрадовался, и вся тревога исчезла изъ его сердца; онъ
всталъ, чтобы продолжать свой путь изъ города.

Онъ вышелъ на Сѣверную Хмельную улицу. Тамъ онъ
увидѣлъ, что въ заборѣ напротивъ выломано нѣсколько
досокъ и что дальше вытоптана тропинка. Онъ пролѣзъ
сквозь отверстие и вспугнулъ старую женщину, собирающую
крапиву. Онъ пошелъ черезъ большія табачныя поля, гдѣ
теперь была дачная колонія, и очутился у дверей «Лилль-
Янсъ».

Здѣсь весна дѣйствительно распустилась надъ малень-
кимъ, красивомъ поселкомъ, съ его тремя хижинами среди
цвѣтушей сирени и яблонь, защищенными отъ сѣвернаго
вѣтра сосновымъ лѣсомъ, по ту сторону шоссе. Это была
совершеннѣйшая идиллія. Пѣтухъ сидѣлъ на оглоблѣ во-
дovозной телѣжки и пѣлъ; цѣпная собака валялась на
солнцѣ и ловила мухъ, пчелы тучей стояли надъ ульями;
садовникъ стоялъ на колѣняхъ у парника и полоть ре-
дису; синицы и овсянки пѣли въ крыжовникѣ; полуодѣтыя
дѣти отгоняли куръ, которыя стремились испытать всхо-
жесть разныхъ только что посѣянныхъ сѣмянъ. Надъ всѣмъ
распростиралось свѣтло-голубое небо, и сзади чернѣлъ лѣсъ.

Около парниковъ въ тѣни забора сидѣли два человѣка. На одномъ была высокая черная шляпа, потертая черная одежда, лицо его было длинное, узкое и блѣдное, и онъ имѣлъ видъ священника. Другой представлялъ собою типъ цивилизованнаго крестьянина, съ полнымъ тѣломъ, съ опущенными вѣками, монгольскими усами; онъ былъ плохо одѣтъ и былъ похожъ на что угодно—на бродягу, на ремесленника или на художника; видъ у него былъ обнищальный, но своеобразно обнищальный.

Худой, котораго, казалось, мерзъ, несмотря на то, что солнце грѣло его, читалъ толстому—что-то громко по книжкѣ; у того былъ видъ, какъ будто онъ испыталъ всѣ климаты всей земли и всѣ ихъ переноситъ спокойно.

Худой читалъ сухимъ, монотоннымъ голосомъ, лишеннымъ всякаго звука, а толстый отъ поры до времени выражалъ свое удовлетвореніе фырканьемъ, иногда превращавшимся въ хрюканье, и, наконецъ, онъ отплеывался, когда слова мудрости, которыя онъ слышалъ, превосходили обычную человѣческую мудрость. Длинный читалъ:

«Высшихъ основоположеній, какъ сказано, три: одно абсолютно необходимое и два относительно необходимыхъ. Рго primo: абсолютно первое, чисто безусловное основоположеніе должно выражать дѣйствіе, лежащее въ основѣ всякаго сознанія и дѣлающее его возможнымъ. Это основоположеніе — тождество, $A=A$. Оно неопровержимо и не можетъ быть никоимъ образомъ устранено, если устранить всѣ эмпирическія опредѣленія сознанія. Оно основной фактъ сознанія и потому необходимо должно быть признаннымъ; кромѣ того оно не является условнымъ, какъ всякое другое эмпирическое положеніе, но, какъ слѣдствіе и содержаніе свободнаго дѣйствія, оно безусловно».

- Понимаешь, Олэ?— прервалъ чтецъ.

— О, это восхитительно! Оно не является условнымъ, какъ всякое другое эмпирическое положеніе. О, какой человѣкъ! Дальше, дальше.

«Если утверждать, — продолжалъ чтець, — что это положеніе достовѣрно безъ всякаго дальнѣйшаго основанія»...

— Послушай-ка, какой мошенникъ: «достовѣрно безъ всякаго дальнѣйшаго основанія», — повторилъ благодарный слушатель, хотѣвшій тѣмъ стряхнуть съ себя всякое подозрѣніе въ томъ, что онъ не понимаетъ. — «Безъ всякаго дальнѣйшаго основанія» — какъ тонко, вмѣсто того чтобы сказать просто: «безъ всякаго основанія».

— Продолжать мнѣ? Или ты намѣренъ прерывать меня еще часто? — спросилъ обиженный чтець.

— Я не буду тебя больше прерывать; дальше, дальше.

— Такъ, теперь заключеніе (дѣйствительно великолѣпно): «если присвоиваешь себѣ способность, что-нибудь допустить»...

Олэ фыркнулъ.

...«то устанавливаешь этимъ не А (А большое), а только то, что $A=A$, если и поскольку А вообще существуетъ».

«Дѣло и идетъ не о содержаніи положенія, но лишь о его формѣ. Положеніе $A=A$ такимъ образомъ по содержанію своему условно (гипотетично) и лишь по формѣ своей безусловно».

— Обратилъ ли ты вниманіе на то, что это — А большое.

Фалькъ услышалъ достаточно, это была ужасно глубокая философія Упсалы, заблудившаяся до этихъ мѣстъ, чтобы покорить грубую натуру столичнаго жителя; онъ взглянулъ, не свалились ли куры съ нашествовъ и не прекратила ли свой ростъ петрушка, слушая самое глубокое, что когда-либо говорилось на человѣческомъ языкѣ въ «Лилль-Янсѣ». Онъ былъ удивленъ, что небо еще на своемъ мѣ-

стѣ, несмотря на то, что оно было свидѣтелемъ такого испытанія мощи человѣческаго духа. Одновременно съ этимъ его низменная человѣческая природа стала настаивать на своихъ правахъ: онъ почувствовалъ, что его горло пересохло, и рѣшилъ зайти въ одну изъ хижинъ и попросить стаканъ воды.

Онъ повернулся и подошелъ къ той хижинѣ, которая стоитъ направо отъ дороги, если итти отъ города. Дверь большой комнаты, когда-то бывшей кухней, была открыта въ сѣни, которыя были не больше чемодана. Въ комнатѣ находились только нары, сломанный стулъ, мольбертъ и двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ стоялъ передъ мольбертомъ, одѣтый только въ рубашку и брюки, которыя поддерживались пояскомъ. Онъ былъ похожъ на подмастерья, но былъ художникомъ, такъ какъ писалъ эскизъ къ алтарной картинѣ. Другой былъ молодой человѣкъ съ тонкими чертами и въ дѣйствительно изяшномъ, въ сравненіи съ комнатой, костюмѣ. Онъ снялъ сюртукъ, завернулъ рубашку и служилъ теперь художнику натурщикомъ. Его красивое, благородное лицо носило слѣды бурно проведенной ночи, и время отъ времени онъ понижалъ голову; но этимъ онъ навлекалъ на себя упреки художника, который, казалось, взялъ его подъ свое покровительство. Фалькъ, входя въ сѣни, какъ разъ услышалъ заключительные аккорды такого выговора.

— Какъ ты можешь быть такой свиньей, чтобы ходить пьянствовать съ этимъ гулякой Селленомъ. Теперь ты тутъ теряешь утро, вмѣсто того, чтобы быть въ торговой школѣ! Правое плечо нѣсколько выше! Такъ! Ужели же ты прокутилъ всю квартирную плату, такъ что не осмѣливаешься итти домой? У тебя ничего больше нѣтъ? Ни слѣда больше?

— О, кое-что у меня еще есть, но этого ненадолго хватить.

Молодой человек достал бумажку из своего кармана и развернул ее, при чемъ показались двѣ кроны.

— Дай сюда, я спрячу ихъ,— сказалъ художникъ и отечески взялъ ихъ себѣ.

Фалькъ, тщетно старавшійся дать себя замѣтить, счелъ за лучшее уйти такъ же незамѣтно, какъ пришелъ. Онъ опять прошелъ мимо двухъ философовъ и завернулъ направо. Онъ недалеко прошелъ, когда замѣтилъ молодого человека, поставившаго мольбертъ передъ маленькимъ, поросшимъ ветлами обрывомъ, тамъ, гдѣ тотчасъ же начинался лѣсъ. Это была тонкая, стройная, изящная фигура съ острымъ, темнымъ лицомъ; все его существо было исполнено сверкающей жизни, когда онъ стоялъ передъ красивой картиной и работалъ. Онъ снялъ шляпу и сюртукъ и, казалось, чувствовалъ себя прекрасно и былъ въ отличномъ настроеніи. То онъ свистѣлъ, то напѣвалъ что-то, то разговаривалъ самъ съ собою.

Когда Фалькъ подошелъ такъ близко, что онъ увидѣлъ его профиль, онъ обернулся:

— Селленъ! Здорово, старый пріятель!

— Фалькъ? Старые знакомые въ лѣсу! Что это значить, Бога ради? Развѣ ты въ это время дня не бываешь въ своемъ бюро?

— Нѣтъ! А ты развѣ живешь здѣсь?

— Да, я перваго апрѣля переселился сюда съ нѣсколькими знакомыми; жить въ городѣ стало слишкомъ дорого, да и хозяева такъ несносны!

Лукавая улыбка заиграла въ одномъ углу рта, и каріе глаза заблестѣли.

— Такъ,—заговорилъ опять Фалькъ,— тогда ты, можетъ

быть, знаешь тѣхъ, что сидѣли тамъ у парниковъ и что-то изучали?

— Конечно. Длинный—сверхштатный въ аукціонномъ присутствіи на 80 кронъ въ годъ, а короткій—Олэ Монтанусъ, долженъ былъ бы въ сущности сидѣть дома и быть скульпторомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ Игбергомъ добрѣлъ до философіи, онъ пересталъ работать и теперь онъ быстро идетъ назадъ. Онъ увѣряетъ, что скульптура есть нѣчто чувственное!

— Но чѣмъ же онъ существуетъ?

— Въ сущности, ничѣмъ! Иногда онъ позируетъ практичному Лунделю, и тотъ даетъ ему за это кусокъ хлѣба съ колбасой; а потомъ зимой онъ можетъ валяться у него на полу, ибо это «все же нѣсколько грѣетъ», говоритъ Лундель, такъ какъ дрова дороги; а здѣсь было очень холодно въ апрѣлѣ.

— Какъ можетъ онъ позировать, вѣдь онъ выглядитъ какъ Квазимодо?

— На снятіи съ креста онъ изображаетъ того разбойника, кости котораго уже сломаны; если онъ свѣшивается черезъ спинку стула, то это выходитъ очень хорошо. Иногда ему приходится обращаться спиной къ художнику, тогда онъ второй разбойникъ.

— Почему же онъ самъ ничего не дѣлаетъ? Развѣ у него нѣтъ таланта?

— Олэ Монтанусъ, дорогой мой, гений, но онъ не хочетъ работать; онъ философъ и сталъ бы великимъ человекомъ, если бы онъ только могъ учиться. Поистинѣ, замѣчательно слушать, когда онъ толкуетъ съ Игбергомъ; конечно, Игбергъ больше читалъ, но у Монтануса такая голова, что онъ порой его ставитъ втупикъ; тогда Игбергъ

уходить и продолжаетъ читать; но никогда не даетъ Монтанусу своей книги.

— Такъ, значить, вамъ нравится философія Игберга?—спросилъ Фалькъ.

— О, да, она такъ тонка, такъ тонка! Вѣдь ты любишь Фихте? О, что это за человекъ!

— А кто это тамъ, двое въ хижинѣ?—прервалъ его Фалькъ, не любившій Фихте.

— А, такъ ты ихъ тоже видѣлъ? Одинъ изъ нихъ практичный Лундель, жанровый или церковный живописецъ, другой—мой другъ Ренгельмъ.

— Ренгельмъ?

— Да, очень славный малый.

— И онъ позировалъ.

— Неужели? Ахъ, этотъ Лундель! Онъ умѣетъ использовать людей! Удивительно практичный малый. Но пойдѣмъ, зайдѣмъ подразнимъ его; это здѣсь самое забавное; тогда ты, можетъ, услышишь и Монтануса, а это дѣйствительно интересно.

Менѣе привлекаемый возможностью слушать Монтануса, чѣмъ желаніемъ получить стаканъ воды, Фалькъ пошелъ за Селлсомъ, помогая ему нести мольбертъ и ящикъ.

Въ хижинѣ сцена перемѣнилась теперь въ томъ отношеніи, что натурщикъ сидѣлъ теперь на сломанномъ стулѣ и что Монтанусъ и Игбергъ расположились на лежанкѣ. Лундель стоялъ передъ мольбертомъ и что-то накуривалъ своимъ бѣднымъ товарищамъ на хрипящей деревянной трубкѣ; тѣ же радовались одному присутствію трубки.

Когда Фалькъ былъ представленъ, Лундель сейчасъ же заставилъ его высказаться насчетъ картины. Она оказалась произведеніемъ Рубенса, по меньшей мѣрѣ по ма-

теріалу, если не по колориту и не по рисунку. Послѣ этого Лундель сталъ жаловаться на тяжелыя времена для художника, ниспровергъ академію и обругалъ правительство, ничего не дѣлающее для національнаго искусства. Онъ теперь писалъ эскизъ для алтарной живописи, но былъ увѣренъ, что онъ не будетъ принятъ, такъ какъ безъ интригъ и протекціи ничего нельзя достигнуть. При этомъ онъ бросилъ испытующій взглядъ на одежду Фалька, чтобы узнать, не годится ли онъ въ качествѣ протекціи.

Другое впечатлѣніе произвелъ приходъ Фалька на обоихъ философовъ. Эти тотчасъ же открыли въ немъ «ученаго» и возненавидѣли его, такъ какъ онъ могъ отнять у нихъ то уваженіе, которымъ они пользовались въ маленькомъ кружкѣ. Они обмѣнялись многозначительными взглядами, которые были тотчасъ же поняты Селленомъ, не устоявшимъ передъ искушеніемъ показать своихъ друзей въ полномъ блескѣ и, если возможно, устроить столкновеніе. Онъ вскорѣ нашелъ яблоко раздора, нацѣлился, бросилъ его и попалъ.

— Что скажешь ты о картинѣ Лунделя, Игбергу?

Игбергу, не ожидавшему, что ему такъ скоро придется говорить, пришлось подумать нѣсколько секундъ. Послѣ этого онъ отвѣтилъ повышеннымъ голосомъ, въ то время какъ Олэ теръ ему спину, чтобы онъ прямѣе держался:

— Произведеніе искусства, по-моему, можетъ быть разложено на двѣ категоріи: содержаніе и форму. Что касается до содержанія этого произведенія, то оно глубоко и всечеловѣчно; тема, какъ таковая, сама по себѣ благодарна и содержитъ всѣ тѣ понятія и возможности, которые могутъ явиться въ художественномъ творествѣ. Что же касается формы, которая должна являть въ себѣ «де

facto» понятіе, такъ сказать, абсолютную идентичность, бытіе,—то я не могу не найти ее менѣе адекватной.

Лундель былъ польщенъ рецензіей, Олэ улыбался самой солнечной улыбкой, какъ бы видя небесныя воинства, натурщикъ спалъ, а Селленъ нашель, что Игбергъ добился полнѣйшаго успѣха. Теперь всѣ взоры обратились на Фалька, который долженъ былъ поднять брошенную перчатку,— это было общимъ убѣжденіемъ.

Фальку было въ равной мѣрѣ забавно и досадно; онъ искалъ въ старыхъ кладовыхъ своей памяти какаго-нибудь философскаго самострѣла, когда онъ увидѣлъ Олэ Монтануса, у котораго подъ конецъ сдѣлалась судорога лица, что означало, что онъ хочетъ говорить. Фалькъ на удачу зарядилъ свое ружье Аристотелемъ и выпалилъ:

— Что вы понимаете подъ словомъ «адекватный»? Я не припоминаю, чтобы Аристотель употреблялъ это слово въ своей метафизикѣ.

Стало совсѣмъ тихо въ комнатѣ, и чувствовалось, что началось сраженіе стокгольмской колоніи художниковъ и упсальскаго университета. Пауза продлилась дольше, чѣмъ было желательно, ибо Игбергъ не зналъ Аристотеля и охотнѣе умеръ бы, чѣмъ сознался бы въ этомъ. Такъ какъ онъ не былъ догадливъ, онъ не замѣтилъ брешь, оставленную Фалькомъ; но это сдѣлалъ Олэ; онъ подхватилъ пушечнаго Аристотеля, подхватилъ его обѣими руками и швырнулъ имъ обратно въ противника.

— Хотя я и не ученъ, я все же осмѣлюсь спросить, опрокинули ли вы, господинъ Фалькъ, аргументъ вашего противника. Я думаю, что можно поставить слово «адекватный» въ логическомъ выводѣ, несмотря на то, что Аристотель не упоминаетъ этого слова въ своей метафизикѣ.

Правъ ли я, господа? Не знаю, я не ученый человекъ, а господинъ Фалькъ изучалъ эти вещи.

Онъ говорилъ съ полуопущенными вѣками; теперь онъ совсѣмъ опустилъ ихъ и выглядѣлъ пристыженнымъ и робкимъ.

— Олэ правъ,—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Фалькъ почувствовалъ, что надо взяться за дѣло безъ перчатокъ, если хочешь спасти честь Упсалы; онъ сдѣлалъ вольтъ философской колодой и кинулъ туза.

— Господинъ Монтанусъ отрицаетъ предпосылку или, попросту, говоритъ него *maïorem!* Ладно! Я опять таки объявляю, что онъ повиненъ въ *posterius prius*; когда онъ хотѣлъ сдѣлать выводъ, онъ ошибся и сдѣлалъ силлогизмъ по *ferioque*, вмѣсто по *barbara*; онъ забылъ золотое правило: *Caesare Camestres festino barocco secundo*; и поэтому выводъ его сталъ лимитативнымъ! Не правъ ли я, господа?

— Конечно, конечно,—отвѣтили всѣ, кромѣ обоихъ философовъ, никогда не державшихъ въ рукахъ логики.

У Игберга былъ такой видъ, какъ будто онъ укусилъ гвоздь, Олэ скалилъ зубы, какъ будто ему въ глаза попалъ нюхательный табакъ; но такъ какъ онъ былъ хитрый малый, онъ открылъ тактику своего противника. Онъ мгновенно рѣшилъ не отвѣчать на вопросъ, а говорить о другомъ. Поэтому онъ выгребъ изъ своей памяти все, чему учился и что слышалъ, онъ началъ съ реферата о гносеологiи Фихте, который Фалькъ уже слышалъ передъ этимъ черезъ заборъ; это затянулось до полудня.

Въ это время Лундель продолжалъ писать и храпѣлъ своей кислой деревянной трубкой; натурщикъ заснулъ на сломанномъ стулѣ, и голова его опускалась все глубже и глубже, пока къ полудню она совсѣмъ не свалилась ему

на колѣни; математикъ могъ бы опредѣлить, когда она достигнетъ центра земли.

Селленъ сидѣлъ у открытаго окна и наслаждался; но бѣдный Фалькъ, мечтавшій о концѣ этой ужасной философіи долженъ былъ брать цѣлыя пригоршни философскаго табаку и бросать его въ глаза своимъ противникамъ; муки эти никогда бы не кончились, если бы центръ тяжести натурщика понемногу не перемѣстился въ сторону самой чувствительной точки стула, такъ что тотъ съ трескомъ развалился, и баронъ упалъ на землю. Лундель воспользовался случаемъ, чтобы высказаться о порокахъ пьянства и его тяжкихъ послѣдствіяхъ для пьющаго и другихъ (онъ подразумѣвалъ себя самого).

Фалькъ, старавшійся помочь юношѣ выйти изъ его смущенія, поспѣшилъ выдвинуть вопросъ, который долженъ былъ представлять общій интересъ:

— Гдѣ, господа, сегодня будете обѣдать?

Стало такъ тихо, что слышно было жужжаніе мухъ. Фалькъ не зналъ, что онъ наступилъ сразу на пять мозолей. Лундель первый прервалъ молчаніе. Онъ и Ренгельмъ собирались обѣдать въ «Печномъ Горшкѣ», гдѣ они обѣдали потому, что пользовались тамъ кредитомъ. Селленъ не хотѣлъ ѣсть тамъ, потому что былъ недоволенъ кухней, и онъ еще не намѣтилъ ресторана; при этой лжи онъ бросилъ вопросительный, боязливый взглядъ на натурщика. У Игберга и Монтануса было «слишкомъ много дѣла», и и они не хотѣли «портить рабочій день» тѣмъ, что «одѣнутся и пойдутъ въ городъ»; они достанутъ себѣ что-нибудь здѣсь; что именно, они не сказали.

Послѣ этого приступили къ туалету, состоявшему, главнымъ образомъ, въ умываніи у стараго колодца. Селленъ, бывшій все же франтомъ, вынулъ изъ-подъ скамьи пакетъ,

завернутый въ газетную бумагу, изъ котораго онъ вынулъ воротничокъ, манжеты и манишку—все бумажное; затѣмъ онъ долгое время стоялъ на колѣняхъ надъ отверстіемъ колодца, чтобы повязать въ качествѣ галстука коричнева-то-зеленую шелковую ленту, полученную въ подарокъ отъ дѣвушки, и особымъ образомъ причесать волосы; вычистивъ потомъ сапоги листомъ лопуха и шляпу рукавомъ, воткнувъ гіацинтъ въ петлицу и взявъ камышевую трость въ руки, онъ былъ готовъ. На его вопросъ, скоро ли придетъ Ренгельмъ, Лундель отвѣтилъ, что онъ будетъ свободенъ лишь черезъ нѣсколько часовъ, такъ какъ онъ долженъ помочь ему рисовать; Лундель имѣлъ обыкновеніе рисовать между двѣнадцатю и двумя. Ренгельмъ былъ покоренъ и повиновался, хотя ему и было тяжело разстаться со своимъ другомъ Селленомъ, котораго онъ любилъ, тогда какъ Лундель ему былъ, поистинѣ, отвратителемъ.

— Мы, во всякомъ случаѣ, встрѣтимся сегодня вечеромъ въ «Красной Комнатѣ!» — утѣшалъ Селленъ, и съ этимъ всѣ согласились, даже философы и моралистъ Лундель.

По дорогѣ въ городъ Селленъ посвятилъ Фалька во всѣ тайны колонистовъ. Онъ самъ порвалъ съ академіей, потому что взгляды его на искусство были совсѣмъ различны; онъ зналъ, что обладаетъ талантомъ и что когда-нибудь добьется успѣха, если до этого и пройдетъ много времени; конечно, было очень трудно создать себѣ имя безъ королевской медали. И естественныя препятствія воздвигались на его пути: онъ родился на безлѣсномъ побережѣ округа Галландъ и привыкъ любить величіе и простоту этой природы; публика же и критика любила какъ разъ въ это время детали, мелочи; поэтому его не покупали; онъ могъ бы писать какъ другіе, но этого онъ не хотѣлъ.

Лундель же, наоборотъ, былъ человѣкомъ практичнымъ, — Селленъ выговаривалъ «практичный» всегда съ презрѣніемъ; онъ писалъ по вкусу и желанію толпы; онъ никогда не страдалъ безсиліемъ; онъ, дѣйствительно, покинулъ академію, но изъ-за тайныхъ практическихъ цѣлей и совѣмъ онъ съ ней не порвалъ, хотя и рассказывалъ это повсюду. Онъ имѣлъ довольно хорошія заработокъ рисунками для журналовъ; несмотря на незначительность таланта, онъ долженъ когда-нибудь имѣть успѣхъ, какъ вслѣдствіе своихъ связей, такъ и вслѣдствіе интригъ; послѣднимъ онъ научился у Монтануса, уже создавшаго нѣсколько плановъ, успѣшно осуществленныхъ Лунделемъ, а Монтанусъ—это былъ геній, хотя онъ былъ страшно непрактиченъ.

Ренгельмъ былъ сыномъ бывшаго богача на сѣверѣ въ Норландѣ. Отецъ имѣлъ большое имѣніе, которое однако потомъ перешло въ руки управляющаго. Теперь старый дворянинъ былъ довольно бѣденъ, и желаніе его было, чтобы сынъ извлекъ урокъ изъ прошлаго и въ качествѣ управляющаго добылъ бы снова имѣніе; поэтому онъ посѣщалъ торговую школу, чтобы изучать сельскохозяйственную бухгалтерію, которую онъ ненавидѣлъ. Это былъ славный малый, но нѣсколько слабовольный, и онъ подчинялся хитрому Лунделю, который не пренебрегалъ получать натурой гонораръ за свою мораль и защиту.

Тѣмъ временемъ Лундель и баронъ принялись за работу, т.-е. баронъ рисовалъ, а учитель легъ на лежанку и наблюдалъ за его работой, т.-е. курилъ.

— Если ты будешь прилеженъ, ты можешь пойти со мной обѣдать въ «Оловянную Пуговицу»,—обѣщалъ Лундель, чувствовавшій себя богатымъ съ тѣми двумя кронами, которыя онъ спасъ отъ гибели.

Игбергъ и Монтанусъ скрылись на лѣсистый холмъ, чтобы проспать середину дня. Олэ сіялъ послѣ своихъ побѣдъ, но Игбергъ былъ мраченъ: онъ былъ превзойденъ своимъ ученикомъ. Кромѣ того, у него озябли ноги, и онъ былъ необычайно голоденъ, ибо оживленный разговоръ о фдѣ пробудилъ въ немъ дремавшія чувства, не прорывавшіяся цѣлый годъ наружу. Они легли подъ сосну; Игбергъ спряталъ подъ голову драгоцѣнную книгу, которую онъ никогда не хотѣлъ давать Олэ, и вытянулся во всю свою длину. Онъ былъ блѣденъ какъ трупъ, холоденъ и покоенъ какъ трупъ, потерявшій надежду на возстаніе изъ мертвыхъ. Онъ смотрѣлъ, какъ маленькія птицы надъ его головой клевали стволъ сосны и бросали въ него чешуйки; онъ смотрѣлъ, какъ пыщащая здоровьемъ корова паслась среди осинъ, и видѣлъ, какъ подымается дымъ изъ трубы у садовника.

— Ты голоденъ, Олэ? — спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Олэ и кинулъ голодный взглядъ въ сторону чудесной книги.

— Эхъ, быть бы короной! — вздохнулъ Игбергъ, сложилъ руки на груди и предалъ душу свою милосердному сну.

Когда его тихое дыханіе стало совсѣмъ правильнымъ, бодрствующій другъ его осторожно вытащилъ книгу, не нарушая его сонъ; затѣмъ онъ легъ на животъ и сталъ поглощать драгоцѣнное содержаніе книги, совсѣмъ забывая при этомъ о «Печномъ Горшкѣ» и «Оловянной Пуговицѣ».

IV.

Прошло нѣскольکو дней. Двадцатидвухлѣтняя жена Карла Николауса только что выпила свой кофе въ постели, въ колоссальной постели краснаго дерева въ просторной спальнѣ. Было еще только десять часовъ. Мужъ ушелъ съ семи часовъ и принималъ внизу на пристани ленъ. Но не потому, что она надѣялась на то, что онъ не скоро вернется, молодая женщина позволила себѣ такъ долго оставаться въ постели, хотя это не нарушало обычая въ дома. Она была только два года замужемъ, но уже успѣла провести реформы въ старомъ, консервативномъ мѣщанскомъ домѣ, гдѣ все было старо, даже прислуга; и эту власть она получила, когда ея мужъ объяснялся ей въ любви и она дала ему свое согласіе, т.-е. милостиво разрѣшила освободить себя изъ ненавистнаго родительскаго дома, гдѣ она должна была вставать въ шесть часовъ, чтобы цѣлый день работать. Она хорошо использовала то время, когда была невѣстой; она собрала всѣ гарантіи, чтобы имѣть право вести личную жизнь, свободную отъ вмѣшательства мужа; правда, эти гарантіи состояли только изъ обѣщаній, данныхъ человекомъ въ любовной горячкѣ, но она, остававшаяся въ полномъ сознаніи, приняла ихъ и записала ихъ въ своей памяти. Мужъ же, наоборотъ, былъ склоненъ послѣ двухлѣтней, бездѣтной брачной жизни забыть всѣ эти обязательства въ томъ, что жена можетъ спать сколько захочетъ, пить кофе въ постели и т. д.; онъ былъ даже настолько не великодушенъ, что напомнилъ ей, что извлекъ ее изъ тины и при этомъ при-

несъ себя въ жертву! Онъ совершилъ mesalliance — ея отецъ былъ сигнальщикомъ во флотѣ.

Отвѣтовъ на эти и подобные упреки она искала, лежа въ постели; итакъ ея здравый смыслъ за время ихъ долгаго знакомства никогда не отуманивался увлеченіемъ; она умѣла имъ хорошо пользоваться. Не безъ радости, поэтому, услышала она признаки возвращенія своего мужа. Хлопнула дверь въ столовой, и тотчасъ раздался громкій ревъ, такъ что жена спрятала голову подъ одѣяло, чтобы скрыть свой смѣхъ. Шаги раздались по ковру сосѣдней комнаты, и въ дверяхъ спальни появился гнѣвный мужъ съ шляпой на головѣ. Жена повернулась къ нему спиной и поманила его сладчайшимъ голосомъ:

— Это ты, мой дурачокъ? Подойди ближе, подойди ближе!

Дурачокъ (это было ласкательное названіе, но были еще и лучшія) не проявлялъ никакой охоты подойти, остановился въ дверяхъ и закричалъ:

— Почему не накрыто къ завтраку? А?

— Спроси дѣвушекъ; не мое дѣло накрывать на столъ! Но, кажется, снимаютъ шляпу, когда входятъ въ комнату, сударь!

— А что ты сдѣлала съ моимъ колпакомъ?

— Я сожгла его! Онъ былъ такъ салеень, что ты долженъ былъ бы стыдиться!

— Ты сожгла его! Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ послѣ! Почему ты до полудня валяешься въ постели, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за прислугой?

— Потому что мнѣ это пріятно.

— Ты думаешь, что я женился бы на женщинѣ, которая не хочетъ смотрѣть за хозяйствомъ? А?

— Да, конечно! А, почему, какъ ты думаешь, вышла

я за тебя замужъ? Я это тебѣ говорила тысячу разъ — чтобы не работать — и ты общалъ мнѣ это! Не общалъ ли ты мнѣ? Можешь ли ты по чистой совѣсти отвѣтить мнѣ, что не общалъ? Видишь теперь, что ты за человѣкъ! Такой же какъ всѣ остальные!

— Да, это было тогда!

— Тогда! Когда это было? Развѣ общаніе не навсегда обязываетъ? Развѣ нужно особое время года для общаній?

Мужъ слишкомъ хорошо зналъ эту неопровержимую логику, и хорошее настроеніе его жены имѣло такую же силу, какъ въ другихъ случаяхъ ея слезы; онъ сдался.

— У меня сегодня вечеромъ будутъ гости! — объявилъ онъ.

— Гости! Мужчины?

— Конечно! Бабья я не выношу!

— Такъ, значитъ, ты сдѣлалъ закупки?

— Нѣтъ, это ты должна сдѣлать!

— Я! У меня нѣтъ денегъ для гостей! Деньги для хозяйства я не стану тратить на особенные приемы.

— Нѣтъ, изъ нихъ ты покупаешь себѣ туалеты и другія ненужныя вещи.

— Ты называешь ненужными вещами то, что я для тебя работаю? Развѣ ермолочка ненужна? Или, быть можетъ, туфли не нужны? Скажи, отвѣчай мнѣ откровенно!

Она умѣла всегда такъ ставить вопросы, что отвѣты должны были уничтожить спрошеннаго. Ему приходилось теперь, чтобы не быть уничтоженнымъ, все время хвататься за новые предметы.

— У меня, дѣйствительно, было желаніе пригласить сегодня вечеромъ гостей; мой старый другъ Фрицъ Левинъ, служащій на почтѣ, сталъ послѣ девятнадцати лѣтъ службы ординаріусомъ — вчера объ этомъ было въ «Почтовой Га-

зетѣ». Но такъ какъ это тебѣ, кажется, непріятно, то я измѣню дѣло и буду угощать Левина и магистра Нистрема внизу въ конторѣ.

— Такъ этотъ шалопаѣ Левинъ сталъ теперь ординарусомъ? Это хорошо! Можетъ быть, теперь ты получишь обратно всѣ тѣ деньги, которыя онъ тебѣ долженъ.

— Да, да. Я думаю!

— Но скажи мнѣ, пожалуйста, какъ ты можешь водиться съ такимъ шалопаемъ? А потомъ еще магистръ! Вѣдь это настоящіе нищіе, у которыхъ кромѣ одежды ничего за душой нѣтъ.

— Послушай, я не мѣшаюсь въ твои дѣла; оставь мнѣ мои.

— Если у тебя внизу гости, то я не знаю, что помѣшаетъ мнѣ имѣть гостей здѣсь наверху.

— Ну, конечно!

— Ну, такъ подойди же, дурачокъ, и дай мнѣ немного денегъ.

Дурачокъ, во всѣхъ отношеніяхъ довольный, послѣдовалъ приказанію.

— Сколько тебѣ надо? У меня сегодня очень мало денегъ!

— О, мнѣ хватитъ пятидесяти.

— Ты съ ума сошла?

— Съ ума сошла? Давай-ка мнѣ то, что я требую! Я не должна голодать, если ты ходишь въ кабакъ и куришь.

Миръ былъ заключенъ, и противники разстались съ обоюднымъ удовлетвореніемъ. Ему не надо было ѣсть дома плохой завтракъ, онъ могъ ѣсть не дома; ему не надо было ѣсть скудный ужинъ и стѣсняться дамъ; стѣсняться, ибо онъ слишкомъ долго былъ холостякомъ; и совѣсть его была чиста, такъ какъ жена не оставалась одна, а сама

приглашала гостей; и даже освободиться отъ нея — ему стоило пятидесяти кронъ.

Когда мужъ ушелъ, госпожа Фалькъ позвонила горничной, изъ-за которой она такъ долго оставалась сегодня въ постели, ибо та объявила, что здѣсь въ домѣ прежде вставали въ семь. Потомъ она приказала принести бумагу и перо и написала слѣдующую записку женѣ ревизора Гофмана, жившей напротивъ:

«Дорогая Эвелина!

«Приди сегодня вечеромъ ко мнѣ на чашку чая, мы можемъ тогда побесѣдовать объ уставѣ общества женскаго равноправія. Быть можетъ, полезно было бы устроить базаръ или любительскій спектакль. Я очень стремлюсь осуществить общество; это насущная необходимость, какъ ты часто говоришь, и я глубоко чувствую это, когда объ этомъ думаю. Не окажется ли мнѣ ея сіятельство чести своимъ посѣщеніемъ? Или же мнѣ надо сдѣлать ей сперва визитъ? Зайди за мной въ двѣнадцать часовъ; мы пойдемъ тогда въ кондитерскую пить шоколадъ. Мужъ мой ушелъ.

«Твоя Евгенія.

«NB. Моего мужа нѣтъ».

Затѣмъ она встала и стала одѣваться, чтобы быть готовой къ двѣнадцати.

Свечерѣло. Восточная Ланггатавъ уже лежала въ сумеркахъ, когда часы на нѣмецкой церкви пробили семь; одна только блѣдная полоска изъ переулка Феръень падала на льняную лавку Фалькъ, когда Андерсенъ запиралъ ее. Въ конторѣ уже были закрыты ставни и зажжены газъ. Она была выметена и прибрана; у двери красовались двѣ корзинки съ бутылками и торчавшими наружу гор-

лышками, покрытыми краснымъ и желтымъ лакомъ, фольгой и даже ярко-красной папиросной бумагой. Посреди комнаты стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью; на немъ стояла остъ-индская бутылъ съ ромомъ и тяжелый вѣтвистый подсвѣчникъ изъ серебра.

Взадъ и впередъ ходилъ Карлъ Николаусъ Фалькъ. Онъ нацѣлъ чернѣй куртукъ и выглядѣлъ почтенно, но весело. Онъ имѣлъ право требовать пріятнаго вечера; онъ самъ платилъ за него и самъ его устроилъ; онъ былъ у себя дома, и ему не приходилось стѣсняться дамъ; а гости его были такого рода, что онъ могъ требовать не только вниманія и вѣжливости, но и большаго. Ихъ, правда, было всего двое, но онъ и не любилъ большаго количества людей; это были его друзья, вѣрные, преданные, какъ собаки; подобострастные, пріятные, всегда полные лести и никогда не противорѣчившіе. Онъ могъ бы за свои деньги имѣть лучшее общество, имъ онъ и пользовался два раза въ годъ,—обществомъ старыхъ друзей своего отца; но онъ, говоря откровенно, былъ слишкомъ большимъ деспотомъ, чтобы уживаться съ ними.

Было три минуты восьмого, а гости еще не пришли. Фалькъ становился нетерпѣливымъ. Онъ привыкъ видѣть этихъ людей минута въ минуту, когда онъ ихъ звалъ. Мысль о необычайно ослѣпительной обстановкѣ и ея поражающемъ впечатлѣніи задержала еще на минуту его нетерпѣніе; вслѣдъ затѣмъ вошелъ Фрицъ Левинъ, почтовый чиновникъ.

— Добраго вечера, дорогой братъ... Нѣтъ!..—Онъ остановился, снимая пальто, и изобразилъ удивленіе предъ великолѣпіемъ приготовленія, какъ бы собираясь свалиться отъ изумленія на спину.— Семисвѣчникъ и ковчегъ завѣта! Богъ мой, Богъ мой! — восклицалъ онъ, увидѣвъ корзину съ бутылками.

Снимавшій пальто подъ взрывомъ этихъ хорошо заученныхъ шутокъ былъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, чиновничьяго типа, моднаго двадцать лѣтъ тому назадъ: усы и бакенбарды, висящiе вмѣстѣ, волосы на косой проборъ и *coop-de-vent*. Онъ былъ блѣденъ какъ трупъ, худъ какъ саванъ, былъ изящно одѣтъ, но казалось, что онъ мерзнетъ и тайно знакомъ съ нищетой.

Фалькъ поздоровался съ нимъ грубо и съ видомъ превосходства, отчасти обозначавшимъ, что онъ презираетъ лесть, особенно же исходящую снизу, отчасти — что вошедшій былъ его другомъ. Подходящимъ поздравленiемъ по поводу назначенiя онъ считалъ напоминанiе о назначенiи его отца капитаномъ гражданской милиции.

— Не правда ли, прiятное ощущенiе имѣть королевское полномочiе въ карманѣ! А! Мой отецъ тоже имѣлъ королевское полномочiе...

— Прости, дорогой братъ, я только утверждень.

— Утвержденiе или королевское полномочiе — одно и то же; не учи, пожалуйста! Отецъ мой тоже имѣлъ королевское полномочiе...

— Увѣряю тебя...

— Увѣряешь? Что значитъ, увѣряешь? Не думаешь ли ты, что я стою здѣсь и лгу? Скажи, дѣйствительно ли ты думаешь, что я лгу?

— Нѣтъ, никоимъ образомъ! Ты не долженъ тотчасъ же такъ сердиться!

— Значитъ, ты признаешь, что я не лгу, — слѣдовательно, ты имѣешь королевское полномочiе. Чего-же ты стоишь и болтаешь чепуху! Мой отецъ...

Блѣдный человѣкъ, за которымъ, казалось, еще при его входѣ въ контору гналась толпа фурiй, бросился теперь къ своему благодѣтелю, твердо рѣшившись дѣйстви-

вать быстро до начала пиршества, чтобы потомъ быть покойнымъ.

— Помоги мнѣ, — простоналъ онъ, какъ утопающій, вытаскивая вексель изъ кармана.

Фалькъ сѣлъ на диванъ, позвалъ Андерсена, приказалъ ему откупорить бутылку и сталъ приготавливать пуншъ. Потомъ онъ отвѣтилъ блѣдному человѣку.

— Помочь! Развѣ я не помогалъ тебѣ? Не занималъ ли ты у меня неоднократно, не возвращая мнѣ? Что? Развѣ я тебѣ не помогалъ? Какъ ты думаешь?

— Мой дорогой братъ, я хорошо знаю, что ты всегда былъ со мною любезенъ.

— А теперь ты ординаріусъ! Не такъ ли? Теперь все пойдетъ къ лучшему! Теперь всѣ долги надо бы уплатить и начать новую жизнь. Это я уже слышу восемнадцать лѣтъ. Какой окладъ ты теперь получаешь?

— Тысячу двѣсти кронъ, вмѣсто восьмисотъ, которыя я получалъ раньше; но теперь послушай: полномочіе стоитъ 125, въ пенсіонную кассу вычитаютъ 50, итого 175! Гдѣ ихъ взять! Но теперь, самое худшее: должники наложили арестъ на половину моего оклада; значить теперь я долженъ существовать на шестьсотъ кронъ, въ то время какъ раньше я имѣлъ восемьсотъ — и этого я ждалъ девятнадцать лѣтъ! Большая пріятность стать ординаріусомъ!

— Да, но зачѣмъ же ты надѣлалъ долговъ? Не надо дѣлать долговъ; никогда не надо!

— Когда долги годы получаешь только сториксдалеровъ...

— Тогда нечего вамъ служить. Но все это меня нисколько не касается! Нисколько не касается!

— Не подпишешь ли еще одинъ только разъ?

— Ты знаешь мои убѣжденія, я никогда не подписываю. Довольно.

Левинъ, казалось, привыкъ къ такимъ отказамъ, и онъ успокоился. Въ это мгновеніе пришелъ и магистръ Нистрэмъ и прервалъ разговоръ двухъ друзей. Это былъ сухой человѣкъ таинственнаго вида и возраста; его занятіе тоже было таинственно — онъ, будто бы, былъ учителемъ въ школѣ южнаго предмѣстья, но въ какой именно, этого никто не спрашивалъ, и онъ не былъ склоненъ говорить объ этомъ. Его назначеніе въ обществѣ Фалька было, во-первыхъ, именоваться магистромъ, когда другіе могли это слышать, во-вторыхъ, быть преданнымъ и вѣжливымъ, въ-третьихъ, приходитъ изрѣдка занимать, но не свыше пятерки, ибо принадлежало къ числу духовныхъ потребностей Фалька, чтобы люди приходили къ нему занимать, конечно, очень немного; и въ-четвертыхъ, писать стихи въ торжественныхъ случаяхъ, и это было не маловажнѣйшимъ въ его миссіи.

Теперь Карлъ Николаусъ Фалькъ сидѣлъ на кожаномъ диванѣ (ибо не должно было забывать, что это его диванъ), окруженный своимъ генеральнымъ штабомъ или, какъ можно было бы тоже сказать, своими собаками. Левинъ находилъ все необыкновеннымъ, — пуншъ, стаканы, сигары (ящикъ былъ взятъ съ камина), спички, пепельницы, бутылки, пробки, проволки — все. Магистръ выглядѣлъ довольнымъ, и ему не приходилось говорить, это дѣлали двое другихъ; онъ долженъ былъ только присутствовать, чтобы, въ случаѣ необходимости, быть свидѣтелемъ.

Фалькъ поднялъ первый стаканъ и выпилъ — за кого, этого никто не узналъ, но магистръ думалъ, что за героя дня и поэтому тотчасъ же вытянулъ стихи и сталъ читать «Фрицу Левину, когда онъ сталъ ординаріусомъ».

Фалькомъ овладѣлъ сильный кашель, помѣшавшій чтенію и уничтожившій дѣйствию самыхъ остроумныхъ мѣстъ.

Нистрэмъ же, бывшій умнымъ человѣкомъ, предвидѣлъ это и поэтому вплелъ такъ же хорошо задуманную, какъ сказанную истину: «чего бы достигъ Фрицъ Левинъ, если бы о немъ не позаботился Карлъ Николаусъ?» Это тонкое указаніе на многія маленькія одолженія, оказанныя Фалькомъ его другу, прекратило кашель и дало возможность лучше разобрать заключительную строфу, безстыдно посвященную цѣликомъ Левину; ошибка эта, грозила опять нарушить гармонію. Фалькъ допилъ свой стаканъ, какъ чашу, до краевъ наполненную неблагодарностью.

— Ты сегодня не такъ остроумень, какъ всегда, Нистрэмъ, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, въ твой тридцать восьмой день рожденья онъ былъ много остроумнѣе, — помогъ Левинъ, — знавшій, къ чему шло дѣло.

Фалькъ окинулъ взглядомъ тайники его души, чтобы посмотреть, не скрываетъ ли онъ тамъ обмана — итакъ, онъ слишкомъ гордъ былъ, чтобы видѣть, онъ ничего не увидѣлъ. Онъ закончилъ:

— Да, я думаю! Это было самое остроумное, что я когда-либо слышалъ; это было такъ хорошо, что можно было напечатать; ты долженъ былъ бы напечатать твои вещи. Послушай-ка, Нистрэмъ, ты навѣрно знаешь это наизусть, не помнишь ли?

У Нистрэма была такая плохая память или же, сказать по правдѣ, онъ находилъ, что они еще слишкомъ мало выпили, чтобы такъ насиловать стыдливость и хорошій вкусъ; онъ попросилъ отсрочки. Фалькъ же, раздраженный этой тихой оппозиціей и такъ далеко зашедшій, что уже не могъ вернуться, настаивалъ на своемъ желаніи. Онъ даже предположилъ, что у него списаны эти стихи; онъ искалъ въ своемъ бумажникѣ, и, дѣйствительно, они

оказались тамъ. Стыдливость не мѣшала ему прочесть ихъ самому, но онъ предпочиталъ, чтобы это дѣлалъ другой, тогда это звучало лучше. И бѣдный пестъ рвалъ свою цѣпь, но она была крѣпка. Онъ былъ тонко чувствующимъ человекомъ, этотъ магистръ, но ему приходилось быть грубымъ, чтобы распорядиться драгоценнымъ даромъ жизни, и онъ сталъ грубымъ. Интимнѣйшія условія жизни были изображены, все что было въ связи съ рожденіемъ тридцативосьми-лѣтняго, его вступленіе въ сословіе, воспитаніе и образованіе были представлены въ комическомъ видѣ и должны были бы быть противными даже тому, кого читало это стихотвореніе, если бы дѣло шло о другомъ лицѣ; но теперь это было отлично, потому что занимались имъ. Когда чтеніе было окончено, съ восторженными криками выпили за здоровье Фалька подрядъ нѣсколькими стаканами, ибо чувствовали, что слишкомъ трезвы, чтобы обуздать свои истинныя чувства.

Послѣ этого убрали со стола, и былъ поданъ грандіозный ужинъ съ устрицами, дичью и другими хорошими вещами. Фалькъ ходилъ кругомъ и обнюхивалъ блюда, нѣкоторыя онъ отослалъ обратно, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы англійскій портеръ былъ замороженъ и чтобы вина были надлежащей температуры. Теперь его псы должны были служить и доставить ему пріятное зрѣлище. Когда все было готово, онъ вынулъ свои золотыя часы и, держа ихъ въ рукѣ, предложилъ шуточный вопросъ, къ которому они такъ привыкли:

— Сколько, господа, на вашихъ серебряныхъ часахъ?

Они услужливо и съ подобающимъ смѣхомъ давали подходящій отвѣтъ: ихъ часы, въ починкѣ у часовщика. Это привело Фалька въ блестящее настроеніе, вылившееся въ далеко не неожиданную острогу:

— Кормленіе звѣрей въ восемь часовъ!

Послѣ этого онъ сѣлъ, налилъ три рюмки водки, взялъ самъ одну и предложилъ другимъ сдѣлать то же.

— Я начинаю, если вы этого не хотите сдѣлать! Безъ стѣсненія! Наваливай, ребята!

И начиналось кормленіе. Карлъ Николаусъ, бывшій не особенно голоднымъ, имѣлъ достаточно времени наслаждаться аппетитомъ другихъ, и онъ толчками, пинками и грубостями побуждалъ ихъ къ ѣдѣ. Безгранично благодушная улыбка разливалась по его свѣтлому солнечному лицу, когда онъ видѣлъ ихъ усердіе, и трудно было сказать, что его больше радовало: что они хорошо ѣли или что они были такъ голодны. Какъ кучеръ сидѣлъ онъ, щелкалъ и понукалъ.

— Ёшь, Нистрэмъ! Вѣдь не знаешь, когда еще что получишь! Бери-ка, Левинъ, у тебя такой видъ, какъ будто бы мясо тебѣ можетъ пригодиться и на костяхъ. Ты скалишь зубы на устриць? Быть можетъ, онѣ не годятся для такого, какъ ты? Что? Восьми-ка еще штуку! Да возьми же! Не можешь больше? Что за болтовня? Смотри-ка! Теперь возьмемъ пива! Пейте пиво, ребята! Ты долженъ взять еще лососины! Ты долженъ, чортъ бы меня побралъ, взять еще кусокъ лососины! Ёшь же, чортъ меня побралъ! Вѣдь это же тебѣ ничего не стоитъ!

Когда дичь была разрѣзана, Карлъ Николаусъ съ торжественностью наполнилъ стаканы краснымъ виномъ, причемъ гости, опасавшіеся рѣчи, сдѣлали паузу. Хозяинъ поднялъ свой стаканъ, понюхалъ его и съ глубокой серьезностью произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

— Будьте здоровы, свиньи!

Нистрэмъ отвѣтилъ на тостъ тѣмъ, что поднялъ свой стаканъ и выпилъ; Левинъ же оставилъ свой на столѣ,

при чемъ у него былъ такой видъ, какъ будто онъ точить ножъ въ карманѣ.

Когда ужинъ приближался къ концу и Левинъ почувствовалъ себя подкрѣпленнымъ пищей и питьемъ, и вино бросилось ему въ голову, онъ началъ выказывать подозрительное чувство независимости, и сильное стремленіе къ свободѣ пробудилось въ немъ. Голосъ его сталъ звучнѣе, онъ произносилъ слова съ большей увѣренностью и двигался свободно.

— Сигару давай, — приказалъ онъ, — хорошую сигару! Не такую дрянъ!

Карлъ Николаусъ, принявшій это за удачную шутку, повиновался.

— Я не вижу сегодня вечеромъ твоего брата, — сказалъ Левинъ небрежно.

Было что-то зловѣщее и угрожающее въ его голосѣ, и Фалькъ почувствовалъ это, и его настроеніе испортилось.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ коротко, но не увѣренно.

Левинъ обождалъ немного, раньше чѣмъ нанести второй ударъ. Къ занятіямъ, приносившимъ ему самый большой доходъ, принадлежало вмѣшательство въ чужія дѣла; онъ переносилъ сплетни изъ одного семейства въ другое, сѣялъ здѣсь и тамъ сѣмена раздора, чтобы потомъ играть благодарную роль посредника. Этимъ онъ добылъ себѣ опасное вліяніе и онъ могъ, если хотѣлъ, управлять людьми какъ куклами.

Фалькъ тоже ощущалъ это непріятное вліяніе и хотѣлъ отдѣлаться отъ него, но не могъ, ибо Левинъ хорошо умѣлъ дразнить его любопытство; и, показывая видъ, что знаетъ больше, чѣмъ онъ зналъ на самомъ дѣлѣ, онъ выманивалъ у людей ихъ тайны.

Итакъ хлысть оказался въ рукахъ Левина, и онъ поклялся себѣ дать это почувствовать своему притѣснителю. Онъ еще только шелкалъ имъ въ воздухѣ, но Фалькъ уже ждалъ удара. Онъ постарался переменить тему. Онъ предлагалъ пить, и пили. Левинъ становился все блѣднѣе и холоднѣе, но опьяненіе росло. Онъ игралъ съ своей жертвой.

— У твоей жены сегодня гости, — сказалъ онъ равнодушно.

— Откуда ты это знаешь? — спросилъ пораженный Фалькъ.

— Я все знаю, — отвѣчалъ Левинъ и показалъ зубы. Да, пожалуй, онъ и зналъ почти все. Его широкія дѣловыя связи заставляли его посѣщать возможно большее количество публичныхъ мѣстъ, и тамъ ему приходилось слышать многое, какъ то, что говорилось въ его обществѣ, такъ и то, что говорилось среди другихъ.

Фальку стало жутко, онъ самъ не зналъ почему, и онъ счелъ за лучшее отодвинуть приближающуюся опасность. Онъ сталъ вѣжливымъ и даже покорнымъ, но Левинъ становился все отважнѣй. Наконецъ, хозяину ничего не оставалось, какъ произнести рѣчь, напомнить объ истинномъ поводѣ праздника, словомъ, назвать героя дня. Онъ не видѣлъ другого выхода! Правда, онъ не былъ ораторомъ, но теперь онъ долженъ былъ имъ стать. Онъ стукнулъ по пуншевой чашѣ, наполнилъ стаканъ и сталъ припоминать рѣчь, которую ему сказалъ его отецъ при его совершеннолѣтіи; онъ всталъ и началъ очень медленно:

— Милостивые государи! Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я самостоятеленъ; въ ту пору мнѣ было не больше тридцати.

Измѣненіе положенія съ сидѣнія на стояніе вызвало

въ немъ сильный притокъ крови къ головѣ, такъ что онъ смутился, чему еще способствовали насмѣшливые взгляды Левина. Онъ такъ спутался, что число тридцать показалось ему настолько невѣроятнымъ, что онъ остробенѣлъ...

— Я сказалъ тридцать? Я не то думалъ! Я еще служилъ тогда у моего отца—много лѣтъ, я уже не помню, сколько лѣтъ тому назадъ. Мм... да! Слишкомъ долго было бы, если бы я хотѣлъ перечислить все, что я продѣлалъ въ эти годы; такова судьба человѣка. Вы думаете, можетъ быть, что я эгоистъ...

— Слушайте!—простоналъ Нистрэмъ, положившій свою усталую голову на столъ.

Левинъ выпустилъ дымъ въ оратора, какъ бы желая плюнуть въ него.

Фалькъ, бывший теперь пьянымъ, продолжалъ говорить, въ то время какъ взглядъ его искалъ далекой цѣли, которой онъ не могъ достигнуть.

— Человѣкъ эгоистиченъ, это мы знаемъ всѣ. М-мда! Отецъ мой, державшій мнѣ рѣчь, когда я сталъ самостоятельнымъ, какъ я только что упомянулъ!..

Онъ вытянулъ свои золотые часы и снялъ ихъ съ цѣпочки. Оба слушателя широко раскрыли глаза. Ужъ не хотѣлъ ли онъ сдѣлать Левину подарокъ?

...— Передалъ мнѣ при этомъ случаѣ эти золотые часы, которые онъ получилъ отъ своего отца въ...

Опять эти ужасныя цифры; онъ долженъ былъ остановиться. — Эти золотые часы я получилъ и никогда не могу я безъ волненія думать объ этомъ моментѣ, когда я получилъ ихъ. Вы думаете, можетъ быть, что я эгоистъ, господа? Нѣтъ, я не таковъ. Конечно, не хорошо говорить о самомъ себѣ, но при такомъ случаѣ надлежитъ бросить

взглядъ на прошлое. Я хотѣлъ бы только рассказать одно маленькое обстоятельство.

Онъ забылъ о Левинѣ и о значеніи дня и думалъ, что это — его мальчишникъ. Но теперь передъ нимъ пронеслась утренняя сцена съ братомъ, и онъ вспомнилъ о своемъ торжествѣ. Онъ чувствовалъ явную потребность говорить объ этомъ торжествѣ, но онъ не могъ больше припомнить деталей; только вотъ то, что онъ доказалъ ему, что онъ негодяй; вся цѣль доказательства выпала изъ его памяти, остались только два факта: братъ, негодяй; онъ старался ихъ связать, но они все расходились. Его мозгъ работалъ и работалъ, и новыя картины вставали передъ нимъ. Онъ долженъ былъ говорить о какой-нибудь великодушной чертѣ своей жизни. Онъ подумалъ о томъ, что утромъ далъ женѣ денегъ и что она могла сколько хотѣла спать и пить кофе въ постели; но это не подходитъ сейчасъ! Онъ находился въ непріятномъ положеніи и пришелъ въ сознаніе только отъ страха молчать и отъ взглядовъ четырехъ острыхъ глазъ, непрерывно направленныхъ на него. Онъ увидѣлъ себя все еще стоящимъ съ часами въ рукахъ. Часы? Откуда они? Почему тѣ вонъ сидятъ въ темнотѣ, а онъ стоитъ? Да, такъ было, онъ рассказывалъ имъ про часы, и они ждали продолженія.

— Эти часы, господа, во всякомъ случаѣ не замѣчательные часы — они скорѣе плохіе часы!

Онъ разсердился по тайной причинѣ, едва сознаваемой его мозгомъ, и ему нужно было что-нибудь, на чемъ сорвать свой гнѣвъ. Онъ ударилъ часами по столу и закричалъ:

— Это совсѣмъ скверные часы, говорю я! Слушайте, когда я говорю! Ты не вѣришь мнѣ, Фрицъ? Отвѣчай! Ты выглядишь такъ фальшиво! Ты не вѣришь тому, что я

говорю. Я знатокъ людей! И я могу еще разъ поручиться за тебя! Или ты лжешь, или я лгу. Послушай, доказать что ли, что ты негодяй? Мм... да! Послушай, Нистрэмъ! Если я напишу ложное свидѣтельство — я негодяй?

— Конечно, ты негодяй, чортъ дери! — отвѣтилъ мгновенно Нистрэмъ.

— Да, мм... да!

Онъ напрасно старался припомнить, что Левинъ написалъ ложное свидѣтельство или вообще какое-нибудь свидѣтельство — значитъ, онъ долженъ былъ оставить этотъ вопросъ. Левинъ усталъ и боялся, что жертва его потеряетъ сознание и что у него не будетъ силъ насладиться подготовляемымъ ударомъ. Онъ прервалъ поэтому Фалька шуткой въ его собственномъ стилѣ:

— Будь здоровъ, старый негодяй!

Послѣ этого онъ пустилъ въ ходъ свою каверзу. Онъ вынулъ номеръ газеты и спросилъ Фалька холоднымъ, убійственнымъ тономъ:

— Читалъ ты «Народное Знамя»?

Фалькъ уставился на скандальный листокъ, но молчалъ. Неизбѣжное близилось.

— Въ ней прекрасная статья о «присутствіи по окладамъ!»

Фалькъ поблѣднѣлъ.

— Говорятъ, что ее написалъ твой братъ!

— Это ложь! Мой братъ не скандалистъ! Это не мой братъ!

— Къ сожалѣнію, ему уже пришлось расплатиться за это! Говорятъ, его прогнали со службы.

— Это ты лжешь!

— Нѣтъ! Я, впрочемъ, видѣлъ его сегодня въ полдень въ «Оловянной Пуговицѣ» съ какимъ-то оборванцемъ! Жалко малаго!

Это было, дѣйствительно, самое плохое, что могло постигнуть Карла Николауса! Онъ былъ обезчещенъ. Имя его и имя отца, все, что создали старые бюргеры, было сдѣлано напрасно. Если кто-нибудь пришелъ бы и рассказалъ, что умерла его жена — еще не все бы было потеряно; и денежная утрата могла бы быть возмѣщена. Если кто-нибудь рассказалъ бы ему, что его друга Левина или Нистрэма засадили за подлогъ, онъ просто отсекся бы отъ такого знакомства, такъ какъ онъ никогда не показывался съ ними на улицѣ. Но родства съ своимъ братомъ онъ не могъ отрицать. Онъ былъ обезчещенъ своимъ братомъ; таковъ былъ фактъ!

Левину доставило большое удовольствіе рассказать эту исторію; ибо Фалькъ, никогда не высказывавшій брату поощренія въ его присутствіи, любилъ зато хвастать его заслугами передъ своими друзьями. «Мой братъ, ассесоръ! Гм! Это голова! Онъ далеко пойдетъ, вы увидите!» Слушать постоянно эти косвенные упреки раздражало Левина, тѣмъ болѣе, что Карлъ Николаусъ дѣлалъ определенную разницу между секретарями и ассесорами, хотя онъ и не могъ точно опредѣлить ее на словахъ.

Левинъ такъ блестяще и такую дешевою цѣною отомстилъ, что онъ нашелъ, что можетъ теперь быть великодушнымъ и выступить въ качествѣ утѣшителя.

— Ну, ты не долженъ придавать этому такого значенія. Можно быть человѣкомъ, будучи и журналистомъ, а что касается скандала, то онъ не такъ страшенъ. Если не задѣты опредѣленные личности, то нѣтъ никакого скандала! Впрочемъ, это написано здорово, очень остроумно и весь городъ читаетъ.

Это послѣднее утѣшеніе взбѣсило Фалька.

— Онъ укралъ мое доброе имя! Мое имя! Какъ мнѣ завтра показаться на биржѣ! Что скажутъ люди?

Подъ людьми онъ подразумѣвалъ, въ сущности, свою жену, которая будетъ очень рада этому случаю, такъ какъ онъ сдѣлаетъ менѣе чувствительнымъ «mesalliance». Жена его станетъ ему равной—эта мысль сводила его съ ума! Неугасимое человѣконенавистничество овладѣло имъ. Онъ хотѣлъ бы быть отцомъ этого негодяя, тогда онъ могъ бы, по меньшей мѣрѣ, умыть свои руки, предавъ его отцовскому проклятью, но о подобномъ правѣ брата никогда не слыхивали. Быть можетъ онъ самъ былъ частью виновенъ въ своемъ позорѣ! Не произвелъ ли онъ насилія надъ склонностями брата, когда тотъ выбиралъ карьеру? Быть можетъ, онъ написалъ эту статью изъ-за утренней сцены или изъ-за денежныхъ затрудненій? Онъ самъ, самъ былъ виновенъ! Нѣтъ, онъ никогда не совершилъ низкаго поступка; онъ былъ чистъ, онъ пользовался уваженіемъ и почетомъ, онъ не былъ скандалистомъ, его не выгоняли со службы! Развѣ не было у него въ карманѣ свидѣтельства о томъ, что онъ лучший другъ съ нѣжнѣйшимъ сердцемъ? Не читалъ ли этого только что магистръ? Да, конечно! Онъ сѣлъ, чтобы пить, пить безъ мѣры, не для того, чтобы заглушить свою совѣсть,—въ этомъ онъ не нуждался, такъ какъ не сдѣлалъ ничего несправедливаго,—но для того, чтобы потопить свой гнѣвъ. Но это не помогало, онъ перекипалъ и ошпаривалъ тѣхъ, кто сидѣлъ близко.

— Пейте, несчастные! Вотъ сидитъ эта скотина и спитъ! И это мои друзья! Разбуди его, Левинъ!

— На кого ты такъ орешь?—спросилъ ворчливо обиженный Левинъ.

— На тебя, конечно.

Надъ столомъ обмѣнялись два взгляда, не обѣщавшіе ничего хорошаго. Фалькъ, настроеніе котораго улучшилось, когда онъ увидѣлъ другого человѣка въ злобѣ, зачерпнулъ ложку пунша и вылилъ ее магистру на голову, такъ что пуншъ полился ему за воротникъ рубашки.

— Не смѣй этого больше дѣлать, — сказалъ Левинъ рѣшительно и угрожающе.

— Кто мнѣ помѣшаетъ?

— Я! Да, именно! Я не допущу такого безобразія, чтобы ты портилъ его платье!

— Это заходитъ слишкомъ далеко, — сказалъ Левинъ и всталъ, чтобы уйти.

— Такъ, ты теперь уходишь! Ты сытъ, ты не можешь больше пить, я тебѣ больше не нуженъ сегодня вечеромъ; не хочешь ли взять взаймы пятерку? Что! Не окажешь ли ты мнѣ чести взять у меня немного денегъ? Или лучше мнѣ подписать? Подписать, а?

При словѣ «подписать» Левинъ насторожился. Что, если удастся околпачить его въ этомъ состояніи духа. При этой мысли Левинъ смягчился.

— Ты не долженъ быть несправедливымъ, братъ, — началъ онъ снова. — Я не неблагодаренъ и умѣю цѣнить твою доброту; я бѣденъ, такъ бѣденъ, какъ ты никогда не былъ и не можешь стать; я перенесъ униженія, которыхъ ты не можешь себѣ вообразить; но тебя я всегда считалъ другомъ. Если я произношу слово другъ, то такъ я и думаю. Ты выпилъ сегодня вечеромъ и огорченъ; поэтому ты несправедливъ; я же увѣряю васъ, господа, что нѣтъ лучшаго сердца, чѣмъ у тебя, Карлъ Николаусъ; и не въ первый разъ говорю я это. Я благодарю тебя за сегодняшнее вниманіе, если только я могъ принять на свой счетъ этотъ ужинъ и прекрасныя вина, лившіяся

здѣсь. Я благодарю тебя, братъ, и пью за твое здоровье! Будь здоровъ, братъ Николай! Спасибо, сердечное спасибо! Ты сдѣлалъ это не напрасно! Подумай объ этомъ!

Эти слова, сказанныя дрожащимъ отъ волненія голосомъ, имѣли, какъ ни странно, хорошее вліяніе. Фалькъ почувствовалъ себя хорошо; не повторили ли опять, что у него хорошее сердце? Онъ вѣрилъ этому.

Опьяненіе вошло въ стадію сентиментальности. Стали ближе другъ другу, говорили по очереди о хорошихъ качествахъ другъ друга, о злѣбѣ свѣта, о томъ, какъ тепло чувствуешь и какіе имѣешь хорошія намѣренія; взялись за руки, Фалькъ говорилъ о томъ, какъ онъ добръ съ своей женой; онъ говорилъ о томъ, какъ бѣдно въ духовномъ отношеніи его занятіе; какъ глубоко онъ чувствуетъ недостатокъ образованія, какъ испорчена его жизнь, и когда онъ выпилъ десятую рюмку ликера, онъ повѣрилъ Левину, что, въ сущности, онъ хотѣлъ посвятить себя духовному призванью, стать миссіонеромъ. Становились все духовнѣй и духовнѣй. Левинъ рассказывалъ о своей покойной матери, о ея смерти и погребеніи, о неудачной любви и, наконецъ, о своихъ религіозныхъ взглядахъ, «о которыхъ онъ не говоритъ съ первымъ встрѣчнымъ»; и вотъ заѣхали въ самую глубь религіи.

Часы пробили часъ и два и все еще продолжали, въ то время какъ Нистрэмъ спокойно спалъ, положивъ голову на руки. Контора погрузилась въ сумракъ табачнаго дыма, затемнявшаго свѣтъ газовой лампы; семь свѣчей семи-свѣчника догорѣли, и столъ выглядѣлъ жалко. Нѣсколько стакановъ опрокинулись, сигарный пепель разсыпался по загрязненной скатерти, спички валялись на полу. Сквозь отверстія въ ставняхъ проникалъ дневной свѣтъ и ложился каббалистическимъ знакомъ на скатерти между двумя ре-

лигіозными подвижниками, которые съ усердіемъ старались измѣнить редакцію аугсбургскаго символа вѣры. Они говорили теперь шипящими голосами, ихъ мозги отупѣли, слова вырывались все суше, напряженіе ослабло, несмотря на усердное подогрѣваніе! Старались подвинтить себя до экстаза, но духъ отлетѣлъ; еще произносились безсмысленныя слова, но вскорѣ исчезла и послѣдняя искра; оглушенные мозги, работавшіе какъ волчки, завертѣлись медленнѣе и, наконецъ, свалились. Только одна мысль еще была ясна — надо было идти спать, чтобы не стать противными другъ другу; хотѣлось одиночества.

Разбудили Нистрэма. Левинъ обнялъ Карла Ницולהуса и спряталъ при этомъ въ карманъ три сигары. Слишкомъ высоко поднялись, чтобы опять спуститься до разговора о поручительствѣ. Распростились; хозяинъ выпустилъ гостей и остался одинъ! Онъ отворилъ ставни, и ворвался дневной свѣтъ; онъ отворилъ окно, и свѣжій потокъ воздуха донесся съ моря черезъ узкую улицу, одна сторона которой была освѣщена солнцемъ. Часы пробили четыре. Этотъ удивительный бой бываетъ слышенъ только бѣдняку, ждущему на ложѣ отчаянія или болѣзни прихода утра. Даже восточная Ланггатанъ, улица разврата, грязи и дракъ, была тиха, одинока и чиста. Фалькъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Онъ былъ обезчещенъ и одинокъ! Онъ закрылъ окно и ставни, и когда онъ обернулся и увидѣлъ разгромъ, онъ сталъ прибираться; онъ подобралъ всѣ сигарные окурки и бросилъ ихъ въ каминъ, онъ снялъ скатерть, вымелъ, стряхнулъ пыль, поставилъ каждую вещь на ея мѣсто. Онъ вымылъ лицо и руки и причесался; полицейскій принялъ бы его за убійцу, занятаго сокрытіемъ слѣдовъ своего преступленія. Но все время мысли его были ясны, опредѣленны и въ порядкѣ, и, когда онъ привелъ въ

порядокъ самого себя и комнату, онъ принялъ рѣшеніе которое онъ, дѣйствительно, давно подготовлялъ и которое теперь долженъ былъ привести въ исполненіе. Онъ хотѣлъ уничтожить позоръ, нанесенный его семьѣ, онъ хотѣлъ возвыситься, стать извѣстнымъ, могущественнымъ человѣкомъ; онъ хотѣлъ начать новую жизнь; ему надо было возстановить имя, и онъ хотѣлъ окружить его почетомъ. Онъ чувствовалъ, что великое стремленіе было необходимо, чтобы подняться послѣ удара, полученнаго вечеромъ; честолюбіе давно дремало въ немъ, его разбудили, и вотъ—оно явилось!

Онъ сталъ теперь совсѣмъ трезвымъ, зажегъ себѣ сигару, выпилъ коньяку и пошелъ въ свою квартиру спокойно и тихо, чтобы не разбудить жену.

V.

Арвидъ Фалькъ хотѣлъ сперва обратиться къ могущественному Смиту—это имя тотъ принялъ изъ преувеличеннаго преклоненія передъ всѣмъ американскимъ, когда въ молодости своей онъ совершилъ небольшую поѣздку по великой странѣ,—къ тысячерукому гиганту, который въ двѣнадцать мѣсяцевъ могъ «сдѣлать» писателя даже изъ самаго плохого матеріала. Его методъ былъ извѣстенъ; но никто не осмѣливался имъ пользоваться, ибо для этого нужна была безпримѣрная степень безсовѣстности. Писатель, котораго онъ бралъ въ свои руки, могъ быть увѣренъ, что онъ составитъ ему имя; поэтому у Смита былъ наплывъ писателей безъ имени.

Какъ примѣръ его непреодолимости и умѣнія возвысить людей, несмотря на публику и критику, рассказывали

слѣдующее. Молодой человекъ, никогда ничего не писавшій, сочинилъ плохой романъ, который онъ отнесъ къ Смиуту. Тому случайно понравилась первая глава — дальше онъ никогда не читалъ — и онъ рѣшилъ осчастливить мiръ новымъ писателемъ. Появляется книжка. На обратной сторонѣ обложки было напечатано: «Кровь и мечъ. Романъ Густава Шюгольма. Этотъ трудъ молодого и многообѣщающаго писателя, имя котораго давно уже извѣстно въ широкихъ кругахъ и высоко цѣнится и т. д. и т. д. Глубина характеровъ, ясность и сила и т. д. и т. д. Горячо рекомендуется нашей читающей публикѣ». Книга вышла 3-го апрѣля. 4-го апрѣля была рецензія въ очень распространенной столичной газетѣ «Сѣрый Колпачокъ», пятьдесятъ акцій которой принадлежало Смиуту. Рецензія заканчивалась: «Густавъ Шюгольмъ — уже имя; ему не приходится дѣлать его; и мы рекомендуемъ этотъ романъ не только читающей, но и пишущей романы публикѣ». 5-го апрѣля объявленіе о книгѣ было во всѣхъ столичныхъ газетахъ, и въ объявленіи слѣдующее извлеченіе: «Густавъ Шюгольмъ уже имя; ему не приходится дѣлать его («Сѣрый Колпачокъ»)». Въ тотъ же вечеръ была рецензія въ «Неподкупномъ», который, однако, никѣмъ не читался. Тамъ книга представлялась какъ образецъ жалкой литературы, и рецензентъ клялся, что Густавъ Сіобломъ (наибренна опечатка рецензента) вообще не имя. Но такъ какъ «Неподкупнаго» не читали, то оппозицію не слушали. Другія газеты столицы, не хотѣвшія отклониться отъ почтеннаго «Сѣраго Колпачка» и не осмѣливавшіяся выступить противъ Смиута, были тоже очень ласковы, но не больше того. Нѣсколько дней молчали, но во всѣхъ газетахъ, даже въ «Неподкупномъ», жирными буквами было напечатано объявленіе и зазывало: «Густавъ Шю-

гольмъ уже имя». А потомъ вынырнула въ «—кѳпингской Смѳси» корреспонденція, упрекавшая столичную печать въ жестокости къ молодымъ талантамъ. Горячій корреспондентъ заключалъ: «Густавъ Шіогольмъ геній, несмотря на протесты доктринерскихъ соломенныхъ головъ». На слѣдующій день объявленіе снова было во всѣхъ газетахъ и восклицало: «Густавъ Шіогольмъ—уже имя» и т. д. («Сѣрый Колпачокъ»). «Густавъ Шіогольмъ—геній!» («—кѳпингская Смѳсь»). Въ слѣдующемъ номерѣ журнала «Наша Страна», издаваемого Смитомъ, на обложкѣ было слѣдующее объявленіе: «Намъ пріятно сообщить нашимъ многочисленнымъ читателямъ, что высокоуважаемый писатель Густавъ Шіогольмъ обѣщалъ намъ для слѣдующаго номера свою оригинальную новеллу» и т. д. А потомъ объявленіе въ газетахъ! Къ Рождеству вышелъ, наконецъ, календарь «Нашъ Народъ». Изъ авторовъ на обложкѣ были поименованы: Орваръ Одъ, Talis Qualis, Густавъ Шіогольмъ и др. Фактъ былъ тотъ, что уже на восьмой мѣсяцъ Густавъ Шіогольмъ имѣлъ имя. И публика не могла ничего подѣлать; пришлось ей принять его. Она не могла войти въ книжную лавку, не прочитавъ о немъ; она не могла взять стараго газетнаго листка, чтобы не найти въ немъ объявленія о немъ; во всѣхъ обстоятельствахъ жизни наталкивались на это имя, напечатанное на кусочкѣ бумаги; женщинамъ онъ попадалъ по субботамъ въ корзинку на рынкѣ, горничныя приносили его домой отъ торговца, дворники подметали его съ улицъ, а у господъ онъ былъ въ карманѣ шлафрока.

Зная эту великую силу Смита, молодой писатель нѣсколько робѣлъ, подымаясь по темнымъ лѣстницамъ его дома у собора. Долго ему приходилось сидѣть и ждать, при чемъ онъ предавался мучительнѣйшимъ размышленіямъ,

пока не открылась дверь и молодой человекъ съ отчаяніемъ на лицѣ и бумажнымъ сверткомъ подъ мышкой не выскочилъ изъ двери. Дрожая вошелъ Фалькъ во внутреннія комнаты, гдѣ принималъ издатель. Сидя на низкомъ диванѣ, спокойный и кроткій, какъ Богъ, тотъ ласково кивнулъ своей сѣдобородой головой въ синей шапочкѣ и такъ мирно курилъ свою трубку, какъ будто никогда не разбивалъ надежды человека или не отталкивалъ отъ себя несчастнаго.

— Добрый день, добрый день!

И онъ нѣсколькими божественными взглядами окинулъ одежду вошедшаго, которую онъ нашелъ чистой; но онъ не предложилъ ему сѣсть.

— Мое имя — Фалькъ.

— Этого имени я еще не слыхалъ. Кто вашъ отецъ?

— Отецъ мой умеръ!

— Онъ умеръ? Хорошо! Что я могу сдѣлать для васъ, сударь?

«Сударь» вынулъ рукопись изъ бокового кармана и подалъ ее Смигу; тотъ не взглянулъ на нее.

— И это я долженъ напечатать? Это стихи? Да, конечно? Знаете ли, сударь, сколько стоитъ напечатать листъ? Нѣтъ, вы не знаете этого!

При этомъ онъ ткнулъ невѣдушаго чубукомъ въ грудь.

— Есть у васъ имя, сударь? Нѣтъ! Отличились ли вы чѣмъ-нибудь? Нѣтъ!

— Академія похвалила эти стихи.

— Какая академія? Академія наукъ! Та, что издаетъ всѣ эти кремневые штуки?

— Кремневые штуки?

— Да! Вы вѣдь знаете академію наукъ! Внизу, у музея, около залива. Ну, вотъ!

— Нѣтъ, господинъ Смитъ, швабская академія, на биржѣ...

— Ахъ, это та, что со стеариновыми свѣчами! Все равно! Никто не знаетъ, на что она нужна! Нѣтъ, имя надо имѣть, милостивый государь, имя какъ Тегнеръ, какъ Орэншлегель, какъ... да! Наша страна имѣетъ многихъ великихъ поэтовъ, имена которыхъ какъ разъ не приходятъ мнѣ въ голову; но надо имѣть имя! Господинъ Фалькъ? Гм! Кто знаетъ господина Фалька? Я, по меньшей мѣрѣ, не знаю, а я знаю многихъ великихъ поэтовъ. Я сказалъ на этихъ дняхъ другу моему Ибсену: «Послушай, Ибсенъ — я говорю ему ты — послушай, Ибсенъ, напиши что-нибудь для моего журнала; я заплачу, сколько хочешь! Онъ написалъ, я заплатилъ — но я получилъ обратно свои деньги.

Уничтоженный молодой человѣкъ охотнѣе бы всего спрятался въ щели пола, услыхавъ, что стоитъ передъ человѣкомъ, который съ Ибсеномъ на ты. Онъ хотѣлъ взять обратно свою рукопись и уйти, какъ только что сдѣлалъ другой, подальше, къ какой-нибудь большой рѣкѣ. Смитъ замѣтилъ это.

— Да! Вы можете писать по-шведски, это я вамъ вѣрю, сударь. Вы знаете нашу литературу лучше, чѣмъ я. Ну, ладно! У меня идея. Я слыхалъ, что въ былыя времена были прекрасные, великіе духовные писатели, при Густавѣ, сынѣ Эрика, и его дочери Христинѣ, не такъ ли?

— При Густавѣ Адольфѣ?

— Да, при Густавѣ Адольфѣ, ладно. Помню, у одного было очень извѣстное имя; онъ написалъ большую вещь въ стихахъ, кажется, о Божьемъ твореніи! Гакомъ — звали его!

— Вы говорите о Гакомѣ Снегелѣ, господинъ Смитъ! «Дѣла и отдыхъ Божьи».

— Ахъ, да! Ну! Такъ вотъ, я думалъ издать его! Нашъ народъ стремится теперь къ религiи; это я замѣтилъ; и надо имъ дать что-нибудь. Я много уже издалъ для нихъ: Германа Франке и Арндта, но Библейское Общество можетъ продавать дешевле меня, вотъ я и хочу имъ дать что-нибудь хорошее за хорошую цѣну. Хотите заняться этимъ, сударь?

— Я не знаю, что мнѣ придется дѣлать, такъ какъ дѣло идетъ только о перепечаткѣ, — отвѣтилъ Фалькъ, не смѣвшій сказать «нѣтъ».

— Какая наивность! Редактированiе и корректуру, само собой разумѣется! Согласны? Вы издаете, сударь! Нѣтъ? Напишемъ маленькую записочку? Трудъ выходитъ выпусками. Нѣтъ? Маленькую записочку? Дайте-ка мнѣ перо и чернила! Ну?

Фалькъ повиновался; онъ не могъ сопротивляться. Смитъ написалъ, а Фалькъ подписалъ.

— Такъ! Вотъ въ чемъ дѣло! Теперь другое! Дайте-ка мнѣ маленькую книжку, лежащую на этажеркѣ! На третьей полкѣ! Такъ! Смотрите теперь! Брошюра! Заглавiе: «Ангель-Хранитель». А вотъ виньетка! Корабль съ якоремъ, за кораблемъ—шхуна безъ рей, кажется! Извѣстно вѣдь, какая благодать морское страхованiе для всеобщей социальной жизни. Всѣ люди когда-нибудь, много ли, мало ли, посылаютъ что-нибудь на кораблѣ моремъ. Не такъ ли? Ну, такъ всѣмъ людямъ нужно морское страхованiе? Не такъ ли? Ну, такъ это еще не всѣмъ людямъ ясно! Поэтому обязанность знающихъ разъяснять незнающимъ. Мы знаемъ, я и вы, значить, мы должны разъяснять. Эта книга говоритъ о томъ, что каждый человѣкъ долженъ страховать свои вещи, когда посылаетъ ихъ моремъ. Но эта книга плохо написана. Ну! такъ мы напишемъ лучше. Вы напи-

жете новеллу для моего журнала «Наша Страна», и я требую, чтобы вы сумѣли дважды повторить въ ней названіе «Тритонъ»—такъ называется акціонерное общество, основанное моимъ племянникомъ, которому я хочу помочь; надо вѣдь помогать своему ближнему? Такъ вотъ имя «Тритонъ» должно встрѣтиться два раза, не больше и не меньше; но такъ, чтобы это не было замѣтно! Понимаете вы, сударь мой?

Фалькъ почувствовалъ что-то противное въ предложенномъ дѣлѣ, но вѣдь не было ничего нечестнаго въ предложеніи, и къ тому же это давало ему работу у вліятельнаго человѣка; и такъ сразу, безъ дальнѣйшихъ усилій. Онъ поблагодарилъ и согласился.

— Вы знаете вѣдь форматъ? Четыре столбца въ страницѣ, всего сорокъ столбцовъ по 32 строчки. Напишемъ, что ли, маленькую записочку?

Смитъ написалъ записку, и Фалькъ подписалъ.

— Ну, такъ послушайте, вы вѣдь знаете шведскую исторію! Посмотрите-ка тамъ на этажеркѣ! Тамъ лежитъ клише, деревяшка! Правѣ! Такъ; можете вы мнѣ сказать, кто эта дама? Говорятъ, какая-то королева!

Фалькъ, не разбиравшій раньше ничего, кромѣ черной деревяшки, замѣтилъ, наконецъ, черты человѣческаго лица и объявилъ, что онъ думаетъ, что это Ульрика Элеонора.

— Ну, не говорилъ ли я? Хи-хи-хи! Деревяшка эта сходила за королеву Елисавету англійскую и была напечатана въ американской народной книжкѣ, и теперь я дешево купилъ ее съ кучей другихъ. Я пушу его за Элеонору Ульрику въ моей народной библіотекѣ. Хорошій у насъ народецъ, онъ такъ славно раскупаетъ мои книжки. Хотите написать текстъ, сударь?

Тонко развитая совѣсть не могла найтти ничего нечестнаго, хотя онъ и чувствовалъ что-то непріятное.

— Ну! Такъ напишемъ маленькую записку! Такъ!

И опять писали!

Такъ какъ Фалькъ считалъ аудіенцію оконченной, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ получить обратно свою рукопись, на которой Смитъ сидѣлъ все время. Но тотъ не хотѣлъ выпустить ее изъ своихъ рукъ; онъ прочтетъ ее, но для этого нужно время.

— Вы разумный человѣкъ, сударь, и знаете, чего стоитъ время. Сейчасъ здѣсь былъ молодой человѣкъ, тоже со стихами, съ большой вещью въ стихахъ, которой я не могъ воспользоваться. Я предложилъ ему то же, что вамъ, сударь; знаете ли вы, что онъ сказалъ? Онъ попросилъ меня сдѣлать нѣчто такое, о чемъ я не могу рассказать. Да! вотъ что онъ сказалъ и убѣждалъ. Онъ не долго проживетъ, этотъ человѣкъ. Прощайте, прощайте! Достаньте себѣ Гакома Снегеля! Прощайте!

Смитъ указалъ чубукомъ на дверь, и Фалькъ удалился.

Шаги его были не легки. Деревяшка была тяжела и оттягивала его къ землѣ и задерживала; она тянула его къ землѣ. Онъ подумалъ о блѣдномъ молодомъ человѣкѣ съ рукописью, осмѣлившемся сказать нѣчто такое Смигу, и возгордился. Но потомъ всплыло воспоминаніе о старыхъ отцовскихъ совѣтахъ, и тутъ выскочила старая ложь, что всякая работа одинаково почтенна, и еще больше усилила его гордость; его умъ былъ пойманъ, и онъ пошелъ домой, чтобы написать сорокъ восемь столбцовъ объ Ульрихѣ Элеонорѣ.

Такъ какъ онъ всталъ очень рано, онъ въ девять часовъ уже сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Онъ набилъ себѣ большую трубку, взялъ два листа бумаги, вытеръ

стальное перо и захотѣлъ припомнить, что онъ знаетъ объ Ульрихѣ Элеонорѣ. Онъ перелисталъ Эжелунда и Фрикселя. Тамъ было много написано подъ рубрикой Ульрика Элеонора, но о ней самой не было ничего. Въ полчаса десятиаго онъ истощилъ матеріалъ; онъ написалъ, когда она родилась, когда умерла, когда вступила на престолъ, когда отказалась отъ правленія, какъ звали ея родителей и за кѣмъ она была замужемъ. Это была обыкновенная выписка изъ церковныхъ книгъ, и она не заняла и трехъ страницъ. Оставалось, значитъ, еще тринадцать. Онъ выкурилъ нѣсколько трубокъ. Онъ сталъ копать перомъ въ чернильницѣ, какъ бы лова въ ней рыбу, но ничего не появлялось. Онъ долженъ былъ сказать что-нибудь о ея личности, дать легкую характеристику; у него было ощущеніе, какъ будто ему приходилось произносить надъ ней приговоръ. Хвалить ли ее или порицать? Такъ какъ ему было безразлично, то онъ не могъ рѣшиться ни на то, ни на другое до одиннадцати часовъ. Онъ разругалъ ее и дошелъ до конца четвертой страницы—оставалось еще двѣнадцать. Онъ хотѣлъ говорить о ея правленіи, но такъ какъ она не правила, то объ этомъ нечего было сказать. Онъ написалъ о совѣтѣ — одну страницу — оставалось одиннадцать. Не было еще и половины; онъ спасъ честь Герца — страница — оставалось десять! Какъ онъ ненавидѣлъ эту женщину! Новыя трубки, еще перья! Онъ удалился въ глубь временъ, далъ обзоръ, и будучи въ раздраженіи, ниспровергъ свой прежній идеалъ, Карла XIII! Но это было сдѣлано такъ быстро, что только одна страница прибавилась къ другимъ. Оставалось девять! Онъ пошелъ впередъ и ухватился за Фридриха I. Полстраницы! Съ тоской глядѣлъ онъ на бумагу, видѣлъ что осталось еще полпути, но не могъ пройти его. Семь съ половиной

страничекъ, однако, онъ сдѣлалъ изъ того, что у Эжелунда занимало только полторы. Онъ бросилъ деревяшку на полъ, толкнулъ ее ногой подъ письменный столъ, полѣзъ за ней, опять досталъ ее, страхнулъ съ нея пыль и положилъ ее на столъ. Какія мученія! Онъ почувствовалъ сухость въ душѣ, уподобившейся этой деревяшкѣ; онъ старался взвинтить себя; онъ старался пробудить въ себѣ чувства къ покойной королевѣ, которыхъ у него не было. Тогда онъ почувствовалъ свою неспособность и почувствовалъ отчаяніе и униженіе! И это поприще онъ предпочелъ другимъ! Онъ опять изловилъ свой разумъ и занялся «Ангеломъ-Хранителемъ».

Брошюрка эта была составлена для нѣмецкаго общества, называвшагося «Нерей», и вкратцѣ содержала слѣдующее: господинъ и госпожа Шлосъ эмигрировали въ Америку и приобрѣли тамъ большое помѣстье, которое они, чтобы сдѣлать возможной эту брошюру, довольно непрактично превратили въ дорогую мебель и бездѣлушки. Чтобы все это непременно погибло и чтобы ничто не могло быть спасено, они послали эти вещи впередъ на первоклассномъ пароходѣ, № 326 общества Veritas, по имени «Вашингтонъ», который былъ обитъ мѣдью, снабженъ водонепроницаемыми перегородками и застрахованъ въ большомъ нѣмецкомъ акціонерномъ обществѣ «Нерей» въ 400.000 талеровъ. Сами же господинъ и госпожа Шлосъ отправились съ дѣтьми на лучшемъ пароходѣ Уайтъ-Старъ-Лейна «Боливаръ», застрахованномъ въ страховомъ обществѣ «Нерей» (основной капиталъ 10.000.000 долларовъ), и прибыли въ Ливерпуль. Путешествіе продолжалось. Они достигли мыса Скагенъ. Погода, конечно, была очень хорошая за всю дорогу, но какъ разъ, когда они достигли опаснаго мыса Скагенъ, разразилась, само собой разумѣется,

буря; корабль разбился; родители, застраховавшіе жизнь, потонули и этимъ обезпечили дѣтямъ сумму въ 1.500 фунтовъ стерлинговъ. Дѣти, конечно, очень радовались этому и въ хорошемъ настроеніи духа прибыли въ Гамбургъ, чтобы вступить во владѣніе страховымъ капиталомъ, а равно и наслѣдствомъ. Вообразите же себѣ ихъ разочарованіе, когда они узнали, что «Вашингтонъ» разбился четырнадцать дней тому назадъ на Доггеръ-Банкѣ; все ихъ имущество незастрахованнымъ пошло ко дну. Они поспѣшили въ агентуру. Представьте себѣ ихъ ужасъ, когда они услышали, что родители не заплатили послѣднюю премію, срокъ которой какъ разъ выпалъ на день передъ ихъ смертью! Дѣти были очень опечалены этимъ и горько оплакивали своихъ родителей, такъ усердно работавшихъ для нихъ. Они съ плачемъ упали другъ другу въ объятія и покаялись, что они впередъ всегда будутъ страховать свое имущество и не пропускать взносовъ по страхованію жизни.

Все это нужно было приспособить къ мѣсту и шведскимъ обстоятельствамъ, сдѣлать удобочитаемымъ, превратить въ новеллу. Онъ долженъ былъ вступить въ литературу! Опять пробудился въ немъ чортъ высокомерія и шепнулъ, что онъ негодяй, если занимается такими вещами; но этотъ голосъ вскорѣ былъ заглушенъ другимъ, исходившимъ со стороны желудка и сопровождавшимся необычайно сосущими и колющими ощущеньями. Онъ выпилъ стаканъ воды и выкурилъ еще трубку, но непріятное ощущеніе еще увеличилось; его мысли стали неясными онъ нашель, что комната его неуютна, время показалось ему долгимъ и однообразнымъ; онъ почувствовалъ себя слабымъ и убитымъ; мысли его стали плоскими и вертѣлись только вокругъ непріятныхъ вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшилось и физическое самочувствіе! Онъ спросилъ себя,

не голоденъ ли онъ. Былъ часъ дня, а онъ не имѣлъ обыкновенія ѣсть до трехъ! Онъ тревожно подсчиталъ свою наличность. Тридцать три эрэ! Значить, безъ обѣда! Это было въ первый разъ въ его жизни. Этой заботы у него никогда еще не было! Но съ тридцатью тремя эрэ можно и не голодать, онъ могъ послать за хлѣбомъ и пивомъ. Нѣтъ, этого онъ не могъ сдѣлать, это неудобно. Пойти самому въ молочную? Нѣтъ! Пойти и занять? Невозможно, не было никого, кто могъ бы дать ему взаймы! При этой мысли голодъ взбунтовался, какъ выпущенный дикій звѣрь, рвалъ и кусалъ его и гонялъ его по комнатамъ. Онъ курилъ одну трубку за другой, чтобы оглушить чудовище; но ничто не помогало. Барабанный бой раздавался на дворѣ казармы, и онъ увидѣлъ, какъ гвардейцы вышли со своими мѣдными котелками, чтобы получить обѣдъ. Всѣ трубы, которыя были видны ему, дымились; обѣденный колоколъ прозвонилъ на Шипсгольмъ; что-то шипѣло на кухнѣ сосѣда, полицейскаго, и запахъ жаркаго проникъ къ нему сквозь открытую дверь; онъ услышалъ звонъ посуды въ сосѣдней комнатѣ и дѣтей, читавшихъ застольную молитву; насытившіеся каменщики внизу на улицѣ спали послѣ обѣденнымъ сномъ на пустыхъ мѣшкахъ изъ-подъ провизіи; онъ былъ теперь увѣренъ, что въ эту минуту весь городъ обѣдаетъ; всѣ, кромѣ него! И онъ разсердился на Бога. Тутъ свѣтлая мысль пронеслась въ его мозгу. Онъ взялъ Ульрику Элеонору и «Ангела-Хранителя», положилъ ихъ въ бумагу, написалъ на ней имя и адресъ Смита и отдалъ посыльному свои тридцать пять эрэ. Потомъ онъ вздохнулъ облегченно, легъ на диванъ и сталъ голодать съ гордымъ сердцемъ.

VI.

То же полуденное солнце, которое присутствовало при первой битвѣ Арвида Фалька съ голодомъ, весело свѣтило въ хижину колоніи художниковъ, гдѣ Селленъ безъ пиджака стоялъ передъ своимъ мольбертомъ и дописывалъ картину, которая завтра утромъ до десяти часовъ должна была быть на выставкѣ уже совсѣмъ готовой, покрытой лакомъ и вставленной въ раму. Олэ Монтанусъ сидѣлъ на лежанкѣ и читалъ чудесную книгу, которую онъ занялъ на одинъ день въ обмѣнъ на свой галстукъ; время отъ времени онъ бросалъ взглядъ на картину Селлена и высказывалъ свое одобреніе, ибо онъ видѣлъ въ Селленѣ большой талантъ. Лундель спокойно работалъ надъ своимъ «Снятіемъ со креста»; онъ уже выставилъ три картины на выставкѣ и, какъ многіе другіе, съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ продажи.

— Хорошо, Селленъ! — сказалъ Олэ. — Ты пишешь божественно!

— Можно мнѣ взглянуть на твой шпинать? — спросилъ Лундель, который принципиально ничѣмъ не восхищался.

Мотивъ былъ простой и величественный. Песчаная отмель на побережьѣ Галланда; осеннее настроенье; лучи солнца сквозь разорванныя облака; часть передняго плана состоитъ изъ песка съ только что выброшенными мокрыми водорослями, освѣщенными солнцемъ; а сзади ихъ море, въ тѣни, съ высокими волнами, съ бѣлыми гребнями; совсѣмъ въ глубинѣ горизонтъ опять въ солнцѣ и открываетъ видъ въ безконечную даль. Картину оживляетъ только стая перелетныхъ птицъ.

Эта картина должна была быть понятной каждому неиспорченному уму, имѣвшему мужество свести таинственное и обогащающее знакомство съ одиночествомъ и видѣвшему, какъ летучіе пески губятъ многообѣщающіе посылы. Это было написано съ вдохновеніемъ и талантомъ; настроеніе создало колоритъ, а не наоборотъ.

— Ты долженъ поставить что-нибудь на переднемъ планѣ. Напиши корову, — училъ Лундель.

— Ахъ, не говори глупостей, — отвѣтилъ Селленъ.

— Сдѣлай, какъ я говорю, сумасшедшій, а то не продашь. Посади фигуру, дѣвушку; я помогу тебѣ, если не можешь; вотъ здѣсь...

— Безъ глупостей, пожалуйста! Къ чему юбки на вѣтру? Ты не можешь безъ юбокъ.

— Ну, дѣлай, какъ хочешь, — отвѣчалъ Лундель, нѣсколько огорченный насмѣшкой надъ одной изъ своихъ слабыхъ сторонъ. А вмѣсто сѣрыхъ чаекъ ты могъ бы написать журавлей; а то сейчасъ совѣмъ неизвѣстно, что это за птицы. Вообрази-ка себѣ красныя ноги журавлей на темномъ облакѣ, какой контрастъ!

— Ахъ, этого ты не понимаешь!

Селленъ былъ не силенъ въ мотивировкѣ, но свое дѣло онъ понималъ, и его здоровый инстинктъ оберегалъ его отъ всѣхъ заблужденій.

— Ты не продашь, — началъ опять Лундель, озабоченный хозяйственнымъ благосостояніемъ своего товарища.

— Какъ-нибудь проживу! Продалъ ли я когда-нибудь что-нибудь? Сталъ ли я отъ того хуже? Развѣ ты думаешь, что я не понимаю, что продавалъ бы, если бы писалъ, какъ другіе? Ужели же ты думаешь, что я не могу писать такъ же плохо, какъ они? Но я не хочу.

— Но долженъ же ты позаботиться объ уплатѣ дол-

говъ! Вѣдь ты долженъ Лунду, хозяину «Печного Горшка», нѣсколько сотъ кронъ.

— Ну, отъ этого онъ не обѣднѣетъ! Впрочемъ, онъ получилъ картину, стоящую вдвое больше!

— Ты самый себялюбивый человекъ, какого я знаю! Картина не стоила и двадцати кронъ!

— Я цѣнилъ ее въ пятьсотъ, по обычной цѣнѣ; но вкусъ такъ разнообразенъ. Я нахожу твое «Снятие со креста» никуда негоднымъ, а ты считаешь его хорошимъ.

— Но ты испортилъ кредитъ въ «Печномъ Горшкѣ» и намъ остальнымъ; Лундъ вчера отказалъ мнѣ въ немъ, и я не знаю, гдѣ я сегодня буду обѣдать.

— Ну, такъ что-жъ? Проживешь и такъ! Я уже два года не обѣдалъ!

— Ахъ, ты намеренъ основательно ограбить господина Фалька, попавшаго въ твои когти.

— Да, правда! Славный малый! Впрочемъ, это талантъ. Много естественнаго въ его стихахъ, я въ послѣдніе вечера кое-что читалъ изъ нихъ. Но боюсь, онъ слишкомъ мягокъ, чтобы выдвинуться въ этомъ свѣтѣ; у него, у каналы, такія нѣжныя чувства!

— Если онъ будетъ путаться съ тобой, такъ это скоро пройдетъ. Но безбожнымъ нахожу я, какъ ты испортилъ этого молодого Ренгельма въ самое короткое время. Ты вбилъ ему въ голову, чтобы онъ шелъ на сцену.

— Разсказывалъ онъ это? Вотъ, дьявольскій малый! Изъ него кое-что выйдетъ, если онъ останется живъ, но это не такъ просто, когда приходится такъ мало ѣсть! Убей меня Богъ! Краски вышли! Нѣтъ ли у тебя немного бѣлилль? Помилуй меня, Боже, всѣ тюбики выдавлены — ты долженъ дать мнѣ краски, Лундель.

— У меня нѣтъ лишней, да если бы и была, я бы остерегся давать тебѣ!

— Не болтай глупостей! Ты знаешь, дѣло спѣшное.

— Серьезно, у меня нѣтъ твоихъ красокъ! Если бы ты сэкономилъ, ихъ хватило бы...

— Это мы знаемъ! Такъ давай денегъ!

— Денегъ ты просишь какъ разъ во-время!

— Ну, тогда ты, Олэ! Ты долженъ что-нибудь заложить!

При словѣ «заложить» Олэ сдѣлалъ веселое лицо, потому что зналъ, что тогда будетъ ѣда.

Селленъ сталъ искать по комнатамъ.

— Что же у насъ есть? Пара сапогъ! За нихъ мы получимъ двадцать пять эрэ, ихъ, пожалуй, лучше продать.

— Они принадлежатъ Ренгельму; ты не смѣешь брать ихъ, — прервалъ Лундель, который хотѣлъ ими воспользоваться послѣ обѣда, чтобы идти въ городъ. — Ты не возьмешь же чужихъ вещей?

— Почему? Вѣдь онъ же получить за нихъ деньги! Это что за пакетъ? Бархатный жилетъ! Онъ хорошъ! Я возьму его самъ, тогда Олэ можетъ унести мой! Воротнички и манжеты? Но они только бумажные! Пара носковъ! Здѣсь, Олэ, еще на двадцать эрэ. Положи ихъ въ жилетъ! Пустыя бутылки ты тоже можешь продать! Я думаю, что лучше всего, если ты все продашь!

— Ты хочешь продавать чужія вещи? Неужели же у тебя нѣтъ никакаго правового чувства? — прервалъ его Лундель, давно уже стремившійся путемъ убѣжденія завладѣть такъ давно соблазненнымъ его пакетомъ.

— Ахъ, вѣдь онъ ихъ получить потомъ! Но этого недостаточно! Надо снять пару простыней съ постели! На что намъ простыни! Да, Олэ, завертывай ихъ!

Олэ съ большой ловкостью сдѣлалъ узелъ изъ простыни, въ то время какъ Лундель усиленно протестовалъ.

Когда узелъ былъ готовъ, Олэ взялъ его подъ мышку, застегнулъ драный куртку, чтобы скрыть отсутствіе жилета, и отправился въ городъ.

— У него видъ жулика, — сказалъ Селленъ, стоявшій у окна и съ улыбкой глядѣвшій на улицу. — Если полиція оставить его въ покоѣ, такъ и то хорошо будетъ! Пospѣши, Олэ, — крикнулъ онъ вслѣдъ уходящему. — Купи шесть булокъ и двѣ бутылки пива, если останется что-нибудь отъ покупки красокъ!

Олэ обернулся и махнулъ шляпой съ такой увѣренностью, какъ будто вся провизія уже была у него въ карманахъ.

Лундель и Селленъ остались одни. Селленъ любовался своимъ новымъ бархатнымъ жилетомъ, къ которому Лундель такъ долго питалъ тайную страсть. Лундель чистилъ свою палитру и кидалъ ревнивые взоры на утраченное сокровище. Но не объ этомъ хотѣлъ онъ говорить; не это мучило его.

— Посмотри на мою картину, — сказалъ онъ, наконецъ. — Что ты объ этомъ думаешь, серьезно?

— Не надо такъ зарабатывать ее и зарисовывать, надо писать! Откуда этотъ свѣтъ? Отъ одеждъ, отъ тѣла! Но это же безуміе! Чѣмъ дышатъ эти люди? Красками, масломъ! Я не вижу воздуха!

— Да, — сказалъ Лундель, — но вѣдь это такъ субъективно, какъ ты самъ только что говорилъ! Что ты скажешь о компановкѣ?

— Слишкомъ много людей!

— Ты ужасенъ; я хотѣлъ бы еще нѣсколькихъ.

— Стой, тутъ какая-то ошибка!

Селленъ глядѣлъ тѣмъ долгимъ взглядомъ, которымъ смотрять только жители побережья или равнинъ.

— Да, какая-то ошибка есть. Ты не видишь ее?

— Тутъ одни мужчины! Это слишкомъ сухо!

— Да, именно. И какъ это ты увидѣлъ!

— Значитъ, тебѣ нужна женщина?

Лундель посмотрѣлъ, не шутить ли онъ, но это было трудно различить, потому что теперь онъ свистѣлъ.

— Да, мнѣ недостаетъ женской фигуры, — сказалъ онъ.

Стало тихо и неуютно: такіе старые знакомые съ глазу на глазъ.

— Если бы только достать какъ-нибудь натурщицу. Академическихъ я не хочу, ихъ знаютъ всѣ, да къ тому же здѣсь религіозная тема.

— Ты хочешь имѣть что-нибудь получше? Понимаю! Если бы ей не слѣдовало быть обнаженной, я, можетъ быть, могъ бы...

— Обнаженной ей вовсе не надо быть. Съ ума ты сошелъ что-ли? Среди такого количества мужчинъ, да къ тому же это религіозная тема...

— Да, да, это мы знаемъ. Но ей надо имѣть костюмъ, что-нибудь восточное, она должна наклоняться впередъ, какъ бы поднимая нѣчто съ земли, такъ чтобы были видны плечи, шея и первый спинной позвонокъ, понимаю! Но въ религіозномъ стилѣ Магдалины! Съ птичьего полета!

— И все-то ты долженъ высмѣять и уличить!

— Къ дѣлу! Къ дѣлу! Тебѣ надо натурщицу, безъ этого нельзя! Ты самъ ничего не знаешь! Прекрасно! Твои религіозныя чувства запрещаютъ тебѣ завести таковую,

значить я и Ренгельмъ, какъ легкомысленные ребята, доставимъ тебѣ натурщицу!

— Но это должна быть приличная дѣвушка, преждемъ!

— Конечно! Посмотримъ, что мы сможемъ сдѣлать послѣзавтра, когда получимъ деньги!

И потомъ они опять спокойно и тихо занимались живописью, пока не пробило четыре и пять часовъ. Время отъ времени они бросали безпокойные взгляды на улицу. Селленъ первый прервалъ боязливое молчаніе.

— Олэ заставляетъ себя ждать! Съ нимъ, навѣрно, что-нибудь случилось! — сказалъ онъ.

— Да, тутъ что то неладно! И зачѣмъ ты всегда посылаешь этого бѣднаго шута? Самъ бы дѣлалъ свои дѣла!

— Ему вѣдь больше нечего дѣлать, и онъ такъ охотно ходить.

— Этого ты не знаешь, и вообще еще не извѣстно, чѣмъ когда-нибудь кончитъ Олэ. У него большіе планы, и онъ каждый день можетъ опять встать на ноги. Тогда будетъ хорошо быть въ числѣ его друзей.

— Нѣтъ, что ты говоришь? Какое же великое произведеніе онъ создастъ? Охотно вѣрю, что Олэ станетъ великимъ человѣкомъ, даже и не будучи скульпторомъ! Но, чортъ дери, его долго нѣтъ! Не думаешь ли ты, что онъ истратитъ деньги?

— Да, да! Онъ давно ничего не получалъ, и искушеніе, можетъ быть, стало слишкомъ сильнымъ для него, — отвѣтилъ Лундель и затянулъ поясъ на два отверстія, обдумывая, что онъ самъ сдѣлалъ бы на мѣстѣ Олэ.

— Да, не будешь больше, чѣмъ человѣкомъ, а человѣкъ себѣ самому ближе всего, — сказалъ Селленъ, знавшій навѣрно, что онъ сдѣлалъ бы. — Но я не могу дольше

ждать; мнѣ нужны краски, если бы даже пришлось ихъ украсть. Я пойщу Фалька.

— Ты хочешь еще повысосать изъ бѣднаго малаго? Ты еще вчера только взялъ у него на раму. И это были не малыя деньги.

— Дорогой мой! Я принужденъ забыть о стыдѣ; тутъ ничего не подѣлаешь. Чего только не приходится сносить? Впрочемъ, Фалькъ великодушный человѣкъ, понимающій, въ какое положеніе можно попасть. Во всякомъ случаѣ я иду теперь. Если Олэ придетъ, то скажи ему, что онъ скотина! Прощай! Приходи въ «Красную Комнату»; тамъ мы увидимъ, смилостивится ли нашъ хозяинъ и дастъ ли намъ что-нибудь поѣсть до захода солнца! Запри дверь, если уйдешь, и положи ключъ подъ порогъ! Прощай!

Онъ ушелъ и вскорѣ онъ стоялъ передъ дверью Фалька на улицѣ Графъ-Мати. Онъ постучался, но не было отвѣта. Онъ открылъ дверь и вошелъ. Фалькъ, которому, должно быть, снились тревожные сны, вскочилъ и глядѣлъ на Селлена, не узнавая его.

— Добрый вечеръ, братъ,—привѣтствовалъ его Селленъ

— Ахъ, это ты? Мнѣ снилось что-то странное. Добрый вечеръ! Садись и выкури трубку. Развѣ уже вечеръ?

Селлену показались знакомыми эти симптомы, но онъ не подалъ виду и продолжалъ бесѣду.

— Ты, должно быть, не былъ сегодня въ «Оловянной Пуговицѣ»?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Фалькъ смущенно,—я не былъ тамъ, я былъ въ «Идунѣ».

Онъ не зналъ навѣрняка, приснилось ли ему это или онъ дѣйствительно былъ тамъ; но онъ былъ радъ, что сказалъ это, такъ какъ онъ стыдился своей неудачи.

— Это хорошо, — подтвердилъ Селленъ, — въ «Оловянной пуговицѣ» неважный столъ.

— Да, конечно, — сказалъ Фалькъ. — Ихъ бульонъ куда не годенъ.

— Да, а потомъ еще старый экономъ стоитъ и считаетъ бутерброды, негодяй.

При словѣ «бутербродъ» Фалькъ пришелъ въ сознаніе, но онъ не чувствовалъ голода, хотя и замѣчалъ нѣкоторую слабость въ ногахъ. Но эта тема ему была неприятна, и надо было ее сейчасъ же переменить.

— Скажи пожалуйста, — сказалъ онъ, — ты къ завтрашнему дню окончишь картину?

— Къ сожалѣнію нѣтъ!

— Что случилось?

— Я никакъ не могу кончить!

— Ты не можешь? Почему же ты не сидишь дома и не работаешь?

— Ахъ, это старая, вѣчная исторія, дорогой братъ. Нѣтъ красокъ, красокъ!

— Этому можно помочь: можетъ быть, у тебя нѣтъ денегъ?

— Будь у меня деньги, не было бы никакой бѣды!

— У меня тоже нѣтъ. Что тутъ дѣлать?

Селленъ опустилъ глаза, пока взглядъ его не достигъ уровня жилетнаго кармана Фалька, въ который уходила очень толстая золотая цѣпочка; не потому что Селленъ думалъ, что это золото, настоящее золото, ибо этого онъ не могъ бы понять, какъ можно быть настолько сумасбродомъ, чтобы носить столько золота на жилетѣ. Его мысли приняли между тѣмъ опредѣленное направленіе.

— Если бы я, по меньшей мѣрѣ, имѣлъ бы что заложить; но мы были такъ неосторожны, что въ первый сол-

нечный апрѣльскій день отнесли наши зимнія пальто въ закладъ.

Фалькъ покраснѣлъ. Онъ еще не дѣлалъ такихъ вещей.

— Вы закладывали пальто?—спросилъ онъ.—Развѣ вамъ дали что-нибудь за нихъ?

— За все можно что-нибудь получить, за все,—подчеркнулъ Селленъ,—если только имѣешь что-нибудь.

Передъ глазами Фалька все завертѣлось. Онъ сѣлъ. Потомъ онъ вытащилъ свои золотые часы.

— Что, какъ ты думаешь, можно получить за это вотъ съ цѣпочкой?

Селленъ взвѣсилъ будущіе заклады на рукѣ и оглядѣлъ ихъ взглядомъ знатока.

— Это золото?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Это золото!

— Съ пробой?

— Съ пробой!

— И цѣпочка тоже?

— И пѣпочка тоже!

— Сто кронъ!—объявилъ Селленъ и такъ потрясъ руку, что цѣпочка зазвенѣла.—Но жалко! Тебѣ не надо закладывать своихъ вещей изъ-за меня.

— Тогда для меня,—сказалъ Фалькъ, не желавшій блистать альтруизмомъ, котораго у него не было.—Мнѣ тоже нужны деньги. Если ты превратишь ихъ въ деньги, ты окажешь мнѣ услугу.

— Ну, пожалуй,—сказалъ Селленъ, не хотѣвшій слушать своего друга.—Я заложу ихъ! Соберись съ духомъ, братъ. Жизнь порой горька, видишь ли, но надо съ ней бороться.

Онъ похлопалъ Фалька по плечу съ сердечностью,

рѣдко проникавшей сквозь броню насмѣшки, которую онъ носилъ.

Потомъ они пошли.

Было семь часовъ, когда все было сдѣлано. Потомъ они купили красокъ, а послѣ пошли въ «Красную Комнату».

«Салонъ» Бернса только начиналъ играть свою культурно-историческую роль въ стокгольмской жизни, положивъ конецъ нездоровой кафешантанной атмосферѣ, процвѣтавшей въ шестидесятыхъ годахъ въ столицѣ и оттуда распространившейся по всей странѣ. Здѣсь съ семи часовъ собирались толпы молодыхъ людей, находившихся въ ненормальномъ положеніи, которое наступаетъ, когда покидаешь отчій домъ, и длится, пока не обзаведешься своимъ.

Здѣсь сидѣли толпы холостяковъ, убѣждавшихъ изъ одинокой комнаты къ свѣту и теплу, чтобы встрѣтить человѣческое существо, съ которымъ можно было бы поболтать. Хозяинъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ занимать публику пантомимой, акробатами, балетомъ и тому подобнымъ; но ему ясно выразили, что сюда приходили не веселиться, а отдыхать; нужна была комната для бесѣды, для собраній, гдѣ можно было бы всегда найти знакомыхъ. Такъ какъ музыка не мѣшала разговаривать, даже скорѣе способствовала, то ее терпѣли, и она, мало-по-малу, стала вмѣстѣ съ пуншемъ и табакомъ необходимымъ элементомъ стокгольмскаго вечера.

Такимъ образомъ салонъ Бернса сталъ клубомъ молодежи всего Стокгольма. И каждый кружокъ избралъ себѣ уголокъ; колонисты изъ Лилль-Янса завладѣли внутренней шахматной комнатою за южной галлереей, которая за свою красную мебель и ради краткости получила прозвище

«Красной Комнаты». Тамъ непременно встрѣчались, хотя днемъ всѣ были разсыпаны, какъ горохъ; оттуда дѣлались настоящіе набѣги въ залъ, когда нужда была велика и надо было достать денегъ. Тогда устраивали цѣпь: двое шли съ боковъ по галлереемъ и двое шли вдоль по залу; выходило нѣчто въ родѣ невода, который рѣдко вытаскивали пустымъ, такъ какъ новые гости все время притекали.

Сегодня въ этомъ не было надобности, и поэтому Селленъ такъ спокойно опустился на красный диванъ въ глубинѣ комнаты. Послѣ того какъ они разыграли другъ передъ другомъ маленькую комедію, обсуждая, что бы имъ выпить, они рѣшили, что надо ѣсть. Они только что начали трапезу, и Фалькъ почувствовалъ, какъ росли его силы, какъ вдругъ длинная тѣнь упала на ихъ столъ — передъ ними стоялъ Игбергъ, столь же блѣдный и изможденный, какъ всегда. Селленъ, находившійся въ счастливыхъ обстоятельствахъ и потому бывший добрымъ и вѣжливымъ, тотчасъ же спросилъ, не можетъ ли онъ составить имъ компанію, каковую просьбу поддержалъ и Фалькъ. Игбергъ церемонился, оглядывая содержимое блюда и стараясь прикинуть, будетъ ли онъ сытъ или полусытъ.

— У васъ острое перо, господинъ Фалькъ,— сказалъ онъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ тѣхъ походовъ, которые его вилка совершала по закускѣ.

— Какъ такъ? — отвѣтилъ Фалькъ и вспыхнулъ; онъ не думалъ, что кто-нибудь ознакомился съ его перомъ.

— Статья имѣла большой успѣхъ.

— Какая статья? Не понимаю.

— Корреспонденція въ «Народномъ Знамени» о присутствіи по чиновничьимъ окладамъ.

— Я не писалъ ея.

— Но такъ говорятъ въ присутствіи! Я встрѣтилъ

одного знакомаго оттуда; онъ называлъ вась авторомъ, и ожесточеніе тамъ велико.

— Что вы говорите?

Фалькъ чувствовалъ себя виновнымъ на половину, и теперь онъ зналъ, что Струвэ записывалъ въ тотъ вечеръ на Моисеевой горѣ. Но вѣдь Струвэ былъ только референтомъ, подумалъ Фалькъ, и онъ считалъ, что долженъ отвѣчать за то, что сказалъ, даже подъ страхомъ прослыть скандальнымъ писакой! Такъ какъ онъ чувствовалъ, что отступленіе ему отрѣзано, онъ увидѣлъ, что есть только одинъ выходъ: итти напроломъ!

— Хорошо,— сказалъ онъ,— я зачинщикъ этой статьи! Будемъ же говорить о чемъ-нибудь другомъ! Что вы думаете объ Ульрикѣ-Элеонорѣ? Не правда ли, интересная личность? Или, вотъ, морское страховое общество «Три-тонъ»? Или Гакомъ Снегель.

— Ульрика Элеонора — самый интересный характеръ въ шведской исторіи,— отвѣчалъ серьезно Игбергъ.—Я только что получилъ заказъ на статью о ней.

— Отъ Смита? — спросилъ Фалькъ.

— Да, откуда вы это знаете?

— Я сегодня утромъ отослалъ это обратно.

— Нехорошо не работать! Вы будете раскаиваться въ этомъ! Повѣрьте мнѣ!

Лихорадочная краска бросилась въ лицо Фальку, и онъ говорилъ возбужденно; Селленъ сидѣлъ спокойно и прислушивался больше къ музыкѣ, чѣмъ къ разговору, который частью не интересовалъ его, частью не былъ ему понятенъ. Сидя въ углу дивана, онъ могъ черезъ открытыя двери, выходящія въ южную галерею и въ залъ, переноситься взглядомъ въ сѣверную галерею. Черезъ громадное облако дыма, всегда висѣвшее надъ пропастью

между двумя галереями, онъ могъ различать лица, находившіяся на другой сторонѣ. Вдругъ что-то привлекло его вниманіе. Онъ рванулъ Фалька за руку.

— Нѣтъ, каковъ хитрецъ! Посмотри тамъ, за лѣвой шторой! — Лундель!

— Да, именно, онъ! Онъ ищетъ Магдалину! Смотри, теперь онъ заговариваетъ съ ней! Это рѣдкое дитя!

Фалькъ покраснѣлъ, и это не ускользнуло отъ Селлена.

— Развѣ онъ здѣсь отыскиваетъ себѣ натурщицъ? — спросилъ онъ удивленно.

— Да гдѣ же ему ихъ еще найти? Не въ темнотѣ же.

Вскорѣ послѣ того Лундель вошелъ и былъ встрѣченъ покровительственнымъ кивкомъ Селлена, значеніе котораго онъ, казалось, понималъ: онъ вѣжливо, чѣмъ обыкновенно, поклонился Фальку и высказалъ свое удивленіе по поводу присутствія Игберга. Игбергъ, замѣтившій это, ухватился за случай и спросилъ, чего Лундель хотѣлъ бы сѣсть; тотъ сдѣлалъ большіе глаза: ему казалось, что онъ находится среди однихъ магнатовъ. И онъ почувствовалъ себя очень счастливымъ, сталъ мягкимъ и человѣколюбивымъ и, сѣвъ горячій ужинъ, онъ почувствовалъ необходимость дать исходъ своимъ ощущеніямъ. Видно было, что онъ хотѣлъ сказать что-то Фальку, но никакъ не могъ. Къ несчастью, оркестръ игралъ какъ разъ «Услышь насъ, Швеція!» а затѣмъ заигралъ «Нашъ Богъ оплотъ надежный».

Фалькъ заказалъ еще вина.

— Вы любите, какъ я, эту старую церковную пѣснь, господинъ Фалькъ? — началъ Лундель.

Фалькъ не зналъ, предпочитаетъ ли онъ церковную музыку; онъ спросилъ Лунделя, не хочетъ ли онъ выпить пунша. У Лунделя были свои сомнѣнія, онъ не зналъ, от-

важиться ли. Быть можетъ, ему сперва надо было бы еще что-нибудь съѣсть; онъ слишкомъ слабъ, чтобы пить; ему показалось, что необходимо подтвердить это сильнымъ припадкомъ кашля послѣ третьей рюмки водки.

— Факель искупленія — хорошее названіе, — продолжалъ онъ, — оно указываетъ сразу на глубокою религіозную потребность въ искупленіи и на свѣтъ, явившійся міру, когда свершилось величайшее чудо, прискорбное высокомернымъ.

Онъ при этомъ заложилъ за щеку пельмень и посмотрѣлъ, какое дѣйствіе производитъ его рѣчь — но былъ весьма мало польщенъ, когда увидѣлъ три глупыя рожи, выражавшія величайшее удивленіе. Ему пришлось говорить яснѣе.

— Снегель — великое имя, и рѣчь его не подобна словамъ фарисеевъ. Мы всѣ помнимъ, что онъ написалъ прекрасный псаломъ: «Смокнули уста ропщущихъ», подобнаго которому еще надо поискать! За ваше здоровье, господинъ Фалькъ! Меня радуешь, что вы занялись имъ!

Теперь Лундель замѣтилъ, что у него ничего нѣтъ въ стаканѣ.

— Мнѣ кажется, что я долженъ спросить еще кружку.

Двѣ мысли пронеслись въ мозгу Фалька: 1) малый пьетъ вѣдь водку! 2) Откуда онъ знаетъ про Снегеля? Подозрѣніе мелькнуло у него, какъ молнія, но онъ не хотѣлъ ничего знать и сказалъ только:

— За ваше здоровье, господинъ Лундель!

Неприятный разговоръ, который долженъ былъ восплѣдовать, счастливымъ образомъ не состоялся, такъ какъ внезапно появился Олэ. Онъ пришелъ истерзаннѣе обыкновеннаго, грязнѣе обыкновеннаго и по внѣшности еще не-

поворотливѣй въ бедрахъ, торчавшихъ какъ бугшприты подъ сюртукомъ, державшимся только на одной пуговицѣ, какъ разъ надъ первымъ ребромъ. Но онъ радовался и смѣялся, когда увидѣлъ такъ много пищи и напитковъ на столѣ, и къ ужасу Селлена онъ сталъ докладывать объ исходѣ своей миссиі, отдавать отчетъ въ своихъ порученьяхъ. Его дѣйствительно арестовала полиція.

— Вотъ квитанціи!

Онъ подалъ Селлену черезъ столъ двѣ зеленыхъ залоговыхъ квитанціи, которыя Селленъ мгновенно превратилъ въ бумажный шарикъ.

Его привели на гауптвахту. Тамъ онъ долженъ былъ сказать свое имя. Оно, конечно, оказалось ложнымъ! Какого человѣка могли звать Монтанусъ! Потомъ мѣсто рожденія: Вестманландъ! Это само собой было ложно, ибо вахмистръ самъ былъ оттуда и зналъ своихъ земляковъ! Потомъ возрастъ: двадцать восемь лѣтъ. Это была ложь, ибо ему «по меньшей мѣрѣ было сорокъ». Мѣстожителство: Лилль-Янсъ! Это была ложь, потому что тамъ жилъ только садовникъ. Занятіе: художникъ! Это была тоже ложь, ибо «у него видъ портоваго рабочаго».

— Вотъ краски, четыре тюбика! Смотри.

Потомъ у него разорвали узелъ, при чемъ одна простыня разорвалась.

— Поэтому я получилъ только одну крону, двадцать пять за обѣ! Посмотри квитанцію, ты увидишь, что это такъ.

Потомъ его спросили, гдѣ онъ укралъ эти вещи. Олѣ отвѣтилъ, что онъ эти вещи не укралъ; тогда старшій вахмистръ обратилъ его вниманіе на то, что о рѣчь идетъ не о томъ укралъ ли онъ ихъ или нѣтъ, но о томъ, гдѣ онъ ихъ укралъ! Гдѣ? Гдѣ?

— Здѣсь деньги, сдачи двадцать пять эрэ!

— Потомъ составили протоколъ о краденыхъ вещахъ, которыя запечатали тремя печатами. Напрасно Олэ увѣрялъ въ своей невинности, напрасно апшелировалъ онъ къ ихъ правовому сознанию и человѣчности. Это имѣло только то вліяніе, что полицейскій предложилъ занести въ протоколъ, что арестованный былъ сильно пьянъ; это и сдѣлали, только выпустили слово «сильно». Послѣ того, какъ старшій вахмистръ многократно просилъ вахмистра припомнить, что арестованный при задержаніи оказалъ сопротивление, но тотъ отвѣтилъ, что не можетъ утверждать этого подъ присягой, но ему такъ «казалось», будто арестованный пытался оказать сопротивление, желая выбѣжать въ ворота, — послѣднее было запротоколено.

Затѣмъ былъ составленъ рапортъ, который Олэ долженъ былъ подписать. Рапортъ гласилъ: «Личность злонамереннаго и угрожающаго вида была замѣчена въ томъ, что крадась лѣвой стороной Норландской улицы съ подозрительнымъ узломъ подъ мышкой. При задержаніи онъ былъ одѣтъ въ зеленый сюртукъ, жилетъ отсутствовалъ, штаны были изъ синяго фриза, на сорочкѣ мѣтка П. Л. (что заставляетъ предполагать, что она украдена или что арестованный назвался вымышленнымъ именемъ); чулки шерстяные и фетровая шляпа съ пѣтушинымъ перомъ. Арестованный назвался вымышленнымъ именемъ Олэ Монтанусъ, объявилъ, что происходитъ изъ крестьянъ Вестманланда, и старался увѣрить, что онъ художникъ; мѣстомъ жительства онъ назвалъ Лилль-Янсъ, что оказалось невѣрнымъ. Пытался оказать сопротивление при задержаніи, стараясь скрыться черезъ ворота». Засимъ слѣдовало перечисленіе содержимаго узла.

Когда Олэ отказался подтвердить истинность этого ра-

порта, телеграфировали въ тюрьму, послѣ чего повозка прѣѣхала за арестованнымъ, полицейскимъ и узелкомъ.

Когда они заворачивали въ Монетную улицу, Олэ увидѣлъ своего спасителя, депутата Пера Илсона, своего земляка; онъ кликнулъ его, и тотъ подтвердилъ, что рапортъ невѣренъ, послѣ чего Олэ отпустили и возвратили ему его узелъ. И вотъ онъ пришелъ, и...

— Вотъ булки! Тутъ только пять; одну я съѣлъ. А здѣсь пиво.

Онъ, дѣйствительно, положилъ пять булокъ на столъ, досталъ ихъ изъ кармановъ сюртука, и поставилъ рядомъ съ ними двѣ бутылки пива, которыя онъ вытащилъ изъ кармановъ брюкъ, послѣ чего его фигура опять приняла обычныя пропорціи.

— Фалькъ, ты долженъ извинить Олэ, онъ не привыкъ быть въ приличномъ обществѣ. Спрячь булки, Олэ! Что за глупости ты дѣлаешь! — поправлялъ его Селленъ.

Олэ повиновался.

Лундель не отдавалъ подноса съ кушаньями, хотя онъ такъ поѣлъ, что по оставшимся слѣдамъ нельзя было сказать, что находилось на блюдахъ; но бутылка съ водкой время отъ времени приближалась къ стакану, и Лундель задумчиво выпивалъ. Время отъ времени онъ вставалъ посмотреть, что они играютъ, при чемъ Селленъ усердно слѣдилъ за нимъ.

Потомъ пришелъ Ренгельмъ. Тихій и пьяный съѣлъ онъ и сталъ искать предмета для своихъ блуждающихъ взоровъ, на которомъ они могли бы отдохнуть. Его усталый взоръ, наконецъ, остановился на Селленѣ и задержался на бархатномъ жилетѣ, составившемъ на остатокъ вечера богатый матеріалъ для его наблюдений. Одно мгновеніе его лицо освѣтилось, какъ бы при видѣ стараго знакомаго, но

потомъ свѣтъ этотъ опять погасъ, когда Селленъ застегнулъ сюртукъ, «потому что дуло».

Игбергъ угощалъ Олэ ужиномъ и не уставалъ пону-кать его, подобно меценату, брать еще и наполнять стаканъ.

Музыка, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась оживленнѣе, и разговоры тоже.

Фалькъ почувствовалъ большую привлекательность въ этомъ опьяненіи; здѣсь было тепло, свѣтло, шумно; здѣсь сидѣли люди, жизнь которыхъ онъ продлилъ на нѣсколько часовъ и которые поэтому были счастливы и веселы, какъ мухи, оживающія отъ солнечныхъ лучей. Онъ чувствовалъ себя роднымъ имъ, такъ какъ они были несчастны и были скромны; понимали, что онъ говорилъ, и когда говорили сами, то выражались не книжно; даже грубость ихъ имѣла извѣстную привлекательность, ибо было такъ много естественнаго въ ней, такъ много наивности; даже лицемѣріе Лунделя не внушало ему отвращенія, ибо оно было такъ наивно наклеено, что его каждое мгновеніе легко было сорвать.

Такъ прошелъ вечеръ, и кончился день, безвозвратно толкнувшій его на тернистое поприще литератора.

VII.

На слѣдующее утро Фалькъ былъ разбуженъ служанкой, принесшей ему письмо; содержаніе его было слѣдующее:

Тимое. X, 27, 28, 29.

Перв. Коринѣ. VI, 3, 4, 5.

Дорогой братъ.

Нашего Господа Бога І. Х. милость и миръ, любовь Отца и благодать Св. Д. и т. д. Аминь!

Я прочелъ вчера въ «Сѣромъ Колпачкѣ», что ты собираешься издавать «Факелъ Искупленія». Посѣти меня завтра утромъ до девяти часовъ.

Твой искупленный

Натанаэль Скорэ.

Теперь онъ отчасти понялъ загадку Лунделя. Онъ не зналъ лично знаменитаго человѣка Божія Скорэ и ничего не зналъ о «Факелѣ Искупленья», но онъ былъ любопытенъ и рѣшилъ послѣдовать приглашенію.

Въ девять часовъ утра онъ стоялъ передъ огромнымъ четырехэтажнымъ домомъ, фасадъ котораго, отъ погреба до крыши, былъ весь увѣшанъ вывѣсками: «Христіанская книгопечатня», 2 этажъ. Редакція «Наслѣдіе дѣтей Божьихъ». Экспедиція «Страшнаго суда», 1 этажъ. Экспедиція «Трубы мира», 2 этажъ. Редакція дѣтской газеты «Питай ягнятъ моихъ», 1 этажъ. Дирекція акціонернаго общества христіанскихъ молитвенныхъ домовъ «Исповѣдальня» даетъ ссуды подъ первую закладную, этажъ. «Приди ко Христу», 3 этажъ. Хорошіе продавцы, могушіе представить поручителя, получаютъ занятіе. Акціонерное общество миссіонеровъ «Орель» выплачиваетъ дивидендъ 1867 года купонами, 2 этажъ. Контора христіанскаго миссіонерскаго парохода «Zululu», 2½ этажъ. Пароходъ отходитъ, съ соизволенія Господня, 28-го. Грузы принимаются по коносаментамъ и свидѣтельствамъ въ конторѣ на пристани, гдѣ пароходъ грузится. Союзъ «Муравейникъ» принимаетъ пожертвованія. Воротнички стираются и гладятся у швей-

цара. Облатки 1.50 за фунтъ, у швейцара. Черные фраки, пригодные для конфирмующихся, отдаются на прокатъ. Не бродившее вино (Матѣ. 19, 32) 75 за бутылку безъ посуды, у швейцара.

Въ первомъ этажѣ налѣво отъ воротъ была христианская книготорговля. Фалькъ остановился передъ окномъ и сталъ читать заголовки выставленныхъ книгъ. Все было старое, обыкновенное: нескромные вопросы, безстыдныя обвиненія, оскорбительная фамильярность, все такъ давно и хорошо извѣстное. Но особенно привлекли его вниманіе многочисленныя иллюстрированныя журналы, красовавшіеся въ окнѣ своими большими англійскими гравюрами, чтобы заманивать людей. Особенно интересная программа была у дѣтскихъ журналовъ.

Фалькъ взошелъ по широкой лѣстницѣ, украшенной помпейской стѣнной живописью, напоминающей о пути, вовсе не ведущемъ къ спасенію, и вошелъ въ большую комнату, меблированную какъ банковый залъ деревянными конторками, за которыми еще не сидѣли бухгалтеры и кассиры. Посреди комнаты стоитъ письменный столъ, огромный какъ алтарь, но скорѣе напоминающій органъ со многими голосами, такъ какъ его украшаетъ цѣлая клавиатура пуговокъ и пневматическихъ телефоновъ съ трубообразными рупорами, соединяющихъ всѣ помѣщенія зданія. Передъ нимъ стоитъ большой человѣкъ въ лакированныхъ ботфортахъ въ пасторскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на одну пуговицу у шеи, такъ что онъ напоминаетъ разстегнутое военное пальто; бѣлый галстукъ и надъ нимъ маска морского капитана, такъ какъ настоящее лицо утеряно гдѣ-то въ конторкѣ или въ ящикѣ. Большой человѣкъ хлещетъ свои сверкающія голенища хлыстомъ, набалдашникъ у котораго въ видѣ символической лошадиной ноги, и куритъ крѣп-

кую регалию, усердно жуя ее, очевидно для того, чтобы дать занятіе рту. Фалькъ смотритъ съ удивленіемъ на большого человѣка.

Такъ вотъ какова послѣдняя мода этого сорта людей, ибо и на людей есть мода! Это былъ великій пророкъ, которому удалось ввести въ моду грѣховность и жажду милосердія, отчаяніе и нищету, однимъ словомъ, всѣ виды и способы быть плохими и стремиться стать хорошими! Этотъ человѣкъ сдѣлалъ искупленіе фешенебельнымъ! Онъ нашелъ евангеліе для изысканнаго общества! Стремленіе къ спасенію стало спортомъ! Устраивались состязанія въ грѣховности, при чемъ худшій получалъ призъ; устраивались облавы на грѣшныя души, подлежащія искупленію; но были также, признаемъ это, охоты на жертвъ, на которыхъ упражнялись въ улучшеніи, причиняя имъ жесточайшую благотворительность.

— Ахъ, такъ это вы, господинъ Фалькъ, — сказала маска. — Привѣтъ вамъ, другъ мой! Можетъ быть, полюбуетесь моей дѣятельностью! Простите меня, вѣдь вы искуплены? Да! Это здѣсь экспедиція типографіи — простите, одно мгновеніе...

Онъ подходитъ къ органу и вытягиваетъ нѣсколько регистровъ; въ отвѣтъ слышенъ свистъ.

— Пожалуйста, оглядитесь пока здѣсь.

Онъ приставляетъ ротъ къ одной изъ трубъ и кричитъ: «Седьмая труба и восьмое горе! Нистрэмъ! Медіоваль, 8, копіи фактуръ, имена выставить!»

Голосъ отвѣчаетъ въ ту же трубу: «Рукописи нѣтъ». Маска садится за органъ, беретъ перо и листъ бумаги и скользитъ перомъ по бумагѣ, говоря сквозь сигару.

— Эта дѣятельность... такого... объема, — что она вскорѣ

перерастетъ мои силы, и мое здоровье... было бы хуже... чѣмъ оно есть, если бы я не такъ... слѣдилъ за нимъ.

Онъ вскакиваетъ и вытягиваетъ другой регистръ и кричить въ другую трубу: «Корректуру «Заплатили ли ты твои долги?»!»

И потомъ опять продолжаетъ одновременно писать и говорить.

— Вы удивляетесь... почему... на мнѣ... лакированные... ботфорты.—Это потому... что во-первыхъ... въ цѣляхъ поддержанія... здоровья... я ѣзжу верхомъ...

Приходитъ мальчикъ съ корректурой. Маска передаетъ ее Фальку и говоритъ въ носъ, потому что ротъ занятъ: „Прочтите-ка“, подавая вмѣстѣ съ тѣмъ глазами знакъ мальчику, чтобы онъ подождалъ.

— Во-вторыхъ (движеніемъ ушей онъ хвастливо говоритъ Фальку: «Слышите, у меня нить!») потому... что я того мнѣнія... что человекъ духа... не долженъ... отличаться своей... внѣшностью отъ... другихъ людей... ибо это... духовное высокомеріе... и вызовъ хулителямъ.

Входитъ бухгалтеръ, и маска привѣтствуетъ его кожей лба, единственной незанятой частью лица.

Чтобы не сидѣть безъ дѣла, маска беретъ корректуру и читаетъ. Сигара продолжаетъ говорить.

— Всѣ другіе люди... носятъ сапоги... я не хочу... выдѣляться внѣшностью. Такъ какъ... я... не лицемеръ... я ношу сапоги.

Затѣмъ онъ даетъ мальчику рукопись и кричить:—Четыре скобки, седьмая труба для Нистрэма! — А потомъ Фальку:

— Теперь у меня пять минутъ свободныхъ! Не хотите ли пройти со мной на складъ?

Бухгалтеру:

— Zululu грузить?

— Водку,—отвѣчаетъ бухгалтеръ ржавымъ голосомъ.

— Имѣеть сбытъ?—спрашиваетъ маска.

— Имѣеть!—отвѣчаетъ бухгалтеръ.

— Ну такъ, во имя Господне! Пойдемте, господинъ Фалькъ!

Они входятъ въ комнату, наполненную полками съ книгами книгъ. Маска хлопаетъ по нимъ хлыстомъ и говоритъ съ гордостью:

— Это я написалъ! Что скажете? Не мало? Вы тоже напишите что-нибудь! Если вы займетесь, какъ слѣдуетъ, вы напишете столько же!

Онъ кусалъ и рвалъ сигару и выплевывалъ отрывки; при этомъ у него былъ презрительный видъ.

— «Факель Искупленія»? Гм!.. Нахожу, что это глупое названіе! Не находите ли вы того же? Какъ оно пришло вамъ въ голову?

Въ первый разъ Фалькъ имѣлъ случай отвѣтить на его слова, ибо, какъ всѣ великіе люди, онъ самъ отвѣчалъ на свои вопросы; отвѣтъ Фалька былъ: «Нѣтъ».—Дальше онъ не могъ говорить, ибо маска опять пустилась въ ходъ.

— Я нахожу, что это очень глупое имя! А вы думаете, что оно потянетъ?

— Я не знаю объ этомъ ничего и не понимаю, о чемъ вы говорите.

— Вы ничего не знаете?

Онъ беретъ газету и показываетъ.

Фалькъ съ изумленіемъ читаетъ нижеслѣдующее объявленіе:

«Объявленіе о подпискѣ: «Факель Искупленія». Журналъ для христіанъ. Будетъ выходить вскорѣ подъ редакціей Арвида Фалька, лауреата академіи наукъ. Первый

выпускъ содержитъ: «Творенія Бога», Гокома Снегеля, поэма въ стихахъ признаннаго религіознаго духа и глубоко христіанскаго настроенія».

Онъ забылъ отослать Снегеля, и вотъ теперь онъ стоялъ и не могъ отвѣтить!

— Каковы размѣры изданія? Что? Допустимъ, двѣ тысячи. Слишкомъ мало! Не годится! Мой «Страшный Судъ» выпущенъ въ десяти тысячахъ, и то я не получаю больше... какъ сказать... больше пятнадцати процентовъ нетто!

— Пятнадцати?

— Тысячъ, молодой человѣкъ!

Маска, очевидно, забыла свою роль и пустилась въ старья привычки.

— Вы знаете,—продолжалъ онъ,—что я извѣстный проповѣдникъ; я могу сказать это безъ хвастовства, такъ какъ это извѣстно всему свѣту! Вы знаете, что меня очень любятъ; тутъ ужъ я ничего не могу подѣлать—это такъ! Я былъ бы лицомъ, если бы я сказалъ, что не знаю того, что извѣстно всему свѣту! Ну-съ, я помогу вашему предпріятію въ началѣ. Посмотрите на этотъ мѣшокъ! Если я скажу, что онъ полонъ письмами дамъ,—успокойтесь, я женатъ,—которые просятъ мой портретъ, то я не преувеличу.

Въ дѣйствительности же это былъ только мѣшокъ, по которому онъ хлопалъ.

— Чтобы избавить себя и ихъ отъ излишняго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать человѣку большую услугу, я рѣшилъ дать вамъ разрѣшеніе написать мою біографію; тогда бы первый номеръ вышелъ въ десяти тысячахъ и вы тысячу положили бы въ карманъ чистоганомъ!

— Но, господинъ пасторъ (онъ хотѣлъ сказать «капитанъ»), я ничего не знаю объ этомъ.

— Ничего не значить! Издатель самъ писалъ мнѣ и

просилъ мою карточку! А вы напишите мою біографію! Чтобы облегчить вамъ трудъ, я попросилъ одного друга изложить сущность; вамъ, значитъ, остается только написать введение — кратко и выразительно. Теперь вы знаете!

Фалькъ очень оробѣлъ отъ такой предусмотрительности и удивлялся, что портретъ такъ мало похожъ на маску, а почеркъ друга такъ сильно — на ея почеркъ.

Маска дала ему портретъ и рукопись и протянула руку, чтобы дать себя поблагодарить.

— Кланяйтесь... издателю!

Онъ былъ такъ близокъ къ тому, чтобы назвать Смита, что легкая краснота поднялась отъ его бакенбардовъ.

— Но вы не знаете моихъ убѣжденій,—протестовалъ Фалькъ.

— Убѣжденій? Развѣ я спрашивалъ о вашихъ убѣжденіяхъ? Я никого не спрашиваю объ его убѣжденіяхъ Упаси меня Богъ! Я? Да никогда!

Онъ еще разъ щелкнулъ хлыстикомъ по корешкамъ своихъ изданій, отворилъ дверь, показалъ своему біографу выходъ и вернулся къ своему алтарю.

Фалькъ не могъ, по обыкновенію, и въ этомъ была его бѣда, найти раньше подходящій отвѣтъ, чѣмъ тогда, когда уже было поздно; онъ уже былъ внизу на улицѣ, когда онъ ему пришелъ въ голову. Отверстіе подвала, случайно бывшее открытымъ (и не заклеенное объявленіями), приняло біографію и портретъ. Потомъ онъ пошелъ въ ближайшую редакцію газеты, чтобы напечатать объясненіе по поводу «Факела Искупленія», а затѣмъ ожидать вѣрной голодной смерти.

Часы били десять на Риттергольмской церкви, когда Фалькъ прибылъ къ зданію риксадага, чтобы помочь хроникеру «Красной Шапочки» во второй палатѣ.

Онъ спѣшилъ, ибо думалъ, что здѣсь, гдѣ платятъ, какъ слѣдуетъ, будутъ пунктуальны. Онъ поднялся по лѣстницѣ комиссій, и ему указали на лѣвую галерею прессы второй палаты. Онъ съ торжественнымъ чувствомъ взощелъ на тѣ немногія доски, подвинченныя въ родѣ голубятни подъ крышей, гдѣ «люди свободнаго слова слушаютъ, какъ священнѣйшіе интересы страны обсуждаются ея достойнѣйшими». Для Фалька это было нѣчто совсѣмъ новое; но имъ не овладѣло никакое новое впечатлѣніе, когда онъ глядѣлъ внизъ со своихъ лѣсовъ и увидѣлъ подъ собой пустой залъ, вполнѣ походившій на ланкастерскую школу. Было пять минутъ одиннадцатаго, но кромѣ него не было ни одной живой души. Нѣсколько минутъ царило молчаніе, напоминавшее ту тишину, которая наступаетъ въ деревенской церкви передъ проповѣдью. Вдругъ скребушій звукъ донесся черезъ залъ. «Крыса»,— думалъ онъ; но потомъ онъ видитъ напротивъ себя маленькую придавленную фигурку, чинящую карандашъ на барьерѣ; и онъ видитъ какъ стружки летятъ внизъ и ложатся на столъ.

Глаза его продолжаютъ ощупывать пустыя стѣны, но не находятъ точки отдохновенія, пока они, наконецъ, не останавливаются на старыхъ стѣнныхъ часахъ временъ Наполеона I. Стрѣлки показываютъ десять минутъ одиннадцатаго, когда дверь въ глубинѣ открывается и входитъ

человѣкъ. Онъ старъ; его плечи согнулись подъ бременемъ всякихъ должностей, спина — подъ тяжестью общественныхъ порученій; что-то заслуженное въ его безстрастныхъ шагахъ по длинной кокосовой циновкѣ, ведущей къ каедрѣ. Когда онъ дошелъ до ея середины, онъ останавливается, — похоже, что онъ привыкъ останавливаться на полпути и оглядываться; онъ останавливается и свѣряетъ свои часы со стѣнными и недовольно трясетъ своей старой поношенной головой: слишкомъ рано! слишкомъ рано! И лицо его выражаетъ неземной покой, оттого что часы его не могутъ отставать. Онъ продолжаетъ идти такими же шагами, какъ будто бы идетъ навстрѣчу цѣли своей жизни; и вопросъ, не нашелъ ли онъ ее тамъ, въ почтенномъ креслѣ на каедрѣ. Когда онъ достигаетъ цѣли, онъ останавливается, вытаскиваетъ платокъ и сморкается стоя; потомъ онъ скользитъ взоромъ по блестящей толпѣ слушателей, изображаемой столами и скамейками, и говоритъ нѣчто значительное, на примѣръ: «Господа, я высморкался!» Потомъ онъ садится и утопаетъ въ предсѣдательской невозмутимости, которая могла бы быть сномъ, если бы не была бодрствованіемъ.

Двери отворяются во всю ширину, члены палаты прибываютъ, а стрѣлки стѣнныхъ часовъ ползутъ впередъ, впередъ. Предсѣдатель выражаетъ добрымъ одобреніемъ кивками и пожатіями руки и наказываетъ злыхъ, отворачивая отъ нихъ ликъ свой, ибо онъ долженъ быть справедливымъ.

Приходитъ репортеръ «Красной Шапочки», уродливый, не совсѣмъ трезвый и заспанный. Тѣмъ не менѣе ему, кажется, доставляетъ удовольствіе отвѣчать на вопросы новичка правдивыми отвѣтами.

Двери еще разъ широко растворяются, и входитъ че-

ловѣкъ столь увѣренными шагами, какъ будто онъ у себя дома: это экономъ канцеляріи налогового присутствія и актуаръ присутствія по окладамъ; онъ подходитъ къ креслу, здоровается съ предсѣдателемъ и роется въ бумагахъ, какъ будто это его собственныя.

— Кто это? — спрашиваетъ Фалькъ.

— Это старшій письмоводитель, — отвѣчаетъ сотрудникъ «Красной Шапочки».

— Какъ! Здѣсь тоже письмоводительствуютъ?

— Тоже! Это ты увидишь! У нихъ цѣлый этажъ набитъ писцами; всѣ чердаки набиты писцами, а скоро и погреба будутъ полны ими!

Теперь внизу кишитъ муравьиная куча. Ударъ молотка, и становится тихо. Старшій письмоводитель читаетъ протоколъ послѣдняго засѣданія, и онъ принимается безъ возраженій. Потомъ онъ же читаетъ ходатайство объ отпускѣ Иона Ионсона изъ Лербака. Принимается!

— Развѣ у васъ здѣсь и отпуски? — спросилъ удивленно новичокъ.

— Конечно! Иону Ионсону надо ѣхать домой сажать картошку.

Теперь эстрада наполняется молодыми людьми, вооруженными бумагой и перьями. Все старые знакомые изъ той поры, когда Фалькъ былъ чиновникомъ. Они садятся за маленькими столами, какъ бы собираясь играть въ преферансъ.

— Это писцы, — объявилъ сотрудникъ «Красной Шапочки», — они, кажется, узнаютъ тебя!

И дѣйствительно, они одѣваютъ пенсне и глядятъ на голубятню такъ же презрительно, какъ въ театрѣ зрители партера глядятъ на галерею. Теперь они шепчутся между собой о комъ-то отсутствующемъ. Фалькъ такъ глубоко

тронуть такимъ вниманіемъ, что онъ не особенно любезно привѣтствуетъ Струвэ, входящаго въ голубятню.

Старшій письмоводитель читаетъ ходатайство объ ассигновкѣ на новыя камышевыя цыновки для передней и новыя мѣдные нумера на ящики для калошъ.

Принимается!

— Гдѣ сидитъ оппозиція? — спрашиваетъ непосвященный.

— Чортъ знаетъ, гдѣ она сидитъ!

— Но вѣдь они на все говорятъ «да».

— Подожди немного, услышишь.

— Развѣ они еще не пришли?

— Здѣсь приходятъ и уходятъ, какъ кому заблагодарсудится.

— Но вѣдь это значить совсѣмъ, какъ чиновники!

Консервативный Струвэ, слыхавшій эти легкомысленныя слова, считаетъ своимъ долгомъ заступиться за правительство.

— Что говоритъ маленькій Фалькъ? Онъ не долженъ ворчать.

Фальку нужно такъ много времени, чтобы найти подходящій отвѣтъ, что внизу уже начинаются обсужденія.

— Не обращай на него вниманія, — утѣшаетъ представитель «Красной Шапочки». — Онъ всегда консервативенъ, когда у него есть деньги на обѣдъ, а онъ только что занялъ у меня пятерку.

Старшій письмоводитель читалъ: «докладъ № 54 комиссіи о предложеніи Ола Гинсона о снесеніи заборовъ».

Лѣсоторговецъ Ларсонъ изъ Норланда требуетъ необходимаго принятія: — Что станетъ съ нашими лѣсами! — выпаливаетъ онъ. — Я хочу только знать, что станетъ съ нашими лѣсами? — И, пыхтя, онъ обрушивается на скамью.

Это грубое краснорѣчіе вышло изъ моды за послѣдніе годы, и сцена сопровождается шипѣньемъ, послѣ чего пыхтѣніе на норландской скамьѣ само собою прекращается.

Представитель Эланда высказывается за ограды изъ песчаника; шоненскій депутатъ — за тесовыя ограды; норботтенскій находитъ, что заборы ненужны, разъ нѣтъ пашень; а ораторъ на стокгольмской скамьѣ держится того мнѣнія, что вопросъ долженъ быть переданъ въ комиссію свѣдущихъ людей; онъ подчеркиваетъ: «свѣдущихъ». Но тутъ разражается буря. Лучше смерть, чѣмъ комиссія! Требуютъ голосованія. Предложеніе отклоняется, заборы остаются до тѣхъ поръ, пока сами не обвалятся.

Письмоводитель читаетъ: «докладъ № 66 комиссіи, о предложеніи Карла Іенсена отвергнуть ассигновку на библейскую комиссію». При этомъ почтенномъ названіи столѣтняго учрежденія хохотъ прекращается, и почтительное молчаніе царитъ въ залѣ. Кто осмѣлится напасть на религію въ ея основахъ, кто осмѣлится подвергнуться всеобщему осужденію! Епископъ Иштадскій требуетъ слова.

— Писать? — спрашиваетъ Фалькъ.

— Нѣтъ, насъ не касается то, что онъ говоритъ.

Но консервативный Струвэ дѣлаетъ нижеслѣдующія замѣтки:

«Священ. интересы родины. Соединенн. имена религіи, человѣчества. 829. 1632. Невѣріе. Страсть къ новшествахъ. Слово Божіе. Слово людское. Столѣтнее. Алтарь. Усердіе. Непартійность, способн. Ученіе. Составъ шведск. церкви. Исконная швед. честь. Густавъ I. Густавъ-Адольфъ. Холмы Лютцена. Глаза Европы. Судъ исторіи; трауръ. Стыдъ. Умываю руки. Они этого не хотѣли».

Карль Іенсенъ требуетъ слова.

— Теперь будемъ писать! — говоритъ «Красная Шапочка».

И они пишутъ въ то время, какъ Струвѣ разводитъ узоры по бархату епископа.

«Болтовня! Громкія слова. Комиссія застѣдала 100 лѣтъ. Стоила 100.000⁷ кронъ. 9 архіепископовъ. 30 професс. Упсалы. Вмѣстѣ 500 лѣтъ. Діетаріи. Секретари. Ничего не сдѣлали. Пробныя листы. Плохая работа. Деньги, деньги! Называть вещи своими именами! Чепуха. Чиновники. Система высасыванія».

Ни одинъ голосъ не поднялся противъ этихъ словъ, и предложеніе было принято.

Въ то время, какъ «Красная Шапочка» привыкшей рукой разукрашиваетъ спотыкающуюся рѣчь Іенсена и надписываетъ надъ ней сильное заглавіе, Фалькъ отдыхаетъ. Но когда глаза его случайно прогуливаются по галлерей публики, они встрѣчаютъ знакомую голову, лежащую на барьерѣ, собственница которой зовутъ Олэ Монтанусъ. Онъ похожъ въ это мгновеніе на собаку, стерегущую кость. Да и было нѣчто въ этомъ родѣ; но Фалькъ не зналъ этого, такъ какъ Олэ хранилъ тайну.

Теперь внизу на скамьѣ, подъ правой галлереей, какъ разъ тамъ, гдѣ сверху были насыпаны стружки карандаша, господинъ въ синемъ гражданскомъ мундирѣ съ треуголкой подъ мышкой и съ бумажнымъ сверткомъ въ рукѣ.

Стукнулъ молотокъ, и воцарилась ироническая злобная тишина.

— Пиши,—сказалъ «Красная Шапочка»,—но записывай только цифры; я запишу остальное.

— Что это такое?

— Королевскія предложенія.

Теперь изъ бумажнаго свертка было прочитано:

«Е. в. милост. предложеніе, повесить ассигновку отдѣла для поощренія дворянскаго юношества въ изученіи ино-

странныхъ языковъ; подъ титуломъ письменныя принадлежности и расходы съ 50.000 кр. до 56.000 кр. 37 эрэ».

— Что это за расходы?—спросилъ Фалькъ.

— Графины, подставки для зонтовъ, плевательницы, занавѣски, обѣды, поощренія и т. п. мелочи; еще будетъ!

Бумажный свертокъ продолжалъ: «Е. в. милост. предложеніе, учредить шестьдесятъ новыхъ офицерскихъ должностей въ вестготской кавалеріи».

— Шестьдесятъ?—переспросилъ Фалькъ, которому государственныя дѣла были совѣмъ чужды.

— Да, да! Шестьдесятъ. Пиши только!

Бумажный свертокъ разворачивался и становился все больше. «Всемиловѣйшее предложеніе е. в. объ учрежденіи пяти новыхъ штатныхъ должностей въ канцеляріи присутствія по уплатѣ окладовъ».

Большое движеніе за преферансовыми столиками; большое движеніе на стулѣ Фалька.

Бумага опять свернулась, предсѣдатель всталъ, поблагодарилъ поклономъ, въ которомъ былъ вопросъ: «Больше ничего не угодно?» Держатель бумажнаго свертка сѣлъ на скамью и сталъ сдвигать очинки карандаша, оброненные сверху; но его тугой, расшитый воротникъ не далъ ему совершить того проступка, который утромъ сдѣлалъ предсѣдатель.

Засѣданіе продолжалось. Крестьянинъ Свэнъ Свэнсенъ попросилъ слова по поводу призрѣнія бѣдныхъ. Какъ по данному сигналу, всѣ чиновники поднялись и зѣвнули.

— Теперь мы пойдемъ внизъ и позавтракаемъ, — объявилъ «Красная Шапочка» своему опекаемому. — Въ нашемъ распоряженіи часъ десять минутъ.

Но Свэнъ Свэнсенъ говоритъ.

Депутаты начинаютъ двигаться, нѣкоторые уходятъ.

Предсѣдатель бесѣдуетъ съ нѣсколькими «хорошими» депутатами и тѣмъ выражаетъ порицаніе тому, что скажетъ Свэнъ Свэнсенъ. Два старыхъ депутата подводятъ новичка къ оратору и показываютъ ему его, какъ рѣдкаго звѣря; они разсматриваютъ его нѣсколько мгновений, подходятъ его смѣшнымъ и поворачиваютъ ему спину.

«Красная Шапочка» считаетъ долгомъ вѣжливости объяснить Фальку, что ораторъ — «бичъ» палаты. Онъ не холоденъ и не тепелъ, не годенъ никакою партіи, не поддается никакимъ интересамъ, но говоритъ, говоритъ. О чемъ онъ говоритъ—этого никто сказать не можетъ, ибо ни одна газета не приводитъ о немъ отчетовъ, и никто не заглядываетъ въ стенограммы; но чиновники за столами поклялись измѣнить ради него законы, если они когда-нибудь будутъ у власти.

Но Фалькъ, питающій нѣкоторую слабость ко всему, что проходитъ незамѣченнымъ, останавливается и слушаетъ то, чего давно не слышалъ: честнаго человѣка, безпорочно слѣдующаго по своимъ путямъ и приносящаго жалобы униженныхъ и обиженныхъ, — котораго никто не слушаетъ!

Струвэ при видѣ крестьянина уже принялъ определенное рѣшеніе и сошелъ внизъ въ ресторанъ, куда за нимъ теперь слѣдуютъ другіе и гдѣ уже собралась половина палаты.

Позавтракавъ и нѣсколько повеселѣвъ, они опять поднимаются и садятся на насѣсть; еще нѣкоторое время они слышатъ, какъ говоритъ Свэнъ Свэнсенъ, и, вѣрнѣе, видятъ, какъ онъ говоритъ, потому что теперь бесѣды такъ шумны, что не слышно ни одного слова оратора.

Но, наконецъ, рѣчь кончается, и никто не возражаетъ;

послѣдствій рѣчь не имѣеть никакихъ; выходитъ, какъ будто ея вовсе не было.

Старшій письмоводитель, который за это время успѣлъ сбѣгать въ свои канцеляріи, пробѣжать свои газеты и помѣшать въ печкѣ, опять на своемъ мѣстѣ и читаетъ:

«Семьдесятъ второй меморіальъ городской комиссіи о предложеніи Пера Ильсона ассигновать десять тысячъ кронъ на реставрацію скульптуры въ церкви Трѣскола».

Собачья голова на барьерѣ публики приняла угрожающее выраженіе, какъ бы охраняя кость.

— Знаешь ли ты этого уroda, тамъ на галлерей? — спросилъ «Красная Шапочка».

— Олэ Мантанусъ? Да, я знаю его!

— Знаешь ли ты, что онъ самъ изъ округа трѣскольской церкви? О, это хитрый малый! Посмотри на выраженіе его головы теперь, когда пришелъ чередъ церкви.

Слово принадлежало Перу Ильсону.

Струвэ презрительно повернулся спиной къ оратору и отрѣзалъ себѣ кусокъ табаку, Фалькъ же и «Красная Шапочка» наострили перья.

— Записывай выраженія, — говоритъ «Красная Шапочка», — я отмѣчу факты!

Бумага Фалька черезъ четверть часа была покрыта слѣдующими замѣтками:

«Отечеств. культ. Хозяйств. интересы. Обвин. въ матеріализмѣ. Согласно Фихте матер. отечеств. культ. — не матер.—ergo обвиненіе опровергн. Почтен. храмъ въ блескѣ утренняго солнца. Верх. въ небо. Изъ временъ языч. Не снилось филос. Благо. Права народа. Благо. Интер. Отечеств. культ. Литература. Академія. Исторія. Древность».

Этотъ виногретъ, вызвавшій частью веселость, въ осо-

бенности при поминаніи покойнаго Фихте, вызвалъ возраженія со скамей столицы и Упсалы.

Первый заявилъ: «Хотя ораторъ и совершенно незнакомъ съ грэскольской церковью, равно какъ и съ Фихте, и хотя онъ не знаетъ, стоятъ ли старые гипсовые идола десяти тысячи кронъ, онъ все же думаетъ, что должно воодушевить палату въ пользу такого прекраснаго начинанія, такъ какъ это первый разъ, что большинство требуетъ ассигновки на нѣчто иное, чѣмъ на мосты, заборы, народныя школы» и т. п.

Ораторъ съ упсальской скамьи сказалъ (по замѣткамъ Струвэ): «Докладчикъ а ргіогі правъ; его предпосылка о томъ, что должно поддержать отечественную культуру, — справедлива; выводъ о десяти тысячахъ кронъ послѣдователенъ; цѣль, стремленіе, тенденція хороши, похвальны, патріотичны; но вкралась ошибка. Со стороны кого? Отечества? Государства? Церкви? Нѣтъ! Со стороны докладчика? По существу докладчикъ правъ, и потому ораторъ проситъ разрѣшить ему снова похвалить цѣль, намѣреніе и тенденціи; онъ съ живѣйшей симпатіей слѣдитъ за судьбой предложенія; онъ проситъ палату во имя культуры и во имя искусства голосовать за него. Но самъ онъ долженъ отклонить предложеніе, которое онъ считаетъ въ логическомъ смыслѣ ошибочнымъ, немотивированнымъ, такъ какъ въ немъ понятіе мѣстности подчиняетъ себѣ понятіе государства».

Голова на галлерей публики закатывала глаза и судорожно кривила губа, пока шло голосованіе; когда же голосованіе кончилось и предложеніе было принято, голова вдругъ исчезла сквозь недовольную толкотней публику.

Фалькъ понялъ зависимость между докладомъ Пера

Ильсона и присутствіемъ Олэ. Струвэ, ставшій послѣ завтрака еще консервативнѣй и шумливѣй, безпардонно судилъ о томъ и семъ; «Красная Шапочка» былъ спокоенъ и равнодушенъ; онъ пересталъ удивляться.

Изъ темнаго облака людей, въ которомъ Олэ прорвалъ трещину, вынырнуло лицо, яркое и свѣтлое какъ солнце, и Арвидъ Фалькъ, обратившій свои взоры въ эту сторону, долженъ былъ опустить глаза и отвернуться — это былъ его братъ, глава семейства, честь имени, которое онъ долженъ былъ сдѣлать великимъ и счастливымъ. За плечами Николая Фалька виднѣлась половина чернаго лица съ кроткими, лживыми чертами, которое, казалось, нашептывало какія-то тайны бѣлокурому. Фалькъ могъ только удивляться присутствію брата, ибо онъ зналъ его недовольство новыми государственными формами, когда предсѣдатель далъ слово Андерсу Андерсону, для внесенія предложенія, каковымъ правомъ тотъ и воспользовался съ величайшимъ спокойствіемъ, прочитавъ нижеслѣдующее:

«На основаніи прецедентовъ, я настоящимъ вношу предложеніе о томъ, чтобы палата постановила возложить солидарную отвѣтственность на его величество за всѣ акціонерныя предпріятія, уставъ коихъ имъ утверждень».

Солнце на галереѣ для публики утратило свой блескъ, и въ залѣ разразился ураганъ.

Слово принадлежитъ графу фонъ-Сплинтъ:

— Quo usque tandem, Catilina! Вотъ до чего дошло! Забываются до того, что позволяютъ себѣ порицать правительство! Слышите ли вы это, господа! Порицаютъ правительство, или, что еще хуже, шутятъ съ нимъ грубыя шутки, ибо ничѣмъ инымъ нельзя считать это предложеніе. Шутка, сказалъ я, нѣтъ, преступленіе, измѣна! О, мое отечество! Недостойные сыны твои забыли, чѣмъ они тебѣ

обязаны! Да какъ же и можетъ быть иначе, когда ты утратило свою рыцарскую стражу, свой щитъ, свою крѣпость! Я требую, чтобы этотъ Перъ Андерсонъ, или какъ тамъ его зовутъ, снялъ свое предложеніе, или, ей Богу, онъ увидитъ, что у короля и отечества есть еще вѣрные защитники, которые смогутъ поднять камень и бросить его въ голову многоголовой гидрѣ измѣны!

Одобреніе изъ публики, недовольство въ залѣ.

— А?! Такъ вы думаете, что я боюсь!

Ораторъ машетъ руками, какъ бы бросая камень, гидра улыбается своей сотней лицъ. Ораторъ ищетъ другой, не улыбающейся гидры, и находитъ ее на мѣстахъ прессы.

Тамъ, тамъ!

Онъ показываетъ на голубятню и мечетъ взгляды, какъ будто адъ разверзся передъ нимъ.

— Тамъ, это воронье гнѣздо! Я слышу ихъ крикъ, но они меня не запугаютъ! Вставайте, шведскіе люди, срубите дерево, перепилите доски, опрокиньте балки, раздавите стулья, разбейте въ дребезги люпиты и потомъ сожгите весь этотъ мусоръ! Вы увидите, государство процвѣтетъ въ покоѣ, и преумножатся злаки его! Такъ говоритъ шведскій дворянинъ! Подумайте объ этомъ, крестьяне!

Эта рѣчь, которую три года тому назадъ встрѣтили бы привѣтственными криками на площади передъ дворянскимъ собраніемъ, которую воспроизвели бы потомъ, чтобы раздать ее во всѣхъ школахъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, теперь была принята, какъ юмористика; замѣчательно то, что отчетъ о ней дали только оппозиціонныя газеты, обычно неохотно печатающія такія вещи.

Потомъ попросили слова съ упсальской скамьи: «Ораторъ вполне согласенъ съ предшествующимъ ораторомъ; тонкимъ слухомъ учуялъ онъ отзвуки былого звона мечей

въ его рѣчи; самъ же онъ хотѣлъ бы поговорить объ идеѣ акціонерныхъ обществъ, какъ о таковой, но просить высокое собраніе позволить разъяснить ему, что акціонерное общество не есть совокупность имуществъ или лицъ, а юридическое лицо и, какъ таковое, безотвѣтственно... Тутъ поднялся такой хохотъ въ залѣ, что нельзя больше было слышать ни одного слова изъ рѣчи, кончавшейся тѣмъ, что интересы отечества поставлены на карту и что, если предложеніе не будетъ отвергнуто, интересы отечества пострадаютъ, и государство подвергнется опасности.

Шесть ораторовъ наполнили время до обѣда тѣмъ, что приводили справки изъ официальной статистики Швеціи, Науманскаго изданія основныхъ законовъ, юридическаго справочника и гетеборгской торговой газеты; выводъ всегда былъ одинъ, что отечество въ опасности, если его величество будетъ солидарно отвѣчать за всѣ акціонерныя общества, уставы которыхъ имъ утверждены; и интересы государства поставлены на карту. Одинъ достаточно смѣло выразился, что интересы государства стоятъ на броскѣ костей, въ то время какъ другіе полагали, что они поставлены на карту; еще другіе держались того мнѣнія, что они висятъ на ниткѣ; а послѣдній ораторъ сказалъ, что они висятъ на волоскѣ.

Предложенію къ обѣденному часу было отказано въ сдачѣ въ комиссію; государство не должно было проходить сквозь мельницу комиссій, сквозь сито канцелярщины, сквозь клубы и газетный шумъ. Отечество было спасено! Бѣдное отечество!

IX.

Карлъ Николаусъ и его любезная супруга засидѣлись однажды за кофе. Онъ, противъ своего обыкновенія, былъ

не въ халатѣ и не въ туфляхъ, а на женѣ была дорогая matinée.

— Да, они въпятеромъ были вчера здѣсь и сожалѣли объ этомъ, — сказала госпожа Фалькъ съ веселымъ смѣхомъ.

— Чтобъ ихъ...

— Николаусъ! Не забывай! Ты не за прилавкомъ!

— Что же мнѣ говорить, когда я разозлюсь?

— Не злятся, а сердятся, это во-первыхъ. И тогда можно сказать:

— Это слишкомъ странно!

— Ну, такъ вотъ, слишкомъ странно, что ты всегда подходишь ко мнѣ съ неприятностями. Брось же говорить о томъ, что меня бѣситъ!

— Раздражаетъ, старина! Такъ мнѣ одной нести мое горе, а ты еще взваливаешь на меня свою досаду! Это ли ты мнѣ обѣщала, когда я выходила за тебя замужъ?

— Безъ разъясненій, безъ логики! Дальше, пожалуйста! Всѣ, въпятеромъ были здѣсь, мать и твои пять сестеръ!

— Четыре сестры! У тебя не слишкомъ много любви къ моей семьѣ!

— И у тебя тоже!

— Да! я тоже не люблю ихъ!

— Они, значитъ, были здѣсь и соболѣзновали о томъ, что моего брата выгнали со службы, какъ ты прочла объ этомъ въ «Отечествѣ». Развѣ это не такъ было?

— Да! И они имѣли нахальство сказать мнѣ, что я не имѣю больше права быть заносчивой!

— Высокомѣрной, старая!

— Заносчивой, сказали онѣ; я никогда не опустилась бы до такого выраженія!

— Что ты отвѣтила? Ты имъ, конечно, задала какъ слѣдуетъ!

— Это ужъ будь покоенъ! Старуха грозила никогда больше не переступить моего порога.

— Она это сказала? Какъ ты думаешь, сдержитъ ли она слово?

— Нѣтъ, не думаю. Но старикъ, навѣрное...

— Ты не должна называть такъ своего отца; если услышитъ кто!

— Ты думаешь, что я позволю себѣ это при другихъ? Между тѣмъ, старикъ, говоря между нами, никогда больше не придетъ сюда.

Фалькъ погрузился въ задумчивость. Потомъ онъ опять возобновилъ разговоръ:

— Что, мать твоя высокомерна? Легко ее оскорбить? Я неохотно оскорбляю людей, ты знаешь это! Ты должна мнѣ сказать о ея слабыхъ, чувствительныхъ сторонахъ, чтобы я могъ избѣгать ихъ.

— Высокомерна ли она? Ты знаешь вѣдь, на свой ладъ. Если она, наприимѣръ, услышала бы, что у насъ былъ вечеръ и ее и сестеръ не пригласили, то она никогда больше не пришла бы сюда?

— Навѣрное?

— Да, на это ты можешь положиться!

— Странно, что люди ея положенія...

— Что ты болтаешь?

— Ну, ну! Что женщины могутъ быть такъ чувствительны! Да, какъ обстоитъ дѣло съ твоимъ обществомъ? Какъ ты его называла?

— Союзъ женскаго равноправія.

— Какія же это права?

— Жена должна имѣть право распоряжаться своимъ имуществомъ.

— Да развѣ она не имѣетъ этого права?

— Нѣтъ, не имѣеть!

— Какое же у тебя имущество, которымъ ты не можешь распорядиться?

— Половина твоего, старина. Мое приданое?

— Господи Боже, да кто это научилъ тебя такимъ глупостямъ?

— Это не глупости, это духъ времени, видишь ли. Новое законодательство должно было бы постановить такъ: я получаю половину, выходя замужъ, и на эту половину могу покупать что хочу.

— А если ты истратишь, я все же долженъ заботиться о тебѣ? И не подумаю!

— Ноты обязанъ это дѣлать, а тебѣ посадятъ въ тюрьму! Такъ сказано въ законѣ, если не заботишься о своей женѣ.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Но было ли у васъ уже засѣданіе? Что тамъ были за дамы? Рассказывай!

— Мы еще только рассматриваемъ уставъ, приготовляемъ его къ засѣданію.

— Кто же эти дамы?

— До сихъ поръ только ревизорша Гоманъ и ея сятельство баронесса Ренгельмъ.

— Ренгельмъ! Это хорошее имя! Мнѣ кажется, что я уже слыхалъ его гдѣ-то. Но не хотѣли ли вы основать и кружокъ рукодѣлія?

— Учредить, вѣрнѣе! Да, и представь себѣ, пасторъ Скорэ придетъ какъ-нибудь вечеромъ и прочтетъ докладъ.

— Пасторъ Скорэ прекрасный проповѣдникъ и врачается въ высшемъ свѣтѣ. Это хорошо, мать, что ты обращаешься въ хорошемъ обществѣ. Ничто человѣку не вредно такъ, какъ плохое общество. Это всегда говорилъ мой отецъ, и это сдѣлалось для меня основнымъ правиломъ.

Госпожа Фалькъ собрала хлѣбныя крошки и пыталась наполнить ими свою чашку; господинъ Фалькъ досталъ изъ жилетнаго кармана зубочистку, чтобы вычистить кофейную гущу, застрявшую въ зубахъ.

Оба супруга стѣснялись другъ друга. Одинъ зналъ мысли другого, и они знали, что первый, кто нарушитъ молчаніе, скажетъ глупость или что-нибудь компрометирующее. Они тайно подыскивали новый матеріаль, но не находили подходящаго; все стояло въ связи съ уже сказаннымъ или могло быть поставлено въ связь. Фалькъ старался найти въ этомъ направленіи какую-нибудь ошибку, чтобы излить на нее свою досаду. Госпожа Фалькъ глядѣла въ окошко, чтобы уловить перемѣну погоды, но — тщетно.

Въ это время вошла дѣвушка и подала имъ спасительный подносъ съ газетами, доложивъ одновременно о приходѣ господина Левина.

— Попроси его подождать! — приказалъ хозяинъ.

Левинъ, на котораго новоизобрѣтенное ожиданіе въ передней произвело живое впечатлѣніе, былъ, наконецъ, введенъ въ комнату хозяина, гдѣ его приняли, какъ посетителя.

— Бланкъ у тебя? — спросилъ Фалькъ.

— Я думаю, — отвѣтилъ оторопѣвшій и досталъ пачку вексельныхъ бланковъ на разныя суммы. На какой тебѣ банкъ? У меня есть на всѣ, кромѣ одного!

Несмотря на торжественность положенія, Фальку пришлось улыбнуться, когда онъ увидѣлъ полудописанные бланки, на которыхъ не доставало имени; векселя безъ акцентантовъ и совсѣмъ уже готовые, но не принятые къ учету векселя.

— Такъ возьмемъ банкъ канатныхъ фабрикантовъ,— сказала Фалькъ.

— Это какъ разъ единственный, который не годится, тамъ меня знаютъ!

— Тогда банкъ сапожниковъ, портныхъ, какой угодно, только поскорѣй!

Остановились на банкѣ столяровъ.

— Теперь,—сказалъ Фалькъ со взглядомъ, какъ будто бы онъ купилъ душу другого,—теперь ты пойдешь и закажешь себѣ платье, но у военного портного, чтобы потомъ въ кредитъ получить мундиръ.

— Мундиръ? Да мнѣ никакого не надо...

— Молчать, когда я говорю! Онъ долженъ быть готовъ къ ближайшему четвергу, когда у меня будетъ большая вечеринка. Ты знаешь, я продалъ лавку вмѣстѣ со складомъ и завтра записываюсь въ оптовые торговцы.

— О, поздравляю...

— Молчать, когда я говорю! Теперь ты пойдешь и сдѣлаешь визитъ! Твоимъ лукавствомъ и несмыханной способностью нести всякую чепуху тебѣ удалось приобрести довѣріе моей тещи. Такъ спроси-ка ее, какого она мнѣнія о моей большой вечеринкѣ, бывшей въ прошлую субботу.

— Развѣ у тебя...

— Молчи и слушайся! У ней глаза позеленѣютъ, и она спроситъ, былъ ли ты приглашенъ. Этого, конечно, не было, такъ какъ и не было никакой вечеринки. Вы выразите другъ другу ваше общее неудовольствіе и клеветите на меня; я знаю, ты умѣешь это! Но жену мою ты похвалишь! Понимаешь?

— Нѣтъ, не совсѣмъ!

— Этого тебѣ и не надо, слушайся только! Еще одно: ты можешь сказать Нистрѣму, что я сталъ такъ высоко-

мѣренъ, что не хочу водить съ нимъ знакомства. Скажу это прямо, тогда ты хоть разъ скажешь правду! Нѣтъ, стой! Съ этимъ мы еще подождемъ! Ты пойдешь къ нему, поговоришь о значеніи четверга, представишь ему большія выгоды, благодѣянія, блестящіе виды на будущее и такъ далѣе. Понимаешь?

— Понимаю!

— Потомъ ты съ рукописью пойдешь къ типографу и потомъ...

— И потомъ мы уюкошимъ его!

— Если хочешь выразиться такъ, пожалуй!

— А я прочту стихи на собраніи и раздамъ ихъ?

— Гм... да! Еще одно! Постарайся встрѣтиться съ моимъ братомъ! Узнай объ его обстоятельствахъ и объ обществѣ! Привяжись къ нему, заручись его довѣріемъ — это легко; стань его другомъ! Расскажи ему, что я обманулъ его; скажи ему, что я высокомѣренъ, и спроси его, сколько онъ возьметъ за то, чтобы измѣнить имя!

Бѣлое лицо Левина покрывлось легкой зеленоватою тѣнью, что должно было означать, что онъ покраснѣлъ.

— Последнее некрасиво, — сказалъ онъ.

— Что? Послушай-ка! Вотъ что еще! Какъ дѣловой человекъ, я хочу, чтобы въ дѣлахъ моихъ былъ порядокъ. Подпиши-ка мнѣ вотъ это — на предьявителя! Вѣдь это только формальность.

При словѣ «предьявитель» легкая дрожь прошла по членамъ Левина, онъ нерѣшительно взялъ перо, хотя зналъ, что отступленіе немислимо. Онъ увидѣлъ рядъ людей, съ палками въ рукахъ, въ очкахъ, съ карманами, наполненными гербовыми бумагами; онъ слышалъ стукъ въ двери, бѣготню на лѣстницахъ, вызовы, угрозы, отсрочки; слышалъ бой часовъ на ратушѣ, когда эти люди взяли на

плечо свои камышевыя трости, и повели его съ ядромъ на ногахъ къ мѣсту казни, гдѣ его самого, правда, отпускають, но гдѣ подъ топоромъ, при ликованіи толпы, падаютъ его гражданская честь.

Онъ подписалъ. Аудіенція кончилась.

Х.

Швеція сорокъ лѣтъ трудилась, чтобы добиться того права, которое, обыкновенно, получаетъ каждый, достигшій совершеннолѣтія. Писались брошюры, основывались газеты, швырялись камни, происходили банкеты и держались рѣчи; засѣдали и составляли петиціи, пользовались желѣзной дорогой, пожимали руки, устраивали дружины добровольцевъ; и, такимъ образомъ, добились, наконецъ, съ большимъ шумомъ того, чего хотѣли. Воодушевление было велико. Старые березовые столы опернаго ресторана превратились въ политическія трибуны; пары реформеннаго пунша вырастили многихъ политиковъ, ставшихъ впоследствии большими крикунами; запахъ реформенныхъ сигаръ вызвалъ много честолюбивыхъ мечтаній, которымъ не суждено было осуществиться; смывали съ себя пыль реформеннымъ мыломъ и думали, что все хорошо; а потомъ улеглись спать послѣ великаго шума въ ожиданіи блестящихъ результатовъ, которые должны были наступить сами собой.

Спали нѣсколько лѣтъ, когда же проснулись, то предстала дѣйствительность, и увидѣли, что ошиблись въ расчетахъ. Тамъ и сямъ слышался ропотъ; государственные дѣятели, которыхъ только что вознесли до облаковъ, подверглись критикѣ; словомъ, это время отмѣчено нѣкото-

рымъ смущеніемъ, вскорѣ принявшимъ обликъ всеобщаго недовольства или, какъ говорятъ, оппозиціи. Но это былъ новый видъ оппозиціи; она не была направлена, по обыкновенію, противъ правительства, а противъ риксдага. Это была консервативная оппозиція, и либералы и консерваторы примкнули къ ней, молодые и старые, и наступило большое бѣдствіе въ странѣ.

Тогда случилось, что газетное товарищество «Сѣрый Колпачокъ», родившееся и выросшее при либеральныхъ конъюнктурахъ, стало засыпать, когда ему пришлось защищать непопулярныя убѣжденія (если только можно говорить объ убѣжденіяхъ товарищества). Дирекція на общемъ собраніи постановила измѣнить нѣкоторыя убѣжденія, такъ какъ таковыя не привлекали больше количества подписчиковъ, потребнаго для продолженія предпріятія. Общее собраніе согласилось съ постановленіемъ, и «Сѣрый Колпачокъ» съ этихъ поръ сталъ консервативнымъ. Но было нѣкоторое «но», не очень, впрочемъ, стѣснявшее товарищество: нужно было перемѣнить редактора, чтобы не оскандалиться; что фактическая редакція сохранится, понималось само собой. Редакторъ, высокопорядочный человекъ, вышелъ въ отставку. Редакція, такъ долго поносимая за свой «красный» тонъ, съ удовольствіемъ приняла ее, такъ какъ она, такимъ образомъ, надѣялась попасть въ «лучшіе люди». Оставалась забота отыскать новаго редактора. По новой программѣ товарищества онъ долженъ былъ обладать слѣдующими качествами: онъ долженъ былъ пользоваться безусловнымъ довѣріемъ гражданъ, принадлежать къ чиновничеству, имѣть титулъ узурпированный ли или благопріобрѣтенный; кромѣ того, онъ долженъ былъ обладать внушительной внѣшностью, чтобы его можно было показывать на банкетахъ и иныхъ общественныхъ

увеселеніяхъ; онъ долженъ былъ быть несамостоятельнымъ, нѣсколько глупымъ, ибо товарищество знало, что истинная глупость всегда склонна къ консервативному мышленію; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему нужна была и извѣстная доля хитрости, чтобы онъ могъ угадывать желанія начальства и не забывалъ, что общее благо есть благо частное въ правовомъ смыслѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ быть постарше, потому что тогда легче было имъ управлять, и женатымъ, такъ какъ товарищество, состоявшее изъ людей дѣловыхъ, знало, что женатый слуга ведетъ себя лучше, чѣмъ неженатый.

Это лицо было найдено, и оно въ высшей мѣрѣ обладало всѣми качествами. Это былъ удивительно красивый человѣкъ, съ хорошей фигурой, съ длинной, волнистой, бѣлокурой бородой, скрывавшей всѣ слабыя черты его лица, сквозь которыя иначе безпрепятственно проглянула бы его душа. Его большіе, открытые, лживые глаза ловили зрителя и крали его довѣріе, которымъ потомъ добросовѣстно злоупотребляли. Его слегка зауалированный голосъ, произносившій только слова любви, мира, порядочности и, главнымъ образомъ, любви къ отечеству, заманивалъ многихъ введенныхъ въ заблужденіе слушателей собраться вокругъ стола съ пуншемъ, за которымъ этотъ прекрасный человѣкъ проводилъ свои вечера, проповѣдуя добропорядочность и любовь къ отечеству.

Удивительно, какое вліяніе этотъ почтенный человѣкъ оказывалъ на окружающую его дурную среду; видѣть этого нельзя было, но это можно было слышать. Вся эта свора, которую въ теченіе многихъ лѣтъ спускали на все старое и почтенное, которую натравляли на правительство и чиновниковъ, которая покушалась и на болѣе высокое, стала теперь тихой и любвеобильной, только не по отношенію къ своимъ

прежнимъ друзьямъ; честной, скромной и порядочной, только не въ душѣ. Онъ во всемъ слѣдовалъ новой программѣ, выставленной новымъ редакторомъ при его вступленіи въ должность, основная мысль которой заключалась въ немногихъ словахъ: преслѣдовать все хорошее новое, поощрять все плохое старое, низкопоклонствовать передъ властью, возвеличивать тѣхъ, кому повезло, унижать тѣхъ, кто стремился вверхъ, славить удачу и насмѣхаться надъ несчастьемъ; но въ вольномъ переводѣ программы это гласило: «признавать только испытанное и признанное хорошимъ и привѣтствовать его, противодѣйствовать всякимъ стремленьямъ къ новшествамъ, строго, но справедливо преслѣдовать тѣхъ, кто неправильными путями стремится впередъ, ибо только честный трудъ долженъ имѣть успѣхъ».

Таинственность этого послѣдняго пункта, ближе всего лежавшаго къ сердцу редакціи, имѣла, однако, свое основаніе, которое не приходилось искать слишкомъ далеко. Редакція состояла цѣликомъ изъ людей, такъ или иначе обманутыхъ въ своихъ надеждахъ; большинство были такими по собственной винѣ, главнымъ образомъ, по легкомыслію и пьянству; одни были такъ называемые низвергнутые гении, которые прежде имѣли большую извѣстность въ качествѣ пѣвцовъ, ораторовъ, поэтовъ или остряковъ, а потомъ были преданы справедливому забвенію, которое они называли несправедливымъ.

Въ теченіе цѣлаго ряда годовъ имъ съ досадою приходилось хвалить предпріятія новаторовъ и вообще все новое; было, такимъ образомъ, неудивительно, если они теперь ухватились за благоприятный случай накинуться подъ благовиднѣйшими предлогами на все новое, будь оно хорошо или плохо.

Редакторъ особенно былъ искусень въ розыскахъ шар-

латанства и нечестности. Если депутатъ противился предложеніямъ, которыя въ интересахъ партіи должны были разорить страну, то онъ его тотчасъ же ославлялъ шарлатаномъ, стремящимся быть оригинальнымъ или ищущимъ министерскаго фрака; онъ не говорилъ о портфелѣ, ибо думалъ больше о платьѣ. Но политика не была его сильной стороной, зато—литература!.. Однажды онъ произнесъ на сѣверномъ праздникѣ стихотворный тостъ въ честь женщинъ и тѣмъ самымъ сдѣлалъ важный вкладъ въ міровую литературу, воспроизведенный въ такомъ количествѣ провинціальныхъ газетъ, какое авторъ считалъ необходимымъ для своего безсмертія. Благодаря этому онъ сталъ поэтомъ, и когда онъ покончилъ съ экзаменами, онъ взялъ билетъ второго класса, чтобы, пріѣхавъ въ Стокгольмъ, вступить въ жизнь и принять почетъ, который онъ могъ требовать въ качествѣ поэта. Къ несчастью, столичные жители не читаютъ провинціальныхъ газетъ. Молодой человекъ остался неизвѣстнымъ, а его талантъ неоцѣненнымъ. Такъ какъ онъ былъ уменъ, ибо маленькій умъ его никогда не страдалъ отъ чрезмѣрности воображенія, онъ затаилъ рану и сдѣлалъ ее тайной своей жизни.

Горечь, возникшая изъ того, что все то, что онъ называлъ своей честной работой, осталось вознагражденнымъ, сдѣлала его особенно склоннымъ быть цензоромъ литературы; но самъ онъ не писалъ, ибо его положеніе не позволяло ему заниматься такими личными занятіями; онъ предоставилъ это рецензенту, критиковавшему всѣхъ справедливо и неподкупно строго. Тотъ самъ шестнадцать лѣтъ писалъ стихи, которыхъ никто не читалъ, и подписывался псевдонимомъ, при чемъ никто не полюбопытствовалъ узнать, какъ его настоящее имя. Однако, каждое Рождество его стихотвореніе извлекалось изъ пыли и хвалилось въ «Сѣ-

ромъ Колпачкѣ», конечно, лицомъ незаинтересованнымъ, которое и подписывалось подъ статьей, чтобы публика не думала, что авторъ самъ написалъ ее, ибо все еще надѣялись, что авторъ извѣстенъ публикѣ. На семнадцатый годъ авторъ счелъ за лучшее выставить на новой книгѣ (новомъ изданіи старой) свое настоящее имя. Но на бѣду «Красная Шапочка», редактировавшаяся молодыми людьми, никогда не слыжавшими дѣйствительнаго имени псевдонима, написала о немъ, какъ о начинающемъ, и выразила удивленіе по поводу автора, ставящаго свое имя на книгѣ при первомъ выступленіи, и по поводу того, что молодой человѣкъ можетъ писать такъ сухо и старомодно. Это былъ тяжелый ударъ; старый псевдонимъ схватилъ горячку, но выздоровѣлъ послѣ своей реабилитаціи въ «Сѣромъ Колпачкѣ»; вся публика была тамъ обругана единымъ духомъ, названа безнравственной, нечестной; она не сумѣла оцѣнить честную, здоровую и нравственную книгу, которую безопасно можно дать въ руки ребенку. Надъ послѣднимъ пунктомъ немало потѣшался одинъ юмористическій журналъ, вслѣдствіе чего съ псевдонимомъ случился рецидивъ, и онъ поклялся вѣчной ненавистью ко всей грядущей литературѣ; но не ко всей, ибо хорошій наблюдатель могъ бы замѣтить, что часть сѣверной литературы хвалили въ «Сѣромъ Колпачкѣ», хотя и какъ-то двусмысленно, и тотъ же наблюдатель замѣтилъ бы, что эта литература издавалась опредѣленнымъ издателемъ; но не должно было думать, что псевдонимъ поддавался вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ, въ родѣ капустниковъ или фаршированной рыбы; онъ и вся редакція были порядочными людьми, которые, конечно, не осмѣлились бы такъ строго судить другихъ, если бы сами не были безгрѣшны.

Засимъ слѣдовалъ театральныи рецензентъ. Онъ полу-

чилъ свое образованіе въ театральномъ бюро X — кепинга; тамъ же онъ влюбился въ звѣзду, сіявшую только тогда, когда она выступала въ X — кепингѣ. Такъ какъ онъ не былъ достаточно далекъ, чтобы различить частное сужденіе отъ общаго, то съ нимъ случилось, что онъ, будучи въ первый разъ выпущенъ, на столбцахъ «Сфраго Колпачка», совершенно развѣнчалъ первую артистку страны и утверждалъ, что она подражаетъ госпожѣ... какъ тамъ ее звали? Это доставило ему имя, конечно, ненавистное, презрѣнное имя, но все же имя, вознаградившее его за вызванное имъ недовольство. Къ его выдающимся, хотя и поздно оцѣненнымъ качествамъ принадлежало еще и то, что онъ былъ глухъ. Такъ какъ прошло много лѣтъ, пока это обнаружилось, то трудно было установить, не стояло ли это въ связи съ одной встрѣчей въ передней опернаго театра, поздно вечеромъ, послѣ того, какъ былъ потушенъ газъ. Съ тѣхъ поръ онъ пробовалъ свою силу только на молодыхъ; и кто зналъ обстоятельства, тотъ съ точностью могъ сказать, когда ему не везло за кулисами, ибо зазнавшійся провинціалъ прочелъ гдѣ-то, что Стокгольмъ — Парижъ, и вѣрилъ этому.

Художественный критикъ былъ старый академикъ, никогда не бравшій въ руки кисть, но принадлежавшій къ блестящему товариществу художниковъ «Минерва», что давало ему возможность описывать публикѣ произведенія искусства раньше, чѣмъ они были готовы, такъ что читатель избавлялся отъ необходимости составлять себѣ собственное мнѣніе. Онъ всегда былъ нѣженъ къ своимъ знакомымъ и не забывалъ ни одного изъ нихъ, когда писалъ о выставкѣ; и у него былъ такой долготѣнній опытъ писать о нихъ хорошее — а иначе онъ не смѣлъ, — что онъ могъ упомянуть двадцать человекъ на одномъ столбцѣ. Молодыхъ же онъ, наоборотъ, не поминалъ вовсе, такъ

что публика, не слыхавшая десять лѣтъ никакихъ именъ, кромѣ старыхъ, начинала отчаиваться въ будущихъ судьбахъ искусства. Но одно исключеніе онъ все-таки сдѣлалъ, и это произошло какъ разъ теперь, и не въ добрый часъ; поэтому «Сѣрый Колпачокъ» находился сегодня въ возбужденномъ состояніи духа.

Вотъ что произошло. Селленъ, если вы запомнили это имя, прибылъ въ послѣдній моментъ на выставку съ своей картиной. Когда она получила самое плохое мѣсто, какое могла получить, такъ какъ авторъ не имѣлъ королевской медали и не принадлежалъ къ академіи, прибылъ «профессоръ Карла IX». Его звали такъ потому, что онъ не писалъ ничего, кромѣ сценъ изъ жизни Карла IX; это же произошло оттого, что онъ однажды на аукціонѣ приобрѣлъ рюмку, скатерть и стулъ временъ Карла IX; ихъ-то онъ и писалъ въ теченіе двадцати лѣтъ, то съ королемъ, то безъ него. Но теперь онъ былъ профессоромъ и кавалеромъ высокихъ орденовъ, и нельзя было ничего подѣлать. На выставкѣ онъ былъ вмѣстѣ съ академическимъ критикомъ, когда взглядъ его упалъ на скромнаго представителя оппозиціи и на его картину.

— Такъ, вы опять здѣсь, сударь? — Онъ вскинулъ *pinse-nez*. — Такъ это новый стиль! Гм!.. Послушайте, сударь! Послушайтесь стараго человѣка; уберите это! Уберите это! Или я умру! И себѣ вы окажете этимъ большую услугу. Что скажешь, братъ?

Братъ былъ того мнѣнія, что это просто безсовѣстно, и какъ другъ онъ совѣтуетъ этому господину стать живописцемъ вьвѣсокъ.

Селленъ кротко, но проникновенно возразилъ, что въ виду того, что такъ много дѣльныхъ людей занимаются этимъ

ремесломъ, онъ предпочитаетъ живопись, въ которой легче добиться чего-нибудь, какъ уже показалъ опытъ.

Этотъ дерзкій отвѣтъ вывелъ изъ себя профессора, и онъ повернулъ Селлену спину съ угрозой, поддержанной обѣщаніями академика.

Просвѣщенная комиссія пріобрѣтеній засѣдала при закрытыхъ дверяхъ. Когда двери открылись, шесть картинъ оказались пріобрѣтенными на деньги, взятые съ публики для поощренія мѣстныхъ художниковъ. Выдержка изъ протокола, напечатанная въ газетахъ гласила: «Союзъ художниковъ пріобрѣлъ вчера слѣдующія работы: 1) «Вода съ быками». Пейзажъ оптоваго торговца К. 2) «Густавъ Адольфъ передъ пожаромъ Магдебурга». Историческая картина торговца полотномъ Л. 3) «Сморкающееся дитя». Жанр лейтенанта М. 4) «Пароходъ «Борэ» въ гавани». Марина диспашера Н. 5) «Лѣсъ съ женщинами». Пейзажъ королевскаго секретаря О. 6) «Куры съ шампиньонами». Nature morte актера П.

Эти произведенія искусства, стоившія тысячу кронъ, расхваливались потомъ въ «Сѣромъ Колпачкѣ» на двухъ, трехъ и четырехъ столбцахъ; въ этомъ не было ничего удивительнаго, но рецензентъ, отчасти для заполнения столбцовъ, отчасти же для прекращенія во-время возникающаго зла, напалъ на все растущее безобразіе: именно на то, что молодые, невѣдомые искатели приключеній, убѣждавшіе изъ академіи, стараются сбить съ толку здорое сужденіе публики погоней за эффектами и фокусами. Тутъ критикъ взялъ за ухо Селлена и такъ отдѣлалъ его, что даже недруги его нашли, что это несправедливо. Онъ не удовлетворился тѣмъ, что отказалъ ему совершенно въ талантѣ и что назвалъ его искусство шарлатанствомъ, но задѣлъ и его личныя обстоятельства, на-

мекнулъ на скверныя завсденія, гдѣ онъ, должно быть, обѣдаетъ, плохое платье, которое онъ носить, на его плохую нравственность и недостатокъ прилежанія; и заключилъ тѣмъ, что во имя религии и нравственности предсказалъ ему будущность въ общественномъ учрежденіи, если онъ не исправится во-время.

Это было грязное дѣло, сдѣланное легкомысліемъ и корыстолюбіемъ, и удивительно, что въ тотъ вечеръ, когда вышелъ «Сѣрый Колпачокъ», не погибла душа человѣческая.

Черезъ двадцать четыре часа вышелъ въ свѣтъ «Неподкупный». Онъ высказалъ нѣсколько дерзкихъ соображеній о томъ, какъ деньги публики расходуются компаніей; о томъ, что въ послѣднихъ приобрѣтеніяхъ нѣтъ ни одной картины, написанной художникомъ, что всѣ онѣ написаны чиновниками и промышленниками, достаточно бесовѣстными, чтобы конкурировать съ художниками, хотя это ихъ единственный рынокъ. Послѣ этого добрались и до Селлена. Его картина — единственная за десять лѣтъ, вылившаяся изъ души; десять лѣтъ искусство было продуктомъ красокъ и кистей; картина Селлена — честная работа, полная проникновенія и самоотреченія, вполне непосредственная, какую могъ сдѣлать только тотъ, кто видѣлъ духъ природы лицомъ къ лицу. Критикъ предостерегалъ юношу отъ борьбы со стариками, такъ какъ онъ уже перегналъ ихъ, и совѣтовалъ ему вѣрить и надѣяться, такъ какъ у него истинное призваніе.

«Сѣрый Колпачокъ» вспѣнился отъ злобы.

— Вы увидите, онъ будетъ имѣть успѣхъ! — воскликнулъ редакторъ. — И какого чорта надо было такъ нападать на него! Подумайте только, если онъ будетъ имѣть успѣхъ! Вотъ оскандалимся-то!

Но академикъ поклялся, что онъ не будетъ имѣть успѣха, пошелъ домой съ враждою въ душѣ, почиталъ свои книжки и написалъ статью, доказывавшую, что искусство Селлена — шарлатанство и что «Неподкупный» подкупленъ.

И «Сѣрый Колпачокъ» передохнулъ, но, увы! — только въ ожиданіи новаго удара.

На другое утро утреннія газеты возвѣстили, что его величество пріобрѣлъ «мастерской пейзажъ Селлена, уже нѣсколько дней собирающій публику на выставкѣ».

Вѣтеръ ударилъ въ «Сѣрый Колпачокъ», и онъ заполоскался какъ тряпка на заборѣ. Повернуть ли или продолжать? Дѣло шло о газетѣ или о критикѣ. Тогда редакторъ (по приказу руководяшаго директора) рѣшилъ пожертвовать критикомъ и спасти газету. Но какъ? Вспомнили Струвэ, чувствовавшего себя какъ дома во всѣхъ лабиринтахъ общественнаго мнѣнія; его позвали. Въ одно мгновеніе онъ выяснилъ себѣ положеніе; и онъ обѣщаль, что въ нѣсколько дней онъ спуститъ корабль на воду.

Чтобы знать связи Струвэ, надо познакомиться съ важнѣйшими датами его біографіи. Онъ былъ природнымъ вѣчнымъ студентомъ и только изъ нужды попалъ въ литературу. Онъ сперва сталъ редакторомъ социаль-демократической газеты «Народное Знамя»; потомъ онъ перешелъ къ консервативному міроѣду; но, когда тотъ переселился въ другой городъ, съ инвентаремъ, типографіей и редакторомъ, онъ перемѣнилъ свое названіе на «Друга Крестьянъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣжденія его приняли другую окраску. Потомъ Струвэ продался «Красной Шапочкѣ», гдѣ ему очень пригодились его знакомство со всѣми фокусами консерваторовъ; такъ же, какъ теперь въ

«Сѣромъ Колпачкѣ», его большимъ достоинствомъ считалось знаніе всѣхъ тайнъ смертельнаго врага, «Красной Шапочки», которымъ онъ злоупотреблялъ съ величайшей свободой.

Струвэ началъ очистительную работу съ корреспонденціи въ «Народное Знамя», изъ которой потомъ нѣсколько строкъ, говорившихъ о большой посѣщаемости выставки, перешли въ «Сѣрый Колпачокъ». Потомъ онъ написалъ письмо въ редакцію «Сѣраго Колпачка», въ которомъ онъ нападалъ на академическаго критика; за этимъ письмомъ слѣдовало нѣсколько успокоительныхъ словъ, подписанныхъ редакціей и гласившихъ: «Хотя мы и никогда не раздѣляли вполнѣ мнѣніе нашего уважаемаго критика о заслуженно расхваливаемой картинѣ г. Селлена, мы съ другой стороны не можемъ вполнѣ подписаться подъ мнѣніемъ нашего уважаемаго корреспондента; но такъ какъ нашъ принципъ — открывать наши столбцы и инымъ мнѣніямъ, мы безъ колебаній помѣстили выше напечатанную статью.

Теперь ледъ растаялъ. Струвэ, который, какъ говорятъ, писалъ обо всемъ, исключая коптскихъ монетъ, написалъ теперь блестящую критику о картинѣ Селлена и подписалъ ее характернѣйшимъ Dixi. И такимъ образомъ были спасены и «Сѣрый Колпачокъ» и Селленъ; но послѣднее не имѣло значеніе.

XI.

Было семь часовъ вечера. Оркестръ у Бернса играетъ свадебный маршъ изъ «Сна въ лѣтнюю ночь», и при его торжественныхъ звукахъ Олэ Монганусъ вѣзжаетъ въ Красную Комнату, куда не прибылъ еще никто изъ другихъ членовъ. На немъ цилиндръ, какаго онъ не имѣлъ

со времянь своей конфирмаціи. На немъ новая одежда и цѣльные сапоги, онъ вымытъ, свѣже выбрить, завилъ волосы, какъ бы собираясь на свадьбу; тяжелая мѣдная цѣпочка висить на жилетѣ, и видна явная выпуклость его лѣваго жилетнаго карма. Солнечная улыбка покоится на его лицѣ, и у него такой добрый видъ, какъ будто онъ хочетъ помочь всему свѣту небольшимъ авансомъ. Онъ снимаетъ свое обычно такъ заботливо застегнутое пальто и садится на середину дивана въ глубинѣ комнаты, распакиваетъ сюртукъ и одергиваетъ бѣлую манишку; и когда онъ двигается, шуршитъ подкладка его брюкъ и жилета. Это, очевидно, доставляетъ ему большое удовольствіе; не меньше радуется онъ, скрипя обувью объ ножки дивана. Онъ вытаскиваетъ часы, свою старую, милую луковичу, пролежавшую годъ и сверхсрочный мѣсяць у закладчика, и оба друга радуются свободѣ.

Что случилось съ этимъ бѣднымъ человѣкомъ, что онъ такъ несказанно счастливъ? Мы знаемъ, что онъ ничего не выигралъ въ лотереи, не получилъ никакого наслѣдства, не добился почетнаго признанія! Что же случилось? Очень просто: онъ получилъ работу!

Потомъ приходитъ Селленъ: бархатный пиджакъ, лакированныя ботинки, пледъ и дорожный бинокль на ремнѣ, трость, галстукъ изъ желтаго шелка, красныя перчатки, цвѣтокъ въ петличкѣ. Спокойный и довольный, какъ всегда; ни слѣда потрясающихъ впечатлѣній послѣднихъ дней на его худомъ интеллигентномъ лицѣ.

Селлена сопровождаетъ Ренгельмъ, который тише обыкновеннаго, потому что онъ знаетъ, что приходится разставаться съ другомъ и защитникомъ.

— Ну, Селленъ, — говоритъ Олэ, — ты теперь счастливъ, не такъ ли?

— Счастливъ? Что за болтовня? Я продалъ работу! Первую за пять лѣтъ! Это не слишкомъ то много!

— Но вѣдь ты читалъ газеты? У тебя есть имя!

— Ахъ, объ этомъ я не забочусь! Ты не долженъ думать, что эти пустяки значать для меня что-нибудь. Я хорошо знаю, какъ много еще мнѣ надо работать, пока я стану чѣмъ-нибудь! Черезъ десять лѣтъ мы поговоримъ объ этомъ, Олэ.

Олэ вѣрять одной половинѣ и не вѣрять другой, и онъ шуршитъ манишкой и подкладкой, такъ что Селленъ обращаетъ вниманіе и говоритъ:

— Чортъ дери, какъ ты расфрантился!

— Ты находишь! Но вѣдь ты самъ выглядишь львомъ.

Селленъ шелкаетъ тростью по лаковымъ ботинкамъ, робко нюхаетъ цвѣтокъ въ петличкѣ, и у него такой равнодушный видъ. А Олэ вытаскиваетъ часы, чтобы посмотреть, скоро ли придетъ Лундель; тогда Селлену придется посмотреть въ бинокль, нѣтъ ли его на хорахъ. После этого Олэ разрѣшается погладить бархатъ пиджака, чтобы удостовѣриться, насколько онъ мягокъ, ибо Селленъ увѣряетъ, что это необыкновенно хорошій бархатъ для своей цѣны. И тогда Олэ приходится спросить, сколько онъ стоитъ, это знаетъ Селленъ, въ свою очередь удивляющійся запонкамъ Олэ, сдѣланнымъ изъ ракушекъ.

Потомъ появляется Лундель, получившій тоже свою кость на большемъ пиру, потому что ему заказана алтарная живопись для церкви въ Трэсколѣ, но это не отразилось на его внѣшности, если не считать того, что его толстыя щеки и сіяющее лицо указываютъ на хорошее питаніе.

Съ нимъ приходитъ Фалькъ. Серьезный, но радостный, искренне радующійся за всѣхъ, что заслуги ихъ нашли справедливую награду.

— Поздравляю тебя, Селленъ, но это было не больше, чѣмъ должное.

Селленъ находитъ то же самое.

— Пять лѣтъ я писалъ такъ же хорошо, и всѣ только зубы скалили! Зубоскальничали еще третьяго дня, но теперь! Тьфу, вотъ такъ люди! Посмотри, это письмо я получилъ отъ этого идиота, «профессора Карла IX».

«Милѣйшій господинъ Селленъ!»—Послушайте только!— «Привѣтствую васъ въ нашемъ кругу».—Каналья, перепугался!—«Я всегда высоко цѣнилъ вашъ талантъ».—Какое лицемеръ! Разорвать эту тряпку и забыть объ его глупости!

Селленъ предлагаетъ выпить, онъ чокается съ Фалькомъ и надѣется, что тотъ скоро заставитъ говорить о своемъ перѣ. Фалькъ смущается, краснѣетъ и общается притти, когда исполнится время; но время ученія будетъ длиться долго, и онъ проситъ друзей не утомиться ожиданіемъ, если онъ заставитъ себя долго ждать; и онъ благодаритъ Селлена за его дружбу, которая научила его терпѣнію и самоотреченію. А Селленъ проситъ, чтобы не говорили такихъ глупостей; велико ли искусство терпѣть, когда нѣтъ никакого выбора, и что удивительнаго въ отреченіи тамъ, гдѣ ничего не получаешь?

Олэ такъ добродушно улыбается, и манишка его такъ надувается отъ радости, что видны красныя подтяжки; онъ чокается съ Лунделемъ и проситъ его взять примѣръ съ Селлена и не забывать для египетскихъ горшковъ съ мясомъ страны обѣтованной; ибо у него есть талантъ, это Олэ видѣлъ, когда тотъ писалъ по своимъ собственнымъ мыслямъ; но когда онъ лицемеритъ и пишетъ по мыслямъ другихъ, тогда онъ становится хуже другихъ; поэтому пусть возьмется онъ за алтарную живопись, какъ за ра-

боту, которая дастъ ему возможность писать по собственнымъ мыслямъ и отъ собственного сердца.

Фалькъ хочетъ воспользоваться случаемъ и послушать, что Олэ думаетъ о себѣ и своемъ искусствѣ,—это давно было для него загадкой,—но въ это время входитъ въ «Красную Комнату» Игбергъ. Тотчасъ же на него набрасываются съ приглашеніями, ибо о немъ забыли въ горячіе дни и теперь хотѣли показать ему, что это было сдѣлано не изъ эгоистическихъ побужденій. Олэ же роется въ своемъ правомъ жилетномъ карманѣ и движеніемъ, котораго никто не долженъ видѣть, засовываетъ Игбергу въ карманъ сюртука свернутую бумажку, и тотъ понимаетъ и отвѣчаетъ благодарнымъ взглядомъ.

Игбергъ чокается съ Селленомъ и находитъ, что съ одной стороны можно сказать то, что онъ уже сказалъ, именно, что Селленъ нашелъ свое счастье. Съ другой же стороны можно сказать, что этого нѣтъ. Селленъ еще недостаточно развитъ, ему еще надо много лѣтъ, ибо искусство требуетъ много времени; ему, Игбергу, опредѣленно не везло, поэтому его нельзя обвинять въ томъ, что онъ завидуетъ человѣку, пользующемуся такимъ признаніемъ, какъ Селленъ.

Зависть, проглядывавшая въ каждомъ словѣ Игберга, навела легкія тучки на солнечное небо, но это было лишь мгновеніе, ибо всѣ знали, что горечь долгой, потерянной жизни извиняетъ зависть.

Тѣмъ радостнѣе Игбергъ покровительственно передалъ маленькій свѣжеотпечатанный оттискъ Фальку, на обложкѣ котораго тотъ съ смущеніемъ увидѣлъ черный портретъ Ульрики Элеоноры. Игбергъ объяснилъ, что онъ выполнилъ заказъ. Смитъ очень спокойно принялъ отказъ Фалька и теперь собирается печатать стихи Фалька.

Газовые огни утратили свой свѣтъ въ глазахъ Фалька, и онъ погрузился въ глубокія мысли, ибо сердце его было слишкомъ переполнено. Его стихи будутъ напечатаны, и Смитъ заплатитъ за эту дорогую работу. Значитъ въ нихъ было что-то! Этого было достаточно для его мыслей на цѣлый вечеръ.

Быстро пролетали вечерніе часы для счастливецвъ; музыка смолкла, и газовые огни стали гаснуть; нужно было уходить, но еще слишкомъ рано было разставаться, и по-этому пошли гулять вдоль набережныхъ, пока не устали и не почувствовали жажды. Тогда Лундель предложилъ свести общество къ Маріи, гдѣ можно было получить пиво.

И вотъ они идутъ къ сѣверу и приходятъ въ переулокъ, упирающійся въ заборъ, которымъ обнесено табачное поле, находящееся на краю города. Тамъ они останавливаются передъ двухэтажнымъ кирпичнымъ домомъ, фасадъ котораго выходитъ на улицу. Надъ дверью скалятъ зубы двѣ головы изъ песчаника, уши и подбородки которыхъ образуютъ завитки; между ними мечъ и топоръ. Здѣсь было прежде жилище палача.

Лундель, который, очевидно, былъ знакомъ съ мѣстностью, подалъ какой-то сигналъ передъ окошкомъ нижняго этажа; жалюзи поднялись, открылась форточка, выглянула женская голова и спросила, не Альбертъ ли это; когда Лундель призналъ это свое *nom de guerre*, дѣвушка открыла дверь и впустила общество, потребовавъ, чтобы они обѣщали вести себя тихо; такъ какъ они дали охотно это обѣщаніе, то вскорѣ вся «Красная Комната» засѣдала въ домѣ и была представлена Маріи подъ разными наскоро вымышленными именами.

Комната была невелика; она раньше была кухней, и

очагъ еще находился въ ней. Меблировка состояла изъ комода, какой бываетъ у горничныхъ; затѣмъ было зеркало съ занавѣсками изъ бѣлой кисеи; надъ зеркаломъ цвѣтная литографія, изображавшая Спасителя на крестѣ; комодъ уставленъ маленькими фарфоровыми вещичками, пузырьками отъ духовъ, молитвенникомъ и пепельницей, и съ своимъ зеркаломъ и двумя зажженными стеариновыми свѣчками имѣетъ видъ домашняго алтаря. Надъ раздвижнымъ диваномъ, на которомъ еще не была постлана постель, Карлъ XV сидѣлъ на лошади, окруженный вырѣзками изъ журналовъ, которыя почти всѣ изображали враговъ магдалинъ, полицейскихъ. На подоконникѣ прозябали фуксія, герань и миртъ — гордое дерево Венеры въ нищенскомъ домѣ! На рабочемъ столикѣ лежалъ альбомъ съ фотографіями. На первой страницѣ былъ портретъ короля, на второй и третьей — папа и мама, бѣдные крестьяне, на четвертой — студентъ-соблазнитель, на пятой — ребенокъ, а на шестой — женихъ, подмастерье. Это была вся ея исторія, похожая на много другихъ. На гвоздѣ, рядомъ съ очагомъ, висѣло изящное платье, богато плисированное, бархатная накидка и шляпа съ перьями — костюмъ феи, въ которомъ она выходила на ловлю юношей. А сама она! Высокая, 24-лѣтняя женщина зауряднаго типа. Легкомысліе и бессонныя ночи придали цвѣту ея лица ту прозрачную бѣлизну, отличающую богатыхъ, которые не работаютъ; но руки еще носили слѣды тяжелыхъ трудовъ молодости. Одѣтая въ красивый капотъ, съ распущенными волосами, она могла сойти за магдалину. У ней было относительно стыдливое обхожденіе, она была весела и вѣжлива и держалась манерно.

Общество распалось на группы, продолжало прерванные разговоры и начинало новые. Фалькъ, который теперь

былъ поэтомъ и хотѣлъ во всемъ находить интересъ, даже въ самомъ банальномъ, пустился въ сентиментальную бесѣду съ Маріей, что она очень любила, такъ какъ ей льстило, когда съ ней обращались какъ съ человѣкомъ. По обыкновенію они договорились до исторіи и до мотивовъ, толкнувшихъ ее на этотъ путь. Первому паденію она не придавала большого значенія, «объ этомъ не стоило и говорить»; но тѣмъ мрачнѣе описывала она свою жизнь въ горничныхъ; эту рабскую жизнь, подъ капризами и бранью бездѣльной женщины, эту жизнь, полную безконечной работы. Нѣтъ, ужъ лучше свобода!

— Но когда вамъ надоѣсть эта жизнь?

— Тогда я выйду замужъ за Вестергрена!

— А захочетъ ли онъ?

— О, онъ ждетъ этого дня; впрочемъ, я сама тогда открою небольшую лавочку на тѣ деньги, которыя лежатъ у меня въ сберегательной кассѣ. Но объ этомъ уже такъ многіе спрашиваютъ. Нѣтъ ли у тебя сигаръ?

— Какъ же! Есть! Но можно мнѣ спросить объ этомъ?

Онъ взялъ ея альбомъ и увидалъ студента; это, обыкновенно, бываетъ студентъ съ бѣлымъ галстукомъ, съ бѣлой студенческой фуражкой на колѣняхъ, неловкій и не похожій на Мефистофеля.

— Кто это?

— Это былъ славный малый!

— Соблазнитель?

— Ахъ, пустяки! Это была столько же моя вина, сколько и его, милый мой; оба виноваты! Вотъ, мое дитя! Господь взялъ его, и это, можетъ быть, къ лучшему! Но поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ! Что это за весельчакъ, котораго Альбертъ сегодня привелъ? Вотъ тотъ, что сидитъ у очага, рядомъ съ длиннымъ, достающимъ до трубы?

Олэ, на котораго обратили вниманіе, былъ очень польщенъ и ерошилъ свои завитые волосы, которые опять вздохматились послѣ обильной выпивки.

— Это пономарь Монсонъ, — сказалъ Лундель.

— Ахъ, чортъ дери! Такъ это попъ? Да я могла бы догадаться по его лукавымъ глазамъ. Знаете ли, на прошлой недѣлѣ здѣсь былъ попъ! Поди сюда, Монсонъ, дай-ка я погляжу на тебя!

Олэ слѣзъ съ плиты, на которой онъ лицемѣрно спорилъ съ Игбергомъ о категорическомъ императивѣ Канта. Онъ такъ привыкъ привлекать вниманіе женщинъ, что тотчасъ же почувствовалъ себя моложе, и извивающейся походкой онъ приблизился къ красавицѣ, которую онъ уже оглядѣлъ однимъ глазомъ и нашелъ восхитительной. Онъ какъ могъ закрутилъ усы и спросилъ манернымъ голосомъ:

— Не правда ли, барышня, вы находите, что я похожъ на попа?

— Нѣтъ, теперь я вижу, что у тебя усы. На тебѣ слишкомъ изящное платье для рабочаго. А ну-ка, покажи руку! О, да ты кузнецъ!

Олэ былъ оскорбленъ.

— Развѣ я такъ уродливъ, барышня? — сказалъ Олэ трогательнымъ голосомъ.

Марія взглянула на него.

— Ты очень некрасивъ. Но у тебя хорошій видъ!

— О, барышня, если бы вы знали, какъ вы ранили мое сердце! Я никогда не видѣлъ женщины, которая любила бы меня; я видѣлъ такъ много мужчинъ, которые были счастливы, хотя были уродливѣе меня; но женщина — проклятая загадка, и поэтому я ее презираю!

— Это хорошо, Олэ! — раздался голосъ изъ трубы, гдѣ помѣщалась голова Игберга. — Это хорошо!

Олэ хотѣлъ вернуться къ очагу, но онъ коснулся темы, которая очень интересовала Марію, къ тому же онъ сыгралъ на струнѣ, звукъ которой ей былъ знакомъ. Она усѣлась рядомъ съ нимъ, и они погрузились въ продолжительную, серьезную бесѣду—о любви и женщинахъ.

Ренгельмъ, бывшій весь вечеръ тише обыкновеннаго и на котораго никто не обращалъ вниманія, вдругъ ожилъ и очутился теперь вблизи Фалька на углу дивана. Что-то у него давно было на сердцѣ, чего онъ давно не замѣчалъ. Онъ взялъ свою пивную кружку и стукнулъ по столу, какъ бы желая держать рѣчь, и когда его ближайшіе сосѣди обратили на него вниманіе, онъ произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Господа, вы думаете, что я скотина, я знаю; Фалькъ, я знаю, ты думаешь, что я глупъ, но вы увидите, друзья мои, чортъ побери, вы увидите!..

Онъ возвысилъ голосъ и ударилъ кружкой по столу, такъ что она разлетѣлась, послѣ чего онъ упалъ на диванъ и заснулъ. Эта выходка, не такъ уже необычная, привлекла вниманіе Маріи. Она встала и прервала разговоръ съ Олэ, который къ тому же уже начиналъ покидать абстрактную сторону вопроса.

— Нѣтъ, что за красивый малый! Откуда онъ у васъ? Бѣдный малый! Онъ такой сонный! Я его совсѣмъ не видала.

Она подложила ему подушку подъ голову и покрыла его шалью.

— Какія маленькія руки! У васъ не такія, мужичье! И что за лицо! Какое невинное! Тьфу, Альберъ! Это ты его соблазнилъ выпить такъ много!

Быль ли въ этомъ виновать Лундель или другої кто-то, это теперь не имѣло значенія, ибо человекъ былъ пьянъ; но достовѣрно было то, что никому не приходилось соблазнять его, потому что его снѣдало постоянное желаніе заглушить внутреннюю тревогу, гнавшую его отъ работы.

Лундель не встревожился замѣчаніями своей прекрасной подруги; зато возрастающее опьяненіе пробудило его религіозныя чувства, порядочно притупившіяся вслѣдствіе обильнаго ужина. Онъ поднялся, наполнилъ свою кружку, оперся о комодъ и потребовалъ вниманія.

— Милостивые государи! — онъ вспомнилъ о присутствіи магдалины, — и милостивыя государыни! Сегодня вечеромъ мы ѣли и пили въ намѣреніи, если глядѣть съ материалистической точки зрѣнія, исходящемъ только изъ низменныхъ, животныхъ элементовъ нашего существа, которое въ моментъ, подобный настоящему, когда приближается часъ разставанія... мы видимъ здѣсь печальное зрѣлище порока, именуемаго пьянствомъ! Но истинное религіозное чувство пробуждается, когда послѣ вечера, проведеннаго въ кругу друзей, чувствуешь себя обязаннымъ поднять стаканъ въ честь того, кто проявилъ особый талантъ. Я подразумеваю Селлена. Такой примѣръ, утверждаю я, выказался здѣсь съ величайшей силой, и поэтому я припоминаю тѣ прекрасныя слова, которыя всегда будутъ звучать въ моихъ ушахъ, и я увѣренъ, что всѣ мы сохранимъ ихъ въ памяти, хотя бы это мѣсто было и не очень подходящее; этотъ молодой человекъ, павшій жертвой порока, который мы называемъ пьянствомъ, втерся, къ сожалѣнію, въ наше общество и, коротко говоря, проявилъ болѣе печальные результаты, чѣмъ можно было ожидать. За твое здоровье, благородный другъ Селленъ, я желаю

тебѣ того счастья, котораго заслуживаетъ твое благородное сердце! И за твое здоровье, Олэ Монтанусъ! Фалькъ тоже благородный человѣкъ, который больше проявится, когда его религіозное чувство достигнетъ той твердости, за которую ручается его характеръ. Объ Игбергѣ я не хочу говорить, ибо тотъ теперь избралъ свой собственный путь — философскій, на которомъ я желаю ему успѣха.

Это тяжкій путь, и я скажу, словами псалмопѣвца: «Кто это скажетъ намъ?» Между тѣмъ мы имѣемъ полное основаніе ожидать лучшаго будущаго, и я думаю, мы можемъ рассчитывать на это, пока чувства наши благородны и сердце не стремится къ корысти, ибо, господа, человѣкъ безъ религіи—скотина. Я предлагаю поэтому вамъ, господа, поднять стаканъ за все благородное, прекрасное и великое, къ которому мы стремимся. Ваше здоровье, господа!

Религіозное чувство стало такъ одолевать Лунделя, что общество сочло за лучшее подумать о разставаніи.

Штора уже довольно долго освѣщалась свѣтомъ солнца, и изображенный на ней пейзажъ съ рыцарской крѣпостью сверкалъ въ первыхъ утреннихъ лучахъ. Когда ее подняли, день воцарился въ комнатѣ и освѣтилъ часть собравшихся, стоявшихъ ближе къ окну: они выглядѣли какъ трупы. Игбергъ, спавшій у очага, скрестивъ руки на пивной кружкѣ, отразилъ красный свѣтъ стеариновыхъ свѣчей и давалъ превосходный эффектъ. Олэ произносилъ тосты за женщину, за весну, за міръ, причемъ ему пришлось открыть окно, чтобы дать просторъ своимъ чувствамъ. Спящихъ разбудили, простились, и все общество побрело къ воротамъ.

Когда вышли на улицу, Фалькъ обернулся; магдалина лежала въ открытомъ окнѣ; солнце освѣщало ея бѣлое лицо, и ея длинные черные волосы, окрашиваемые солнцемъ въ темно-красный цвѣтъ, спускались по шеѣ, и ка-

залось, что они ручьями выливаются на улицу, а надъ головой ея висѣли мечъ и топоръ и обѣ рожи, скалящія зубы; а на яблонѣ, на другой сторонѣ, сидѣла птичка, черная съ бѣлымъ, и пѣла грустную мелодію, выражавшую ея радость о томъ, что кончилась ночь.

XII.

Леви былъ молодой человѣкъ, который, будучи рожденъ и воспитанъ для карьеры купца, какъ разъ собирався устроиться при помощи своего богатаго отца, когда отецъ умеръ и не оставилъ ничего, кромѣ необезпеченной семьи.

Это было большое разочарованіе для молодого человѣка, ибо онъ былъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ уже собирався прекратить работу и заставить другихъ работать для себя. Ему было двадцать пять лѣтъ, и онъ обладалъ выгодной наружностью; широкія плечи и совершенное отсутствіе бедеръ дѣлали его туловище особенно приспособленнымъ носить сюртукъ такъ, какъ ему неоднократно приходилось видѣть на нѣкоторыхъ иностранныхъ дипломатахъ; грудь его отъ природы обладала изящнѣйшей выпуклостью, вполне подымавшей грудь сорочки съ четырьмя запонками, когда носитель ея опускался въ кресло на узкой сторонѣ длиннаго стола дирекціи, занятаго членами правленія; красиво двоящаяся борода придавала его молодому лицу выраженіе располагающее и вызывающее довѣріе; его маленькія ноги были сдѣланы для брюссельскаго ковра директорской комнаты, а холеныя руки особенно подходили къ какой-нибудь легкой работѣ, напимѣръ, къ подписыванію своего имени преимущественно на печатныхъ бланкахъ.

Въ то время, которое теперь называется хорошимъ, хотя на самомъ дѣлѣ оно для многихъ было очень плохимъ, а именно было сдѣлано величайшее открытіе великаго столѣтія, что дешевле и пріятнѣй жить чужими деньгами, чѣмъ собственнымъ трудомъ. Многіе уже воспользовались этимъ открытіемъ, и такъ какъ оно не было патентовано, то немудрено, что и Леви поспѣшилъ воспользоваться имъ, тѣмъ болѣе, что у него самого не было денегъ и охоты работать на семью, не бывшую его собственной. Итакъ, онъ однажды одѣлъ свой лучшей костюмъ и отправился къ дядюшкѣ Смигу.

— Такъ у тебя есть идея? Послушаемъ! Хорошо имѣть идеи.

— Я задумалъ учредить акціонерное общество.

— Хорошо! Тогда Ааронъ будетъ казначеемъ, Семень секретаремъ, Исаакъ кассиромъ, а остальные ребята бухгалтерами; это хорошая идея! Дальше! Какое же это будетъ общество?

— Такъ! Это хорошо. Всѣ люди должны страховать свои вещи, когда они ѣдутъ моремъ. Но въ чемъ же твоя идея?

— Въ этомъ моя идея!

— Это не идея! У насъ уже есть большое общество «Нептунъ». Это хорошее общество! Твое должно быть лучше, если ты хочешь вступить въ конкуренцію! Что новаго въ твоёмъ обществѣ?

— О, я понимаю! Я понижу премію, тогда я получу всѣхъ кліентовъ «Нептуна»!

— Ну, это идея. Значить, проспектъ, который я отдамъ печатать, начнется увертюрой: «Такъ какъ уже давно стало назрѣвшей необходимостью понизить страховыя преміи, и только благодаря отсутствію конкуренціи это не

было сдѣлано, нижеподписавшіеся выпускають акціи общества... Ну?

— Тритонъ!

— Тритонъ? Кто это?

— Это морской богъ!

— Значить, хорошо, Тритонъ! Это выйдетъ хорошій плакатъ! Ты можешь заказать его у Райха въ Берлинѣ, а я воспроизведу его въ моемъ календарѣ «Наша страна». Значить, подписавшіеся! Сперва, натурально, мое имя! Но надо большія, хорошія имена! Дай-ка мнѣ официальный календарь!

Смитъ перелистывалъ довольно долго.

— Для морского страхового общества нуженъ большой морской офицеръ. Посмотримъ-ка! Онъ долженъ быть адмираломъ!

— Ахъ, у нихъ вѣдь нѣтъ никакихъ денегъ!

— Ай-ай! Какъ ты плохо понимаешь дѣла, малый! Они подписываютъ, но не должны платить! Они получаютъ проценты за то, что посѣщаютъ засѣданія и участвуютъ на банкетахъ директора! Ну вотъ, здѣсь два адмирала. У одного командорскій знакъ полярной звѣзды, а у другого русскій орденъ св. Анны. Что тутъ дѣлать? Такъ! Возьмемъ русскаго. Россія хорошая страна для морского страхованія! Такъ!

— Но развѣ ихъ такъ легко взять?

— Ахъ, молчи! Теперь намъ нужно отставного министра! Такъ. Его превосходительство? Хорошо. Теперь намъ надо графа. Это труднѣе. У графовъ такъ много денегъ! Надо взять профессора! У тѣхъ немного денегъ! Есть ли профессора парусной флѣты? Это было бы хорошо для дѣла. Ну, такъ, теперь все ясно! О, я забылъ самое важное. Юриста! Члена суда! Ну, вотъ и онъ!

— Но у насъ еще нѣтъ денегъ!

— Денегъ! На что деньги, когда основываешь общество? Развѣ не тотъ будетъ платить, кто страхуетъ свои товары? Что? Или мы должны за него платить? Нѣтъ! Значитъ, онъ своими преміями!

— Но основной капиталъ?

— Напишемъ облигаціи.

— Да, но надо же внести что-нибудь и наличными!

— Вносятъ наличныя облигаціями. Развѣ это не значитъ заплатить? Что? Если я тебѣ даю облигацію на какую-нибудь сумму, ты за нее получишь деньги въ любомъ банкѣ. Такъ развѣ облигація не деньги? Ну, вотъ! И гдѣ сказано, что наличныя—это значитъ кредитки? Тогда банковые чеки тоже не наличныя! А?

— Какъ великъ долженъ быть основной капиталъ?

— Очень небольшой! Не надо закладывать большихъ капиталовъ. Одинъ милліонъ! Изъ нихъ триста тысячъ наличными, а остальные облигаціями!

— Да, но триста тысячъ придется вѣдь внести кредитными билетами!

— О, Господи! Кредитки? Кредитки не деньги! Есть кредитки—хорошо; нѣтъ ихъ—тоже хорошо! Поэтому и приходится заинтересовывать маленькихъ людей, у которыхъ только кредитки!

— А чѣмъ же платять большіе?

— Акціями, облигаціями, векселями! Да все это послѣ! Пусть только подпишутъ, объ остальномъ мы позаботимся!

— Неужели же только триста тысячъ? Да вѣдь столько стоитъ одинъ большой пароходъ! А если застрахуешь тысячу пароходовъ?

— Тысячу? «Нептунъ» имѣлъ за прошлый годъ 48.000 страховокъ, и дѣло шло хорошо!

— Тѣмъ хуже! А если дѣло пойдетъ плохо?

— Тогда можно ликвидировать!

— Ликвидировать?

— Устраивается конкурсъ! Такъ это называется! И что же изъ того, если надъ обществомъ будетъ учрежденъ конкурсъ? Вѣдь не надъ тобой будетъ конкурсъ, не надо мной, не надъ нимъ! А то можно выпустить новыя акціи, или же можно изготавить облигаціи, которыя потомъ въ тяжелое время будутъ выкуплены государствомъ.

— Значитъ, нѣтъ никакого риска?

— Нѣтъ! Впрочемъ, чѣмъ ты рискуешь? Есть ли у тебя хоть грошъ? Нѣтъ! Ну, такъ вотъ! Чѣмъ я рискую? Пятьюстами кронами! Я не возьму больше пяти акцій, видишь ли! А пятьсотъ это для меня вотъ что!

Онъ взялъ понюшку табаку, и этимъ дѣло кончилось.

Это общество осуществилось, вѣрнѣе или нѣтъ, и оно выдавало въ десять лѣтъ своей дѣятельности 6, 10, 10, 11, 20, 11, 5, 10, 36 и 20 процентовъ. Изъ-за акцій дрались, и, чтобы расширить дѣло, была открыта новая подписка; но тотчасъ послѣ этого было общее собраніе; о немъ Фалькъ долженъ былъ написать для «Красной Шапочки», гдѣ онъ состоялъ внѣштатнымъ хроникеромъ.

Когда онъ въ солнечный іюньскій день вошелъ въ маленькій залъ биржи, тамъ уже кишѣло народомъ. Это было блестящее собраніе. Государственные люди, геніи, ученые, военные и гражданскіе чины высшихъ ранговъ; мундиры, фраки, звѣзды и ленты; всѣ, собравшіеся здѣсь, были объединены однимъ великимъ общимъ интересомъ: намѣреніемъ челоуѣколюбиваго института, именуемаго «мор-

ское страхованіе». И великая любовь нужна была, чтобы рисковать своими деньгами ради страдающаго ближняго, постигнутаго несчастьемъ; но любовь была здѣсь! Столько любви вмѣстѣ Фалькъ еще никогда не видѣлъ сразу! Онъ почти удивлялся этому, хотя еще и не утратилъ всѣхъ иллюзій.

Но еще больше удивился онъ, когда увидѣлъ маленькаго проходимца Струвэ, бывшаго социаль-демократа, который, какъ паразитъ, ползалъ въ толпѣ и котораго высокопоставленныя лица привѣтствовали рукопожатіями, хлопками по плечу, кивками и даже разговорами. Особенно бросилось ему въ глаза, какъ Струвэ поклонился какой-то пожилой господинъ съ орденской лентой и какъ Струвэ все же покраснѣлъ при этомъ привѣтѣ и спрятался за чью-то расшитую спину. Но при этомъ онъ приблизился къ Фальку, который его тотчасъ же остановилъ и спросилъ, кто это. Смущеніе Струвэ стало еще больше, и, собравъ всю свою наглость, онъ отвѣтилъ: — Этого ты долженъ бы знать! Это былъ предсѣдатель присутствія по окладамъ. — Сказавъ это, онъ заявилъ, что у него есть дѣло на другомъ концѣ зала; это было сдѣлано такъ поспѣшно, что Фалькъ заподозрилъ: — Не стѣсняетъ ли его мое общество? Безчестный человекъ въ обществѣ честнаго?

Блестящее собраніе стало занимать мѣста. Но кресло предсѣдателя еще пустовало. Фалькъ сталъ искать столъ прессы, и когда онъ увидѣлъ Струвэ и репортера «Консерватора», сидящихъ за столомъ направо отъ секретаря, онъ собрался съ духомъ и прошелъ сквозь блестящее собраніе; но, когда онъ достигъ стола, его задержалъ секретарь, спросившій: «отъ какой газеты?» Мгновенная тишина воцарилась въ залѣ, и дрожащимъ голосомъ Фалькъ от-

вѣтилъ: — «Красная Шапочка». Въ секретарѣ онъ узналъ актуара присутствія по уплатѣ окладовъ. Подавленное бурмотаніе пробѣжало по собранію; затѣмъ секретарь произнесъ громкимъ голосомъ. — Ваше мѣсто тамъ, позади. — Онъ указалъ на дверь, около которой дѣйствительно стоялъ маленькій столикъ.

Въ одно мгновеніе Фалькъ понялъ, что значитъ — консерваторъ и что значитъ — литераторъ, когда онъ не консервативенъ; съ кипящимъ сердцемъ прошелъ онъ обратно сквозь насмѣшливую толпу; но когда онъ оглянулъ ихъ горящимъ взглядомъ, какъ бы посылая имъ вызовъ, его взглядъ встрѣтился съ другимъ, совсѣмъ у стѣны; и эти глаза, очень похожіе на другіе, теперь уже угасшіе, но когда-то глядѣвшіе на него съ любовью, позеленѣли отъ злости и старались пронзить его; онъ готовъ былъ плакать отъ горя, что братъ можетъ глядѣть такъ на брата.

Онъ занялъ свое скромное мѣсто у дверей и не ушелъ, потому что это было бы бѣгствомъ. Вскорѣ его спокойствіе было нарушено господиномъ, который, входя и снимая пальто, толкнулъ его въ спину, а затѣмъ подъ его стулъ поставили пару калошъ. Вошедшій былъ встрѣченъ собраніемъ, поднявшимся, какъ одинъ человѣкъ. Это былъ предсѣдатель акціонернаго общества «Тритонъ», но онъ былъ еще больше того! Онъ былъ маршалъ въ отставкѣ, баронъ, одинъ изъ восемнадцати членовъ шведской академіи, кавалеръ многихъ орденовъ и т. д. и т. д.

Раздался стукъ молотка, и президентъ пробормоталъ при полной тишинѣ слѣдующую привѣтственную рѣчь (которую онъ только что держалъ передъ камснугольнымъ акціонернымъ обществомъ въ залѣ художественно-промышленнаго училища).

— Милостивые государи! Среди всѣхъ патрістическихъ

и приносящихъ челоѣчеству благо предпріятій немногія могутъ сравниться съ челоѣколюбивымъ обществомъ страхованія.

— Bravo, bravo! — раздалось въ собраніи, но это не произвело никакого впечатлѣнія на маршала.

— Что такое челоѣческая жизнь, какъ не борьба, борьба на жизнь и смерть противъ силъ природы, и многіе изъ нихъ избѣгутъ рано или поздно вступить съ ними въ борьбу.

— Bravo!

— Долгое время челоѣкъ, въ особенности въ естественномъ своемъ состояніи, былъ жертвой стихій, мячомъ, перчаткой, которую, подобно щепкѣ, бросало вѣтромъ во всѣ стороны! Теперь это уже не такъ! Поистинѣ не такъ! Челоѣкъ рѣшился на революцію, на безкровную революцію, не на такую, какую иногда предпринимали безчестные измѣнники противъ законныхъ своихъ государей, нѣтъ, милостивые государи, на революцію противъ природы! Онъ объявилъ войну силамъ природы и сказалъ: «до сихъ поръ можете вы идти, но не дальше!»

— Bravo, bravo! — Аплодисменты.

— Купецъ посылаетъ свой корабль, свой парохоль, свой фрегатъ, свою шкуну, свою барку, свою яхту... какъ ее тамъ. Буря ломаетъ судно! Купецъ говоритъ: «ломай себѣ!» И онъ ничего не теряетъ! Вотъ великая точка зрѣнія идеи страхованія. Подумайте только, господа! Купецъ объявилъ войну бурѣ и купецъ побѣдилъ.

Буря криковъ вызвала побѣдоносную улыбку на устахъ великаго челоѣка, и у него былъ такой видъ, какъ будто эта буря ему очень пріятна.

— Но, милостивые государи, мы не можемъ называть страхованіе дѣловымъ учрежденіемъ! Это не дѣло, и мы

не дѣловые люди, ни въ какомъ случаѣ! Мы собрали деньги и готовы поставить ихъ на карту, не такъ ли, господа?

— Да, да.

— Мы собрали деньги, чтобы держать ихъ наготовѣ для постигнутаго несчастьемъ; ибо процентъ (кажется, одинъ), который даетъ онъ, не можетъ считаться взносомъ, поэтому онъ и получилъ правильное названіе преміи; и я повторяю, я не могу вѣрить (не тому, что кто-нибудь не согласится, объ этомъ не можетъ быть и вопроса), я не могу вѣрить, чтобы кто-нибудь изъ васъ, господа, испыталъ неудовольствіе, если его взносы, какъ я называлъ бы теперь акціи, употребятся на пользу дѣла.

— Нѣтъ! Нѣтъ!

— Я попрошу очередного директора прочесть годовой отчетъ.

Директоръ всталъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ будто пережилъ бурю; его большія манжеты съ ониксовыми запонками не могли скрыть слабаго дрожанія его рукъ, его хитрый взоръ старался почерпнуть утѣшенія и присутствія духа на бородатомъ лицѣ Смита; онъ распахнулъ сюртукъ и выпятилъ широкую грудь сорочки, какъ бы готовясь встрѣтить цѣлый дождь стрѣлъ — потомъ онъ сталъ читать.

— Удивительны и поистинѣ неисповѣдимы пути Промысла, — при словѣ «Промыслъ» добрая часть собранія поблѣднѣла, но маршалъ поднялъ глаза къ потолку, какъ бы готовясь перенести тягчайшій ударъ (потерю 300 кронъ). — Только что закончившійся страховою годъ будетъ долго стоять въ лѣтописяхъ, какъ крестъ на могилѣ несчастныхъ происшествій, насмѣявшихся надъ предусмотрительностью мудрѣйшихъ и разрушившихъ расчеты осторожнѣйшаго.

Ландмаршалъ закрылъ лицо руками, какъ бы молясь; Струвѣ же подумалъ, что это отъ бѣлаго брандмауэра, и бросился спустить штору; но секретарь предупредилъ его.

Дождчикъ выпилъ стаканъ воды. Это вызвало взрывъ нетерпѣнія.

— Къ дѣлу! Платить!

Ландмаршалъ отвелъ руки отъ лица и удивился, что стало темнѣе. Мгновенное замѣшательство, и гроза надвигалась. Забыли всякую почтительность.

— Къ дѣлу! Продолжайте!

Директору пришлось пропустить цѣлый рядъ періодовъ и перейти прямо къ дѣлу.

— Хорошо, господа, я буду кратокъ!

— Дальше, дальше, чортъ дерит!

Стукъ молотка—«господа»! Было столько старо-дворянскаго тона въ этомъ «господа», что тотчасъ же вспомнили объ уваженіи, которымъ были обязаны по отношенію къ самимъ себѣ.

— Общество страховало за годъ на сумму 169 милліоновъ!

— Слушайте! Слушайте!

— И получило преміями полтора милліона.

— Bravo!

Здѣсь Фалькъ наскоро сдѣлалъ маленькое вычисленіе и нашелъ, что если вычесть всю сумму премій въ полтора милліона и основного капитала въ милліонъ, то оставалось 166 милліоновъ, за которые общество нагло бралось отвѣчать (теперь онъ понялъ смыслъ словъ о путяхъ Промысла).

— По возмѣщенію убытковъ обществу, къ сожалѣнію, пришлось уплатить 1.728.670 кронъ и 8 эр.

— Безобразіе!

— Какъ видите, господа, Промыслъ...

— Оставьте Промыслъ! Платить! Платить! Дивиденды!

— Съ болью и отчаяньемъ я, въ моемъ достойномъ сожалѣніи качествѣ очередного директора, могу предложить при этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ только 5⁰/₀ на внесенный капиталъ.

Тутъ поднялась буря, которую не могъ побѣдить никакой купецъ въ мірѣ!

— Безобразіе! Безсовѣстность! Обманщикъ! Пять процентовъ! Что же это? Дарить свои деньги!

Послышались и человѣколюбивыя восклицанія, въ родѣ: «Бѣдные маленькіе капиталисты, живущіе только своими деньгами! Каково-то имъ придется! Помилуй Боже, какое несчастье! Государство должно помочь немедленно!»

Когда возстановилась возможность продолжать, директоръ прочелъ похвалы, которыя ревизіонная комиссія воздавала очередному директору и всѣмъ служащимъ, которые, «не щадя своихъ силъ съ неутомимымъ усердіемъ исполняли благодарную работу». Это вызвало открытую иронию.

Послѣ этого прочли докладъ ревизоровъ. Тѣ (воздавъ опять должное Промыслу) нашли веденіе дѣлъ въ хорошемъ, чтобы не сказать — въ блестящемъ положеніи. Поэтому ревизіонный комитетъ предлагалъ освободить очередного директора отъ несенія его обязанностей, признавая его честную и усердную работу.

Послѣ этого очередной директоръ объявилъ, что не можетъ принять полагающейся ему танъемы и передаетъ ее въ запасный фондъ. Это заявленіе было встрѣчено аплодисментами и смѣхомъ.

Послѣ краткой вечерней молитвы, т.-е. послѣ покорнѣйшей просьбы, чтобы судьба послала на будущій годъ 20⁰/₀, засѣданіе было закрыто ландмаршаломъ.

XIII.

Госпожа Фалькъ получила въ тотъ самый день, когда ея мужъ присутствовалъ на собраніи «Тритона», новое бархатное платье, которымъ она хотѣла теперь посердить жену ревизора Гомана, жившаго напротивъ. И не было ничего легче, потому что ей достаточно было появиться въ окнѣ, а къ этому ей представлялась тысяча случаевъ, въ то время какъ она осматривала приготовленія, сдѣланныя для того, чтобы «раздавить» гостей, которыхъ она ждала на засѣданіе къ семи часамъ. Должно было собраться правленіе дѣтскихъ яслей «Виолеемъ» и выслушать первый мѣсячный отчетъ; это правленіе состояло изъ госпожи Гоманъ, мужъ которой, ревизоръ, по мнѣнію госпожи Фалькъ, былъ высококомѣренъ, потому что былъ чиновникомъ, изъ баронессы Ренгельмъ, которая была высококомѣрна, потому что носила титулъ, и изъ пастора Скорэ, который былъ духовникомъ во всѣхъ знатныхъ домахъ; это все правленіе и должно было быть «раздавлено» самымъ любезнымъ образомъ. Инсценировка началась уже передъ большою вечеринкой, для которой вся старая мебель, которая не имѣла значенія старины или произведенія искусства была замѣнена новой. Госпожа Фалькъ должна была руководить дѣйствующими лицами до конца засѣданія; потомъ долженъ былъ притти ея мужъ съ адмираломъ — онъ обѣщалъ женѣ, по меньшей мѣрѣ, адмирала въ мундирѣ и орденахъ. И оба должны были просить о принятіи ихъ въ члены-соревнователи яслей; Фалькъ долженъ былъ при этомъ тотчасъ же пожертвовать нѣкоторую сумму изъ прибыли, которую онъ безъ всякихъ заслугъ получилъ отъ «Тритона».

Госпожа Фалькъ сдѣлала свое дѣло у окна и привела теперь въ порядокъ инкрустированный перламутромъ столикъ, на которомъ должна была читаться корректура мѣсячнаго отчета. Она смела пыль съ агатовой чернильницы, положила серебряную ручку на черепаховую подставку, повернула печать съ хризопрасовой ручкой такъ, что не было видно мѣщанскаго имени, осторожно потрясла денежный ящикъ изъ тончайшей стальной проволоки, такъ чтобы можно было прочесть стоимость заключенныхъ въ нее цѣнныхъ бумагъ. Наконецъ она отдала послѣднія приказанія слугѣ, одѣтому какъ для парада. Потомъ она сѣла въ гостиную и приняла беззаботную позу, въ которой ей хотѣлось быть захваченной врасплохъ ея подругой, женой ревизора, такъ какъ она должна была, конечно, притти первой.

Такъ и случилось. И госпожа Фалькъ обняла Эвелину и поцѣловала ее въ щеку, а госпожа Гоманъ обняла Евгению, которую она встрѣтила въ столовой, гдѣ та задержала ее, чтобы узнать ея мнѣнiе о новой мебелировкѣ. Но госпожа Гоманъ не хотѣла останавливаться у похожаго на крѣпость дубоваго буфета временъ Карла XII съ японскими вазами, потому что она чувствовала себя уничтоженной; она обернулась къ люстрѣ, которую нашла слишкомъ современной и къ обѣденному столу, который не подходилъ къ стилю; кромѣ того, она нашла, что олеографіямъ нечего дѣлать среди фамильныхъ портретовъ, и затратила не мало времени на то, чтобы объяснить разницу между масляной картиной и олеографіей. Госпожа Фалькъ задѣвала за всѣ углы мебели, за которые только могла задѣть, чтобы шуршаніемъ своего новаго бархатнаго платья обратить на себя вниманіе; но это не удалось ей. Она спросила, нравится ли госпожѣ Гоманъ новый брюссельскій коверъ въ

гостиной; госпожа Гоманъ нашла, что онъ слишкомъ не гармонируетъ со шторами.

Присѣли къ столу гостиной и тотчасъ уцѣпились за разные спасательные снаряды въ родѣ фотографій, неудобочитаемыхъ сборниковъ стихотвореній и тому подобное. Маленькая брошюрка попала подругѣ въ руки; она была напечатана на розовой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ, и заглавіе ея гласило: «Оптовому торговцу Николаю Фальку въ его сороковой день рожденія».

— А, вотъ стихи, которые читались у васъ на вечеринкѣ. Кто же ихъ написалъ?

— О, это талантъ. Хорошій другъ моего мужа. Его фамилія Нистрэмъ.

— Гм!.. Странно, что этого имени нигдѣ не слышно! Такой талантъ! Но почему же его не было на вечеринкѣ?

— Онъ, къ сожалѣнію, былъ боленъ, моя милая; и потому не могъ притти.

— Такъ! Но, милая Евгенія, какъ грустно это происшествіе съ твоимъ шуриномъ! Его дѣла весьма плохи!

— Не говори о немъ; это позоръ и горе для всей семьи! Ужасно!

— Да, дѣйствительно, было очень непріятно, когда на вечеринкѣ спрашивали о немъ; я право краснѣла за тебя, моя милая Евгенія.

— «Вотъ тебѣ за буеть время Карла XII и за японскія вазы, — подумала жена ревизора».

— За меня? О, пожалуйста; ты хочешь сказать, за моего мужа? — возразила госпожа Фалькъ.

— Да вѣдь это же все равно, думается мнѣ.

— Нѣтъ, нисколько! Я не отвѣтственна за всякихъ негодяевъ, съ которыми онъ въ родствѣ!

— Ахъ, какъ жаль, что твои родители тоже заболѣли

въ день послѣдней вечеринки. Какъ теперь здоровье твоего милаго отца?

— Благодарю! Очень хорошо! Ты обо всѣхъ думаешь!

— Ахъ, надо думать не только о себѣ! Что онъ отъ рожденія такъ болѣзненъ — какъ мнѣ называть его?

— Капитанъ, если хочешь!

— Капитанъ? Насколько я помню, мужъ мой говорилъ, что онъ сигнальщикъ; но это, должно быть, одно и то же. И изъ дѣвочекъ тоже не было ни одной.

«Это тебѣ за брюссельскій коверъ», — подумала жена ревизора.

— О, онъ такъ капризенъ, что на нихъ никогда нельзя рассчитывать!

Госпожа Фалькъ перелистала весь свой фотографическій альбомъ, такъ что переплетъ затрещалъ. Она совсѣмъ покраснѣла отъ злобы.

— Послушай, милая Евгенія, — продолжала госпожа Гоманъ, — какъ звать этого неприятнаго господина, который читалъ стихи на вечерѣ.

— Ты говоришь о Левинѣ, королевскомъ секретарѣ Левинѣ; это ближайшій другъ моего мужа.

— Вотъ какъ? Гм!.. Странно! Мой мужъ ревизоромъ въ томъ же самомъ учрежденіи, гдѣ онъ секретаремъ; я не хотѣла бы огорчать тебя и говорить тебѣ неприятное; я этого никогда не говорю людямъ; но мужъ мой утверждаетъ, что дѣла этого человѣка такъ плохи, что онъ рѣшительно неподходящее общество для твоего мужа.

— Онъ говоритъ это? Я этого не знаю и не мѣшаюсь въ это дѣло и скажу тебѣ, дорогая Эвелина, я никогда не вмѣшиваюсь въ дѣла моего мужа, хотя и есть люди, которые это дѣлаютъ.

— Прости, дорогая, но я думаю, что оказала тебѣ услугу, рассказавъ тебѣ это.

Это было за люстру и обѣденный столъ! Оставалось еще бархатное платье!

Жена ревизора опять взялась за прежнюю нить. «Говорятъ твой шуринъ»...

— Пошади мои чувства и не говори о погибшемъ человѣкѣ!

— Ужели же онъ на самомъ дѣлѣ погибъ? Я слышала, что онъ вращается въ кругу худшихъ людей, какихъ только можно видѣть...

Здѣсь госпожа Фалькъ была помилована, такъ какъ слуга доложилъ о госпожѣ Ренгельмъ.

О, какъ ей были рады! Какъ любезно съ ея стороны, что она оказала честь.

И дѣйствительно, она была любезной, эта старая дама съ любезнымъ лицомъ, какое бываетъ только у тѣхъ, кто съ истиннымъ мужествомъ пережилъ бури.

— Милая госпожа Фалькъ, — сказала баронесса, — я могу вамъ передать поклонъ отъ вашего шурина!

Госпожа Фалькъ спросила себя, что она ей сдѣлала, что и эта хочетъ ее злить и отвѣтила обиженно:

— Да?

— Это такой любезный молодой человѣкъ; онъ былъ сегодня у меня и посѣтилъ моего племянника; они хорошіе друзья! Это поистинѣ прекрасный молодой человѣкъ.

— Развѣ не такъ? — вмѣшалась госпожа Гоманъ, которая всегда участвовала въ перемѣнахъ фронта. — Мы какъ разъ говорили о немъ.

— Такъ!.. И чему я удивляюсь больше всего, это его смѣлости пускаться по теченіямъ, гдѣ такъ легко сѣсть на скалы; но этого нечего бояться для него, потому что онъ

человѣкъ съ характеромъ и принципами. Не находите ли вы этого тоже, милая госпожа Фалькъ?

— Я это всегда говорила, но мужъ мой былъ всегда другого мнѣнія.

— Ахъ, у твоего мужа, — вставила госпожа Гоманъ, — всегда были особенныя мнѣнія.

— Значить, онъ дружить съ вашимъ племянникомъ, ваше сѣятельство? — продолжала госпожа Фалькъ.

— Да, у нихъ маленькій кружокъ, въ которомъ участвуютъ также нѣсколько художниковъ. Вы вѣдь читали о молодомъ Селленѣ, картина котораго приобрѣтена его величествомъ?

— Да, конечно, мы были на выставкѣ и видѣли ее. Такъ онъ тоже въ этомъ кружкѣ?

— Да, какъ же. Имъ порой приходится очень туго, какъ вообще часто бываетъ съ молодыми людьми, которымъ приходится пробиваться.

— Говорятъ, что онъ поэтъ, твой шуринъ, — сказала госпожа Гоманъ.

— Да, я думаю! Онъ пишетъ прекрасно, онъ получилъ премію отъ академіи, и со временемъ изъ него выйдетъ что-нибудь большое, — отвѣтила госпожа Фалькъ убѣжденно.

— Не говорила ли я это всегда? — подтвердила госпожа Гоманъ.

Тутъ пошло на повышеніе съ достоинствами Арвида Фалька, такъ что онъ уже былъ въ храмѣ славы, когда слуга доложилъ о пасторѣ Скорэ. Тотъ вошелъ быстрыми шагами и поспѣшно поздоровался съ дамами.

— Я прошу извиненія, что такъ опаздываю, но у меня немного свободныхъ минутъ; мнѣ въ полчаса девятого

надо быть на засѣданіи у графини Фабелькранцъ, и я прямо съ работы.

— О, вы такъ спѣшите, господинъ пасторъ?

— Да, моя широкая дѣятельность не даетъ мнѣ отдыха. Быть можетъ, мы тотчасъ приступимъ къ засѣданію?

Слуга принесъ напитки.

— Не хотите ли чашку чая, господинъ пасторъ, раньше чѣмъ начать? — спросила хозяйка, которая опять пережила непріятность небольшого разочарованія.

Пасторъ кинувъ взглядъ на поднось.

— Нѣтъ, благодарю васъ; такъ какъ есть пуншъ, то я его возьму... Я поставилъ себѣ за правило, милостивыя государыни, ни въ чемъ не отличаться въ моей внѣшней жизни отъ окружающихъ. Всѣ люди пьютъ пуншъ, я не люблю этого напитка, но я не хочу, чтобы люди говорили, что я лучше ихъ; хвастовство — порокъ, который я ненавижу! Можно теперь читать отчетъ?

Онъ сѣлъ за письменный столъ, обмокнулъ перо и началъ:

— О подаркахъ, сдѣланныхъ въ маѣ яслямъ «Виелеемъ», отчетъ правленія. Подписано: Евгенія Фалькъ.

— Урожденная, позвольте узнать?

— Ахъ, это неважно, — увѣряла госпожа Фалькъ.

— Эвелина Гоманъ.

— Урожденная, позвольте узнать?

— Фонъ-Беръ, милѣйшій господинъ пасторъ!

— Антуанетта Ренгельмъ?

— Урожденная, ваше сіятельство?

— Ренгельмъ, господинъ пасторъ.

— Ахъ, да. Вѣдь вы замужемъ за кузеномъ, мужъ умеръ, бездѣтны! Продолжаемъ! «Подарки»...

Общее (почти общее) удивленіе.

— Развѣ вы не хотите подписать свое имя, господинъ пасторъ? — спросила госпожа Гоманъ.

— Я боюсь хвастовства, сударыня, но если вы желаете! Извольте!

— Натанаэль Скорэ.

— На здоровье, господинъ пасторъ! Выпейте же, прежде чѣмъ начать,—попросила хозяйка съ восхитительной улыбкой, которая погасла, когда она увидѣла, что стаканъ пастора пустъ; она быстро наполнила его.

— Благодарю васъ, госпожа Фалькъ, но не будемъ отвлекаться! Значить, начинаемъ? Хотите послѣдить по рукописи!

— Подарки: ея величество королева — 40 кронъ. Графиня фонъ-Фабелькранцъ — 5 кронъ и пара шерстяныхъ чулокъ. Оптовый торговецъ Шалинъ — двѣ кроны, пачка конвертовъ, шесть карандашей и бутылка чернилъ. Фрэкень Аманда Либертъ — бутылка одеколона. Фрэкень Анна Фейфъ — пара манжетъ. Маленькій Карлъ — 25 эрэ изъ своей копилки. Дѣвица Юганна Петерсенъ — полдюжины полотенецъ. Фрэкень Эмиля Бьорнъ — Новый Завѣтъ. Гастрономическій торговецъ Персонъ — пакетъ овсянки, четверть картофеля и банку маринованнаго лука. Торговецъ Шейке — двѣ пары шерстяныхъ...

— Господа! — прервала его баронесса. — Позвольте узнать: все это будетъ напечатано?

— Да, конечно! — отвѣтилъ пасторъ.

— Тогда позвольте мнѣ выйти изъ правленія!

— Не думаете ли вы, ваше сіятельство, что общество можетъ существовать добродетельными даяніями, если имена жертвователей не будутъ опубликованы? Нѣтъ!

— Такъ значить, благотворительность должна придавать блескъ мелочному тщеславію?

— Нѣтъ! Нѣтъ, конечно! Тщеславіе — порокъ; мы обра-
щаемъ порокъ на доброе дѣло; мы превращаемъ его въ
благотворительность; развѣ это не хорошо?

— Конечно, но мы не должны называть хорошимъ
именемъ мелочность; это хвастовство!

— Вы строги, ваше сіятельство! Въ писаніи сказано,
что должно прощать; простите имъ ихъ тщеславіе!

— Да, господинъ пасторъ, я прощаю имъ, но не себѣ!
Что бездѣльныя дамы дѣлаютъ себѣ изъ благотворитель-
ности развлеченіе — простиительно, хорошо; но что онѣ
смѣютъ звать хорошимъ поступкомъ то, что только есть
развлеченіе, больше развлеченіе чѣмъ всякія другія, вслѣд-
ствіе той заманчивости, которую придаетъ ему публичность,
печать, — это позорно.

— Какъ! — начала госпожа Фалькъ со всей силой своей
страшной логики, — вы думаете, сударыня, что позорно дѣ-
лать добро?

— Нѣтъ, дорогой другъ; но печатать о томъ, что по-
дарилъ пару шерстяныхъ чулокъ, я считаю позорнымъ...

— Но вѣдь подарить пару шерстяныхъ чулокъ — значитъ
дѣлать добро; такъ выходитъ, что позорно дѣлать добро...

— Нѣтъ, печатать объ этомъ, дитя мое! Вы должны
слушать, что я говорю, — поправила баронесса упрямую
хозяйку, которая однако не сдалась, но продолжала:

— Такъ печатать — позорно! Но вѣдь библія напеча-
тана, значитъ, позорно печатать и библію...

— Не будете ли вы такъ добры продолжать, госпо-
динъ пасторъ, — прервала ее баронесса, нѣсколько оскор-
бленная той неделикатной манерой, которой хозяйка защи-
щала свою глупость; но та все еще не сдавалась.

— Не считаете ли вы ниже своего достоинства, ваше

сіятельство, обмѣниваться мнѣніями съ такимъ незначи-
тельнымъ лицомъ, какъ я...

— Нѣтъ, дитя мое; но оставайтесь при своемъ мнѣніи;
я не хочу мѣняться.

— Можно ли это называть споромъ, спрошу я васъ? Не
разъясните ли вы намъ, господинъ пасторъ, можно ли на-
звать споромъ, если одна сторона отказывается отвѣчать
на доказательства другой.

— Любезнѣйшая госпожа Фалькъ, этого во всякомъ
случаѣ нельзя назвать споромъ, — отвѣтилъ пасторъ съ дву-
смысленной улыбкой, которая чуть было не довела госпожу
Фалькъ до слезъ. — Но мы не станемъ портить хорошаго
дѣла спорами. Мы отложимъ печатаніе, пока фонды не
увеличатся. Мы видѣли, какъ молодое предпріятіе воз-
никло изъ сѣмени, и видѣли, что могущественныя руки
готовы ходить за растеніемъ; но мы должны думать о бу-
дущемъ. Общество имѣетъ фондъ; этимъ фондомъ должно
управлять; иными словами, надо подумать объ управителѣ,
который могъ бы продавать эти подарки и обращать ихъ
въ деньги; другими словами, мы должны подыскать эконо-
ма. Боюсь, что безъ денежнаго вознагражденія мы не
найдемъ такового; да и что находить человѣкъ без-
платно? Можете ли вы, сударыни, предложить подходящее
лицо для этой должности?

Нѣтъ, объ этомъ дамы не подумали.

— Тогда я предложу вамъ молодого человѣка, серьез-
наго образа мыслей, который, по моему мнѣнію, весьма
подходящій. Имѣетъ ли правленіе возразить что-нибудь
противъ того, чтобы секретарь Эклундъ сталъ экономомъ
яслей за скромное вознагражденіе?

Нѣтъ, противъ этого дамы ничего не имѣли, тѣмъ бо-
лѣе, что рекомендовалъ его пасторъ Скорэ; а это пасторъ

Скорѣ могъ сдѣлать тѣмъ легче, что секретарь былъ его близкимъ родственникомъ. Такимъ образомъ общество получило эконома съ окладомъ въ шестьсотъ кронъ.

— Милостивыя государыни, — сказалъ пасторъ, — не достаточно ли потрудились мы сегодня въ вертоградѣ?

Молчаніе. Госпожа Фалькъ смотритъ въ дверь, не идетъ ли мужъ.

— Время мое коротко, и я не имѣю возможности оставаться дольше! Имѣетъ ли еще кто-нибудь какое-нибудь добавленіе? Нѣтъ! Призывая помощь Божью на наше предпріятіе, такъ хорошо начавшееся, я желаю всѣмъ намъ Его благословенья; и не могу сдѣлать это лучшими словами, чѣмъ тѣми, которыми Онъ самъ научилъ насъ молиться: «Отче Нашъ»...

Онъ смолкъ, какъ бы испугавшись собственнаго голоса, и всѣ закрыли лицо руками, какъ бы стыдясь глядѣть другъ другу въ глаза. Пауза продлилась дольше, чѣмъ можно было ожидать; она стала слишкомъ долгой, но никто не рѣшался прервать ее; глядѣли сквозь пальцы, не тронется ли кто-нибудь, когда рѣзкій звонокъ въ передней опять совлекъ на землю все общество.

Пасторъ взялъ свою шляпу, допилъ свой стаканъ и нѣсколько напоминалъ человѣка, который хотѣлъ бы ступешеваться. Госпожа Фалькъ сіяла, ибо теперь близилось ея торжество и мечь и реабилитація, и глаза ея засвѣтились живымъ огнемъ.

И мечь пришла, ибо слуга принесъ письмо, написанное ея мужемъ и заключавшее... (что именно, этого гости не узнали, но они увидѣли достаточно, чтобы тотчасъ же заявить, что они не хотятъ болѣе задерживать и что ихъ ждуть дома).

Баронесса охотно осталась бы, чтобы успокоить моло-

дую женщину, видъ которой говорилъ о большой тревогѣ и скорби; но та не дала ей къ тому никакого повода; наоборотъ, съ такой явной услужливостью помогала ей одѣться, что видно было, что она хочетъ, чтобы гости ея возможно скорѣй очутились на улицѣ.

Разстались въ большомъ смущеніи; шаги смолкли на лѣстницѣ, и уходяшіе могли судить по нервной поспѣшности, съ которой хозяйка заперла дверь за ними, о томъ, какъ бѣдняжкѣ нужно было одиночество, чтобы дать волю ея чувствамъ.

И, дѣйствительно, было такъ. Оставшись одна въ большихъ комнатахъ, она разрыдалась; но это не были тѣ слезы, которыя, какъ майскій дождь, падаютъ на старое, запыленное сердце; это была пѣна гнѣва и злобы, затемняющая заркало души и стекающая каплями, ѣдкими какъ кислота, разъѣдающая лепестки здоровья и молодости.

XIV.

Горячее послѣполуденное солнце жгло мостовыя губернскаго города X — кеппинга.

Въ залѣ ресторана при ратушѣ было еще тихо; сосновыя вѣтки лежали на полу, и пахло похоронами; ликерныя бутылки стояли на полкахъ и спали по сосѣдству съ украшенными орденами бутылками водокъ, получившихъ отпускъ до вечера. Часы, которые не могли заснуть, стояли вытянувшись какъ солдатъ у стѣны и отмѣчали время, при чемъ казалось, что они читаютъ огромную театральную афишу, повѣшенную рядомъ на вѣшалкѣ. Зала была очень длинна и узка, и обѣ продольныхъ стѣны были уставлены березовыми столами, начинавшимися у самой стѣны, такъ

что зала получала видъ конюшни, въ которой столы, всѣ на четырехъ ножкахъ, были лошадыми, привязанными къ стѣнѣ и повернутыми задомъ къ комнатѣ; теперь они стояли и спали; одинъ слегка поднималъ одну заднюю ногу отъ земли, потому что полъ былъ довольно неровный; что они спали, видно было изъ того, что мухи безъ помѣхи гуляли по ихъ спинамъ.

Но шестнадцатилѣтній кельнеръ, прислонившійся къ ящику часовъ, рядомъ съ театральной афишей, не спалъ, такъ какъ онъ все время хлопалъ бѣлымъ фартукомъ по мухамъ, которыя только что побывали на кухнѣ, пообѣдали и теперь рѣзвились; потомъ онъ припалъ ухомъ къ большому животу часовъ, какъ бы подслушивая, чѣмъ ихъ накормили въ обѣдъ. И это онъ вскорѣ узналъ, потому что теперь это длинное существо вздохнуло и ровно черезъ четыре минуты вздохнуло опять, и потомъ внутри его начался шумъ и стукъ, такъ что малый отскочилъ и сталъ слушать, какъ они съ ужасными стонами пробили шесть разъ подъ рядъ, чтобы потомъ опять перейти къ молчаливой работѣ.

И малому надо было за работу, и онъ обошелъ свою конюшню, вычистилъ своихъ коней фартукомъ и привелъ все въ порядокъ, какъ бы ожидая гостей. На столикѣ въ самой глубинѣ комнаты, изъ-за котораго зритель могъ обстрѣливать взглядами всю длинную комнату, онъ поставилъ спички и рядомъ съ ними бутылку абсента, рюмку и стаканъ; потомъ онъ нацѣдилъ изъ крана большой графинъ воды и поставилъ его рядомъ съ горючими матеріалами на столѣ. Потомъ онъ сталъ гулять по комнатѣ, при чемъ онъ иногда останавливался въ совершенно неожиданныхъ позахъ, какъ бы подражая кому-то. То онъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, склонивъ голову и выставивъ лѣвую ногу, и орлинымъ взоромъ окидывалъ выцвѣтшіе

старые обои; то онъ становился, скрестивъ ноги, опершись правой рукой на край стола и держа въ лѣвой рукѣ лорнетъ, сдѣланный изъ бутылочной проволоки, въ который онъ насмѣшливо разглядывалъ планки потолка.

Вдругъ раскрылась дверь, и тридцатипятилѣтній чело-вѣкъ вошелъ съ такой увѣренностью, какъ будто чувствовалъ себя здѣсь дома. Его безбородое лицо, носило тѣ рѣзко обозначившіяся черты, которыя даются прилежнымъ упражненіемъ мускулатуры лица и которыя наблюдаются только у актеровъ и еще у одного класса людей; виднѣлись всѣ мышцы и связки сквозь бритую кожу; но не видно было жалкаго механизма, приводившаго въ движеніе всѣ эти рычаги, ибо это не была обыкновенная рояль, нуждающаяся въ педали. Высокій, нѣсколько узкій лобъ съ ввалившимися висками подымался какъ настоящая коринѣская капитель; съ него спускались черные беспорядочные локоны, какъ дикія растенія, между которыми стремились внизъ маленькія прямыя змѣйки, старавшіяся достигнуть глазныхъ впадинъ, которыхъ онѣ однако не достигали. Его большіе темные глаза въ спокойномъ состояніи глядѣли кротко и грустно, но онъ могъ стрѣлять ими, и тогда зрачки походили на револьверныя дула.

Онъ сѣлъ за уставленный столъ и кинулъ огорченный взглядъ на графинъ съ водой.

— Почему ты всегда ставишь воду, Густавъ?

— Чтобы господинъ Фаландеръ не сгорѣлъ!

— Какое тебѣ дѣло до того, сгорю ли я или нѣтъ? Развѣ я не имѣю на это права, если хочу?

— Господинъ Фаландеръ не долженъ быть сегодня нигилистомъ?

— Нигилистомъ! Кто тебя научилъ этому слову? Откуда оно у тебя? Ты съ ума спятилъ, малый? А?

Онъ поднялся изъ-за стола и выпалилъ нѣсколько выстрѣловъ изъ своихъ темныхъ револьверовъ.

Густавъ смолкъ изъ страха и удивленія передъ выраженіемъ лица актера.

— Отвѣчай, малый, откуда у тебя это слово?

— Господинъ Монтанусъ сказалъ это нѣсколько дней тому назадъ, когда былъ здѣсь проѣздомъ изъ своей церкви, — отвѣтилъ Густавъ испуганно.

— Такъ, Монтанусъ! — сказалъ мрачный человѣкъ и опять сѣлъ. — Монтанусъ мнѣ по душѣ. Это человѣкъ, который понимаетъ, что ему говорятъ. Послушай-ка, Густавъ, ты спокойно можешь мнѣ сказать, какое прозвище дала мнѣ эта театральная шайка. Не бойся!

— Нѣтъ, оно такое скверное, что я не хотѣлъ бы говорить его.

— Почему ты не хочешь, разъ ты этимъ доставишь мнѣ удовольствіе? Не находишь ли ты, что мнѣ надо что-нибудь, чтобы развеселиться? Или я выгляжу и безъ того ужасно веселымъ? Ну, скорѣе же! Какъ они говорятъ, когда спрашиваютъ, былъ ли я здѣсь? Не говорятъ ли они: — Былъ ли здѣсь...

— ... чортъ.

— А, чортъ? Это хорошее имя? Они ненавидятъ меня, не правда ли?

— Да, ужасно!

— Хорошо! Но почему? Причинилъ ли я имъ какое-нибудь зло?

— Нѣтъ, этого они не могутъ утверждать!

— Да, и я не думаю этого!

— Но они говорятъ, что господинъ Фаландеръ портитъ людей!

— Портить?

— Да, они говорятъ, что господинъ Фаландеръ меня испортилъ, потому что я нахожу, что все старо.

— Гм... гм!.. Можетъ быть, ты говоришь имъ, что ихъ остроты устарѣли?

— Да; впрочемъ, все старо, что они говорятъ; они всѣ такъ стары, что мнѣ противно!

— Такъ! А не находишь ли ты, что быть кельнеромъ тоже — старо?

— Конечно; жить — старо, умирать — старо, все — старо. Нѣтъ, вотъ стать актеромъ — не старо!

— Нѣтъ, мой другъ, это старѣе всего. Но теперь молчи! Мнѣ надо забыться.

Онъ выпилъ свой абсентъ и откинулся головой къ стѣнѣ, на которой виднѣлась длинная коричневая полоса; это былъ дымъ его сигары за шесть долгихъ лѣтъ, которыя онъ тамъ просидѣлъ. Солнечные лучи упали въ окна, просѣявшись сквозь лежкую листву тополей, которая такъ волновалась отъ вечерняго вѣтра, что тѣнь ея образовала на стѣнѣ подвижную сѣтку, на нижній конецъ которой голова мрачнаго человѣка съ ея беспорядочными локонами бросала тѣнь, похожую на большого паука.

Густавъ опять подсѣлъ къ часамъ и хранилъ нигилистское молчаніе, глядя, какъ мухи пляшутъ вокругъ висячей лампы.

— Густавъ! — раздалось изъ паутины.

— Да, — откликнулось отъ часовъ.

— Твои родители еще живы?

— Нѣтъ, вы вѣдь знаете, господинъ Фаландеръ.

— Это хорошо для тебя!

Долгая пауза.

— Густавъ!

— Да!

— Ты спишь по ночамъ?

— Что вы подразумѣваете, господинъ Фаландеръ? —
удивился Густавъ и покраснѣлъ.

— То, что думаю!

— Конечно, могу! Отчего бы мнѣ не спать?

— Почему ты хочешь стать актеромъ?

— Этого я не могу сказать! Я думаю, я буду счастли-
ливъ!

— Развѣ ты не счастливъ?

— Не знаю! Думаю, что нѣтъ!

— Былъ ли здѣсь опять господинъ Ренгельмъ?

— Нѣтъ, но онъ хотѣлъ въ это время встрѣтиться съ
господиномъ Фаландеромъ.

Долгая пауза, послѣ чего открывается дверь, и тѣнь
падаетъ на большую стѣту; она дрожить, и паукъ въ углу
дѣлаетъ быстрое движеніе

— Господинъ Ренгельмъ? — говоритъ мрачная голова.

— Господинъ Фаландеръ?

— Привѣтъ! Вы уже искали меня сегодня?

— Да, я пріѣхалъ сегодня въ полдень и тотчасъ отпра-
вился къ вамъ. Вы угадываете мое желаніе: я хотѣлъ бы
поступить въ театръ.

— Да что вы? Это удивляетъ меня.

— Удивляетъ?

— Да, конечно. Но почему вы первымъ дѣломъ обра-
тились ко мнѣ?

— Потому что я знаю, что вы самый выдающійся
артистъ, и потому что общій нашъ знакомый скульпторъ Мон-
танусъ отрекомендовалъ васъ мнѣ, какъ прекраснаго чело-
вѣка.

— Такъ ли? Что же я могу сдѣлать для васъ?

— Дать совѣтъ.

— Не сядете ли вы за мой столъ?

— Охотно, если вы позволите мнѣ быть хозяиномъ.

— Этого я не могу позволить.

— Тогда въ качествѣ своего собственного гостя, если вы ничего не имѣете противъ?

— Какъ хотите! Вы просите совѣта? Гм... Хотите откровеннаго? Да, конечно. Такъ слушайте же и принимайте всерьезъ то, что я говорю, и не забудьте, что въ такой-то день я сказалъ то-то, потому что я принимаю на себя отвѣтственность за то, что говорю.

— Скажите ваше мнѣніе; я готовъ на все!

— Заказали ли уже лошадей? Нѣтъ! Тогда сдѣлайте это и возвращайтесь домой.

— Такъ вы считаете меня неспособнымъ стать актеромъ?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Я никого не считаю неспособнымъ къ этому! Наоборотъ! Всѣ людв въ большей или меньшей мѣрѣ имѣютъ способности представлять людей.

— Слѣдовательно?

— Ахъ, это совсѣмъ иначе, чѣмъ вы это себѣ представляете! Вы молоды, ваша кровь кипитъ, вы чувствуете, какъ тысячи образовъ, красивыхъ и яркихъ, какъ картинки сказокъ, движутся въ вашемъ мозгу, но вы не хотите скрыть ихъ, вы хотите вынести ихъ на свѣтъ, носить на рукахъ и показать ихъ міру и при этомъ испытать большую радость — не такъ ли?

— Да, да! Вы высказываете мои мысли!

— Я взялъ только лучший и обыкновеннѣйшій случай, такъ какъ я не ищу для всего плохихъ мотивовъ, хотя я о многомъ невысокаго мнѣнія! Итакъ, это стремленіе такъ сильно, что вы охотнѣе готовы терпѣть нужду, унижаться, отдавать свою кровь вампирамъ, потерять свое обще-

ственное положеніе, погибнуть, чѣмъ повернуть обратно! Не такъ ли?

— Да! Ахъ, какъ хорошо вы меня знаете!

— Я зналъ однажды молодого человѣка — теперь я его не знаю больше, ибо онъ такъ измѣнился! Ему было пятнадцать лѣтъ, когда онъ вышелъ изъ исправительнаго учрежденія, которое каждая община содержитъ для дѣтей свершившихъ весьма обычное преступленіе появленія на свѣтъ и въ которомъ дѣти должны искупать грѣхопаденіе родителей — пожалуйста, напоминайте мнѣ, чтобы я не отвлекался отъ темы! Онъ пять лѣтъ послѣ этого сидѣлъ въ Упсалѣ и прочелъ страшно много книгъ, мозгъ его раздѣлился на шесть отдѣленій, въ которыя набили шесть родовъ всякихъ данныхъ, числовыхъ данныхъ, именъ, цѣлую лавку готовыхъ сужденій, заключеній, теорій, замысловъ и глупостей. Это еще куда ни шло, ибо мозгъ помѣстителенъ; но онъ долженъ былъ вмѣстить и чужія мысли, старыя килыя мысли которыя другіе жевали всю жизнь и теперь выплюнули, тогда его стало тошнить, и — ему было двадцать лѣтъ, когда онъ поступилъ въ театръ. Взгляните на мои часы; взгляните на секундную стрѣлку; шестьдесятъ разъ, пока станетъ минута; шестьдесятъ разъ по шестидесяти, пока пройдетъ часъ; потомъ еще двадцать четыре раза, и это только сутки; потомъ триста шестьдесятъ пять разъ — и это только годъ. Представьте себѣ теперь десять лѣтъ! Ждали ли вы когда-нибудь передъ дверью дорогого друга? Первая четверть часа проходитъ незамѣтно; вторая — о, это охотно дѣлаешь для человѣка, котораго любишь. Третья: онъ не придетъ; четвертая: надежда и страхъ; пятая: идешь, но возвращаешься: шестая: Господи, я задаромъ потерялъ время; седьмая: но я останусь, потому что я здѣсь уже такъ долго; восьмая: бѣшенство и проклятье; девятая:

идешь домой ложишься на диванъ и чувствуешь покой, какъ будто протянулъ руку смерти. Онъ ждалъ десять лѣтъ, десять лѣтъ! Не поднимаются ли у меня дыбомъ волосы, когда я говорю это? Взгляните-ка! Десять лѣтъ прошло, пока онъ получилъ роль. И тогда онъ выбился тотчасъ же. Но онъ былъ уже готовъ сойти съ ума изъ-за потерянныхъ десяти лѣтъ; и онъ изъ себя выходилъ, что это не случилось десять лѣтъ тому назадъ; и былъ удивленъ, что наступившее счастье не сдѣлало его счастливымъ! Такъ онъ сталъ несчастнымъ.

— Развѣ вы не думаете, что эти десять лѣтъ были нужны ему для того, чтобы изучить его искусство?

— Да вѣдь онъ не могъ изучать, такъ какъ ему никогда не давали играть. Его имя стало насмѣшкой, шуткой на театральной афишѣ, дирекція говорила ему, что онъ ни на что не годится; а когда онъ обращался къ другой дирекціи, та находила, что у него нѣтъ репертуара!

— Но почему же онъ не былъ счастливъ, когда пришло счастье?

— Не думаете ли вы, что бессмертная душа можетъ удовлетвориться счастьемъ? — Но зачѣмъ же говорить объ этомъ? Ваше рѣшеніе безповоротно! Мои совѣты излишни! Нѣтъ другого учителя кромѣ опыта, а опытъ капризенъ и лицемѣренъ, совѣмъ какъ учитель въ школѣ; одни всегда получаютъ похвалу, другіе наказаніе; вы родились получать похвалу; не думайте, что я говорю это, соображаясь съ вашимъ происхожденіемъ; я достаточно опытенъ, чтобы не приписывать этому ни добра ни зла; здѣсь это совѣмъ безразлично, потому что здѣсь одинъ человекъ стоитъ другого! Я желаю, чтобы вамъ повезло возможно скорѣе! Вы, думается мнѣ, заслуживаете этого.

— Но развѣ у васъ нѣтъ уваженія къ вашему искус-

ству, величайшему и прекраснѣйшему изъ всѣхъ искусствъ!

— Его цѣнность преувеличиваютъ, какъ все, о чемъ люди пишутъ книги. Оно опасно, потому что можетъ вредить! Хорошо сказанная ложь можетъ произвести впечатлѣннѣ истины! Оно, какъ народное собраніе, въ которомъ рѣшаетъ необразованное большинство. Чѣмъ поверхностнѣй, тѣмъ лучше; чѣмъ хуже, тѣмъ лучше! Я не хочу этимъ сказать, что оно ненужно!

— Не можетъ быть, чтобы это было ваше мнѣніе!

— Это мое мнѣніе, но отсюда еще не слѣдуетъ, что оно справедливо.

— Неужели же у васъ, дѣйствительно, нѣтъ никакого уваженія къ вашему искусству?

— Къ моему? Почему бы мнѣ мое искусство уважать больше чѣмъ чужое?

— И вы играли глубочайшіе роли; вы играли Шекспира? Вы играли Гамлета? Неужели же вы никогда не были глубоко потрясены, произнося монологъ «Быть или не быть»?

— Что вы подразумѣваете подъ глубиной?

— Глубокомысленное, глубоко задуманное!

— Говорите яснѣе!! Глубокомысленно ли будетъ сказать такъ! «Поокончить ли мнѣ съ жизнью или нѣтъ? Я охотно сдѣлалъ бы это, если бы зналъ, что бываетъ послѣ смерти, и это сдѣлали бы и всѣ другіе; но мы не знаемъ этого и потому не лишаемъ себя жизни». Это глубокомысленно?

— Нѣтъ, не очень!

— Ну, вотъ! Вы навѣрно уже думали когда-нибудь о томъ, чтобы лишиться себя жизни! Не правда ли?

— Да, это, должно быть, бывало со всѣми.

— Почему же вы не сдѣлали этого? Потому что вы,

подобно Гамлету, не могли рѣшиться, не зная, что будетъ потомъ. Были ли вы такъ глубокомысленны?

— Конечно, нѣтъ!

— Значить, это просто банальность! Однимъ слово это... какъ это называется, Густавъ?

— Это старо! — прозвучало въ отвѣтъ отъ часовъ, гдѣ, казалось, ожидали реплики.

— Это старо! Но если бы поэтъ явился съ допустимымъ предположеніемъ о будущей жизни, тогда это было бы ново!

— Развѣ все новое такъ превосходно? — спросилъ Ренгельмъ, который весьма упалъ духомъ отъ всего новаго, что ему пришлось услышать.

— У новаго, по меньшей мѣрѣ, одна заслуга, именно та, что оно ново! Попробуйте продумывать собственныя мысли и вы ихъ всегда найдете новыми! Повѣрите ли, что я зналъ, прежде чѣмъ вы вошли въ дверь, о чемъ вы спросите, и что я знаю, о чемъ вы меня спросите теперь, когда мы дошли до Шекспира.

— Вы странный человѣкъ; я долженъ сознаться, что вы правы въ томъ, что говорите, хотя я и не могу согласиться съ этимъ.

— Ну-съ, что вы думаете о рѣчи Антонія у тѣла Цезаря? Развѣ она не замѣчательна?

— Объ этомъ я какъ разъ хотѣлъ васъ спросить! Вы какъ будто читаете мои мысли!

— Вѣдь я вамъ это только что сказалъ. Да и странно ли это, когда всѣ люди думаютъ одно и то же, или, по меньшей мѣрѣ, говорятъ одно и тоже? Что же вы въ ней находите глубокаго?

— Этого нельзя сказать словами...

— Развѣ вы не находите, что это обычная форма для

иронической рѣчи? Говорятъ какъ разъ противоположное тому, что думаютъ, и если наточить острія, то каждый о нихъ уколется. — Но читали ли вы что-нибудь болѣе прекрасное, чѣмъ діалогъ Ромео и Джульетты послѣ брачной ночи?

— Ахъ, то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что онъ соловей а не ласточка.

— О какомъ же еще мѣстѣ говорить мнѣ, когда весь міръ говоритъ объ этомъ? Вѣдь это отдѣльный и часто употребляемый поэтическій образъ, на которомъ основанъ эффектъ; а развѣ вы думаете, что величіе Шекспира покинется на поэтическихъ образахъ?

— Зачѣмъ вы разрушаете все въ моихъ глазахъ? Зачѣмъ отнимаете вы у меня мою опору?

— Я отнимаю у васъ костыли, чтобы вы сами учились ходить! Впрочемъ, я прошу васъ согласиться съ тѣмъ, что я говорю.

— Вы не просите, вы заставляете дѣлать это.

— Тогда вы должны избѣгать моего общества. Ваши родители огорчены вашимъ шагомъ?

— Да, конечно! Откуда вы знаете это?

— Это дѣлаютъ всѣ родители! Зачѣмъ преувеличиваете вы мою способность къ сужденіямъ? Вы вообще не должны ничего преувеличивать!

— Развѣ отъ этого будешь счастливѣе?

— Счастливѣе? Гм!.. Знаете ли вы человѣка, который счастливъ? Отвѣтите по собственному усмотрѣнію, а не чужими словами.

— Нѣтъ!

— Если вы не вѣрите, что кто-либо можетъ быть счастливымъ, такъ зачѣмъ же вы задаете вопросъ о томъ,

можно ли стать счастливецъ? Такъ у васъ есть родители! Это глупо имѣть родителей.

— Какъ такъ?

— Не находите ли вы неестественнымъ, что старое поколѣніе воспитываетъ новое своими устарѣлыми глупостями? Ваши родители требуютъ отъ васъ благодарности? Не такъ ли?

— Развѣ не надо быть благодарнымъ родителямъ?

— Благодарнымъ за то, что они, опираясь на законы, родили насъ на эту юдоль скорби, кормили плохой пищей, били, унижали, противились нашимъ желаньямъ? Повѣрите ли вы мнѣ, что нужна революція? Нѣтъ, цѣлыхъ двѣ! Почему вы не пьете абсента! Вы боитесь его? О, взгляните, — на немъ красный Женевскій крестъ! Онъ исцѣляетъ раненыхъ на полѣ битвы, друзей и враговъ; онъ заглушаетъ боль, притупляетъ мысли, угашаетъ воспоминанія, душитъ всѣ благородныя чувства, соблазняяющія человѣка на безуміе. Знаете ли вы, что такое свѣтъ разума? Это, во-первыхъ, фраза, во-вторыхъ, блуждающій огонекъ, призракъ; вы знаете эти мѣста, гдѣ сгнила рыба и выдѣляется фосфорный водородъ; свѣтъ разума — фосфорный водородъ, выдѣленный сѣрымъ мозговымъ веществомъ.

Удивительно все хорошее здѣсь на землѣ погибаетъ и забывается. Я прочелъ за время моихъ десятилѣтнихъ скитаній и моей кажущейся бездѣятельности все, что было въ библіотекахъ маленькихъ городовъ. Все жалкое и незначительное изъ этихъ книгъ цитируется; но хорошее лежитъ въ забвеній. Да, что я хотѣлъ сказать, напоминайте мнѣ, чтобы я держался темы...

Часы опять взбудоражились и прогромыкали семь разъ. Дверь отворилась, и съ большимъ шумомъ ворвался человекъ. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, съ большой,

тяжелой головой, которая покоилась на жирныхъ плечахъ, какъ мортира на лафетѣ съ постояннымъ подъемомъ въ 45°, и имѣла видъ, какъ будто собирается выпаливать бомбы къ звѣздамъ. Лицо имѣло такой видъ, какъ будто его носитель былъ способенъ на всевозможныя преступленія и пороки и удержался отъ нихъ только благодаря трусости. Онъ тотчасъ же метнулъ гранатой въ мрачнаго и потребовалъ у кельнера грогъ изъ рома, грубо и голосомъ капрала.

— Въ рукахъ его ваша судьба, — прошепталъ мрачный Ренгельму. — Это драматургъ, директоръ и завѣдующій театромъ, мой смертельный врагъ.

Ренгельмъ содрогнулся, оглядывая страшную фигуру, обмѣнявшуюся съ Фаландеромъ взглядомъ глубочайшей ненависти и теперь обстрѣливавшую проходъ плевками.

Послѣ этого дверь открылась снова, и вошелъ почти изысканно изящный человекъ среднихъ лѣтъ съ напомаженными волосами и нафабранными усами. Онъ дружески усѣлся рядомъ съ директоромъ, который протянулъ ему въ знакъ привѣта средній палецъ съ перстнемъ.

— Это редакторъ консервативной газеты, защитникъ алтаря и трона. Онъ имѣетъ свободный доступъ за кулисы и хотѣлъ бы соблазнить всѣхъ дѣвушекъ, на которыхъ не заглядѣлся директоръ. Онъ былъ раньше чиновникомъ, но ему пришлось оставить свое мѣсто, я стыжусь сказать вамъ почему, — объяснилъ Фаландеръ Ренгельму. — Но я стыжусь также, сидѣть въ одной комнатѣ съ этими господами и кромѣ того я сегодня вечеромъ даю здѣсь въ домѣ маленькій банкетъ въ честь моего вчерашняго бенефиса. Если у васъ есть охота быть въ плохомъ обществѣ, среди послѣднихъ актеровъ, двухъ дамъ съ плохую славою и стараго проходимца, тогда прошу васъ къ восьми!

Рентгельмъ не колебался ни минуты принять приглашеніе.

Паукъ у стѣны пробрался сквозь свою сѣть, какъ бы для того, чтобы испытать ея прочность, и исчезъ. Муха еще посидѣла нѣкоторое время. Но солнце спряталось за соборомъ, петли сѣти раскрылись, исчезли, какъ будто ихъ никогда и не было, и тополи передъ окномъ задрожали. Тогда раздался голосъ великаго человѣка и театральнаго директора, который закричалъ (говорить онъ давно разучился):

— Читалъ ты, какъ еженедѣльникъ опять нападаетъ на меня?

— Ахъ, на эту болтовню тебѣ нечего обращать вниманія!

— Не обращать вниманія! Что, чортъ деря, хочешь ты сказать? Развѣ его не читаетъ весь городъ? Конечно! Я хотѣлъ бы зайти туда и вздуть его, вотъ что я хотѣлъ бы! Онъ нагло утверждаетъ, что у меня нѣтъ искренности и что я аффектированъ.

— Подкупи его! Но не дѣлай скандала!

— Подкупить? Ты думаешь, я не пытался? Это дьявольски страшные люди, эти либеральные газетчики. Когда ихъ знаешь и дружишь съ ними, они могутъ написать о тебѣ очень хорошо; но подкупить ихъ никакъ нельзя, какъ бы бѣдны они ни были.

— Ахъ, ты просто не умѣешь! Не надо прямо дѣлать этого; надо посылать имъ подарки или деньги анонимно, не показывая и виду!

— Какъ дѣлаютъ съ тобой! Нѣтъ, братъ, это съ ними не пройдетъ; я пробовалъ! Адская мука имѣть дѣло съ убѣжденными людьми!

— Что это за жертва, какъ подумаешь, была въ когтяхъ у чорта? (Перемѣна темы).

— Это меня не касается.

— А, можетъ быть, все-таки! Густавъ! Кто былъ этотъ господинъ съ Фаландеромъ?

— Онъ хочетъ поступить въ театръ, и фамилія его Ренгельмъ.

— Что ты говоришь? Онъ хочетъ въ театръ? Онъ? — закричалъ директоръ.

— Да, онъ этого хочетъ! — отвѣчалъ Густавъ.

— И кончено играть трагедію? И быть подъ покровительствомъ Фаландера? И не обращаться ко мнѣ? И взять мои роли? И оказать намъ честь? И я ни слова объ этомъ не знаю? Я? Я? Мнѣ жаль его! Какая страшная будущность! Я буду покровительствовать ему! Я возьму его подъ свое крыло! Чувствуется сила моихъ крыльевъ, хотя я и не летаю! Они иногда придавливаютъ! Это былъ красивый малый! Красивъ, какъ Антиной! Жаль, что не пришелъ сперва ко мнѣ! Онъ получилъ бы всѣ роли Фаландера, всѣ роли! О, о, о! Но еще не поздно! Пусть чортъ испортитъ его сперва! Онъ еще слишкомъ свѣжъ! Право же у него былъ неиспорченный видъ! Бѣдный малый! Я скажу одно только: спаси его Богъ!

Звуки послѣднихъ словъ потонули въ шумѣ, который подымали теперь пришедшіе пить грогъ горожане.

XV.

На другой день Ренгельмъ проснулся поздно въ своей кровати въ гостиницѣ. Воспоминанія истекшей ночи подымались, какъ призраки, и окружали его постель въ свѣтлый лѣтній день.

Онъ видѣлъ красивую, богато украшенную цвѣтами, комнату съ закрытыми ставнями, въ которой происходила оргія. Онъ видѣлъ тридцатипятилѣтнюю артистку, которой соперница навязала роли матерей; она входитъ въ отчаяннiи и бѣшенствѣ отъ новыхъ униженiй, напивается и кладетъ ноги на диванъ, и когда въ комнатѣ становится слишкомъ тепло, она разстегиваетъ лифъ съ такой же непринужденностью, съ какой мужчина разстегнулъ бы жилетъ послѣ плотной трапезы.

Вотъ старый комикъ, которому рано пришлось покинуть ампула любовниковъ и послѣ краткаго цвѣтенiя опуститься до выходныхъ ролей; теперь онъ развлекаетъ мѣщанъ своими пѣснями и, главнымъ образомъ, разсказами о своемъ прежнемъ величii.

Посреди облаковъ дыма и пьяныхъ картинъ Ренгельмъ видитъ молодую ingenue, которая приходитъ со слезами на глазахъ и разсказываетъ мрачному Фаландеру, какъ директоръ опять дѣлалъ ей гнусныя предложенiя, и когда она отказалась, поклялся, что онъ отомститъ тѣмъ, что отнынѣ она получитъ только роли горничныхъ.

И онъ видитъ, какъ Фаландеръ принимаетъ жалобы и тревоги всѣхъ, и какъ онѣ исчезаютъ отъ его дуновенiя; какъ онъ превращаетъ въ ничто все: обиды, униженiя, удары ослинаго копыта, несчастья, нужду и горе; какъ онъ поучаетъ друзей своихъ ничего не преувеличивать, въ особенности же заботы.

Но опять и опять видитъ онъ маленькую ingenue съ невиннымъ личикомъ, другомъ которой онъ сталъ и отъ которой при прощанii онъ получилъ поцѣлуй, горячiй, страстный поцѣлуй; правда, горячая голова его вспоминала теперь, что это вышло нѣсколько неожиданно. Но какъ ее звали-то?

Онъ встаетъ, чтобы взять графинъ, и въ руки ему попадается маленькій носовой платокъ съ пятнами отъ вина. На немъ неизгладимо написано тушью: Агнеса! Онъ цѣлуетъ его дважды въ болѣе чистыя мѣста и прячетъ его въ свой чемоданъ.

Потомъ онъ заботливо одѣвается, чтобы пойти къ директору, котораго всего вѣрнѣе можно застать между двѣнадцатю и тремя.

Чтобы не упрекать себя потомъ, онъ въ двѣнадцать часовъ уже въ дирекціи, но застаётъ тамъ только сторожа, который его спрашиваетъ о его дѣлѣ и предлагаетъ свои услуги.

Ренгельму это ненужно; онъ спрашиваетъ, нельзя ли видѣть директора; тутъ онъ узнаетъ, что директоръ сейчасъ на фабрикѣ, но долженъ притти до обѣда.

Ренгельмъ думаетъ, что фабрика — фамилярная кличка театра, но узнаетъ, что директоръ имѣетъ спичечную фабрику. Его зять, кассиръ, занятъ на почтамтѣ и не появляется, обыкновенно, до двухъ часовъ; сынъ того, секретарь, занятъ на телеграфѣ и поэтому его никогда нельзя застать навѣрняка. Но, такъ какъ сторожъ понимаетъ цѣль прихода Ренгельма, то онъ передаетъ ему отъ своего имени и отъ имени театра экземпляръ статутовъ театра; этотъ молодой дебютантъ можетъ скоротать время до прихода кого-нибудь изъ дирекціи.

Ренгельмемъ вооружился терпѣньемъ и сѣлъ на диванъ изучать уставъ. Когда онъ прочелъ его, было еще только полчаса перваго. Потомъ онъ проболталъ со сторожемъ до сорока пяти минутъ перваго. Потомъ онъ сѣлъ, чтобы проникнуть въ глубину перваго параграфа устава:

«Театръ есть нравственное учрежденіе, почему члены

его должны стремиться жить въ страхѣ Божіемъ, добродѣтели и хорошихъ нравахъ».

Онъ вертѣлъ фразу во всѣ стороны и старался придать ей надлежащее освѣщеніе, но тщетно. Если театръ нравственное учрежденіе, то не надо членамъ его, которые (на ряду съ директоромъ, кассиромъ, секретаремъ, машинами и декораціями) составляютъ это учрежденіе, стремиться ко всѣмъ этимъ хорошимъ вещамъ, какъ бы онѣ ни назывались. Если бы было написано: «Театръ безнравственное учрежденіе, и потому»... да, тогда бы былъ смыслъ; но таковой цѣли, конечно, директоръ не имѣлъ.

Онъ вспомнилъ «слова, слова» Гамлета, но тотчасъ же вспомнилъ, что старо цитировать Гамлета и что надо выражать свои мысли своими словами; онъ остановился на томъ, что это болтовня.

Второй параграфъ помогъ ему убить еще четверть часа на разсужденія по поводу текста: «Театръ никоимъ образомъ не для удовольствія, не для одного наслажденія». Здѣсь говорилось: театръ не для удовольствія, и дальше: театръ не исключительно для удовольствія, слѣдовательно, онъ (также и) для удовольствія.

Потомъ онъ сталъ думать о томъ, когда театръ доставляетъ удовольствіе. Да, удовольствіе было, когда можно было видѣть, какъ дѣти, въ особенности сыновья, обманывали изъ-за денегъ своихъ родителей, въ особенности если родители были добродушны, экономны и благоумны; потомъ, когда жены обманывали мужей; въ особенности это пріятно, когда мужъ старъ и нуждается въ помощи своей жены. Потомъ онъ вспомнилъ, что очень смѣялся надъ двумя стариками, которые чуть было не умерли съ голоду, потому что ихъ дѣла пришли въ упадокъ; и что еще сегодня надъ ними смѣются въ произве-

дений классическаго писателя. Ему припомнилось также, что его забавляло несчастье стараго человѣка, утратившаго слухъ, и что онъ вмѣстѣ съ шестьюстами людей очень веселился по поводу монаха, который пытался естественнымъ путемъ лечить безуміе, въ которое его ввергло воздержаніе, и въ особенности по поводу лицемѣрія, съ какимъ онъ умѣлъ достигать своей цѣли.

— Надъ чѣмъ же смѣются?—спросилъ онъ себя. И, такъ какъ ему больше нечего было дѣлать, то онъ попытался отвѣтить на это:—Надъ несчастьемъ, нуждой, порокомъ, добродѣтелью, поражениемъ добра, побѣдой зла.

Этотъ результатъ, который былъ для него отчасти новъ, привелъ его въ хорошее настроеніе, и онъ находилъ большое удовольствіе въ игрѣ мыслей. Такъ какъ дирекціи еще не было слышно, онъ продолжалъ игру, и не прошло еще пяти минутъ, какъ онъ пришелъ къ результату: въ трагедіи плачутъ какъ разъ надъ тѣмъ же, надъ чѣмъ смѣются въ комедіи.

Но тутъ онъ остановился, потому что влетѣлъ главный директоръ, пролетѣлъ мимо Ренгельма, не подавая вида, что замѣтилъ его, и бросился въ комнату налѣво, откуда черезъ мгновенія раздался звукъ звонка, сотрясаемаго сильной рукой. Сторожу понадобилось только полминуты, на то, чтобы войти и выйти съ объясненіемъ, что его высочество принимаетъ.

Когда Ренгельмъ вошелъ, директоръ уже повернулъ свою мортиру въ такой уголъ, что никакъ не могъ видѣть смертнаго, который вошелъ съ трепетомъ. Но онъ, должно быть, услышалъ его, потому что тотчасъ спросилъ въ оскорбительномъ тонѣ, что ему нужно.

Ренгельмъ объявилъ, что онъ проситъ дебюта.

— Какъ? Большаго дебюта? Большаго восторга? Есть

ли у васъ репертуаръ, сударь? Играли ли Гамлета, Лира, Ричарда, Шеридана; десять разъ вызывали послѣ третьяго акта? А? Что?

— Я еще ни разу не выступалъ.

— Ахъ, такъ! Ну это нѣчто иное!

Онъ сѣлъ въ посеребренное кресло, обитое голубымъ шелкомъ, и на лицѣ его появилась маска, какъ будто оно должно было служить иллюстраціей къ одной изъ біографій Светонія.

— Можно ли вамъ сказать искреннее мнѣніе? А? Бросьте эту карьеру!

— Невозможно.

— Я повторяю: бросьте эту карьеру! Эта самая ужасная изъ всѣхъ! Она полна униженій, непріятностей, уколовъ, терній, которыя, повѣрьте мнѣ, такъ отравятъ вамъ, сударь, жизнь, что вы пожалѣете о томъ, что родились!

Онъ говорилъ поистинѣ убѣдительно, но Ренгельмъ былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи.

— Ну-съ, тогда запомните мои слова! Я торжественно совѣтую вамъ бросить и предупреждаю васъ, что вы нѣсколько лѣтъ можете пробыть статистомъ! Обдумайте это! И потомъ не приходите ко мнѣ и не жалуйтесь! Эта карьера такъ адски тяжела, что вы никогда не избрали бы ее, если бы знали ея тяжесть! Вы вступаете въ адъ, повѣрьте мнѣ! Я сказалъ.

Но эти слова были напрасны.

— Не предпочтете ли вы ангажементъ безъ дебюта? Тогда рискъ меньше.

— Да, конечно, этого я совсѣмъ не ожидалъ.

— Тогда подпишите, пожалуйста, этотъ контрактъ. Тысячу двѣсти, кромѣ жалованья, и контрактъ на два года! Ладно?

Онъ вынулъ изъ-подъ промокательной бумаги написанный и подписанный дирекціей контрактъ и далъ его Ренгельму; у того голова закружилась отъ тысячи двухсотъ кронъ, и онъ подписалъ договоръ, не взглянувъ на него.

Когда это случилось, директоръ подаль ему свой большой средній палецъ съ перстнями и сказалъ: «Милосги просимъ!» При этомъ онъ обнажилъ верхнюю десну и желтые, налитые кровью бѣлки глазъ съ зрачками цвѣта зеленого мыла.

Этимъ аудіенція закончилась. Но Ренгельмъ, для котораго все произошло слишкомъ скоро, еще оставался и взялъ на себя смѣлость спросить, не подождать ли ему, пока соберется дирекція.

— Дирекція? — выпалилъ великій трагикъ. — Это я! Если онъ хочетъ спросить что-нибудь, пусть обращается ко мнѣ! Если ему нуженъ совѣтъ, то пусть обращается ко мнѣ! Ко мнѣ, сударь! Ни къ кому другому! Такъ! Маршъ!

Казалось, что пола сюртука Ренгельма зацѣпилась за гвоздь въ тотъ моментъ, когда онъ собирался выйти; тогда онъ внезапно остановился и обернулся, чтобы посмотреть, какой видъ имѣютъ послѣднія слова, но онъ увидѣлъ только красную десну, похожую на орудіе пытки, и глазъ съ кровавыми жилками, вслѣдствіе чего онъ не испыталъ никакой охоты требовать объясненія, но поспѣшилъ въ ресторанъ, чтобы пообѣдать и встрѣтить Фаландера.

Фаландеръ уже сидѣлъ за своимъ столомъ, спокойный и равнодушный къ злѣйшему удару. Онъ не былъ удивленъ тому, что Ренгельмъ ангажированъ, хотя и сталъ значительно мрачнѣе, услыхавъ это.

— Какъ ты находишь директора? — спросилъ Фаландеръ.

— Я собирался дать ему пощечину, но не посмѣлъ.

— Дирекція тоже не осмѣливается, и потому онъ править одинъ. Ты увидишь, что грубость всегда правитъ! Ты знаешь, что онъ также драматургъ?

— Я слыхаль это!

— Онъ изготавляетъ тотъ видъ историческихъ пьесъ, которыя всегда имѣють успѣхъ; и это происходитъ отъ того, что онъ пишетъ роли, вмѣсто того, чтобы рисовать характеры; онъ приурочиваетъ хлопки къ уходамъ и барышничаетъ такъ называемымъ патриотизмомъ. Впрочемъ, его персонажи не могутъ говорить, они бранятся: мужчины и женщины, молодые и старые, всѣ; поэтому его извѣстная пьеса «Сыновья короля Густава» справедливо называется исторической перебранкой въ пяти дѣйствіяхъ, ибо въ ней нѣтъ никакого дѣйствія, а имѣются только выходы: семейные, уличные, парламентскіе и такъ далѣе. Вмѣсто отвѣтовъ обмѣниваются пинками, которые вызываютъ ужаснѣйшій шумъ. Вмѣсто діалога у него ругань, въ которой оскорбляютъ другъ друга, и наивысшій сценическій эффектъ вызывается рукоприкладствомъ. Критика говоритъ, что онъ великъ въ обрисовкѣ историческихъ характеровъ. Какъ же обрисовалъ онъ Густава Вазу въ упомянутой пьесѣ? Какъ широкоплечаго, длиннобородаго, мордастаго, неукротимаго и здоровеннаго парня; между прочимъ, онъ ломаетъ на риксдагѣ въ Вестеросѣ столъ и проламываетъ ногой дверь. Но однажды критика заявила, что его пьесы бессмысленны; тогда онъ разозлился и рѣшилъ писать бытовья комедіи со смысломъ. У него былъ сынъ, ходившій въ школу (это чудовище женато) и ведшій себя плохо, такъ что его драли. Тотчасъ же отецъ его написалъ бытовую комедію, изображавшую учителей и показывавшую, какъ негуманно обращаются съ молодежью. Его опять справедливо раскритиковали, и онъ тотчасъ же написалъ бытовую комедію,

въ которой изобразилъ либеральныхъ журналистовъ нашего города! Но шутъ съ нимъ!

— Почему онъ тебя ненавидитъ?

— Потому что я на одной репетиции сказалъ: «Донъ Пасквалэ», хотя онъ заявилъ, что его зовутъ Паскаль. Результатъ: мнѣ подѣ страхомъ денежнаго штрафа было приказано говорить, какъ онъ велѣлъ. При этомъ онъ сказалъ, что пусть во всемъ мѣрѣ его зовутъ, какъ хотятъ, но здѣсь его будутъ называть Паскаль, ибо таково его имя!

— Откуда онъ? Чѣмъ онъ былъ?

— Развѣ ты не видишь, что онъ былъ подмастерьемъ у каретника? Но если бы онъ зналъ, что ты знаешь это, онъ отравилъ бы тебя! Но, чтобы говорить о другомъ, какъ ты себя чувствуешь послѣ вчерашняго?

— Превосходно! Я позабылъ поблагодарить тебя!

— Ну, ладно! А нравится тебѣ дѣвица? Агнеса?

— Да, очень!

— А она влюблена въ тебя! Это подходит! Возьми ее!

— Ахъ, что ты болтаешь! Вѣдь мы же не можемъ жениться!

— Да кто же сказалъ, что вы должны это дѣлать?

— А какъ же?

— Тебѣ восемнадцать лѣтъ, ей шестнадцать! Вы любите другъ друга! Если вы согласны, то остальное ваше частное дѣло.

— Я не понимаю тебя! Ты предлагаешь мнѣ сдѣлать плохой поступокъ?

— Я предлагаю тебѣ повиноваться великому голосу природы, а не глупымъ людямъ. Если люди осудятъ ваше поведеніе, то это изъ зависти, а нравственность, которой они придерживаются, это ихъ злоба, принявшая подходящую, приличную форму. Развѣ природа не приглашала

вась уже къ своему великому пиршеству, къ радости боговъ, но къ ужасу общества, боящагося, что ему придется платить алименты?

— Почему ты не совѣтуешь намъ жениться?

— Потому что это нѣчто иное! Не связываются на всю жизнь, пробывъ вечеръ вмѣстѣ; и вовсе еще неизвѣстно, что тотъ, кто согласенъ дѣлать наслажденіе, согласенъ дѣлать и горе. Бракъ—это дѣло душъ; о немъ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Впрочемъ, мнѣ и не приходится побуждать вась къ тому, что все равно случится. Любите другъ друга въ молодости, пока не стало поздно, любите другъ друга какъ птицы, которыя не думаютъ о жилищѣ, или какъ цвѣты семейства, именуемаго «dioecia».

— Ты не долженъ такъ неуважительно говорить объ этой дѣвушкѣ. Она добра, невинна и достойна сожалѣнія, и кто скажетъ иное, лжетъ! Видѣлъ ли ты болѣе невинные глаза, чѣмъ ея, развѣ не сама истина въ звукѣ ея голоса? Она достойна большой и чистой любви, не такой, о которой ты говоришь; и я надѣюсь, что въ послѣдній разъ ты дѣлаешь обо мнѣ такое предложеніе. И можешь сказать ей, что я считаю за величайшую честь и счастье предложить ей когда-нибудь, когда буду достоинъ ея, мою руку.

Фаландеръ такъ сильно закачалъ головой, что змѣи завились.

— Ея достоинъ? Твою руку? Что ты говоришь?

— Да, я стою на этомъ.

— Это ужасно! Если я скажу тебѣ, что этой дѣвушкѣ не только недостаетъ всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя ты признаешь за ней, но что она обладаетъ даже противоположными, то ты не повѣришь мнѣ и откажешь мнѣ въ своей дружбѣ!

— Да, я сдѣлаю это!

— Значить, свѣтъ полонъ лжи, если не вѣрятъ человеку, говорящему правду.

— Какъ можно тебѣ вѣрить, когда ты не признаешь нравственности.

— Вотъ оно опять, это слово! Странное слово! Оно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, обрѣзаетъ всѣ разъясненія, защищаетъ всѣ ошибки, свои, но не чужія, побуждаетъ всѣ противорѣчія, говоритъ такъ же свободно за, какъ и противъ, совсѣмъ какъ адвокатъ. До свиданья, мнѣ надо домой, въ три часа я даю урокъ! До свиданья! Счастливо!..

И Ригельмъ остался одинъ съ своимъ обѣдомъ и размышленіями.

Когда Фаландеръ пришелъ домой, онъ надѣлъ шлафрокъ и туфли, какъ будто не ожидалъ никакихъ посѣщеній. Но казалось, что что-то сильно беспокоитъ его, ибо онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и иногда останавливался за шторой, чтобы незамѣтно взглянуть на улицу. Потомъ онъ подошелъ къ зеркалу, отстегнулъ воротничокъ и положилъ его на столъ. Походивъ еще взадъ и впередъ, онъ взялъ фотографію какой-то дамы съ подноса съ визитными карточками, положилъ ее подъ сильное увеличительное стекло и сталъ ее разсматривать, какъ разсматриваютъ микроскопическій препаратъ. За этой работой онъ просидѣлъ довольно долго.

Вдругъ онъ услышалъ шаги на лѣстницѣ; быстро спряталъ онъ фотографію туда, откуда досталъ ее, вскочилъ и сѣлъ за письменный столъ, спиной къ двери. Онъ углубился въ писаніе, когда раздался стукъ въ дверь — два короткихъ и тихихъ двойныхъ удара.

— Войдите! — воскликнулъ Фаландеръ голосомъ, который больше подходилъ къ предложенію выйти вонъ, чѣмъ къ приглашенію.

Вошла молодая дѣвушка маленькаго роста, но съ притными линиями фигуры; тонкое овальное лицо, окруженное волосами, которые, казалось, выцвѣли на солнцѣ, потому что они не были такими опредѣленно бѣлокурыми, какъ это бываетъ отъ природы. Маленькій носъ и тонко вырѣзанный ротъ, казалось, все время весело играли маленькими кривыми линиями, безпрестанно мѣнявшими форму, какъ фигуры калейдоскопа. Глаза сходились подъ угломъ къ основанію носа и потомъ опускались внизъ; этимъ они достигали вѣчно просящаго, элегическаго выраженія, очаровательно дисгармонировавшаго съ лукавой нижней частью лица; зрачокъ былъ безпокоенъ и могъ мгновенно суживаться, какъ остріе иголки, а въ слѣдующее мгновеніе расширяться и широко разверзаться, какъ объективъ телескопа.

Когда она вошла, она вынула ключъ и заперла дверь на задвижку.

Фаландеръ сидѣлъ еще и писалъ.

— Ты поздно приходишь сегодня, Агнеса! — сказала она.

— Да, это такъ, — отвѣтила она упрямо, снимая шляпу и усаживаясь.

— Да, мы сегодня ночью легли поздно.

— Почему ты не встаешь и не здороваешься со мной? Вѣдь не могъ же ты такъ устать.

— Ахъ, прости, я позабылъ!

— Позабылъ? Я замѣтила, что ты съ нѣкотораго времени рѣшительно забываешься.

— Такъ? Давно ли ты это замѣтила?

— Съ какихъ поръ? Что ты думаешь? Пожалуйста, сними шлафрокъ и туфли!

— Это со мной случилось сегодня въ первый разъ, а

ты говоришь, что это съ нѣкотораго времени! Не странно ли это? Скажи!..

— Ты насмѣхаешься надо мной! Что съ тобой? Ты такой странный съ нѣкотораго времени!

— Съ нѣкотораго времени? Опять! Почему ты говоришь—съ нѣкотораго времени? Потому что надо лгать? За чѣмъ надо лгать?

— Ты обвиняешь меня во лжи?

— О, нѣтъ! Я только шучу.

— Развѣ ты думаешь, что я не вижу, что надоѣла тебѣ? Думаешь ты, что я не замѣтила, какъ ты вчера былъ внимателенъ къ этой грубой Женни, какъ за весь вечеръ ты не нашелъ для меня слова?

— Значить, ты ревнуешь?

— Я? Нѣтъ, знаешь ли, ни капельки! Если ты ее мнѣ предпочитаешь, пожалуйста! Это не трогаетъ меня ни сколько!

— Такъ? Такъ ты не ревнива? Въ обыкновенныхъ отношеніяхъ это непріятное обстоятельство!

— Въ обыкновенныхъ отношеніяхъ? Что ты подразумеваешь подъ этимъ?

— Я думаю—видишь ли—что ты надоѣла мнѣ, какъ ты сама сказала!

— Ты лжешь! Это неправда!

Она расширила ноздри, показала кончики зубовъ и уколола иглами.

— Поговоримъ о другомъ,—сказалъ онъ.—Что ты думаешь о Ренгельмѣ?

— Очень милъ! Это красивый малый! Изящный!

— Онъ совсѣмъ влюбился въ тебя!

— Что ты болтаешь!

— Но самое плохое это то, что онъ хочетъ на тебѣ жениться.

— Пощади, пожалуйста, съ такими глупостями.

— Но, такъ какъ ему только двадцать лѣтъ, то онъ хочетъ ждать, пока будетъ достоинъ тебя.

— Вотъ дуракъ!

— Подъ достоинствомъ онъ подразумѣваетъ быть признаннымъ актеромъ. А этого не можетъ быть, пока онъ не получитъ роль. Не можешь ли ты достать ее ему?

Агнеса покраснѣла, откинулась въ уголь дивана и показала пару изящныхъ ботинокъ съ золотыми кисточками.

— Я? Я сама не получаю ролей. Ты смѣешься надо мной?

— Да, конечно!

— Ты чортъ, Густавъ! Повѣрь мнѣ!

— Можетъ быть! Можетъ быть, нѣтъ! Рѣшить это очень трудно. Но если ты благоразумная дѣвушка...

— Молчи!

Она взяла со стола острый разрѣзной ножъ и угрожающе замахнулась имъ, шутя, но такъ, что это выглядело серьезно.

— Ты такъ хороша сегодня, Агнеса! — сказалъ Фаландеръ.

— Сегодня? Что значить, сегодня? Развѣ раньше ты не видѣлъ этого?

— О, какъ же!

— Почему ты вздохнулъ?

— Это всегда бываетъ, когда покутишь.

— Можно взглянуть на тебя? У тебя глаза болятъ?

— Это бессонная ночь, милая!

— Я уйду, тогда ты можешь уснуть.

— Не уходи! Я не могу спать.

— Мнѣ кажется, все равно, надо уходить. Я, въ сущности, только для того и пришла, чтобы сказать это.

— Голосъ ея смягчился, и вѣки медленно опустились, какъ занавѣсъ послѣ сцены смерти.

Фаландеръ отвѣтилъ:

— Это хорошо съ твоей стороны, что ты пришла отказаться.

Она встала и закалывала передъ зеркаломъ шляпу.

— Есть у тебя здѣсь духи? — спросила она.

— Нѣтъ, они у меня въ театрѣ.

— Ты долженъ отвыкнуть отъ трубки. Дымъ такъ пристаётъ къ платью.

— Хорошо, я сдѣлаю это.

Она склонилась и застегнула подвязку.

— Прости! — сказала она и бросила просящій взглядъ на Фаландера.

— Что именно? — отвѣтилъ онъ, какъ будто ничего не видѣлъ.

Такъ какъ отвѣта не послѣдовало, то онъ собрался съ духомъ, вздохнулъ глубоко и спросилъ:

— Куда ты идешь?

— Примѣрять платье; значить, тебѣ нечего беспокоиться, — отвѣтила она, совсѣмъ непринужденно, какъ казалось ей.

Но Фаландеръ услышалъ по лживому тону, что это заучено, и сказалъ только:

— Ну, такъ прощай!

Она подошла къ нему, чтобы дать себя поцѣловать. Онъ обнялъ ее и прижалъ къ груди, какъ бы желая задушить, потомъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, подвелъ къ двери, вывелъ за дверь и коротко сказалъ:

— Прости!

XVI.

Однажды, послѣ полудня въ августѣ, Фалькъ опять сидитъ въ саду, на Моисеевой горѣ, но теперь одиноко. Такъ онъ провелъ все лѣто. И онъ дѣлаетъ обзоръ своему опыту за четверть года, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ, полный надеждъ, отваги и силъ.

Онъ чувствуетъ себя старымъ, усталымъ, равнодушнымъ; онъ заглянулъ въ эти дома, тамъ внизу; и каждый разъ выглядѣло иначе, чѣмъ онъ себѣ представлялъ. Онъ оглядѣлся въ этомъ мѣстѣ и изучилъ людей въ разныхъ обстоятельствахъ, какъ можетъ только врачъ или репортеръ. Онъ, Фалькъ, имѣлъ случай изучить человѣка, какъ общественное животное; онъ посѣщалъ рейхстагъ, засѣданія церковнаго совѣта, общія собранія, собранія съ благотворительными цѣлями, празднества, похороны, народныя собранія; всюду громкія слова и много словъ, словъ, никогда не употребляемыхъ въ повседневномъ разговорѣ, особый видъ словъ, не выражающихъ никакой мысли, во всякомъ случаѣ не ту, которую нужно было бы выразить. Благодаря этому онъ получилъ одностороннее представленіе о человѣкѣ и могъ въ немъ видѣть только лживое общественное животное, каковымъ онъ не долженъ былъ быть, такъ какъ цивилизація не разрѣшаетъ открытой войны; недостатокъ въ знакомствахъ заставилъ его позабыть, что есть еще и другое животное, которое очень любезно «между стекломъ и стѣной», если его не раздражать, и которое охотно проявляется со всѣми своими ошибками и слабостями, когда нѣтъ свидѣтелей. Это онъ забылъ и поэтому былъ весьма огорченъ.

Но что еще хуже: онъ потерялъ уваженіе къ себѣ самому, даже не совершивъ никакого поступка, котораго онъ могъ бы стыдиться. Но другіе отняли у него это уваженіе, а это такъ легко. Всюду, куда бы онъ ни приходилъ, проявляли къ нему пренебреженіе, и какъ могъ онъ, у котораго съ молодости отняли чувство собственного достоинства, уважать того, кого презирали всѣ остальные. Но поистинѣ несчастнымъ бывалъ онъ, когда видѣлъ, что консервативные журналисты, которые защищали все обратное или, по меньшей мѣрѣ, не нападали на него, пользовались довольно большимъ почетомъ. Значить, не столько какъ журналистъ, сколько какъ защитникъ несчастныхъ пользовался онъ всеобщимъ презрѣніемъ.

Много разъ онъ бывалъ добычей жестокихъ сомнѣній. Напримѣръ, въ отчетѣ объ общемъ собраніи страхового общества «Тритонъ» онъ употребилъ слово «шарлатанство». Послѣ этого «Сѣрая Шапочка» въ длинной статьѣ отвѣчала на это и ясно доказала, что это общество національно-патріотическое и филантропическое предпріятіе, такъ что онъ самъ чуть было не повѣрилъ, что онъ неправъ; долго мучило его угрызеніе совѣсти, что онъ такъ легкомысленно отнесся къ доброму имени людей.

Онъ сейчасъ находился въ состояніи колебанія между фанатизмомъ и полнѣйшимъ равнодушіемъ; и только отъ ближайшаго импульса зависѣло, въ какую сторону онъ подается.

Жизнь за это лѣто такъ опостылѣла ему, что онъ съ злорадствомъ встрѣчалъ каждый дождливый день, и онъ испытывалъ относительно пріятное чувство, когда видѣлъ, что пожелтѣвшія листья, одинъ за другимъ, проносятся черезъ дорожки сада.

Такъ сидѣлъ онъ и для своего утѣшенія строилъ адски

веселыя разсужденія о своемъ существованіи и его цѣ-
ляхъ, когда худая, костлявая рука легла на его плечо, а
другая ухватила его руку, — казалось ему, что это смерть
захотѣла увести его. Онъ поднялъ голову и испугался:
передъ нимъ стоялъ Игбергъ, блѣдный, какъ мертвецъ, съ
исхудавшимъ лицомъ и съ такими выцвѣтшими глазами,
какіе бываютъ только отъ голода.

— Добрый день, Фалькъ,—прошепталъ онъ еле слыш-
нымъ голосомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Добрый день, братъ Игбергъ,—отвѣтилъ Фалькъ и
почувствовалъ себя въ довольно хорошемъ настроеніи.—
Присядь и выпей чашку кофе, чортъ дери! Какъ дѣла? У
тебя видъ, какъ будто ты пролежалъ подо льдомъ!

— О, я былъ такъ боленъ, такъ боленъ!

— Ты провелъ хорошее лѣто, въ родѣ меня!

— И для тебя оно было такимъ тяжелымъ? — спро-
силъ Игбергъ, въ то время какъ слабая надежда на то,
что это дѣйствительно такъ, освѣтила его желтовато-зе-
леное лицо.

— Я хотѣлъ бы сказать одно: «Слава Богу, что про-
клятое лѣто кончилось! По-моему, пусть хоть круглый годъ
будетъ зима! Мало того, что самъ мучишься, еще прихо-
дится видѣть, какъ другіе радуются! Я ногой не ступилъ
за городъ! А ты?»

— Я не видѣлъ ни одной сосны съ тѣхъ поръ, какъ
Лундель въ іюлѣ уѣхалъ изъ Лилль-Янса! Да и къ чему
видѣть сосны! Это не такъ необходимо! И замѣчательнаго
въ нихъ тоже ничего нѣтъ! Но сознаніе, что не можешь
сдѣлать этого, это горько!

— Э, что намъ до этого! На востокѣ собираются тучи,
значитъ завтра у насъ будетъ дождь; а когда опять засвѣ-
титъ солнце, — будетъ осень. На здоровье!

Игбергъ взглянулъ на пуншъ такъ, какъ будто думалъ, что это ядъ, но все же выпилъ.

— Значитъ, ты написалъ для Смита разсказъ объ ангелѣ хранителѣ или страховомъ обществѣ «Тритонъ»?— началъ опять Фалькъ. Развѣ это не было противно твоимъ убѣжденіямъ?

— Убѣжденіямъ? У меня нѣтъ никакихъ убѣжденій!

— У тебя нѣтъ?

— Нѣтъ! Только у глупыхъ людей они есть!

— Ты амораленъ, Игбергъ!

— Нѣтъ! Видишь ли, если у глупаго человѣка есть мысль о себѣ или о другомъ, то онъ возвышаетъ ее до убѣжденія, держится за него крѣпко, хвастается имъ, не потому, что это вообще убѣжденіе, а потому, что это его убѣжденіе! Что касается до страхового общества, то мнѣ кажется, что это мошенничество! Оно, навѣрно, вредитъ многимъ, именно акціонерамъ; но другимъ, именно дирекціи и служащимъ, оно доставляетъ тѣмъ большее удовольствіе; значитъ, все же дѣлаетъ много добра!

— Неужели же ты утратилъ, другъ, всякое представленіе о чести?

— Надо все приносить въ жертву своему долгу!

— Да, я съ этимъ согласенъ!

— Первый и важнѣйшій долгъ человѣка — жить, жить, во что бы то ни стало! Этого требуетъ и божескій и человѣческій законъ!

— Но честь нельзя приносить въ жертву!

— Оба закона, какъ уже сказано, требуютъ всяческихъ жертвъ — они требуютъ отъ бѣдняка, чтобы онъ пожертвовалъ такъ называемой честью! Это жестоко, но за это не отвѣчаетъ бѣднякъ!

— Не веселые у тебя взгляды на жизнь!

— Откуда мнѣ ихъ имѣть?

— Да, правда.

— Чтобы поговорить о другомъ,—Ренгельмъ написалъ мнѣ письмо. Я тебѣ прочту кое-что изъ него, если хочешь.

— Онъ, вѣдь, поступилъ въ театръ, какъ я слыхалъ?

— Да, и, кажется, ему тамъ приходится не весело.

Игбергъ вынулъ письмо изъ бумажника, засунулъ въ ротъ кусокъ сахару и сталъ читать:

«Если существуетъ адъ послѣ этой жизни, что весьма сомнительно...

— Малый сталъ свободомыслящимъ!

... «то тамъ не можетъ быть хуже, чѣмъ мнѣ теперь. Вотъ два мѣсяца, какъ я ангажированъ, а мнѣ уже кажется, что прошло два года! Дьяволъ, бывший прежде каретнымъ подмастерьемъ, а теперь театральнымъ директоромъ, держитъ въ рукахъ мою судьбу и такъ съ ней обращается, что я хотѣлъ бы три раза въ день сбѣжать. Но онъ былъ такъ остороженъ при составленіи недоимочныхъ пунктовъ договора, что я обезчестилъ бы имя моихъ родителей, если бы не остался.

«Вообрази себѣ, я каждый вечеръ выступалъ въ качествѣ статиста и еще не произнесъ ни одного слова. Двадцать вечеровъ подъ рядъ я долженъ былъ мазать себѣ лицо циброй и надѣвать цыганскій костюмъ, изъ котораго мнѣ не подходитъ ни одинъ предметъ: трико слишкомъ длинно, башмаки слишкомъ велики, а куртка коротка. Второстепенный чортъ, называемый кулиснымъ суфлеромъ, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы я не замѣнилъ этотъ костюмъ болѣе подходящимъ; и каждый разъ, когда я пытаюсь скрыться за толпой, состоящей изъ фабричныхъ рабочихъ директора-фабриканта, они выталкиваютъ меня къ самой рампѣ; когда

я оглядываюсь за кулисы, тамъ стоитъ второстепенный чортъ и хохочетъ; когда я гляжу въ зрительный залъ, то вижу, какъ смѣется самъ сатана, сидящій въ ложѣ.

«Кажется, что онъ пригласилъ меня для своего личного развлечения, а не для театра. Однажды я осмѣлился обратить его вниманіе, что мнѣ вѣдь надо упражняться и въ роляхъ со словами, если я хочу стать актеромъ; тогда онъ сталъ грубымъ и объявилъ, что надо сперва умѣть ползать, прежде чѣмъ начнешь ходить! Я отвѣтилъ ему, что могу ходить. Это ложь, сказалъ онъ и спросилъ, не думаю ли я, что сценическое искусство, прекраснѣйшее и труднѣйшее изъ всѣхъ, не требуетъ никакой школы? Когда я ему отвѣтилъ, что это какъ разъ мое мнѣніе и что я съ нетерпѣніемъ жду вступленія въ эту школу, онъ сказалъ мнѣ, что я необразованная собака и что онъ вышвырнетъ меня вонъ. Когда я сталъ возражать, онъ спросилъ меня, не думаю ли я, что его театръ спасительное учрежденіе для недостаточныхъ юношей; я отвѣтилъ открытымъ, безусловнымъ, радостнымъ: да! Тогда онъ заявилъ, что убьетъ меня!

«Таковы дѣла!

«Я чувствую, какъ душа моя сгораетъ, какъ сальная свѣча на сквознякѣ, и я убѣжденъ что «зло побѣдитъ вскорѣ, хотя оно скрывается въ облакахъ», или какъ тамъ говорится въ катехизисѣ.

«Худшее же то, что я потерялъ уваженіе къ тому искусству, которое было грезой и страстью моей молодости. Могу ли я не умалять значеніе этого искусства, когда вижу, что люди безъ воспитанія и образованія, съ улицы и отъ ремесла, движимые только тщеславіемъ и легкомысліемъ, безъ воодушевленія и пониманія удачно играютъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ характерныя и историческія

роли, не имѣя представленія о времени, въ которомъ они дѣйствуютъ, или значеніи, какое имѣло въ исторіи изображаемое ими лицо.

«Но есть свѣтлая точка въ этомъ мракѣ: я люблю. Дѣвушка чистаго золота среди этого шлака. Конечно, и ее мучаютъ, и ей приходится терпѣть ту же пытку, какъ и мнѣ, съ тѣхъ поръ какъ она съ гордостью и презрѣніемъ отвергла гнусное предложеніе режиссера. Она — единственная женщина, сохранившая духъ живой, среди всѣхъ этихъ тварей, пресмыкающихся въ грязи, — и она любитъ меня всѣми силами своей души, — я съ нею тайно обрученъ! О, я жду только того дня, когда добьюсь успѣха и буду въ состояніи просить ея руки; но когда? Мы часто думали о томъ, чтобы вмѣстѣ умереть, но приходитъ лживая надежда и соблазняетъ продолжать тягостное существованіе! Быть принужденнымъ видѣть, какъ страдаетъ невинная дѣвушка, когда ее заставляютъ выступать въ неприличныхъ костюмахъ, — это больше, чѣмъ я могу вынести. Но оставимъ эту грустную повѣсть.

«Олэ кланяется и Лундель тоже. Олэ измѣнился. Онъ увлекся новымъ видомъ философіи, все опрокидывающей и все ставящей вверхъ ногами. Это очень забавно слушать и иногда это кажется вполнѣ справедливымъ, но въ концѣ концовъ это можетъ стать опаснымъ. Мнѣ думается, что эти идеи у него отъ одного здѣшняго актера, у котораго хорошій умъ и большія познанія, но никакой нравственности; я люблю и ненавижу его одновременно. Это — странный человѣкъ. Онъ, въ сущности, добръ, благороденъ, великодушенъ и жертвуетъ собой для своихъ друзей. Словомъ, я не могу найти у него дурныхъ сторонъ, но онъ — амораленъ, а безнравственный человѣкъ жалокъ, не правда ли?

«Я долженъ прервать, ибо вижу, что идетъ мой ангелъ-хранитель; я опять переживу счастливый часъ, всѣ злые духи отлетятъ, и я буду опять лучшимъ человѣкомъ. Кланяйся Фальку и попроси его подумать о моей судьбѣ, когда ему будетъ плохо.

Твой другъ Р.»

— Ну, что ты скажешь на это? Это старая исторія о сраженіи дикихъ звѣрей. Знаешь ли, Игбергъ, я думаю, что надо быть плохимъ человѣкомъ, если хочешь достигнуть чего-нибудь въ этомъ мірѣ.

— Попробуйся; быть можетъ, это не такъ легко.

— Есть ли у тебя еще какія-нибудь дѣла со Смитомъ?

— Нѣтъ. Къ сожалѣнію, никакихъ. А у тебя?

— Я былъ у него по поводу моихъ стихотвореній. Онъ приобрѣлъ ихъ по 10 кронъ за листъ и должно быть совершить надо мной такое же убійство, какъ тотъ каретникъ съ Ренгельмомъ. Я боюсь чего-нибудь въ этомъ родѣ, потому что я ничего до сихъ поръ не слыхалъ о своихъ стихахъ. Онъ былъ слишкомъ добродушенъ, такъ что я жду самаго худшаго; если бы я только зналъ, что мнѣ предстоитъ! Но что съ тобой? Ты страшно поблѣднѣлъ.

— Видишь ли,—отвѣтилъ Игбергъ и ухватился рукою за перила,— я два дня не ѣлъ ничего, кромѣ этихъ пяти кусковъ сахара. Мнѣ кажется, я теряю сознание?

— Если тебѣ можно помочь пищей, такъ мы это устроимъ. У меня, къ счастью, еще есть деньги.

— Конечно, мнѣ можно помочь пищей,—прошепталъ слабо Игбергъ.—Но не такъ было на самомъ дѣлѣ; когда они вошли въ столовую и начали ѣсть, Игбергу сдѣлалось

хуже, и Фальку пришлось взять его подъ руку и увести въ свою квартиру, которая была недалеко.

Это былъ одноэтажный деревянный домъ, взобравшійся на скалу и имѣвшій такой видъ, какъ будто у него болѣла поясница; онъ былъ въ пятнахъ, какъ будто у него была сыпь; его однажды собирались выкрасить, но оставились на полдорогѣ; онъ выглядѣлъ жалко во всѣхъ отношеніяхъ, и съ трудомъ вѣрилось вывѣсочкѣ страхового общества, ржавѣвшей на стѣнѣ и возвѣщавшей, что фениксъ возродится изъ пламени.

У подножія дома росъ львиный зѣвъ, крапива и подорожникъ, вѣрные спутники человѣка, когда онъ въ нуждѣ; воробьи купались въ раскаленномъ пескѣ; дѣти съ большими животами и блѣдными лицами, имѣвшіе такой видъ, будто ихъ на девяносто процентовъ кормили водой, дѣлали себѣ браслеты и ожерелья изъ стеблей одуванчика и старались ухудшить свое грустное существованіе, бранясь другъ съ другомъ.

Фалькъ и Игбергъ поднялись по шаткой и скрипящей деревянной лѣстницѣ и вошли въ большую комнату; она была раздѣлена мѣломъ на три части; въ двухъ изъ нихъ столяръ и сапожникъ занимались своимъ ремесломъ; третья была отведена исключительно для семейной жизни.

Когда дѣти кричали, что они дѣлали каждыя четверть часа, столяръ бѣсился и начиналъ ругаться и проклинать, на что сапожникъ отвѣчалъ изреченіями изъ библіи и увѣщеваніями. Нервы столяра были такъ раздражены вѣчнымъ плачемъ, ссорами и допросами, что черезъ пять минутъ послѣ того, какъ сапожникъ подносилъ ему увѣщеванія, онъ опять приходилъ въ бѣшенство, хотя и обѣщаль терпѣть. Такъ онъ цѣлый день находился въ бѣшенствѣ, но хуже всего бывало, когда онъ спрашивалъ жен-

щину, «почему эти черти бабы такъ много рожаютъ дѣтей». Тогда выдвигался женскій вопросъ, и женщина не оставалась въ долгу.

Черезъ эту комнату пришлось пройти Фальку съ Игбергомъ, чтобы войти въ его комнату; но, хотя они шли со всѣмъ тихо, они всетаки разбудили двухъ дѣтей; тотчасъ же мать запѣла колыбельную пѣсню, а столяръ и сапожникъ возобновили обычную бесѣду; конечно, со столяромъ опять сдѣлался припадокъ.

— Молчи, — кричалъ онъ на женщину.

— Молчи самъ! Не можешь ты дать спать дѣтямъ?

— Убирайся къ чорту съ дѣтьми! Что, это мои дѣти? Я что ли долженъ отвѣчать за то, что другіе небезобразничали? Я что ли небезобразничалъ? Что? Есть у меня дѣти? Заткнись, не то я пушу тебѣ рубанкомъ въ голову.

— Послушай, мастеръ! — заговорилъ сапожникъ, — не надо такъ говорить о дѣтяхъ; Богъ посылаетъ дѣтей на свѣтъ.

— Это ложь, сапожникъ! Чортъ, посылаетъ ихъ! А потомъ безобразные родители говорятъ, что виноватъ Богъ! Постыдитесь!

— Ахъ, мастеръ, мастеръ! Не надо такъ проклинать. Въ писаніи сказано, что дѣтямъ принадлежитъ царствіе небесное.

— Вотъ какъ! Такъ такія штуки есть и въ царствіи небесномъ?

— Боже, какъ онъ говоритъ! — воскликнула разгнѣванная мать.

— Если у него когда-нибудь у самого будутъ дѣти, то я буду молиться, чтобы они были больные и калѣки; я буду молиться, чтобы они были нѣмыми, слѣпыми и глу-

ними; я буду молиться, чтобы они попали въ исправительное заведеніе и на висѣлицу; вотъ какъ.

— Сколько угодно, безобразная баба; я не собираюсь пустить на свѣтъ ребятъ, чтобы они мучились, какъ собаки. Васъ надо засадить въ работный домъ за то, что вы родите этихъ несчастныхъ существъ. Вы замужемъ? Да! Такъ потому, что вы замужемъ, вы должны безобразничать? А?

— Мастеръ, мастеръ! Богъ посылаетъ дѣтей!

— Это ложь, сапожникъ! Я читалъ въ газетѣ, что это проклятый картофель виноватъ въ томъ, что у бѣдныхъ столько дѣтей, потому что, видите ли, картофель содержитъ въ себѣ двѣ матеріи или два тѣла, которыя называются кислородъ и азотъ; если эти вещества встрѣчаются въ опредѣленномъ соединеніи и количествѣ, тогда женщины становятся многоплодными.

— Но какъ же это измѣнить?—спросила разгнѣванная мать, чувства которой нѣсколько улеглись во время интереснаго разъясненія.

— Не надо больше ѣсть картофеля, это вы, кажется, должны понимать!

— Что же еще ѣсть, если нельзя больше ѣсть картофеля!

— Бифштексъ, сударыня, вотъ что ты должна ѣсть! Бифштексъ съ лукомъ! Что! Вкусно? Или шагобрианъ! Знаешь ли ты, что такое? А? Въ «Отечествѣ» писали недавно: одна женщина приняла спорынью и чуть было не погибла вмѣстѣ съ ребенкомъ.

— Что ты говоришь?— сказала мать и насторожилась.

— Тебѣ любопытно знать? А?

— Правда ли, что спорыньей?..—спросилъ сапожникъ и подмигнулъ.

— Отъ этого у васъ печенка и легкія выскочатъ, да еще и наказаніе за это полагается тяжелое; и такъ и слѣдуетъ.

— Слѣдуетъ ли? — спросилъ сапожникъ глухимъ голосомъ.

— Конечно, слѣдуетъ! Кто безобразничаетъ, долженъ быть наказанъ; и нельзя убивать своихъ дѣтей!

— Дѣтей! Вѣдь это разница, — сказала покорно разгнѣванная мать. — Но откуда берется это вещество, о которомъ вы говорите, мастеръ?

— Ага, такъ ты еще хочешь плодить ребятъ, хотя ты и вдова и у тебя ихъ пятеро! Опасайся этого черта сапожника; онъ очень ловокъ съ бабами, хотя и богобоязненъ! Одолжайся, сапожникъ!

— Значитъ, есть такое растенье?..

— Кто тебѣ сказалъ, что это растенье? Развѣ я сказалъ, что это растенье? Нѣтъ! Это зоологическое вещество. Видишь ли, всѣ вещества, а ихъ въ природѣ около шестидесяти, раздѣляются на химическія и зоологическія; это вещество по-латыни называется *cornuticus sesalias* и встрѣчается за границей, напримѣръ, на Калабрскомъ полуостровѣ.

— Оно очень дорогое, мастеръ? — спросилъ сапожникъ.

— Дорогое! — повторилъ столяръ и нацѣлился рубанкомъ, какъ карабиномъ. — Страшно дорогое!

Фалькъ съ большимъ интересомъ слушалъ этотъ разговоръ; теперь онъ вздрогнулъ, услыжавъ въ открытое окно, что на улицѣ остановился экипажъ, и два женскихъ голоса, которые ему показались знакомыми, стали разговаривать:

— Этотъ домъ хорошо выглядеть.

— Онъ хорошо выгладить?— спросила старшая дама.— Я нахожу, что онъ выгладить ужасно.

— Я думаю, что онъ хорошо выгладить для нашей цѣли. Не знаете ли вы, кучеръ, не живутъ ли въ этомъ домѣ бѣдные?

— Знать-то я не знаю, но думаю, что можно поклясться.

— Клясться грѣхъ, такъ что оставьте это! Подождите насъ здѣсь, пока мы взойдемъ туда и сдѣлаемъ наше дѣло.

— Послушай-ка, Евгенія, не поговорить ли намъ сперва здѣсь внизу съ дѣтьми, — сказала госпожа Гоманъ госпожѣ Фалькъ и остановилась.

— Да, конечно, можно. Пойди-ка сюда, мой милый мальчикъ! Какъ тебя звать?

— Альбертъ, — отвѣтилъ маленькій блѣдный мальчикъ лѣтъ шести.

— Знаешь ли ты Христа, мальчикъ?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ мальчикъ, смѣясь, и засунулъ палецъ въ ротъ.

— Это ужасно! — сказала госпожа Фалькъ и взялась за записную книжку. — Я записываю: «Приходъ св. Катерины. Бѣлыя Горы. Глубокій духовный мракъ у малолѣтнихъ». Можно сказать — мракъ? — А ты не хочешь узнать Его? — спросила она опять у мальчика.

— Нѣтъ!

— Хочешь монетку, мальчикъ?

— Да!

— Надо сказать: пожалуйста!.. «Въ высшей степени безпризорны; но мнѣ удалось лаской побудить ихъ къ лучшему поведенію».

— Какой ужасный запахъ! Пойдемъ отсюда, Евгенія! — попросила госпожа Гоманъ.

Они взошли по лѣстницѣ и вошли въ большую комнату, не стучась.

Столяръ взялъ рубанокъ и сталъ имъ стругать суковатую доску, такъ что дамамъ пришлось кричать.

— Жаждетъ ли здѣсь кто-нибудь милости и избавленія? — закричала госпожа Гоманъ, въ то время какъ госпожа Фалькъ брызгала на дѣтей изъ пульверизатора, при чемъ тѣ начали плакать, когда имъ попало въ глаза.

— Вы предлагаете избавленіе, сударыня? — спросилъ столяръ, прервавъ свою работу. — Откуда оно у васъ? Быть можетъ, есть еще благотворительность, кротость и высокоомѣріе? А?

— Вы грубый человѣкъ и будете осуждены, — отвѣтила госпожа Гоманъ.

Госпожа Фалькъ взяла записную книжку и сказала:

— Хорошъ.

— Говорите, — сказала госпожа Гоманъ.

— Это мы знаемъ! Быть можетъ, вы хотите поговорить со мной о религіи, сударыни? Я могу говорить обо всемъ. Знаете ли вы, сударыни, что въ 829 году, въ Никее былъ соборъ, гдѣ св. Духъ былъ принятъ въ шмалькальденскій договоръ?

— Нѣтъ, мы не знаемъ этого, добрый человѣкъ!

— Почему ты называешь меня добрымъ? Никто не добръ, кромѣ Бога, такъ сказано въ писаніи. — Вы, значить, не знаете никейскаго собора 829 года, сударыни? Какъ же вы хотите учить другихъ, когда вы сами ничего не знаете? Если же теперь очередь за благотворительностью, то дѣлайте это, пока я повернусь къ вамъ спиной, ибо истинная благотворительность совершается въ тайнѣ. Продѣлывайте это съ дѣтьми, они не могутъ защищаться; но насъ оставьте въ покоѣ. Дайте намъ работы, если хотите, и на-

учитесь оплачивать трудъ, тогда вамъ не придется такъ шляться! Понюшку, сапожникъ!

— Можно записать: «Большое невѣріе, совершенная закоренѣлость», Эвелина? — спросила госпожа Фалькъ.

— Упорство лучше, дорогая Евгенія.

— Что вы записываете, сударыни? Наши грѣхи? Тогда эта книга, навѣрно, мала.

— Плодъ такъ называемыхъ рабочихъ союзовъ...

— Очень хорошо, — сказала госпожа Гоманъ.

— Бойтесь рабочихъ союзовъ, — сказалъ столяръ. — Сотни лѣтъ боролись съ королями, но теперь мы открыли, что это не ихъ вина; теперь мы будемъ бороться съ бездѣльниками, живущими чужимъ трудомъ; тогда мы доживемъ кое до чего!

— Молчи, молчи! — сказалъ сапожникъ.

Гнѣвная мать, которая обратила вниманіе на госпожу Фалькъ, воспользовалась этой паузой и спросила:

— Простите, вы не госпожа Фалькъ?

— Совершенно нѣтъ! — отвѣтила та съ увѣренностью, поразившей даже госпожу Гоманъ.

— Но, Боже мой, какъ вы похожи на нее, сударыня! Я знала ея отца сигнальщика Ропокъ, когда онъ былъ еще матросомъ!

— Это очень хорошо, но къ дѣлу не относится... Живутъ ли здѣсь еще люди, нуждающіеся въ искупленіи...

— Нѣтъ, — сказалъ столяръ, — искупленія имъ не надо, но пища или одежда, или, еще лучше, работа, много работы и хорошо оплачиваемой. Но лучше вамъ не входить, потому, что у одного изъ нихъ корь...

— Корь! — воскликнула госпожа Гоманъ. — И намъ не сказали ни слова! Пойдемъ, Евгенія, мы пришьемъ сюда полицію! Тьфу! Вотъ такъ люди!

— Но дѣти! Чьи эти дѣти? Отвѣчай! — сказала госпожа Фалькъ и погрозила карандашомъ.

— Мои, добрая барыня, — отвѣтила мать.

— А гдѣ мужъ? Гдѣ мужъ?

— Онъ больше не показывается, — сказалъ столяръ.

— Тогда мы пошлемъ за нимъ полицію. И его засадятъ въ работный домъ. Здѣсь все должно стать иначе. Вѣдь правда же, это хорошій домъ, какъ я и говорила, Эвелина!

— Не присядутъ ли сударыни? — спросилъ столяръ. — Сидя удобнѣй бесѣдовать; у насъ только нѣтъ стульевъ, но это ничего; у насъ нѣтъ и кроватей, ихъ поглотилъ добавочный налогъ на газовое освѣщеніе; для того, чтобы вамъ не приходилось ночью возвращаться изъ театра впотьмахъ, у насъ нѣтъ газа, какъ видите; и на водопроводъ, чтобы вашей прислугѣ не приходилось подыматься по лѣстницамъ; у насъ нѣтъ водопровода; и на больницу, чтобы ваши сыновья не лежали дома....

— Пойдемъ, Евгенія, Бога ради; вѣдь это же становится невыносимымъ,

— Увѣряю васъ, сударыни, что здѣсь уже невыносимо, — сказалъ столяръ. — И придетъ день, когда будетъ еще хуже; но тогда мы придемъ съ Бѣлыхъ горъ и отъ Живодернаго залива съ великимъ шумомъ, какъ водопадъ, и потребуемъ наши кровати! Потребуемъ? Нѣтъ, возьмемъ! А вамъ придется спать на верстакахъ, какъ приходилось намъ, ѣсть картофель, такъ что ваши животы натянутся, какъ барабаны, какъ будто вы, подобно намъ, перенесли пытку водой...

Барыни исчезли, оставивъ стопу брошюрокъ.

— Тьфу, чортъ! Какъ пахнетъ одеколономъ! Совѣмъ, какъ отъ проститутокъ! — сказалъ столяръ. — Одолжайся, сапожникъ.

Игбергъ, спавшій все время, проснулся теперь и соби-
рался уйти съ Фалькомъ. Въ открытое окно еще разъ до-
несся голосъ госпожи Гоманъ:

— Что она говорила о сигнальщикѣ? Вѣдь твой отецъ
капитанъ?

— Такъ его зовутъ. Впрочемъ, сигнальщикъ и капи-
танъ одно и то же. Вѣдь ты же знаешь. Не находишь ли
ты, что это была наглая шайка? Я никогда не пойду туда
больше. Но докладъ выйдетъ хорошій!

— Кучеръ! Въ ресторанъ Гассельбакенъ!

XVII.

Однажды послѣ обѣда Фаландеръ сидѣлъ дома и
училъ роль, когда въ дверь раздался легкій стукъ, два
двойныхъ удара. Онъ вскочилъ, надѣлъ сюртукъ и открылъ
дверь.

— Агнеса! Вотъ рѣдкій гость!

— Да, мнѣ хочется видѣть тебя! Такая проклятая
скука.

— Какъ ты выражаешься!

— Позволь мнѣ ругаться; это пріятно!

— Гм!.. гм!..

— Дай мнѣ сигару; я не курила шесть недѣль. Это
воспитаніе сводитъ меня съ ума.

— Развѣ онъ такъ строгъ?

— Да будетъ онъ проклятъ!

— Агнеса! Какъ ты говоришь!

— Я не смѣю больше курить, ругаться, пить пуншъ,
выходить вечеромъ. Но дай мнѣ только выйти за него за-
мужъ! Тогда!..

— Да серьезно ли онъ намѣренъ?

— Вполнѣ! Взгляни на этотъ носовой платокъ!

— А. Р. съ короной?

— У насъ одинаковые инициалы, и мнѣ пришлось взять его монограмму! Хорошо вѣдь?

— Еще бы! Такъ ужъ до этого дошло?

Ангелъ въ голубомъ платьѣ бросился на диванъ и сталъ дымить сигарой. Фаландеръ оглядѣлъ ея тѣло, какъ будто оцѣнивая его, и сказалъ:

— Выпьешь ты стаканъ пунша?

— Охотно!

— Любишь ли ты своего жениха?

— Онъ не принадлежитъ къ тому сорту людей, которыхъ, дѣйствительно, можно любить. Впрочемъ, я этого не знаю. Любить? Гм!.. Что это такое?

— Да, что это такое?

— О, ты хорошо знаешь! Онъ очень достоинъ уваженія, даже ужасно достоинъ, но, но, но!

— Но?

— Онъ такъ порядоченъ!

Она взглянула на Фаландера съ такой улыбкой, которая спасла бы отсутствующаго жениха, если бы онъ ее увидѣлъ.

— Онъ не ласковъ съ тобою? — спросилъ Фаландеръ любопытнымъ и неспокойнымъ тономъ.

Она выпила стаканъ пунша, выдержала искусственную паузу и сказала съ театральнымъ вздохомъ:

— Нѣтъ!

Фаландеръ, казалось, удовлетворился отвѣтомъ: ему явно стало легче на душѣ. Онъ продолжалъ свой допросъ:

— Можетъ еще пройти много времени, пока тебѣ придется выйти замужъ. Онъ не получилъ еще ни одной роли.

— Да, я знаю.

— Тебѣ не надоѣсть?

— Надо имѣть терпѣніе.

«Здѣсь надо употребить пытку», подумалъ Фаландеръ.

— Ты знаешь вѣдь, что Женни теперь моя любовница.

— Старая, уродливая баба!

По лицу ея пробѣжали толпой отблески какаго-то сѣвернаго сіянія, и всѣ мускулы пришли въ движеніе, какъ будто подъ вліяніемъ гальваническаго тока.

— Она не такъ стара! — отвѣтилъ хладнокровно Фаландеръ. — Слыхала ли ты, что кельнеръ изъ ресторана при ратушѣ выступить въ новой пьесѣ въ качествѣ дона Діега, а Ренгельмъ будетъ играть его слугу. Кельнеръ, навѣрно, будетъ имѣть успѣхъ, ибо роль играется сама собой, а бѣдный Ренгельмъ умретъ со стыда.

— Боже мой, что ты говоришь?

— Да, дѣло обстоитъ такъ!

— Этого не будетъ!

— Кто можетъ этому помѣшать?

Она вскочила съ дивана, выпила стаканъ, начала громко плакать и быстро заговорила:

— О, какъ тяжело на этомъ свѣтѣ! Какъ тяжело! Какъ будто злая воля подкарауливаетъ всѣ наши желанія, чтобы воспротивиться имъ; слѣдитъ за всѣми нашими надеждами, чтобы ихъ разрушить; угадываетъ наши мысли, чтобы задуть ихъ. Если можно было бы пожелать себѣ всяческаго зла, то должно было бы сдѣлать это, чтобы обмануть эту силу.

— Совершенно вѣрно, дорогая моя! Поэтому всегда надо исходить изъ того, что все плохо кончится, но это еще не самое печальное. Я утѣщу тебя! Ты знаешь, что каждое

счастье, которое ты получаешь, ты имѣешь на счетъ другого; если ты получаешь роль, то другая ея не получаетъ, и тогда она извивается, какъ раздавленный червякъ, а ты причинила зло, не желая этого; значитъ, и само счастье отравлено. Пусть будетъ твоимъ утѣшеніемъ, что всякимъ своимъ несчастьемъ ты совершаешь доброе дѣло, хотя бы и не желая этого; а наши добрыя дѣла — единственное чистое наслажденіе, которымъ мы пользуемся.

— Я не хочу дѣлать хорошихъ дѣлъ, не хочу чистыхъ наслажденій, я имѣю такое же право на успѣхъ, какъ и другіе! И я буду имѣть успѣхъ!

— Какой бы то ни было цѣной?

— Какой бы то ни было цѣной я должна перестать играть горничныхъ твоей любовницы.

— А, ты ревнуешь? Учись со вкусомъ переносить неуспѣхъ, это значительнѣй и интереснѣй.

— Скажи мнѣ одно! Любить ли она тебя?

— Боюсь, что она слишкомъ серьезно привязалась ко мнѣ.

— А ты?

— Я никогда не буду любить никого, кромѣ тебя, Агнеса.

Онъ схватилъ ея руку.

Она вскочила съ дивана такъ, что показались ея чүлки.

— Думаешь ли ты, что есть нѣчто такое, что зовутъ любовью? — спросила она и устремила на него свои большіе зрачки.

— Я думаю, что есть нѣсколько видовъ любви.

Она прошла по комнатѣ и остановилась у двери.

— Любишь ли ты меня безраздѣльно? — спросила она, положивъ руку на ручку двери.

Онъ подумалъ двѣ секунды и сказалъ:

— Душа твоя зла, а я не люблю зло.

— Какое мнѣ дѣло до души. Любишь ли ты меня?

— Да, такъ глубоко...

— Зачѣмъ же ты прислалъ ко мнѣ Ренгъельма?

— Потому что я хотѣлъ почувствовать, какъ тяжело не имѣть тебя.

— Ты, значитъ, лгалъ, когда говорилъ, что я надоѣла тебѣ?

— Да.

— О, ты дьяволъ!

Она вынула ключъ, а онъ опустилъ шторы.

XVIII.

Когда Фалькъ въ дождливый сентябрьскій вечеръ шелъ домой и завернулъ въ улицу Графа Магнуса, онъ увидѣлъ, къ своему удивленію, что его окна освѣщены. Когда онъ подошелъ ближе и кинулъ снизу взглядъ въ комнату, онъ увидѣлъ наверху тѣнь человѣка, котораго онъ уже видалъ, но не могъ припомнить. Это была грустная тѣнь, и вблизи она выглядѣла еще грустнѣе.

Когда Фалькъ вошелъ въ комнату, Струве сидѣлъ у письменнаго стола и оперся головой на руки. Его платье намокло отъ дождя и тяжело висѣло на тѣлѣ; на полу образовались лужи, которыя стремились утечь въ щели. Его волосы космами висѣли на головѣ, и его обычно такіе гордые англійскіе бакенбарды свисали на его мокрый сюртукъ. Рядомъ съ нимъ на столѣ стоялъ его черный цилиндръ, который подъ собственной тяжестью преклонилъ колѣни и, казалось, оплакивалъ свою минувшую молодость, потому что его окружалъ широкій траурный флёръ.

— Добрый вечеръ, — сказала Фалькъ: — вотъ высокое посѣщеніе!

— Не смѣйся надо мной, — попросилъ Струвэ.

— А почему бы и нѣтъ? Я не знаю, почему мнѣ не смѣяться.

— Вотъ какъ, и ты готовъ!

— Да, можешь положиться на это; скоро и я стану консерваторомъ! У тебя трауръ, какъ я вижу; тебя можно поздравить.

— У меня умеръ сынъ.

— Ну, тогда я могу его поздравить. Скажи мнѣ, чего ты, въ сущности, хочешь отъ меня? Ты вѣдь знаешь, что я презираю тебя! Да вѣдь и ты платишь мнѣ тѣмъ же. Не такъ ли?

— Конечно! Но послушай, мой другъ, неужели же жизнь недостаточно горька, чтобы еще дѣлать ее другъ другу болѣе горькой? Если Богъ или Провидѣніе забавляются этимъ, человѣку не надо унижаться до этого.

— Это разумная мысль; она дѣлаетъ тебѣ честь! Не одѣнешь ли ты мой халатъ, пока посохнетъ твой сюртукъ; тебѣ, навѣрно, холодно.

— Благодарю, но мнѣ скоро надо идти.

— О, ты можешь остаться у меня на время. Мы тогда по крайней мѣрѣ побесѣдуемъ.

— Я неохотно говорю о своемъ несчастьѣ.

— Тогда поговори о твоихъ преступленіяхъ.

— Я никакихъ не совершилъ.

— Нѣтъ — большія! Ты тяжелой рукой давилъ униженныхъ, ты наступалъ на раненыхъ, ты насмѣхался надъ несчастными. Помнишь ли ты послѣднюю стачку, когда ты сталъ на сторону насилія?

— Закона, братъ.

— Ха-ха, закона! Кто написалъ законъ для бѣднаго, глупецъ? Богатый! То-есть господинъ для раба.

— Законъ написанъ всѣмъ народомъ «всеобщимъ правовымъ сознаніемъ», онъ написанъ Богомъ.

— Побереги свои громкія слова въ разговорѣ со мной. Кто написалъ законъ 1734 года? Господинъ Кронштедтъ! Кто написалъ послѣдній законъ о тѣлесномъ наказаніи? Это былъ полковникъ Забельманъ—это было его предложеніе и его друзей, представлявшихъ тогда большинство. Полковникъ Забельманъ—не народъ, и его знакомые не всеобщее правосознаніе. Кто написалъ законъ объ акціонерныхъ обществахъ? Судья Свиндельгрэнъ. Кто написалъ новый уставъ риксдага? Ассесоръ Валопіусъ. Кто внесъ законопроектъ о «законной защитѣ», т.-е. о защитѣ богатыхъ противъ справедливыхъ притязаній бѣдныхъ? Оптовый торговецъ. Молчи; я знаю твои фразы. Кто написалъ новый законъ о наслѣдованіи? Преступники. Кто написалъ законъ о лѣсахъ? Воры. Кто написалъ законъ объ облигаціяхъ частныхъ банковъ? Мошенники. А ты утверждаешь, что это сдѣлалъ Богъ? Бѣдный Богъ!

— Могу ли я дать тебѣ совѣтъ, совѣтъ для жизни, данный мнѣ опытомъ? Если ты хочешь предохранить себя отъ самосожженія, къ которому ты идешь, какъ фанатикъ, то какъ можно скорѣе перемѣни точку зрѣнія; привыкай глядѣть на міръ съ птичьяго полета, и ты увидишь, какъ все мало и незначительно; исходи изъ того, что цѣлое—куча мусора, что люди отбросы: яичная скорлупа, обрѣзки моркови, капустные листья, тряпки, тогда ты никогда не дашь себя обмануть и не будешь терять иллюзій; наоборотъ, будешь испытывать большую радость, когда увидишь красивую черту, доброе дѣло; однимъ словомъ,

облекись въ спокойное и тихое презрѣніе къ міру — тебѣ нечего бояться стать изъ-за этого безсердечнымъ.

— Этой точки зрѣнія у меня еще, правда, нѣтъ; но презрѣніе къ міру мною уже овладѣло отчасти. Но въ этомъ и мое несчастье, ибо, когда я увижу одинъ примѣръ доброты и благородства, я опять люблю людей и переоцѣниваю ихъ, и опять бываю обманутъ.

— Стань эгоистомъ! Пусть чортъ поберетъ челоуѣчество!

— Боюсь, что не могу!

— Поищи другого занятія. Помиришь съ своимъ братомъ; онъ, кажется, процвѣтаетъ здѣсь на землѣ. Я видѣлъ его вчера на церковномъ совѣтѣ общины Николая.

— На церковномъ совѣтѣ?

— Да, у челоуѣка будущее. Пасторъ-примариусъ кивнулъ ему. Онъ, должно быть, станетъ скоро городскимъ гласнымъ, какъ земельный собственникъ.

— Какъ обстоятъ дѣла съ «Тритономъ»?

— Они работаютъ теперь съ облигаціями; при этомъ твой братъ ничего не потерялъ, если онъ ничего и не выигралъ; нѣтъ, у него теперь другія дѣла.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ челоуѣкѣ.

— Но вѣдь это твой братъ!

— Развѣ это его заслуга, что онъ мой братъ? Но теперь мы поговоримъ о чемъ угодно; теперь скажи мнѣ, что тебѣ нужно?

— У меня завтра похороны, а у меня нѣтъ фрака...

— Можешь взять мой!

— Спасибо, братъ, ты помогаешь мнѣ въ большомъ затрудненіи. Вотъ въ чемъ дѣло; но есть еще другое, болѣе интимнаго характера...

— Зачѣмъ выбираешь ты меня, своего врага, въ такомъ интимномъ дѣлѣ? Ты удивляешь меня...

— Потому что у тебя есть сердце.

— Не полагайся больше на это! Ну, продолжай...

— Ты сталъ такимъ нервнымъ и непохожъ самъ на себя; ты раньше былъ такъ кротокъ!

— Вѣдь я же сказалъ тебѣ! Говори!

— Я хотѣлъ тебя попросить, не пойдешь ли ты со мной на кладбище?

— Гм!.. Я. Почему ты не попросишь какого-нибудь коллегу изъ «Сѣраго Колпачка»?

— По нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Впрочемъ, тебѣ я могу сказать: я не женатъ.

— Ты не женатъ? Ты, стражъ алтаря и нравовъ, нарушилъ священные узы?

— Бѣдность, обстоятельства! Но развѣя не такъ же счастливъ? Жена моя любитъ меня, я ее, а это все. Есть тутъ еще и другое обстоятельство. По нѣкоторымъ причинамъ дитя не было крещено; ему было три недѣли, когда оно умерло, и поэтому никакой пасторъ не будетъ молиться у его могилы; но я не рѣшаюсь сказать это женѣ: это привело бы ее въ отчаяніе; поэтому я сказалъ, что пасторъ придетъ прямо на кладбище, чтобы ты зналъ. Она, конечно, останется дома. Ты встрѣтишь только двоихъ; одного звать Леви, это младшій братъ директора «Тритона» и служащій въ конторѣ общества. Это очень милый молодой человѣкъ съ удивительно хорошей головой и еще лучшимъ сердцемъ. Ты не долженъ смѣяться, я вижу, ты думаешь, что я занималъ у него деньги, — это такъ, — но это человѣкъ, котораго ты полюбишь. И потомъ будетъ мой старый другъ, докторъ Боргъ, лѣчившій ребенка. Это человѣкъ безъ предразсудковъ и съ широкимъ кругозо-

ромъ; ты съ нимъ поладишь! Теперь я могу рассчитывать на тебя. Насъ будетъ только четверо въ экипажѣ, ну, и ребенокъ въ гробицѣ, конечно.

— Да, я приду!

— Но я долженъ тебя попросить еще объ одномъ. У жены моей религиозныя сомнѣнія насчетъ спасенія души младенца, потому что онъ умеръ безъ крещенія, и она у всѣхъ спрашиваетъ мнѣнія по этому поводу.

— Ты вѣдь знаешь аугсбургское исповѣданіе.

— Тутъ дѣло не въ исповѣданіи.

— Но вѣдь, когда ты пишешь для газеты, дѣло идетъ всегда объ официальномъ вѣроисповѣданіи.

— Газета, да. Это дѣло общества! Если общество хочетъ придерживаться христіанства, такъ пусть. Ты будешь такъ любезенъ и согласишься съ ней, если она скажетъ, что думаетъ, что ребенокъ спасется.

— Чтобы осчастливить человѣка я могу отречься отъ религіи, тѣмъ болѣе, что я не придерживаюсь ея. Но ты еще не сказалъ мнѣ, гдѣ живешь.

— Знаешь ли ты, гдѣ Бѣлыя Горы?

— Да, я знаю. Можетъ быть, ты живешь въ пестромъ домѣ на скалѣ?

— Ты его знаешь?

— Я былъ тамъ однажды.

— Ты, можетъ быть, знакомъ съ социалистомъ Игбергомъ, портящимъ людей? Я тамъ управляющимъ у Смита и живу бесплатно за то, что собираю квартирную плату; но когда они не могутъ платить, они болтаютъ всякую чепуху, которой онъ научилъ ихъ о «Трудѣ и капиталѣ» и о прочихъ вещахъ, о которыхъ пишутъ въ скандальныхъ листахъ.

Фалькъ умолкъ.

— Знаешь ли ты этого Игберга?

— Да, знаю. Хочешь примѣрить фракъ?

Одѣвъ фракъ, Струвэ натянулъ на него свой сырой сюртукъ, застегнувъ его до подбородка, закурилъ изжеванный окурокъ сигары, воткнутый на спичку и пошелъ.

Фалькъ свѣтилъ ему на лѣстницѣ.

— Тебѣ далеко итти,— сказалъ Фалькъ, чтобы смягчить прощаніе.

— Да, Богъ знаетъ! И у меня нѣтъ зонта!

— И пальто. Не возьмешь ли моего зимняго!

— Благодарю, но это слишкомъ любезно съ твоей стороны.

— Такъ вѣдь я его захвачу при случаѣ.

Фалькъ вернулся въ комнату, досталъ пальто и снесъ его внизъ Струвэ, ждавшему въ сѣняхъ. Послѣ краткаго: «доброй ночи» онъ опять взошелъ наверхъ.

Но воздухъ въ комнатѣ показался ему такимъ душнымъ, что онъ открылъ окно. Снаружи лилъ дождь, шлепалъ по черепицѣ крышъ и обрушивался на грязную улицу. Отъ казармы напротивъ доносилась вечерняя зоря, а внизу въ домѣ пѣли вечернюю молитву; сквозь открытыя окна доносились отдѣльныя строфы.

Фалькъ чувствовалъ себя одинокимъ и усталымъ. Онъ ожидалъ сраженія съ тѣмъ, кого считалъ представителемъ всего враждебнаго; но врагъ бѣжалъ и отчасти побѣдилъ его. Когда онъ старался выяснитъ себѣ, о чемъ велъ споръ, онъ не могъ сдѣлать этого; и кто былъ правъ, этого онъ тоже не могъ сказать. И онъ спрашивалъ себя, не лишено ли всякой реальности то дѣло, которое онъ считалъ своимъ, дѣло эксплуатируемыхъ. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ уже винилъ себя за эту трусость, и постоянный фанатизмъ, горѣвшій въ немъ, опять запылалъ;

онъ осуждалъ свою слабость, всегда соблазнявшую его къ уступчивости; врагъ только что былъ въ его рукахъ, и онъ не только не показалъ ему своего глубокаго презрѣнія, но еще обошелся съ нимъ съ доброжелательствомъ и симпатіей. Что тотъ могъ думать теперь о немъ? Это добродушіе не было заслугой, такъ какъ оно мѣшало ему принять твердое рѣшеніе; оно было просто нравственнымъ безсиліемъ, дѣлавшимъ его негоднымъ къ сраженію, къ которому онъ чувствовалъ себя все менѣе и менѣе способнымъ. Онъ чувствовалъ насущную необходимость потушить огонь подъ котлами, потому что они не выдержали бы такого высокаго давленія въ виду того, что паромъ не пользовались. И онъ думалъ о совѣтѣ Струвѣ и думалъ такъ долго, пока не дошелъ до хаотическаго состоянія, въ которомъ правда и ложь, справедливость и несправедливость дружелюбно плясали вмѣстѣ. Его мозгъ, въ которомъ, благодаря университетскому воспитанію, понятія лежали въ хорошемъ порядкѣ, вскорѣ сталъ походить на хорошо стасованную колоду картъ.

Ему удивительно хорошо удалось добиться состоянія равнодушія; онъ старался отыскать хорошіе мотивы въ поступкахъ врага и мало-по-малу сталъ считать себя неправымъ, почувствовалъ себя примиреннымъ съ міровымъ порядкомъ и, наконецъ, поднялся до высокаго точки зрѣнія, что фактически безразлично, черно ли или бѣло вообще цѣлое. А если такъ, то пусть такъ и будетъ, не стоитъ ему желать ничего лучшаго. Онъ находилъ это душевное состояніе пріятнымъ, потому что оно давало ему отдыхъ, котораго онъ не зналъ многіе годы съ тѣхъ поръ, какъ почувствовалъ состраданіе къ человѣчеству.

Онъ наслаждался этимъ отдыхомъ и трубкой крѣпкаго табаку, пока не пришла горничная и не принесла ему

письмо, только что поданное почтальономъ. Письмо было очень длинное и подписано Олэ Монтанусомъ. Оно произвело живое впечатлѣніе на Фалька. Оно гласило:

«Дорогой другъ!

«Хотя мы съ Лунделемъ покончили наши работы и скоро вернемся въ Стокгольмъ, я все же испытываю потребность записать свои впечатлѣнія, потому что они имѣютъ большое значеніе для меня и моего духовнаго развитія. Я пришелъ къ нѣкоторому результату и остановился удивленный, какъ только что вылупившійся цыпленокъ, глядящій раскрытыми глазами на міръ и наступающій на скорлупу, такъ долго преграждавшую доступъ свѣту. Результатъ, во всякомъ случаѣ, не новъ; Платонъ нашелъ его еще до христіанства: міръ видимый есть только призракъ, туманная картина идей; т.-е. дѣйствительность есть нѣчто низменное, второстепенное, незначительное, случайное. Да! Но буду поступать синтетически и начну съ частнаго, чтобы притти къ общему.

«Сперва я поговорю о своей работѣ, которой заинтересовались и правительство и риксдагъ. На алтарѣ церкви въ Трэскола стояли двѣ деревянныхъ фигуры; одна была разбита, другая цѣла. Эта послѣдняя держала въ рукахъ крестъ и изображала женщину; отъ разбитой же сохранялись въ ризницѣ два мѣшка съ обломками. Ученый археологъ изслѣдовалъ содержимое двухъ мѣшковъ, чтобы опредѣлить внѣшній видъ разбитой фигуры, но дошелъ только до предположеній.

«Но онъ былъ большой педантъ. Онъ взялъ пробу краски, которой была покрашена фигура, и послалъ ее въ лой фармацевтической институтъ; оттуда ему заявили, что въ ней содержится не цинкъ, а свинецъ; слѣдовательно фи-

гура была сдѣлана раньше 1844 года, потому что цинковая бѣлила только тогда вошли въ употребленіе. (Что говорить о такомъ выводѣ, когда фигура могла быть покрашена и позднѣе). Потомъ онъ послалъ пробу дерева въ ремесленную управу въ Стокгольмѣ; онъ получилъ отвѣтъ, что это береза. Значитъ, фигура была сдѣлана изъ березы и раньше 1844 года.

«Но онъ стремился не къ этому, а имѣлъ предположеніе (!), т.е. желалъ для своей славы, чтобы фигуры принадлежали XVI вѣку; и всего желательнѣе ему было, чтобы онѣ были сдѣланы великимъ (конечно, великимъ, потому что имя его такъ хорошо вырѣзано на дубѣ, что сохранилось до сихъ поръ) Бурхардомъ изъ Шмидегомнэ, который сдѣлалъ кресла на хорахъ въ Вестересскомъ соборѣ.

Ученія изслѣдованія были продолжены. Этотъ человѣкъ укралъ немного гипса съ вестересскихъ фигуръ и отправилъ его вмѣстѣ съ гипсомъ изъ трэскольской ризницы въ Эколь-политехникъ (не знаю, какъ это и прочесть). Отвѣтъ уничтожилъ насмѣшниковъ: анализомъ было установлено, что оба гипса были одинаковаго состава: 77 частей извести и 23 сѣрной кислоты; значитъ (!) фигуры принадлежали къ одной и той же эпохѣ.

«Возрастъ фигуръ былъ, такимъ образомъ, установленъ; сохранившуюся срисовали, и рисунокъ «послали» академіи (у нихъ поразительная страсть все «посылать», у этихъ ученых!); оставалось только опредѣлить и возстановить разбитую. Два года пересылались эти два мѣшка взадъ и впередъ между Лундомъ и Упсалой. Лундскій профессоръ, какъ разъ избранный ректоромъ, написалъ трактатъ о фигурѣ для своей ректорской рѣчи и уничтожилъ профессора изъ Упсалы: тотъ отвѣтилъ брошюрой.

Къ счастью, въ то же время профессоръ стокгольмской

академіи искусствъ выступилъ съ совершенно новымъ мнѣніемъ; тогда объединились Иродъ и Пилать и набросились на стокагольмца, котораго они разорвали со всѣмъ бѣшенствомъ провинціаловъ.

Соглашеніе же обоихъ профессоровъ покоилось на слѣдующемъ: разбитая фигура представляла невѣріе, потому что сохранившаяся фигура изображаетъ вѣру, символъ которой крестъ. Предположеніе (лундскаго профессора), что разбитая фигура представляла надежду, потому что въ одномъ изъ мѣшковъ нашли остріе якоря, было отвергнуто, потому что это предполагало бы еще и наличность третьей фигуры, Любви, отъ которой не осталось ни слѣда, ни даже мѣста; затѣмъ (ссылкой на богатую коллекцію наконечниковъ стрѣлъ въ историческомъ музеѣ) было доказано, что это не остріе якоря, а наконечникъ стрѣлы, которая принадлежитъ къ оружію, символизирующему невѣріе, (см. посланіе къ Евреямъ 7, 12, гдѣ говорится о слѣпыхъ выстрѣлахъ невѣрія; сравнить также съ Исаіей 29, 3, гдѣ нѣсколько разъ упоминаются стрѣлы невѣрія). Форма наконечника, вполне совпадавшая съ формой времени намѣстника Стурэ, уничтожила послѣднее сомнѣніе о возрастѣ фигуры.

«Моей задачей оказалось сдѣлать по идеѣ профессоровъ фигуру Невѣрія въ контрастъ къ Вѣрѣ. Программа была дана, и я не колебался. Я искалъ мужскую модель, потому что это долженъ былъ быть мужчина; мнѣ пришлось искать долго, но я нашелъ его; да, мнѣ думается, что я нашелъ Невѣріе въ его личномъ воплощеніи—и работа удалась мнѣ блестяще!

«Вотъ стоитъ теперь актеръ Фаландеръ налѣво отъ алтаря, съ мексиканскимъ лукомъ изъ пьесы «Фердинандъ Кортецъ» и въ разбойничьемъ плащѣ изъ «Фра Діаволо»;

но люди говорятъ, что это Невѣріе, складывающее оружіе передъ Вѣрой. И епископъ, говорившій рѣчь на освященіи, говорилъ о дарахъ, которые Богъ расточаетъ людямъ и на этотъ разъ мнѣ; и графъ, у котораго мы обѣдали по поводу освященія, объявилъ, что я создалъ произведеніе, которое можетъ стать на ряду съ античными (онъ былъ въ Италіи); а студентъ, служащій у графа, воспользовался случаемъ, чтобы отпечатать и раздать стихи, въ которыхъ онъ развивалъ мысли о возвышенномъ и прекрасномъ и рассказывалъ исторію мѣа о Діаволѣ.

«До сихъ поръ, я, какъ настоящій эгоистъ, говорилъ о себѣ. Что теперь сказать объ алтарной живописи Лунделя? Вотъ что она изображаетъ: Христосъ (Ренгельмъ) на крестѣ въ глубинѣ, слѣва нераскаянный разбойникъ (я; негодяй сдѣлалъ меня еще уродливѣй, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ); справа раскаявшійся разбойникъ (самъ Лундель, косящійся глазами ханжи на Ренгельма); у подножія креста Марія Магдалина (Марія, знаешь ее, въ глубоко вырѣзанномъ платьѣ); римскій центуріонъ (Фаландеръ), верхомъ на лошади (меринъ шеффена Олсона). Я не могу описать тебѣ, какое это ужасное впечатлѣніе произвело на меня, когда послѣ проповѣди упали завѣсы, и всѣ эти знакомыя лица уставились со стѣны на прихожанъ, съ благоговѣніемъ слушающихъ его громкія слова о высокомъ значеніи искусства, въ особенности, когда оно служитъ религіи. Въ этотъ часъ съ глазъ моихъ упала завѣса, открывшая многое, очень многое. О томъ, что я въ ту пору подумалъ о Вѣрѣ и Невѣрїи, ты когда-нибудь услышишь, но то, что я думаю объ искусствѣ и его высокихъ задачахъ, я изложу въ лекціи, которую устрою въ общественномъ мѣстѣ, когда прїѣду въ городъ.

«Что религиозное чувство Лунделя весьма возросло въ

эти «дорогіе» дни, ты легко можешь себѣ представить. Онъ относительно счастливъ въ своемъ колоссальномъ самообманѣ и не знаетъ того, что онъ мошенникъ.

«Мнѣ кажется, что я сказалъ все; остальное расскажу когда встрѣтимся. До тѣхъ поръ прощай, всего хорошаго!

Твой истинный другъ

Олэ Монтанусъ».

«NB. Я забылъ тебѣ рассказать развязку археологическаго изслѣдованія. Оно закончилось тѣмъ, что старичокъ изъ богодѣльни Янъ, помнящій съ дѣтства, какъ выглядели фигуры, рассказалъ, что ихъ было три: Вѣра, Любовь и Надежда; и, такъ какъ Любовь была самой большой (Матѣ. 12 и 9), то она стояла надъ алтаремъ; но въ десятихъ годахъ молнія разбила ее и Надежду. Фигуры же слѣлалъ его отецъ, корабельный столяръ въ военномъ порту въ Карлскронѣ.

Т. О.»

Прочитавъ это письмо, Фалькъ сѣлъ за письменный столъ, взглянулъ, есть ли керосинъ въ лампѣ, закурилъ трубку, вынулъ рукопись изъ ящика стола и началъ писать.

IX.

Сентябрьскій день бѣжалъ надъ столицей, сѣрый, теплый и спокойный, когда Фалькъ взбирался на горы на его южномъ концѣ. На Екатерининскомъ кладбищѣ онъ присѣлъ отдохнуть; онъ испытывалъ пріятное чувство, глядя на клены, которые покраснѣли отъ мороза послѣдней ночи, и привѣтствовали осень съ ея тьмой, сѣрыми облаками и падающей листвою.

Не было совсѣмъ вѣтра, казалось, что природа отдыхаетъ, утомленная недолгимъ лѣтнимъ трудомъ. Все отдыхало; и люди лежали здѣсь, подъ газономъ, тихо и ласково, какъ будто никогда не жили; и онъ желалъ, чтобы здѣсь внизу покоились всѣ люди и онъ самъ.

Часы пробили наверху, на башнѣ, и онъ всталъ и пошелъ дальше; сошелъ внизъ по Горденгатанъ, загнулъ въ Новую улицу, у которой былъ такой видъ, какъ будто сто лѣтъ она была новой, пересѣкъ Новый рынокъ и очутился на Бѣлыхъ горахъ.

Передъ пестрымъ домомъ онъ остановился и сталъ слушать, что говорятъ дѣти, которыя, по обыкновенію, находились на скалѣ и говорили громко и безъ удержу, точа маленькіе обломки кирпича для игры въ «припрыжку».

— Что ты ѣла за обѣдомъ, Иоанна?

— Тебѣ какое дѣло?

— Какое дѣло, говоришь ты? Смотри, я тебя вздую!

— Ты? Послушать только! Съ твоими глазами-то?

— Послушай!.. Или не помнишь, какъ я тебя вчера столкнулъ въ озеро!

— Ахъ, заткни глотку!

Иоанна получаетъ взбучку, и безпорядокъ прекращается.

— Не крада ли ты салата на кладбищѣ, Иоанна? А?

— Это тебѣ навралъ хромой Олэ?

— И не пришла ли тогда полиція?

— Ты думаешь, я боюсь полиціи? Вотъ еще!

— А если не боишься, такъ пойдемъ сегодня вечеромъ за грушами.

— Тамъ злыя собаки за заборомъ.

— Что — тамъ! Сынъ трубчиста здорово прыгаетъ черезъ заборъ А собакъ можно ткнуть разокъ!

Точка кирпичиковъ прерывается служанкой, которая бросаетъ сосновыя вѣтки на поросшую травой мостовую.

— Какого чорта нынче хоронять?

— Ахъ, у этого управляющаго старуха опять родила!

— Вотъ упрямый сатана-то, этотъ управляющій, а?

Вмѣсто отвѣта другой засвистѣлъ какую-то незнакомую мелодію, которая свистѣлась какъ-то совсѣмъ по-особенному.

— Мы вздуемъ его шенять, когда они вернутся изъ школы. А старуха его распухла, ужъ повѣрь мнѣ. Эта чертовка однажды ночью выгнала насъ въ глубокой снѣгъ, когда мы не заплатили имъ за квартиру, и намъ пришлось ночевать въ сараѣ.

Разговоръ прекратился, потому что послѣднее сообщеніе не произвело никакого впечатлѣнія на слушателя.

Послѣ этой встрѣчи съ уличными ребятами Фалькъ безъ особенно пріятныхъ чувствъ вошелъ въ домъ. У двери его встрѣтилъ Струвэ, изобразившій на лицѣ печаль и теперь взявшій Фалька за руку, какъ бы собираясь довѣрить ему что-то; ему надо было сдѣлать что-нибудь — и онъ обнялъ его.

Фалькъ очутился въ большой комнатѣ со столомъ, буфетомъ, шестью стульями и гробомъ. Окна были завѣшаны бѣлыми простынями; сквозь нихъ пробивался дневной свѣтъ и спорилъ съ краснымъ отблескомъ двухъ стеариновыхъ свѣчей; на столѣ стоялъ подносъ съ зелеными бокалами и миска съ георгинами, левкоями и астрами.

Струвэ взялъ Фалька за руку и подвелъ его къ гробу, гдѣ лежалъ безымянный младенецъ, положенный на опилки, покрытый тюлемъ и усыпанный цвѣтами фуксіи.

— Здѣсь, — сказалъ онъ, — здѣсь!

Фалькъ не испыталъ ничего, кромѣ того, что обычно

испытываютъ въ присутствіи покойника, и поэтому не могъ найти подходящихъ словъ и ограничился тѣмъ, что пожалъ отцу руку, на что тотъ сказалъ: «Благодарю! Благодарю», и прошелъ въ сосѣдную комнату.

Фалькъ остался одинъ; сперва онъ услышалъ оживленное прешептываніе за дверью, за которой исчезъ Струвэ; потомъ настала тишина; но потомъ изъ другого конца комнаты сквозь тонкую досчатую перегородку донеслось бормотаніе; онъ лишь отчасти разбиралъ слова, но голоса показались ему знакомыми. Сперва послышался рѣзкій дискантъ, очень быстро говорившій длинныя фразы:

— Бабебибобубибебо — Бабебибобубибебо — Бабебибобубебо.

На это отвѣчалъ гнѣвный мужской голосъ подъ аккомпанементъ рубанка: «Хвитчо-хитчо, хвитчъ-хвитчъ, хвитчъ-хвитчъ».

А потомъ протяжное, приближающееся: «Мумъ-мумъ-мумъ-мумъ. Мумъ-мумъ-мумъ-мумъ». Послѣ чего рубанокъ опять начиналъ выплевывать и чихать свое «хвитъ-хвитъ». И потомъ бурей: «Бабили-бебили-бибили-бобели-бубили-бибили-бебили-бе!»

Фальку казалось, что онъ понимаетъ, о чемъ идетъ споръ, и по нѣкоторымъ отгѣнкамъ онъ понялъ, что маленькій покойникъ привлеченъ къ дѣлу.

А потомъ опять начался оживленный шопотъ за дверью Струвэ, прерванный рыданьемъ; наконецъ, открылась дверь, и Струвэ вышелъ, ведя подъ руку прачку, одѣтую въ черное, съ красными глазами. Струвэ представилъ ее съ знаніемъ собственнаго достоинства, свойственнаго отцу семейства:

— Моя жена; господинъ Фалькъ, мой старый другъ!
Фалькъ пожалъ руку, жесткую, какъ валекъ, и былъ

получилъ въ отвѣтъ улыбку, кислую, какъ пикули. Онъ постарался на скорую руку выточить фразу, въ которой встрѣчалось «сударыня» и «горе»; это ему относительно удалось, за что Струвэ наградила его объятіемъ.

Госпожа Струвэ, хотѣвшая принять участіе въ разговорѣ, стала чистить спину мужа и сказала:

— Ужасно, какъ ты всегда измажешься, Христіанъ! Всегда у тебя спина въ пыли. Не находите ли вы, господинъ Фалькъ, что мужъ мой выглядитъ, какъ поросенокъ?

Этотъ любезный вопросъ Фалькъ могъ оставить безъ отвѣта, потому что за спиной матери теперь показались двѣ рыжихъ головы и оскалили зубы на гостя. Мать взяла ихъ нѣжно за волосы и сказала:

— Видали ли вы такихъ уродливыхъ мальчишекъ, господинъ Фалькъ? Не правда ли, они похожи на лисятъ?

Это такъ совпадало съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, что Фалькъ почувствовалъ живѣйшую необходимость отрицать этотъ фактъ.

Открылась дверь изъ сѣней, и вошли два господина. Одинъ былъ широкоплечій человекъ лѣтъ тридцати, съ четырехугольной головой, передняя сторона которой должна была изображать лицо; кожа имѣла видъ полусгнившей свай, въ которой черви прорыли свои лабиринты; ротъ былъ широкій и всегда нѣсколько открытый, при чемъ всегда виднѣлись четыре хорошо отточенныхъ клыка; когда онъ улыбался, лицо его расщеплялось на двѣ части, и можно было видѣть до четвертаго коренного зуба; ни единого волоса не росло на бесплодной почвѣ; носъ былъ такъ плохо придѣланъ, что можно было видѣть довольно глубоко внутрь; на верхней части черепа росло что-то, напоминавшее кокосовую цыновку.

Струвэ, обладавшій способностью титуловать окружаю-

шихъ, представилъ кандидата Борга въ качествѣ доктора Борга. Тотъ не изъявилъ никакихъ знаковъ удовольствія или неудовольствія, протянулъ рукавъ своего пальто своему спутнику, который тотчасъ же стянулъ съ него пальто и повѣсилъ его на петлю входной двери, при чемъ госпожа Струвѣ замѣтила, что этотъ старый домъ такъ плохъ, что въ немъ нѣтъ даже вѣшалки.

Снимавшій пальто былъ представленъ въ качествѣ господина Леви. Это былъ длинный юноша; казалось, что черепъ его образовался путемъ развитія носовыхъ костей въ обратную сторону, а туловище, достигавше до колѣнныхъ чашекъ, казалось, было вытянуто изъ головы щипцами, какъ тянутъ стальную проволоку; плечи спускались, какъ желоба съ крыши, боковъ не было и слѣда, ноги были стоптаны, какъ старая обувь, и стремились врозь, какъ у рабочаго, носившаго большія тяжести или простоявшаго большую часть своей жизни, — словомъ это былъ во всемъ типъ раба.

Кандидатъ остановился въ дверяхъ; онъ снялъ перчатки, поставилъ палку, высморкался, опять спряталъ платокъ, не обращая никакого вниманія на неоднократныя попытки Струвѣ представить его. Ему казалось, что онъ еще въ снѣгахъ; но теперь онъ шаркнулъ ногой, взялъ свою шляпу и шагнулъ въ калитку.

— Добрый день, Женни! Какъ дѣла? — сказалъ онъ и схватилъ руку госпожи Струвѣ съ важностью, какъ будто, дѣло шло объ ея жизни. Потомъ онъ незамѣтно кивнулъ Фальку съ гримасой собаки, увидавшей на своемъ дворѣ чужую собаку.

Этотъ господинъ Леви слѣдовалъ по пятамъ за кандидатомъ, ловилъ его улыбку, аплодировалъ его остромамъ и преклонялся передъ его превосходствомъ.

Госпожа Струвэ откупорила бутылку рейнвейна и подала ее. Струвэ взялъ свой стаканъ и привѣтствовалъ гостей. Кандидатъ разверзъ свой зѣвъ, вылилъ содержимое стакана на свой языкъ, свернувшійся желобомъ, оскалился, какъ будто ему приходилось принимать лѣкарство, и глотнулъ.

— Вино очень кислое и плохое, — сказала госпожа Струвэ, — можетъ быть, вы хотите стаканъ грогу, Генрикъ?

— Да, вино очень плохое, — согласился кандидатъ и получилъ нераздѣльное сочувствіе Леви.

Подали пуншъ. Лицо Борга просвѣтлѣло; онъ оглянулся въ поискахъ стула; тотчасъ же Леви подаль ему стулъ.

Общество усѣлось вокругъ стола. Левкой пахли сильно, и ихъ запахъ мѣшался съ запахомъ вина; свѣчи отражались въ стаканахъ; разговоръ оживился, и вскорѣ столбъ дыма поднялся съ мѣста кандидата. Госпожа Струвэ кинула безпокойный взглядъ къ окошку, гдѣ лежалъ и спалъ младенецъ; но никто не видѣлъ этого взгляда.

Тутъ раздался стукъ экипажа съ улицы. Всѣ поднялись, кромѣ доктора. Струвэ кашлянулъ и сказалъ тихимъ голосомъ, какъ бы собираясь сказать что-то непріятное:

— Не пора ли ѣхать?

Жена его подошла къ гробику, склонилась надъ нимъ и зарыдала; когда она поднялась, она увидѣла мужа съ крышкой и заплакала еще громче.

— Ну, ну, успокойся, — сказалъ Струвэ и поспѣшилъ закрыть крышку, какъ бы желая скрыть что-то. Боргъ вылилъ стаканъ пунша въ свой желобъ и имѣлъ видъ зѣвающей лошади. Господинъ Леви помогалъ Струвэ привинтить крышку, что онъ дѣлалъ съ такой ловкостью, какъ будто упаковывалъ тюкъ товара

Простились съ госпожей Струвэ, надѣли пальто и пошли; хозяйка попросила ихъ быть осторожными на лѣстницѣ: она такая старая и плохая.

Струвэ шелъ впереди и несъ гробъ; когда онъ вышелъ на улицу и увидѣлъ небольшую кучку народа, онъ почувствовалъ себя почтеннымъ и попалъ въ когти діавола высокомѣрія; онъ обругалъ кучера за то, что тотъ не открылъ дверцу экипажа и не спустилъ подножку; чтобы увеличить эффектъ, онъ говорилъ на «ты» съ этимъ большимъ человѣкомъ, одѣтымъ въ ливрею, который съ шляпой въ рукахъ поспѣшилъ исполнить приказаніе.

За ними захлопнулась дверца экипажа, и слѣдующій разговоръ произошелъ между собравшимися зрителями, которые теперь чувствовали себя спокойнѣе.

— Послушай-ка! Какой распухшій гробъ! Видѣлъ ты его?

— Конечно! А видѣлъ ты, что на крышкѣ не было никакого имени?

— Неужели не было?

— Нѣтъ, конечно, она была совсѣмъ гладкая.

— Что же это обозначаетъ?

— Развѣ ты не знаешь? Это былъ незаконнорожденный.

Щелкнулъ хлыстъ, и экипажъ покатился. Фалькъ кинулъ взглядъ въ окно; тамъ стояла женщина, уже снявшая нѣсколько простыней, и задувала стеариновые свѣчи, а рядомъ съ ней стояли лисята, держа по стакану вина.

Экипажъ тряско катился внизъ и вверхъ по улицамъ; никто не пытался говорить. У Струвэ, сидѣвшаго съ гробикомъ на колѣняхъ, былъ неловкій видъ; и было еще такъ свѣтло, что онъ охотнѣй всего сдѣлался бы невидимымъ.

Путь до новаго кладбища былъ дологъ, но и онъ кончился, и, наконецъ, они прибыли.

Передъ воротами стояла длинная цѣпь экипажей. Покупали вѣнки, и могильщикъ взялъ гробъ. Послѣ продолжительной прогулки процессія остановилась на сѣверной сторонѣ кладбища.

Могильщикъ поставилъ гробъ.

Докторъ командовалъ:

— Держать! Опускать! Оставить!

И безымяннаго младенца опустили на три фута подъ землю.

Наступила пауза; всѣ опустили головы и глядѣли въ могилу, какъ бы ожидая чего-нибудь.

Тяжелое сѣрое небо нависало надъ большой, пустынной песчаной поляной, на которой бѣлые столбы стояли, какъ тѣни маленькихъ дѣтей, заблудившихся здѣсь. Опущка лѣса черной чертой рисовалась какъ задній планъ тѣневой картины.

Тогда раздался голосъ, сперва дрожащій, но вскорѣ ясный и отчетливый, какъ бы питаемый убѣжденіемъ. Леви всталъ на край могилы и говорилъ съ обнаженной головой:

— Хранимый Всевышнимъ, покойся въ тѣни его всемогущества. Вѣчному говорю я: Ты мое убѣжище вѣрное; Ты моя крѣпость и оплотъ вѣрный; Богъ, которому вѣрю себя. Кадишь!—Господи, Всемогущій Богъ, да будетъ Имя Твое благословляемо во всемъ мірѣ. Ты однажды обновишь міръ, Ты, имѣющій воскресить мертвыхъ и призвать ихъ къ новой жизни. Ты вѣчный міръ устроишь въ небесахъ Твоихъ; даруй и намъ и всему Израилю миръ Твой! Аминь.

— Спи покойно, дитя, не получившее имени! Онъ,

знающій своихъ, назоветъ тебя по имени; спи спокойно въ осеннюю ночь, злые духи не нарушатъ твоего покоя, если ты и не получило святой воды, радуйся, что тебѣ не придется бороться въ жизненной борьбѣ; отъ радостей же жизненныхъ ты можешь отказаться. Ты счастливо, что могло уйти раньше, чѣмъ познало міръ; чистой и непорочной покинула душа твоя свою нѣжную оболочку, поэтому мы не будемъ бросать тебѣ вслѣдъ землю, ибо земля есть преходящее; мы украсимъ тебя цвѣтами, ибо какъ цвѣтокъ подымается изъ земли, такъ душа твоя подымется изъ темной могилы; ибо отъ Духа ты взятъ и Духомъ будешь!

Онъ уронилъ вѣнокъ и надѣлъ шляпу. Струвэ подошелъ къ нему, взявъ его руку и пожалъ ее съ жаромъ; при этомъ слезы выступили у него на глазахъ, и ему пришлось просить у Леви носовой платокъ. Докторъ, бросившій свой вѣнокъ въ могилу, пошелъ, и остальные последовали за нимъ.

Фалькъ же остановился, задумавшись, надъ могилой и глядѣлъ въ глубину; онъ видѣлъ сперва только темный четырехугольникъ; но понемногу выступило свѣтлое пятно, которое все расло и приняло опредѣленную форму; кругъ, блестящій, какъ зеркало,—это была безымянная дощечка гробика, свѣтившаяся въ глубинѣ, отражая свѣтъ неба. Онъ уронилъ свой вѣнокъ; слабый, глухой звукъ, и свѣтъ погасъ. Тогда онъ повернулся и последовалъ за другими.

У кареты стали обсуждать, куда ѣхать; Боргъ быстро рѣшилъ и скомандовалъ:

— Ресторанъ Норрбака!

Черезъ нѣсколько минутъ общество очутилось въ большомъ залѣ, въ первомъ этажѣ; ихъ встрѣтила дѣвушка, которую Боргъ привѣтствовалъ поцѣлуемъ и объятіями;

потомъ онъ бросилъ шляпу подъ диванъ, приказалъ Леви снять съ себя пальто и заказалъ порцію пунша, двадцать пять сигаръ, полъ литра коньяку и голову сахару. Наконецъ, онъ снялъ и сюртукъ и въ одномъ жилетѣ сѣлъ на единственный диванъ въ залѣ.

Лицо Струвэ начинало сіять, когда онъ увидѣлъ приготовления къ попойкѣ и онъ потребовалъ музыки. Леви сѣлъ за рояль и отбарабанилъ вальсъ, въ то время какъ Струвэ обхватилъ Фалька и сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ подъ легкій разговоръ о жизни вообще, о горѣ и радости, о непостоянствѣ человѣческой природы и тому подобномъ, изъ чего онъ выводилъ, что грѣшно горевать о томъ, что боги—онъ сказалъ боги, чтобы Фалькъ не считалъ его пѣтистомъ за то, что онъ сказалъ «грѣшно»—что боги дали и отняли.

Этотъ разговоръ оказался интродукціей къ вальсу, который онъ вскорѣ затѣмъ протанцовалъ съ дѣвушкой, внесшей пуншъ.

Боргъ наполнилъ стаканы, подозвалъ Леви, кивнулъ на стаканъ и сказалъ:

— Выпьемъ-ка теперь на брудершафтъ, тогда мы потомъ можемъ быть грубѣе другъ съ другомъ!

Леви выразилъ свою большую радость по поводу этой чести.

— На здоровье, Исаакъ, — сказалъ Боргъ.

— Я не Исаакъ...

— Ты думаешь, что меня интересуетъ, какъ тебя зовутъ? Я зову тебя Исаакомъ, и ты для меня Исаакъ!

— Ты веселый чортъ...

— Чортъ! Тебѣ не стыдно, жиденокъ?

— Вѣдь мы же хотѣли быть грубыми...

— Мы? Я хотѣлъ быть съ тобой грубымъ!

Струвѣ показалось, что онъ долженъ вмѣшаться.

— Спасибо, братъ Леви, за твои хорошія слова. Что это была бы за молитва?

— Это наша погребальная молитва.

— Это было очень хорошо!

— Это были только слова, — вмѣшался Боргъ. — Не вѣрная собака молилась только за Израиль; значить, это не относилось къ покойнику!

— Всѣхъ некрещеныхъ причисляютъ къ Израилю, — отвѣтилъ Леви.

— А потомъ ты напалъ на крещеніе, — продолжалъ Боргъ. — Я не потерплю, чтобы кто-нибудь нападалъ на крещеніе — мы это сами сдѣлаемъ! Потомъ ты коснулся ученія о возмездіи. Оставь это; я не терплю, когда другой касается нашей религіи.

— Боргъ правъ, — сказалъ Струвѣ, — если мы согласимся не касаться крещенія и иныхъ священныхъ таинствъ, я попрошу, чтобы всѣ разговоры этого легкомысленнаго рода на сегодняшній вечеръ были исключены изъ нашей среды.

— Ты просишь? — закричалъ Боргъ. — Чего ты просишь? Ну, я прошу тебя, если ты будешь молчать. Играй, Исаакъ! Музыки! Почему молчитъ музыка на празднествѣ Цезаря? Музыки! Но не подноси мнѣ ничего стараго! Чтобы было новое!

Леви сѣлъ за рояль и сыгралъ увертюру изъ «Нѣмой».

— Такъ, теперь поболтаемъ, — сказалъ Боргъ. — У васъ такой печальный видъ, господинъ Фалькъ; идите сюда, выпьемте.

Фалькъ, испытывавшій въ присутствіи Борга нѣкоторую неловкость, принялъ предложеніе очень сдержанно.

Но разговора не завязалось, опасались чего-то въ родѣ столкновенія.

Струвэ бродилъ кругомъ, какъ моль, ища развлеченія, не находя его, онъ постоянно возвращался къ столу съ пуншемъ; онъ иногда дѣлалъ нѣсколько танцевальныхъ па, воображая, что весело и празднично; но этого не было на самомъ дѣлѣ.

Леви ходилъ взадъ и впередъ между роялю и пуншемъ; онъ сдѣлалъ попытку спѣть веселую пѣсню, но она была такъ стара, что никто не хотѣлъ ея слушать.

Боргъ оралъ, чтобы притти въ «настроеніе», какъ онъ говорилъ, но становился все тише и почти робѣлъ.

Фалькъ ходилъ взадъ и впередъ, молчаливо и злобѣще, какъ грозовая туча.

По приказу Борга внесли обильный ужинъ «сексу». Въ угрожающемъ молчаніи усѣлись за столъ. Струвэ и Боргъ чрезмѣрно прикладывались къ водкѣ. Лицо Борга походило на оплеванную печную заслонку; красныя пятна выступали на немъ, и глаза стали желтыми. Струвэ же походилъ на покрытый лакомъ эдамскій сыръ, равномерно красный и жирный. Фалькъ и Леви выглядѣли въ ихъ обществѣ, какъ дѣти, въ послѣдній разъ ужинающіе у людоедвъ.

— Передай пасквилянту лососину, — скомандовалъ Боргъ Леви, чтобы прервать монотонное молчаніе.

Леви подаль блюдо Струвэ. Тотъ поднялъ очки и забрызгалъ ядомъ.

— Стыдись, жидъ! — завопилъ онъ и бросилъ Леви салфетку въ лицо.

Боргъ положилъ свою тяжелую руку на голый черепъ Струвэ и сказалъ:

— Молчи, сволочь!

— Въ какое общество я попалъ! Я долженъ сказать вамъ, милостивые государи, что я слишкомъ старъ, чтобы позволить обращаться съ собой, какъ съ глупымъ мальчишкой, — сказалъ Струвэ дрожащимъ голосомъ, забывая свое обычное добродушіе.

Боргъ, который теперь весь посинѣлъ, всталъ изъ-за стола и сказалъ:

— Тыфу, чортъ! Вотъ такъ общество! Заплати, Исаакъ, я тебѣ послѣ отдамъ! Я ухожи!

Онъ надѣлъ пальто, шляпу, наполнилъ большой стаканъ пуншемъ, налилъ коньяку до краевъ, осушилъ его залпомъ, затушилъ мимоходомъ нѣсколько свѣчей, разбилъ нѣсколько стакановъ, засунулъ горсть сигаръ и коробку спичекъ въ карманъ и вышелъ, качаясь.

— Жаль, что такой геній такъ пьетъ! — сказалъ Леви благоговѣнно.

Черезъ минуту Боргъ опять былъ въ комнатѣ, подошелъ къ столу, взялъ канделябръ, закурилъ сигару, пустилъ Струвэ дымъ въ лицо, высунулъ языкъ и показалъ коренные зубы, потомъ потушилъ свѣчи и опять пошелъ.

— Что это за отбросъ, съ которымъ ты меня свелъ? — спросилъ Фалькъ строго.

— О, дорогой мой, онъ сейчасъ пьянъ, но онъ сынъ штабного врача и профессора...

— Я не спрашивалъ, кто его отецъ, а кто онъ самъ, и ты отвѣчай мнѣ, почему ты позволяешь такой собакѣ издѣваться надъ собой! Можешь ты теперь отвѣтить на вопросъ, почему онъ знакомъ съ тобой?

— Прошу оставить глупости, — сказалъ Струвэ важно.

— Изволь, оставляю тебѣ всѣ глупости міра, держи ихъ при себѣ!

— Что съ тобой, братъ Леви? — сказала Струвэ участливо. — У тебя такой мрачный видъ.

— Жаль, что такой геній, какъ Боргъ, такъ страшно пьеть, — сказалъ Леви.

— Какъ и въ чемъ проявляется его геній? — спросилъ Фалькъ.

— Можно быть геніемъ и не писать стихи, — сказалъ Струвэ ядовито.

— Я думаю, писаніе стиховъ не предполагаетъ геніальности, но еще меньше — скотскаго поведенія! — сказалъ Фалькъ.

— Не заплатить ли намъ теперь? — сказала Струвэ и устремился къ выходу.

Фалькъ и Леви заплатили. Когда они вышли, шелъ дождь, и небо было черно; только газовое зарево города стояло, какъ красное облако надъ югомъ. Наемный экипажъ уѣхалъ домой; имъ оставалось только поднять воротники и итти.

Они дошли только до кегельбана, когда услышали страшный крикъ.

— Проклятіе! — звучало надъ ихъ головами; и теперь они увидѣли Борга, качающагося на одной изъ верхнихъ вѣтокъ липы. Вѣтвь согнулась почти до земли, затѣмъ поднялась и описала огромную дугу.

— О, это поразительно! — воскликнулъ Леви. — Это невысказано!

— Какой безумецъ, — улыбнулся Струвэ, гордясь своимъ протеже.

— Сюда, Исаакъ, — ревъль Боргъ наверху, въ воздухѣ, — сюда, жиденокъ, я хочу занять у тебя немного денегъ!

— Сколько ты хочешь? — спросил Леви и замахалъ бумажникомъ.

— Я никогда не занимаю меньше пятидесяти.

Въ слѣдующее мгновеніе Боргъ соскочилъ съ дерева и засунулъ бумажку въ карманъ.

Потомъ онъ снялъ пальто.

— Надѣнь его опять! — сказала Струвэ повелительно.

— Что ты говоришь? Мнѣ надѣть его опять? Какъ? Ты приказываешь? Можетъ быть, ты хочешь драться со мной?

При этомъ онъ хлопнулъ шляпой о стволъ дерева такъ, что она разорвалась, снялъ фракъ и жилетъ и предоставилъ дождю лить на рубашку.

— Подходи, сволочь, будемъ драться!

Онъ обхватилъ Струвэ и отступилъ съ нимъ такъ, что оба полетѣли въ ровъ.

Фалькъ поспѣшилъ отправиться въ городъ. Долго еще слышалъ онъ позади себя взрывы смѣха и крики Леви: «Это божественно, это поразительно!» И крики Борга: «Предатель! Предатель!»

XX.

Часы въ ресторанѣ при ратушѣ въ Х—кепингѣ прогремѣли семь разъ въ одинъ октябрьскій вечеръ, когда въ дверь вошелъ директоръ городского театра. Онъ выглядѣлъ сіяющимъ, какъ можетъ сіять жаба, плотно поѣвшая; онъ былъ радъ, но мускулы его лица не привыкли къ такимъ движеніямъ, они стягивали кожу въ безпокойныя складки и еще болѣе уродовали его ужасную внѣшность. Онъ милостиво поздоровался съ маленькимъ изсох-

шимъ хозяиномъ, стоявшимъ за стойкой и считавшимъ посѣтителей.

— *Wie steht's?* — крикнулъ директоръ по-нѣмецки, — говорить онъ давно уже отвыкъ.

— *Schönen Dank!* — отвѣтилъ хозяинъ тоже по-нѣмецки.

Такъ какъ запасъ нѣмецкаго у обоихъ вышелъ, то они перешли на шведскій.

— Ну, что скажете о маломъ, о Густавѣ? Развѣ онъ не былъ прекрасенъ въ роли дона Діега? А? Я думаю, что могу создавать актеровъ? Что?

— Да, признаться! Этотъ малый! Но дѣло обстоитъ такъ, какъ господинъ директоръ изволилъ говорить: легче сдѣлать талантъ изъ человѣка, который не испортилъ себя грубыми книжками...

— Книги — порча! Это я знаю прекрасно! Впрочемъ, знаете, хозяинъ, что написано въ книгахъ? Я-то знаю! Вы увидите, какъ будетъ вести себя молодой Ренгельмъ, когда будетъ играть Гораціо! Я обѣщаль ему эту роль, потому что онъ очень выпрашиваль; но я сказалъ ему также, что не стану ему помогать; я не хочу быть отвѣтственнымъ за его фіаско. Я сказалъ ему также, что далъ ему роль, чтобы показать ему, какъ тяжело играть тому, кому природа не дала этого дара. О, я проучу его такъ, что онъ въ другой разъ не запроситъ роли. Я сдѣлаю это! Но будемъ говорить не о томъ! Есть у васъ двѣ свободныхъ комнаты, хозяинъ?

— Обѣ маленькихъ?

— Именно.

— Всегда въ распоряженіи господина директора!

— Ужинъ для двоихъ, но тонкій. Въ восемь. Служить будете сами, хозяинъ!

Онъ не кричалъ, когда говорилъ послѣднія слова, и хозяинъ поклонился въ знакъ того, что онъ понялъ.

Въ это мгновеніе вошелъ Фаландеръ. Не кланяясь съ директоромъ, онъ сѣлъ на свое старое мѣсто. Директоръ тотчасъ же поднялся и, проходя мимо стойки, сказалъ таинственно: «Въ восемь». И ушелъ.

Хозяинъ поставилъ передъ Фаландеромъ бутылку абсента съ принадлежностями. Такъ какъ тотъ не показывалъ виду, что желаетъ начать разговоръ, онъ взялъ салфетку и сталъ вытирать столъ; когда и это не помогло, онъ наполнилъ спичечницу и сказалъ:

— Ужинъ сегодня вечеромъ; маленькія комнаты. Гм!..

— О комъ и о чемъ вы говорите?

— О томъ, кто только что ушелъ!

— Ахъ, вотъ кто; это необычно для него при его скупости. Значитъ, только для одной персоны?

— Нѣтъ, для двухъ,—сказалъ хозяинъ и подмигнулъ.— Въ маленькихъ комнатахъ. Гм!..

Фаландеръ наострилъ уши, но устыдился, что слушаетъ сплетню, и оставилъ тему; но не того хотѣлъ хозяинъ.

— Хотѣлъ бы я знать, кто это! Жена его больна и..

— Какое намъ дѣло до того, съ кѣмъ ужинаетъ чудовище. Есть ли у васъ вечерняя газета?

Хозяину не пришлось отвѣчать, ибо вошелъ Ренгельмъ, сіяя какъ юноша, видящій проблескъ свѣта на своемъ пути.

— Брось абсентъ на сегодняшній вечеръ,—сказалъ онъ,—и будь моимъ гостемъ. Я такъ радъ, что готовъ плакать.

— Что случилось?—спросилъ Фаландеръ испуганно,—ужъ не получилъ ли ты роль?

— Да, да, пессимистъ, я получилъ роль Горацио...

Фаландеръ насупился.

— А она Офелія! — прибавилъ онъ.

— Откуда ты это знаешь?

— Я угадываю это!

— Твои догадки! Это было не трудно угадать! Развѣ она этого не заслуживаетъ! Развѣ во всемъ театрѣ есть кто-нибудь лучше ея?

— Нѣтъ, я согласенъ съ этимъ! Ну-съ, нравится ли тебѣ Густавъ?

— О, онъ великолѣпенъ!

— Удивительно, какъ различны могутъ быть взгляды!

— А каковъ же твой?

— Я нахожу, что онъ самый большой негодяй изъ всѣхъ придворныхъ; онъ на все говоритъ: «Да, принцъ! Да, мой добрый принцъ!» — Если онъ его другъ, то онъ хоть разъ долженъ сказать «нѣтъ» и не всегда соглашаться съ нимъ, какъ льстецъ.

— Ты хочешь и это уничтожить въ моихъ глазахъ?

— Я хочу все уничтожить въ твоихъ глазахъ! Какъ можешь ты стремиться къ вѣчному, пока ты думаешь, что все то жалкое, что создали люди, — велико и прекрасно; если ты видишь во всемъ здѣсь совершенство, какъ можешь ты испытывать стремленіе къ истинному совершенству? Повѣрь мнѣ, пессимизмъ есть истинный идеализмъ, и пессимизмъ есть христіанское ученіе, если это можетъ успокоить твою совѣсть, потому что христіанство учитъ о горести міра, отъ которой мы освобождаемся черезъ смерть.

— Не можешь ли ты оставить мнѣ вѣру въ то, что міръ прекрасенъ? Не могу ли я быть благодарнымъ Тому, Кто посылаетъ намъ все прекрасное, и радоваться тому, что жизнь можетъ дать?

— Нѣтъ, нѣтъ, радуйся мой мальчикъ, радуйся, вѣрь

и надѣйся! Такъ какъ всѣ люди охотятся за однимъ и тѣмъ же—за счастьемъ, то вѣроятность того, что ты получишь его, равняется $\frac{1}{1.439.145.300}$, ибо количество людей на свѣтѣ равняется знаменателю этой дроби. Счастье, котораго ты достигъ сегодня, стоитъ ли оно мукъ и униженій этихъ мѣсяцевъ? А впрочемъ—въ чемъ твое счастье? Что ты получилъ плохую роль, въ которой ты не можешь достигнуть того, что называется счастьемъ,—я не хочу сказать, что ты провалишься. Такъ ли ты увѣренъ, что...

Ему пришлось передохнуть.

— ...что Агнеса будетъ имѣть успѣхъ въ качествѣ Офеліи. Быть можетъ, она захочетъ использовать рѣдкій случай и сдѣлаетъ изъ роли слишкомъ много, какъ это бываетъ обыкновенно. Но я раскаиваюсь, что опечалилъ тебя, и прошу тебя, какъ всегда, не вѣрить тому, что я говорю; вѣдь не извѣстно, правда ли это.

— Если бы я не зналъ тебя, я думалъ бы, что ты завидуешь мнѣ.

— Нѣтъ, мой милый, я желаю тебѣ, какъ всѣмъ людямъ, чтобы они, какъ можно скорѣе, увидѣли свои желанія исполненными; чтобы обратили свои мысли на что-нибудь лучшее; и это лучшее—смыслъ жизни.

— Это ты говоришь такъ спокойно, потому что давно добился успѣха.

— Какъ же не притти къ нему? И такъ, не добитися счастья желаемъ мы, но имѣть возможность улыбаться потомъ своимъ горячимъ усиліямъ, горячимъ, слышишь ли!

Часы пробили восемь такъ громко, что въ залѣ загудѣло. Фаландеръ поспѣшно поднялся со стула, какъ бы желая уйти, но провель рукой по лбу и сѣлъ опять.

— Агнеса сегодня опять у тетки Беаты?—спросилъ онъ равнодушнымъ тономъ.

— Откуда ты это знаешь?

— О, я могу предполагать это, разъ ты сидишь здѣсь такъ спокойно! Она хотѣла прочесть ей свою роль, такъ какъ у васъ осталось не много времени, не такъ ли?

— Да! Ты встрѣтилъ ее, что ли, сегодня, что ты и это знаешь?

— Нѣтъ, честное слово, нѣтъ! Я не могу придумать никакой другой причины для того, чтобы въ вечеръ, когда мы не играемъ, ея не было съ тобой.

— Ты сообразилъ совершенно вѣрно. Впрочемъ, она просила меня пойти и поискать общества, такъ какъ я такъ долго сидѣлъ дома. Она такъ нѣжна и заботлива, милая дѣвочка.

— Да, она нѣжна!

— Только однажды вечеромъ она заставила меня ждать напрасно, когда ее задержали у твоей тетки и она, не прислала мнѣ вѣсточки. Я думалъ, что сойду съ ума, и не могъ спать всю ночь.

— Это было 6-го іюля, не такъ ли?

— Ты пугаешь меня! Ты шпионишь?

— Зачѣмъ мнѣ это? Я знаю вѣдь вашу связь и всячески ей сочувствую. А почему я знаю, что это было во вторникъ 6-го іюля? Ты самъ вѣдь такъ часто рассказывалъ.

— Это правда.

Молчаніе длилось нѣсколько времени.

— Удивительно,—прервалъ Ренгельмъ, наконецъ, молчаніе,—какъ счастье можетъ сдѣлать человѣка меланхоличнымъ; я сегодня вечеромъ такъ тревоженъ и хотѣлъ бы лучше быть съ Агнесой. Не пойти ли намъ въ маленькія комнаты и не послать ли за ней? Она можетъ сказать, что пріѣхали гости.

— Этого она никогда не сдѣлаетъ; она не можетъ сказать неправду!

— О, это не такъ опасно! Всѣ женщины могутъ это!

Фаландеръ поглядѣлъ на Ренгельма такъ странно, что тотъ не понялъ, чего онъ хочетъ; потомъ Фаландеръ сказалъ:

— Я посмотрю сперва, свободны ли маленькія комнаты, тогда мы можемъ сдѣлать это.

— Ну, иди!

Фаландеръ остановилъ его, когда тотъ хотѣлъ пойти за нимъ, и ушелъ.

Черезъ двѣ минуты онъ вернулся. Онъ былъ совершенно блѣденъ, но спокоенъ, и сказалъ только:

— Онъ занятъ!

— Какая досада!

— Такъ давай развлекать другъ друга, какъ можемъ.

И они стали ѣсть и пить и говорить о жизни, любви и людской злобѣ; и они насытились и опьянѣли, и пошли домой и легли спать.

XXI.

Ренгельмъ проснулся на слѣдующее утро въ четыре часа оттого, что кто-то позвалъ его по имени. Онъ сѣлъ въ постели и прислушался — было тихо. Онъ поднялъ занавѣску и увидѣлъ сѣрое осеннее утро, дождливое и вѣтряное. Онъ опять легъ и пытался заснуть, но тщетно. Слышались такіе странные голоса въ вѣтрѣ; они жаловались, и предостерегали, и плакали, и стонали. Онъ попытался думать о чемъ-нибудь пріятномъ: о своемъ счастьѣ. Онъ взялъ свою роль и началъ учить; но выходило все только: «Да, принцъ!» И онъ вспомнилъ слова Фаландера и нашелъ, что тотъ отчасти правъ. Онъ попытался вообра-

зить себѣ, каковъ онъ будетъ въ роли Горацио на сценѣ онъ пытался представить себѣ Агнесу въ роли Офеліи и онъ увидѣлъ въ ней лицемѣрную интриганку, закидывающую на Гамлета сѣти по совѣту Полонія. Онъ попытался отогнать эту картину и вмѣсто Агнесы увидѣлъ изящную m-lle Жакетту, которая въ послѣдній разъ играла Офелію въ городскомъ театрѣ.

Тщетно старался онъ прогнать эти непріятныя мысли и картины,—онѣ преслѣдовали его какъ комары. Когда борьба утомила его, онъ заснулъ; тѣ же муки продолжались во снѣ; онъ отрывался отъ нихъ и просыпался, засыпалъ опять, и повторялась та же исторія. Къ девяти часамъ онъ проснулся съ крикомъ и соскочилъ съ кровати, какъ будто желалъ скрыться отъ преслѣдовавшихъ его злыхъ боговъ. Онъ одѣлся поспѣшно, и, когда онъ собирался обуваться, паукъ пробѣжалъ по полу. Онъ обрадовался, потому что думалъ, что паукъ обозначаетъ счастье; онъ пришелъ даже въ хорошее расположеніе духа и сказалъ себѣ, что не надо ѣсть на ночь раковъ, если хочешь хорошо спать. Онъ выпилъ кофе и выкурилъ трубку, когда постучались въ его дверь. Онъ содрогнулся, потому что онъ боялся сегодня всякаго извѣстія, не зная самъ почему; потомъ онъ вспомнилъ о паукѣ и спокойно открылъ дверь.

Это была горничная Фаландера, она попросила его притти ровно въ десять часовъ по важному дѣлу къ господину Фаландеру.

Опять его охватилъ этотъ неописуемый страхъ, который мучилъ его въ утренней дремотѣ. Онъ пытался провести какъ-нибудь часъ до десяти. Но это было невозможно. Тогда онъ одѣлся и съ бьющимся сердцемъ поспѣшилъ къ Фаландеру.

Тотъ уже приказалъ убрать свою комнату и былъ готовъ принять его. Онъ ласково, но необычайно серьезно поздоровался съ Ренгельмомъ. Тотъ засыпалъ его вопросами, но Фаландеръ отвѣтилъ, что онъ не можетъ ничего сказать до десяти часовъ. Ренгельмъ обезпокоился и захотѣлъ узнать, не неприятное ли это извѣстіе; Фаландеръ сказалъ, что ничто не можетъ быть неприятнымъ, если онъ сумѣетъ только правильно взглянуть на дѣло. И онъ объяснилъ, что многое, что кажется намъ невыносимымъ, можетъ быть легко переносимо, если его не переоцѣнивать.

Такъ провели время до десяти. Тутъ раздался тихій двукратный стукъ въ дверь, и, когда ее тотчасъ же отворили, вошла Агнеса. Не глядя на присутствующихъ, она вынула ключъ изъ наружной скважины и заперла дверь изнутри. Ея смущеніе, когда она потомъ обернулась и увидѣла двухъ, вмѣсто одного, длилось только одну секунду. Она сбросила ватерпруфъ и поспѣшила навстрѣчу Ренгельму; онъ обнялъ ее и горячо прижалъ къ груди, какъ будто не видѣлъ цѣлый годъ.

— Ты долго отсутствовала, Агнеса!

— Долго? Что ты этимъ хочешь сказать?

— Мнѣ кажется, что я не видѣлъ тебя цѣлую вѣчность. У тебя сегодня такой хорошей видъ! Хорошо ли ты спала?

— Ты находишь, что я выгляжу лучше обыкновеннаго?

— Да, я нахожу это; ты такая разрумившаяся, — на щекахъ твоихъ нѣтъ ямочекъ! Что жъ ты не здороваешься съ Фаландеромъ?

Фаландеръ стоялъ спокойно и слушалъ разговоръ, но лицо его было бѣло какъ гипсъ, и казалось, что онъ обдумываетъ что-то.

— Какой у тебя утомленный видъ, — сказала Агнеса

и, освободившись изъ рукъ Ренгельма, пробѣжала черезъ комнату съ мягкими движеніями молодой кошки.

Фаландеръ не отвѣчалъ. Агнеса взглянула на него пристальнѣе и вдругъ поняла его мысли; лицо ея измѣнилось какъ водяная поверхность подъ порывомъ вѣтра, но только на одну секунду; въ слѣдующую она уже была опять спокойна, и, бросивъ взглядъ на Ренгельма, она выяснила себѣ положеніе и приготовилась ко всему.

— Можно узнать, что это за важныя дѣла собрали насъ здѣсь такъ рано? — сказала она бодро и хлопнула Фаландера по плечу.

— Да, — началъ тотъ такъ твердо и рѣшительно, что Агнеса поблѣднѣла, но въ то же мгновеніе откинулъ голову, какъ будто хотѣлъ перевести мысли на другую колею. — Сегодня день моего рожденія, и я приглашаю васъ на завтракъ!

Агнеса, видѣвшая мчавшійся прямо на нее поѣздъ, почувствовала себя спасенной, разразилась звонкимъ смѣхомъ и обняла Фаландера.

— Но такъ какъ я заказалъ завтракъ къ одиннадцати, то до тѣхъ поръ намъ придется подождать. Садитесь пожалуйста!

Стало тихо, настала жуткая тишина.

— Ангелъ проходитъ по комнатѣ, — сказала Агнеса.

— Это ты, — сказалъ Ренгельмъ и благоговѣйно и нѣжно поцѣловалъ ея руку.

У Фаландера былъ видъ человѣка, выброшеннаго изъ сѣдла и дѣлающаго усилія опять взобраться на него.

— Я видѣлъ сегодня утромъ паука, — сказалъ Ренгельмъ. — Это обозначаетъ счастье.

— *Araignée matin: chagrin*, — сказалъ Фаландеръ. Развѣ ты этого не знаешь?

— Что это значитъ? — спросила Агнеса.

— Паукъ утромъ приноситъ горе.

— Гм!..

Стало опять тихо, и дождь, порывами хлеставшій въ окна, замѣнялъ разговоръ.

— Я читалъ сегодня ночью потрясающую книгу, — говорилъ опять Фаландеръ, такъ что почти не могъ заснуть:

— Что это была за книга? — спросилъ Ренгельмъ безъ особаго любопытства, потому что все еще ощущалъ тревогу.

— Она называется «Pierre Clément» и въ ней говорится объ обыкновенной женской исторіи; но она тамъ представлена такъ живо, что производитъ впечатлѣніе жизни.

— Что такое обыкновенная женская исторія, если можно спросить, — сказала Агнеса.

— Невѣрность и измѣна, конечно!

— И этотъ Pierre Clément? — сказала Агнеса.

— Онъ, разумѣется, былъ обманутъ. Онъ былъ молодымъ художникомъ, полюбившимъ любовницу другого...

— Теперь я припоминаю, что читала этотъ романъ, — сказала Агнеса, — онъ мнѣ очень понравился. Не вышла ли она потомъ замужъ за того, кого любила дѣйствительно? Да такъ это было, и въ это время она сохранила старую привязанность. Авторъ хотѣлъ показать этимъ, что женщина можетъ любить двоюко, мужчина же только на одинъ ладъ. Это очень вѣрно, не правда ли?

— Конечно! Но тогда наступилъ день, когда ея женихъ долженъ былъ подать эскизъ на конкурсъ — словомъ — она отдалась префекту, и Pierre Clément сталъ счастливымъ и могъ жениться.

— И этимъ авторъ хочетъ сказать, что женщина можетъ пожертвовать всѣмъ для того, кого любитъ; мужчина же...

— Это самое безстыдное, что, мнѣ когда-либо приходилось слышать!— вырвалось у Фаландера.

Онъ всталъ и подошелъ къ своей шифоньеркѣ. Рѣзко открылъ дверцу и вынулъ черный ящикъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ и подалъ Агнесѣ ящикъ,—ступай домой и освободи мѣръ отъ выроodka!

— Что это значитъ?—сказала Агнеса, смѣясь и открывая ящикъ, изъ котораго она вынула шестизарядный револьверъ.—Какая красивая вещица! Не былъ ли онъ у тебя, когда ты игралъ Карла Моора? Да, конечно! Мнѣ кажется, что онъ заряженъ.

Она подняла револьверъ, прицѣлилась въ отдушину и выстрѣлила.

— Запри его!—сказала она.—Это не игрушка, друзья мои.

Ренгельмъ сидѣлъ молча. Онъ понялъ все, но не могъ произнести ни слова; и до того былъ онъ зачарованъ этой женщиной, что не могъ даже найти въ себѣ враждебнаго чувства къ ней. Онъ чувствовалъ, какъ ножъ пронзилъ его сердце, но боль еще не успѣла загорѣться.

Фаландеръ былъ выведенъ изъ самообладанія такой наглостью, и ему нужно было нѣкоторое время, чтобы притти въ себя, такъ какъ его моральная казнь не удалась и его *сoup de théâtre* разрѣшился въ неблагопріятную для него сторону.

— Не пойдешь ли мы?—сказала Агнеса и стала приводить въ порядокъ волосы передъ зеркаломъ.

Фаландеръ открылъ дверь.

— Ступай,—сказалъ онъ,—и носи съ собой мое проклятіе; ты разрушила душевный покой честнаго человѣка.

— О чемъ ты болтаешь? Закрой дверь, здѣсь не тепло!

— Такъ? Такъ надо говорить яснѣе? Гдѣ ты была вчера вечеромъ?

— Это знаетъ Гьяльмаръ, и это тебя не касается!

— Ты не была у тетки; ты ужинала съ директоромъ?

— Это неправда!

— Я видѣлъ тебя въ девять часовъ въ ресторанѣ при ратушѣ!

— Ты лжешь! Въ это время я была дома; ты можешь спросить тетину горничную, она провожала меня домой!

— Этого я не ожидалъ!

— Не кончить ли намъ этотъ разговоръ, чтобы вѣбраться, наконецъ! Не надо тебѣ ночью читать глупыя книжки, ты днемъ становишься придирчивъ. Одѣвайтесь!

Ренгельмъ схватился за голову, чтобы удостовѣриться, на мѣстѣ ли она, потому что все перевернулось для него вверхъ дномъ. Когда онъ убѣдился, что все въ порядкѣ, онъ пытался найти ясную мысль, которая помогла бы разъяснить положеніе, но не нашелъ ея.

— Гдѣ ты была 6-го іюля? — спросилъ Фаландеръ съ уничтожающимъ лицомъ судьи.

— Съ какими глупыми вопросами ты пристаешь! Какъ могу я припомнить, что было три мѣсяца тому назадъ?

— Ты была у меня, а сказала Гьяльмару, что была у тетки.

— Не слушай его, — сказала Агнеса и, ласкаясь, приблизилась къ Ренгельму, — онъ болтаетъ глупости.

Въ одно мгновеніе Ренгельмъ схватилъ ее за горло и опрокинулъ ее навзничъ въ уголь около печки, гдѣ она осталась лежать неподвижно на вязанкѣ дровъ.

Загѣмъ Ренгельмъ схватилъ шляпу, но Фаландеру при-

шлось помочь ему надѣть пальто: такъ дрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ.

— Пойдемъ,— сказалъ онъ. Плюнулъ на камни передъ печкой и пошелъ.

Фаландеръ помедлилъ мгновение, пощупалъ пульсъ Агнесы и послѣдовалъ за Ренгельмомъ, котораго догналъ внизу въ сѣняхъ.

— Я удивляюсь тебѣ,— сказалъ Фаландеръ Ренгельму.— Вѣдь дѣло было такъ ясно, что не требовало никакихъ разъясненій.

— Прошу тебя, оставь все это! Намъ осталось немного времени побыть въ обществѣ другъ друга; съ ближайшимъ поѣздомъ я уѣду домой, чтобы работать и забыть! Зайдемъ въ ресторанаъ и «оглушимся», какъ ты это называешь.

Они пришли въ ресторанаъ и взяли кабинетъ.

Вскорѣ они сидѣли за уставленнымъ столомъ.

— Я посѣдѣлъ?— спросилъ Ренгельмъ и схватился за волосы, которые были совсѣмъ влажны и слиплись на головѣ.

— Нѣтъ, мой другъ, это дѣлается не такъ скоро; и я-то еще не сѣдъ.

— Она не ушиблась?

— Нѣтъ!

— Въ этой комнатѣ это было — въ первый разъ!

Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ дивану и упалъ передъ нимъ на колѣни; положилъ голову на диванаъ и заплакалъ какъ дитя, плачущее на колѣняхъ у матери.

Фаландеръ сѣлъ рядомъ съ нимъ и взялъ его голову въ руки. Ренгельмъ почувствовалъ, какъ что-то горячее какъ искра, упало ему на шею.

— Гдѣ философія, другъ мой? Сюда ее!.. Я утопаю! Соломинку! Сюда!

— Бѣдный, бѣдный мальчиѣкъ!

— Я долженъ ее видѣть! Я долженъ попросить у нея прощенія! Я люблю ее! Несмотря ни на что! Ни на что! Не ушиблась ли она? Богъ мой! Можно ли жить и быть такимъ несчастнымъ, какъ я!

Въ три часа пополудни Ренгельмъ уѣхалъ съ поѣздомъ въ Стокгольмъ. Фаландеръ захлопнулъ за нимъ дверцу купэ.

XXII.

Осень принесла большія переменны и Селлену. Его высокій покровитель умеръ, и всѣ воспоминанія о немъ уничтожились; даже воспоминанія о хорошихъ дѣлахъ его не должны были пережить его. Что стипендію прекратили, само собой разумѣется, тѣмъ болѣе, что Селленъ не былъ изъ числа тѣхъ, кто ходитъ попрошайничать. Къ тому же онъ находилъ, что не нуждается въ поддержкѣ, послѣ того какъ ему уже протянули руку помощи; онъ видѣлъ вокругъ себя многихъ болѣе молодыхъ и болѣе нуждающихся.

Но онъ увидѣлъ, что не только солнце погасло, но что и всѣ маленькія планеты совершенно затмились; хотя онъ за лѣто и укрѣпилъ свой талантъ строгой работой, предсѣдатель заявилъ, что онъ пошелъ назадъ и что его весенній успѣхъ былъ простой удачей; профессоръ пейзажной живописи дружески объявилъ ему, что изъ него никогда ничего не выйдетъ; а академическій критикъ воспользовался случаемъ реабилитироваться и настаивалъ на своемъ первоначальномъ мнѣніи. Кромѣ того у покупающихъ картины,

т.-е. у невѣжественной кучки людей, наступила перемѣна вкуса; пейзажи должны были непременно изображать дачныя мѣста, если ихъ желали продать; но и тогда было нелегко пробиться, потому что, въ сущности, шелъ только сентиментальный жанръ и полуобнаженная кабинетная живопись.

Наступили, такимъ образомъ, тяжелыя времена для Селлена, и ему было очень тяжело, потому что онъ никакъ не могъ заставить себя работать не по своему вкусу. Онъ снялъ теперь оставленное фотографическое ателье на главной улицѣ. Помѣщеніе состояло изъ самаго ателье съ прогнившимъ поломъ и дырявой крышей и изъ бывшей темной комнаты, пахнувшей коллодіемъ и годной только для угольного или дровяного чулана, если обстоятельства позволяли это. Мебель состояла изъ садовой скамьи орѣхового дерева, изъ которой торчали гвозди и которая была такъ коротка, что хватала только до сгиба колѣнъ тому, кто пользовался ей какъ кроватью; а въ качествѣ кровати она служила всегда, когда ея владѣлецъ ночевалъ дома. Постель состояла изъ половины пледа и папки, разбухшей отъ этюдовъ. Въ чуланчикѣ былъ водопроводный кранъ съ раковиной; это была уборная.

Въ одинъ холодный день, незадолго передъ Рождествомъ, Селленъ стоялъ передъ мольбертомъ и въ третій разъ писалъ новую картину на старомъ холстѣ. Онъ только что всталъ съ своей жесткой постели; прислуга не приходила и не топила, отчасти потому, что у него не было прислуги, отчасти потому, что ему нечѣмъ было топить. Никто не чистилъ его платья и не принесъ ему кофе. И все же онъ стоялъ и весело насвистывалъ и писалъ сверкающій закатъ, когда четыре раза стукнули въ дверь. Селленъ отворилъ немедленно, и въ комнату вошелъ Олэ Монтанусъ, одѣтый очень просто и легко, безъ плаща.

— Добраго утра, Олэ! Какъ дѣла? Хорошо ли ты спалъ?

— Спасибо за вниманіе.

— Какъ дѣла со звонкой наличностью?

— О, плохо!

— А кредитные билеты?

— Такъ мало билетовъ въ обращеніи...

— Да. Значить, не хотятъ больше выпускать. Но инья цѣнности?

— Нѣтъ никакихъ!

— Какъ ты думаешь, зима будетъ суровая?

— Я видѣлъ сегодня много галоковъ, а это обозначаетъ холодную зиму!

— Ты дѣлалъ утреннюю прогулку?

— Я гулялъ всю ночь, уйдя въ двѣнадцать часовъ изъ «Красной Комнаты».

— Такъ ты былъ тамъ вчера вечеромъ?

— Да, и познакомился съ двумя людьми: докторомъ Боргомъ и Леви.

— Ахъ, такъ! Я знаю ихъ. Почему ты не переночевалъ у нихъ?

— Нѣтъ, они вели себя высокомерно, потому что у меня не было пальто, и я стыдился. Я такъ усталъ, я на мгновеніе прилягу на твой диванъ! Я прошелъ черезъ весь городъ и обѣжалъ половину; сегодня я возьму работу у орнаментщика, а не то помирать придется.

— Правда ли, что ты поступилъ въ рабочій союзъ «Полярная Звѣзда»?

— Да, это правда! Я въ воскресенье буду читать тамъ рефератъ о Швеціи.

— Это матеріалъ! Очень хорошо!

— Если я засну здѣсь на диванѣ, не буди меня. Я невѣроятно усталъ.

— Не стѣсняйся! Спи!

Черезъ нѣсколько минутъ Олэ спалъ глубокимъ сномъ и храпѣлъ. Его голова свисала съ одного конца, а ноги— съ другого.

— Бѣдняга!—сказалъ Селленъ и накиннулъ на него плэдъ.

Стукнули опять, но не условнымъ стукомъ, такъ что Селленъ счелъ за лучшее не отпирать; но тутъ стукъ сталъ такъ громокъ, что страхъ передъ чѣмъ-нибудь серьезнымъ исчезъ, и Селленъ открылъ дверь доктору Боргу и Левину. Боргъ началъ:

— Фалькъ здѣсь?

— Нѣтъ!

— А что это за вязанка валяется тамъ?—продолжалъ Боргъ и указалъ ногой на Олэ.

— Это Олэ Монтанусъ.

— Ахъ, это тотъ экземпляръ, который Фалькъ имѣлъ вчера при себѣ. Онъ спитъ еще?

— Да, онъ спитъ.

— Онъ ночевалъ здѣсь?

— Да.

— Почему ты не топилъ? Здѣсь дьявольски холодно!

— Потому что у меня нѣтъ дровъ.

— Тогда пошли за ними! Гдѣ прислуга?

— Прислуга ушла въ церковь.

— Тогда разбуди этого вола, я его пошлю.

— Нѣтъ, пусть онъ спитъ,—попросилъ Селленъ и поправилъ плэдъ на Олэ, который храпѣлъ все время и продолжалъ храпѣть.

— Ну, такъ я научу тебя другому фокусу. Что подъ твоимъ поломъ въ качествѣ наката? Земля?

— Этого я не знаю,—отвѣтилъ Селленъ и осторожно усьлся на нѣсколькихъ листахъ картона, разложеннаго на полу.

— Есть у тебя еще такой картонъ?

— Да, какъ же,—отвѣтилъ Селленъ и слегка покраснѣлъ у корней волосъ.

— Мнѣ нуженъ картонъ и каминные щипцы.

Боргъ получилъ отъ Селлена то, чего требовалъ. Селленъ взялъ свой походный стулъ и сѣлъ на разложенный на полу картонъ, какъ бы охраняя кладъ.

Боргъ скинулъ куртку и при помощи щипцовъ выломалъ изъ пола сгнившую отъ дождя доску.

— Проклятый малый! — закричалъ Селленъ.

— Такъ я дѣлалъ въ университетѣ въ Упсалѣ,—сказалъ Боргъ.

— Но это не годится въ Стокгольмѣ!

— Чортъ дери, я мерзну и мнѣ нуженъ огонь!

— Но поэтому ты не долженъ ломать полъ посреди комнаты! Вѣдь это же сразу видно!

— Что мнѣ за дѣло, видно ли это или нѣтъ! Я здѣсь не живу! Но это уже слишкомъ!

Онъ приблизился къ Селлену и опрокинулъ его вмѣстѣ со стуломъ; въ паденіи Селленъ увлекъ за собою свой картонъ, такъ что открылся обнаженный накалъ.

— Какой негодяй! У него здѣсь настоящій дровяной складъ, а онъ молчить.

— Это дождь надѣлалъ.

— Что мнѣ за дѣло, кто это сдѣлалъ! Теперь мы разведемъ огонь.

Сильно рванувъ, онъ высвободилъ нѣсколько досокъ, и вскорѣ каминъ затопился.

Левинъ тѣмъ временемъ велъ себя спокойно, выжи-

дающе и вѣжливо. Боргъ сѣлъ къ огню и раскалилъ щипцы.

Опять стукнули, три раза коротко и разъ длиннѣе.

— Это Фалькъ, — сказалъ Селленъ и отворилъ.

Фалькъ вошелъ; у него былъ нѣсколько чаклый видъ.

— Нужны тебѣ деньги? — спросилъ Боргъ вошедшаго и хлопнулъ по своему бумажнику.

— Почему ты спрашиваешь? — сказалъ Фалькъ недо-вѣрчиво.

— Сколько тебѣ нужно? Я могу достать!

— Ты это серьезно? — спросилъ Фалькъ, и лицо его нѣсколько просвѣтилось.

— Серьезно? Гм!.. Сколько? Сумму! Цыфру!

— О, кронъ шестьдесятъ мнѣ были бы весьма кстати.

— Ну, и скромнѣе же ты! — сказалъ Боргъ и обра-тился къ Левину.

— Да, это очень мало, — сказалъ тотъ. — Бери Фалькъ, пока кошель открытъ.

— Нѣтъ, больше мнѣ ненужно, и я не могу входить въ большой долгъ. Впрочемъ, я не знаю, когда придется платить.

— Двѣнадцать кронъ въ полгода, двадцать четыре кроны въ годъ — въ два срока, — отвѣтилъ Левинъ увѣ-ренно и рѣшительно.

— Это дешевыя условія, — сказалъ Фалькъ. — Гдѣ вы подъ нихъ получаете денегъ.

— Въ банкѣ каретниковъ! Дай-ка сюда перо и бумагу, Левинъ.

У того уже былъ въ рукахъ вексельный бланкъ, перо и карманная чернильница. Бланкъ уже былъ заполненъ. Когда Фалькъ увидѣлъ цыфру 800, онъ поколебался мгновение.

— 800 кронъ? — спросилъ онъ.

— Бери больше, если тебѣ этого мало.

— Нѣтъ, не хочу; да и не все ли равно, кто возьметъ деньги, только бы ихъ правильно выплачивать. Но какъ же вы получаете деньги по такимъ бумажкамъ безъ поручительства?

— Безъ поручительства? Вѣдь мы же ручаемся за тебя, — сказали Левинъ довѣрчиво и презрительно.

— Я ничего не имѣю противъ этого, — возразилъ Фалькъ. — Я благодарю васъ за ваше поручительство, но не вѣрю, что это удастся.

— Ого! У насъ уже есть разрѣшеніе, — и онъ досталъ то, что называлъ «ордеромъ». — Итакъ, подписывай!

Фалькъ написалъ свое имя. Боргъ и Левинъ глядѣли черезъ его плечо, какъ полицейскіе.

— Ассессоръ, — диктовалъ Боргъ.

— Нѣтъ, я литераторъ, — отвѣчалъ Фалькъ.

— Это не годится; ты записанъ ассессоромъ въ адресной книгѣ.

— Вы поглядѣли?

— Надо быть строгимъ въ исполненіи формальностей, — сказалъ Боргъ серьезно.

Фалькъ подписалъ.

— Иди сюда, Селленъ, и засвидѣтельствуй! — приказалъ Боргъ.

— Я не знаю, имѣю ли я право, — отвѣтилъ тотъ. — Я видѣлъ дома такъ много несчастія, происшедшаго отъ такихъ подписей у насъ въ деревнѣ..

— Ты теперь не въ деревнѣ и не съ мужиками! Пиши, что ты удостовѣряешь, что Фалькъ подписалъ собственноручно, вѣдь это ты можешь сдѣлать!

Селленъ подписалъ, но качалъ головой.

— Разбуди-ка этого вола, онъ тоже подпишетъ.

Когда всѣ толчки оказались тщетными, Боргъ взявъ щипцы, раскаленные докрасна, и сунулъ ихъ подъ носъ спящему.

— Проснись, собака, тебѣ дадутъ ѣсть!—крикнулъ онъ.

Олэ вскочилъ и сталъ протирать себѣ глаза.

— Ты долженъ удостовѣрить подпись Фалька, понимаешь?

Олэ взявъ перо и написалъ подъ диктовку обоихъ поручителей, послѣ чего опять хотѣлъ завалиться спать, но былъ задержанъ Боргомъ.

— Стой, подожди! Фалькъ напишетъ еще взаимное поручительство.

— Не пиши, Фалькъ, — сказалъ Олэ, — это нехорошо, не оберешься заботъ.

— Молчи, собака!—заревѣлъ Боргъ.— Иди сюда, Фалькъ! Мы сейчасъ поручились за тебя, понимаешь, теперь ты долженъ поручиться вмѣсто Струвэ, который обремененъ судебнымъ преслѣдованіемъ.

— Что такое? — спросилъ Фалькъ.

— Это только форма; сумма долга восемьсотъ—банку маляровъ; первый платежъ уже произведенъ, но тутъ Струвэ подвергся судебному преслѣдованію, и намъ надо замѣнить его. Это старый хорошій вексель, и нѣтъ никакого риска.

Фалькъ подписалъ и оба свидѣтеля тоже.

Боргъ тщательно и съ видомъ знатока сложилъ векселя и передалъ ихъ Левину, который тотчасъ же направился къ двери.

— Теперь ты черезъ часъ вернешься съ деньгами,—сказалъ Боргъ,— а то я тотчасъ же пойду въ полицію и тебя задержать по телеграфу.

Потомъ онъ всталъ и легъ, довольный совершеннымъ дѣломъ, на диванъ, на которомъ лежалъ Олэ.

Тотъ, шатаясь, подошелъ къ огню, легъ на землю и свернулся какъ собака.

Нѣкоторое время длилось молчаніе.

— Послушай-ка, Олэ,—сказалъ Селленъ,—что, если бы намъ подписать такую бумагу?

— Тогда вы попадете въ Риндѳ, — сказалъ Боргъ.

— Что такое Риндѳ? — спросилъ Селленъ.

— Это тюрьма, находящаяся на шхерахъ; но если господа предпочитаютъ озеро Мэларъ, то тамъ есть тюрьма подъ названіемъ Ланггольмъ.

— Нѣтъ, серьезно, — спросилъ Фалькъ, — что будетъ, если деньги не будутъ уплачены въ срокъ.

— Тогда можно сдѣлать новый заемъ въ банкѣ портныхъ, — отвѣтилъ Боргъ.

— Отчего вы не занимаете въ государственномъ банкѣ? — продолжалъ Фалькъ.

— Онъ не годится! — отвѣчалъ Боргъ.

— Понимаешь ли ты это? — сказалъ Олэ Селлену.

— Ни одного слова! — отвѣтилъ тотъ.

— Вы узнаете это, когда будете ассистентами академіи и попадете въ адресную книгу!

XXIII.

Николай Фалькъ сидѣлъ въ своей конторѣ утромъ въ сочельникъ. Онъ не остался неизмѣннымъ: время разрѣдило русые волосы на его головѣ, и страсти прорыли стоки на его лицѣ для яда, текушаго изъ больной почвы. Онъ сидѣлъ передъ маленькой книжечкой размѣра требника, и

въ ней перо его строчило, какъ будто бы онъ вышивалъ узоръ.

Въ дверь стукнули, и книжонка мгновенно исчезла подъ крышкою конторки, а утренняя газета заняла ее мѣсто. Фалькъ погрузился въ чтеніе, когда вошла его жена.

— Садись,—сказалъ Фалькъ.

— Нѣтъ, на это у меня нѣтъ времени! Ты прочелъ газету?

— Нѣтъ!

— Но ты какъ разъ ее читаешь.

— Я только что началъ.

— Значитъ, ты прочелъ замѣтку о стихахъ Арвида?

— Да.

— Ну? Его вѣдь очень хвалили.

— Онъ самъ написалъ ее.

— Это же ты сказалъ вчера вечеромъ, когда читалъ «Сѣрый Колпачокъ».

— Чего тебѣ надо?

— Я только что встрѣтила жену адмирала; она благодарила за приглашеніе и высказала удовольствіе по поводу того, что встрѣтитъ молодого поэта.

— Она такъ и сказала?

— Да.

— Гм!.. Можно, конечно, ошибиться. Я не хочу этимъ сказать, что я ошибся. Тебѣ, должно быть, опять нужны деньги?

— Опять? Когда я получала въ послѣдній разъ?

— На! Но уходи! И не требуй больше ничего передъ Рождествомъ, ты знаешь, годъ былъ плохъ.

— Нѣтъ, я этого не знаю! Всѣ говорятъ, что годъ былъ хорошъ.

— Для сельскихъ хозяевъ — да, но не для страховыхъ обществъ. Прощай!

Госпожа Фалькъ вышла, и вошелъ Францъ Левинъ, осторожно, какъ бы опасаясь засады.

— Что тебѣ надо?—спросилъ его Фалькъ.

— О, я только мимоходомъ захотѣлъ пожелать тебѣ добраго дня.

— Это умно; я какъ разъ хотѣлъ поговорить съ тобой.

— Да что ты?

— Ты знаешь молодого Леви?

— Да, конечно!

— Прочти эту бумажку вслухъ!

Левинъ прочелъ вслухъ: «Большое пожертвованіе. Съ нерѣдкой теперь для нашего купечества щедростью негодіантъ Карлъ Николаусъ Фалькъ, въ ознаменованіе годовщины счастливаго брака, передалъ правленію дѣтскихъ яслей «Виолемъ» дарственную запись на 20.000 кронъ, изъ которыхъ половина будетъ выплачена тотчасъ же, другая же половина послѣ смерти благороднаго дарителя. Даръ тѣмъ болѣе цѣненъ, что госпожа Фалькъ состоитъ одной изъ учредительницъ этого человѣколюбиваго учрежденія».

— Годится это на чтонибудь?

— Великолѣпно! За это ты получишь орденъ Вазы къ Новому году.

— Ты пойдешь, значить, въ правленіе, т.-е. къ моей женѣ, съ дарственной записью и деньгами, а потомъ найдешь молодого Леви. Понялъ?

— Конечно!

Фалькъ передалъ ему дарственную запись, напечатанную на пергаментѣ, и помѣченную въ ней сумму!

— Пересчитай, правильно ли ты получилъ?

— Левинъ развернулъ пачку бумагъ и широко раскрылъ глаза. Это было пятьдесятъ большихъ листовъ литографской работы во всѣхъ цвѣтахъ.

— Это деньги?—спросилъ онъ.

— Это цѣнныя бумаги,—отвѣтилъ Фалькъ,—50 акцій по 200 кронъ общества. «Тритонъ», которыя я дарю яслямъ «Виолеемъ».

— Ага, значить общество теперь затонетъ, потому что крысы покидаютъ корабль.

— Этого я не говорилъ,—сказалъ Фалькъ со злымъ смѣхомъ.

— Но если это случится, тогда ясли могутъ требовать конкурса.

— Миѣ какое дѣло, а тебѣ еще меньше. Теперь о другомъ. Ты долженъ—ты знаешь, что я подразумеваю, когда говорю, что ты долженъ...

— Я знаю, знаю: судебный приставъ, векселя; продолжай-ка!

— Ты долженъ доставить Арвида къ моему обѣду на третій день праздниковъ.

— Такъ же легко миѣ принести тебѣ три волоса изъ бороды великана. Видишь ли ты, какъ хорошо было, что я тогда весной не передалъ твоихъ словъ. Развѣ я не говорилъ, что будетъ такъ?

— Ты говорилъ это? Молчи, чортъ бы тебя побралъ, и дѣлай, что я тебѣ говорю! Такъ вотъ какое дѣло. Есть еще одно. Я замѣтилъ у моей жены нѣкоторые симптомы раскаянья. Она, должно быть, встрѣтила мать или одну изъ сестеръ. Рождество—сентиментальная пора. Зайди къ тещѣ и поддай немного жару!

— Это неприятное порученіе...

— Маршъ! Слѣдующій...

Левинъ ушелъ, и его смѣнилъ магистръ Нистрэмъ, котораго впустили въ заднюю дверцу. Теперь исчезла утренняя газета, и опять появилась узкая книга.

Нистрэмъ выглядѣлъ печально; его тѣло уменьшилось на треть своего объема, и платье его было очень поношено. Онъ покорно остановился у двери, вынулъ очень потрепанный бумажникъ и сталъ ждать.

— Готово?—спросилъ Фалькъ и заложилъ указательный палецъ въ книгу.

— Готово!—отвѣтилъ Нистрэмъ и открылъ бумажникъ.

— № 26. Лейтенантъ Клингъ; 1500 кронъ. Уплочено?

— Не уплочено!

— Отсрочка съ пеней и процентами. Посѣтить на дому!

— Никогда не принимаетъ дома.

— Угрожать по почтѣ посѣщеньемъ въ казармѣ.—

№ 27. Судья Дальбергъ — 800 кронъ. Посмотримъ. Сынъ негоціанта, оцѣниваемого въ 35.000. Подождемъ, если только заплатитъ проценты. Погляди ему въ руки!

— Онъ никогда не платитъ процентовъ.

— Напиши ему открытку въ судъ. № 28. Капитанъ Стернборстъ: 4.000. Вотъ онъ, паренекъ! Не заплочено?

— Не уплочено!

— Прекрасно. Мѣропріятія: посѣтить его въ двѣнадцать часовъ на вахтѣ; одежда — твоя; конечно — компрометирующая. Это красное пальто, пожелтѣвшее по швамъ — ты знаешь!

— Не помогаетъ; я его навѣшалъ на хватѣ среди зимы въ одномъ пиджакѣ.

— Тогда ты пойдешь къ поручителямъ.

— Я былъ у нихъ, и они послали меня къ чорту. Они сказали, что это только формальное поручительство.

— Тогда ты зайдешь къ нему въ среду, въ часъ дня, въ правленіе «Тритона»; возьми съ собой Андерсона, вась будетъ двос.

— Это уже было сдѣлано.

— Ну и при этомъ какъ же выглядѣло правленіе?—спросилъ Фалькъ и подмигнулъ.

— Оно выглядѣло весьма смущенно.

— А, дѣйствительно? Оно выглядѣло весьма смущенно?

— Да.

— А онъ самъ?

— Онъ вывелъ насъ на подъѣздъ и сказалъ, что онъ заплатитъ, если мы только пообщаемъ никогда не приходиться къ нему туда.

— Ого! Сидитъ тамъ два часа въ недѣлю за шесть тысячъ, потому что его фамилія—Стьернборстъ. Посмотримъ. Сегодня суббота! Ты будешь въ «Тритонѣ» ровно въ полчаса перваго; если увидишь тамъ меня, что случится навѣрно, то не показывай виду. Понялъ? Хорошо! Новыя просьбы?

— Тридцать пять штукъ.

— Да, да! Завтра Рождество.

Фалькъ перелисталъ пачку векселей; порой улыбка скользила по его губамъ и выскальзывало отдѣльное слово.

— Господи! До чего онъ дошелъ. А этотъ—и этотъ—считавшійся солиднымъ! Да, да! Наступаютъ тяжелыя времена! Такъ этому нужны деньги? Такъ я куплю его домъ...

Постучали въ дверь. Конторка захлопнулась, бумаги и книжка исчезла, а Нистрэмъ вышелъ въ заднюю дверку.

— Въ полчаса перваго,—шепнулъ Фалькъ ему вслѣдъ.— Еще одно слово! Стихотвореніе у тебя готово?

— Да,—раздалось изъ подземнаго міра.

— Хорошо! Держи наготовѣ вексель Левина, чтобы я могъ его отправить ко взысканію. Я его однажды взорву на воздухъ. Онъ предатель—чорты!

Затѣмъ онъ поправилъ галстукъ, вытащилъ манжеты изъ рукавовъ и отворилъ дверь въ переднюю.

— Ахъ, здравствуйте, господинъ Лундель! Слуга покорный! Пожалуйста войдите! Какъ дѣла? Я на минутку замкнулся.

Это былъ дѣйствительно Лундель, одѣтый по послѣдней модѣ, какъ конторщикъ: часовая цѣпочка, кольцо, перчатки и калоши.

— Я, можетъ быть, мѣшаю, господинъ коммерсантъ?

— Нѣтъ, нисколько! Какъ вы думаете, господинъ Лундель, мы можемъ быть готовыми къ затрашнему дню?

— А развѣ необходимо, чтобы завтра было готово?

— Необходимо! Въ ясляхъ будетъ банкетъ, который я даю, и моя жена хочетъ передать мой портретъ обществу, чтобы его повѣсили въ столовой.

— Тогда не будетъ помѣхи,—отвѣтилъ Лундель и досталъ мольбертъ съ почти готовымъ холстомъ изъ маленькаго чуланчика.—Если вамъ угодно будетъ немного попоэзировать мнѣ, господинъ коммерсантъ, то я сдѣлаю послѣдніе мазки.

— Охотно! охотно! Пожалуйста!

Фалькъ сѣлъ на стулъ срестилъ ноги, принялъ позу государственнаго человѣка и изобразилъ благородство на своемъ лицѣ.

— Пожалуйста, говорите, господинъ коммерсантъ. Ваше лицо и такъ достаточно интересно, но, чѣмъ больше нюансовъ характера оно проявитъ, тѣмъ лучше!

Фалькъ довольно улыбнулся, и блескъ удовольствія освѣтилъ его грубыя черты.

— Господинъ Лундель, вы обѣдаете у меня на третій день праздника.

— Благодарю васъ...

— Тамъ вамъ представится случай изучать лица весьма достойныхъ людей, быть можетъ, болѣе заслуживающихъ чести быть увѣковѣченными на холстѣ.

— Быть можетъ, я буду имѣть честь писать ихъ портреты?

— Конечно, если я замолвлю за васъ словечко.

— О, вы думаете?

— Увѣрю васъ!

— Я вижу новую черту, пожалуйста сохраните это выраженіе. Такъ! Прекрасно! Боюсь, намъ придется провести за этимъ дѣломъ цѣлый день, господинъ коммерсантъ. Надо сдѣлать еще много мелочей, которыя открываются только постепенно. Ваше лицо богато интересными чертами.

— Тогда мы можемъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ пообѣдать. И мы можемъ встрѣчаться почаще, господинъ Лундель, чтобы вы имѣли возможность лучше изучить мое лицо для второго изданія, имѣть которое никогда не мѣшаетъ. Я долженъ признаться, что немногіе люди произвели на меня такое благопріятное впечатлѣніе, какъ вы, господинъ Лундель...

— О, помилуйте!

— И долженъ сказать вамъ, что я имѣю острое зрѣніе и хорошо отличаю правду отъ лести.

— Это я замѣтилъ сразу, — отвѣчалъ Лундель безсовѣстно. — Моя специальность научила меня судить о людяхъ.

— У васъ есть мѣткость взгляда! Правда, не каждый можетъ судить обо мнѣ. Напримѣръ, жена моя...

— Этого нельзя и требовать отъ женщинъ.

— Нѣтъ, конечно! Но не могу ли я предложить вамъ стаканъ портвейна?

— Благодарю васъ, господинъ коммерсантъ, но мой принципъ — ничего не пить за работой...

— Это правда! Я уважаю этотъ принципъ — я всегда уважаю принципы — въ особенности, когда раздѣляю ихъ.

— Но когда я не работаю, я охотно выпиваю стаканчикъ.

— Совсѣмъ какъ я!

Часы пробили половину перваго. Фалькъ вскочилъ.

— Извините меня, я долженъ на мгновеніе удалиться по дѣламъ, но я вскорѣ вернусь!

— Пожалуйста, пожалуйста! Дѣла прежде всего!

Фалькъ одѣлся и ушелъ; Лундель остался одинъ въ конторѣ.

Онъ закурилъ сигару и сталъ передъ портретомъ. Кто наблюдалъ бы его лицо, не смогъ бы узнать его мыслей, ибо онъ уже настолько изучилъ искусство жизни, что не довѣрялъ своихъ мыслей даже уединенію; да, онъ боялся даже объясниться съ самимъ собою.

XXIV.

Сидѣли за десертомъ. Шампанское искрилось въ стаканахъ, отражавшихъ лучи люстры въ столовой Николауса Фалька. Арвиду со всѣхъ сторонъ любезно жали руки, говорили комплименты и пожеланія, предостереженія и совѣты; всѣ хотѣли участвовать въ его успѣхѣ, ибо это былъ теперь безспорный успѣхъ.

— Ассессоръ Фалькъ! Честь имѣю, — сказалъ предсѣдатель присутствія по дѣламъ окладовъ и кивнулъ ему черезъ столъ.

— Вотъ родъ поэзіи, который я понимаю.

Фалькъ спокойно принялъ оскорбительный комплиментъ.

— Почему вы пишете такъ меланхолично? — спросила молодая красавица, сидѣвшая справа. — Можно подумать, что вы несчастно влюблены.

— Ассессоръ Фалькъ! Позвольте выпить за ваше здоровье, — сказалъ слѣва редакторъ «Сѣраго Колпачка», глядя свою длинную русую бороду. — Почему вы не пишете для моей газеты?

— Не думаю, чтобы вы напечатали то, что я пишу, — отвѣтилъ Фалькъ.

— Не знаю, что могло бы намъ помѣшать!

— Убѣжденія.

— Ахъ! Это не такъ страшно. Можно сговориться. У насъ нѣтъ никакихъ убѣжденій.

— За здоровье, Фалькъ! — кричалъ черезъ столъ возбужденный Лундель. — За твое здоровье!

Леви и Боргу пришлось его удерживать, чтобы онъ не всталъ и не сказалъ рѣчи. Онъ въ первый разъ былъ въ такомъ обществѣ, и блестящее собраніе и богатое угощеніе опьянили его; но, такъ какъ всѣ гости находились въ повышенномъ состояніи, онъ счастливымъ образомъ не возбудилъ недружелюбнаго вниманія.

Арвидъ Фалькъ ощущалъ теплыя чувства при видѣ этихъ людей, опять принявшихъ его въ свое общество, не потребовавъ объясненій или извиненій. Онъ чувствовалъ себя увѣренно, сидя на этихъ стульяхъ, составлявшихъ часть его родного дома; растроганный, узналъ онъ старый сервизъ, который раньше вынимался только разъ въ годъ. Но большое количество новыхъ людей разсѣивало его; онъ не довѣрялъ ихъ любезнымъ лицамъ; они, правда, не желали ему никакого зла, но ихъ благоволеніе зависѣло отъ обстоятельствъ.

Кромѣ того, весь банкетъ казался ему маскарадомъ. Что общаго было между профессоромъ Боргомъ, человѣкомъ большого научнаго имени, и его необразованнымъ братомъ? Они состояли въ одномъ и томъ же акціонерномъ обществѣ! Что дѣлалъ здѣсь высокообранный капитанъ Гилленборстъ? Пришелъ ли онъ сюда обѣдать? Врядъ ли, хотя люди и ходятъ далеко, чтобы пообѣдать! А президентъ? А адмиралъ? Тутъ были невидимыя связующія нити, крѣпкія, быть можетъ, неразрывныя.

Радостное настроеніе росло, но смѣхъ былъ слишкомъ звонокъ, юморъ билъ фонтаномъ, но былъ кисловать. Фалькъ чувствовалъ себя смущенно, и ему казалось, что портретъ отца, висѣвшій надъ піанино, гнѣвно глядитъ на собраніе.

Николаусъ Фалькъ сіялъ отъ удовольствія; онъ не видѣлъ и не слышалъ ничего непріятнаго, но, насколько могъ, избѣгалъ взглядовъ брата. Они еще не сказали другъ другу ни слова, ибо Арвидъ, по совѣту Левина, пришелъ только тогда, когда всѣ гости были въ сборѣ.

Обѣдъ подходилъ къ концу. Николаусъ сказалъ рѣчь «о собственной силѣ и крѣпкой волѣ», ведущихъ людей къ цѣли: «экономической независимости» и «положенію въ обществѣ». «Все это, — сказалъ ораторъ, — даетъ сознаніе собственнаго достоинства и придаетъ характеру ту твердость, безъ которой мы ни на что не годимся, не можемъ принести пользы общему благу, а это является высшимъ, чего мы можемъ достигнуть; а вѣдь къ нему, милостивые государи, мы всѣ стремимся, если говорить правду. Я пью за здоровье уважаемыхъ гостей, почтившихъ сегодня мой домъ, и надѣюсь еще неоднократно пользоваться этой честью».

На это отвѣчалъ капитанъ Гилленборстъ, уже слегка

выпившій, длинной, шутливой рѣчью, которую въ другомъ настроеніи и въ другомъ домѣ назвали бы скандальной.

Онъ выругалъ коммерческій духъ, который такъ разросся, и шутливо заявилъ, что обладаетъ сознаниемъ собственнаго достоинства, хотя онъ вовсе не независимъ въ экономическомъ смыслѣ; ему какъ разъ пришлось утромъ сдѣлать одно пренеприятнѣйшее дѣльце—но тѣмъ не менѣе у него было достаточно силы характера, чтобы не опоздать на этотъ обѣдъ. Что же касается его общественнаго положенія, то оно не хуже всякаго другого, — и это мнѣніе, должно быть, раздѣляютъ и всѣ присутствующіе, такъ какъ онъ имѣетъ честь сидѣть за этимъ столомъ и быть гостемъ этихъ очаровательныхъ хозяевъ.

Когда онъ кончилъ, общество вздохнуло.

— У всѣхъ было такое чувство, какъ будто пронеслась грозовая туча, — сказала красавица Арвиду Фальку, который вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

Было такъ много лжи, такъ много фальши въ воздухѣ, что Фальку захотѣлось уйти. Онъ видѣлъ, что всѣ эти люди, конечно, честные и почтенные, какъ бы двигались на невидимой цѣпи, которую они иногда кусали съ подавленнымъ бѣшенствомъ; да, капитанъ Гилленборстъ обращался съ хозяиномъ съ открытымъ, хотя и шутливымъ презрѣніемъ. Онъ закурилъ сигару въ гостиной, принималъ свободныя позы и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ дамъ. Онъ плевалъ на камни передъ каминомъ, немилосердно критиковалъ олеографіи на стѣнахъ и высказалъ свое презрѣніе къ мебели краснаго дерева. Остальные господа хранили равнодушіе, которое должно было быть достойнымъ ихъ, и, казалось, находились на службѣ.

Возбужденный и недовольный, Арвидъ Фалькъ покинул общество и ушелъ.

Внизу, на улицѣ, стоялъ Олэ и ждалъ.

— Я, право, не думалъ, что ты придешь. Тамъ такое красивое освѣщеніе наверху.

— Ахъ, вотъ почему? Я хотѣлъ бы, чтобы ты тамъ присутствовалъ.

— Какъ ведетъ себя Лундель въ хорошемъ обществѣ?

— Не завидуи ему. Немало переживетъ онъ горькихъ дней, если избралъ карьеру портретиста. Но поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Я ждалъ этого вечера, когда увижу рабочихъ на болѣе близкомъ разстояніи. Я думаю, что это будетъ какъ свѣжій воздухъ послѣ этого чада; мнѣ кажется, что я могу уйти въ лѣсъ послѣ того, какъ лежалъ въ больницѣ! Или эта иллюзія у меня тоже отыметя?

— Рабочій подозрителенъ, и ты долженъ быть осторожнымъ.

— Благороденъ ли онъ? Свободенъ ли отъ мелочности? Или и его испортилъ гнетъ?

— Ты увидишь. Такъ многое на свѣтѣ оказывается инымъ, чѣмъ представляешь себѣ.

— Да, къ сожалѣнію!

Черезъ полчаса они находились въ большомъ залѣ рабочаго союза «Полярная Звѣзда», гдѣ уже собралось много рабочихъ. Черный фракъ Фалька не произвелъ хорошаго впечатлѣнія, и онъ встрѣтилъ много недружелюбныхъ взглядовъ.

Олэ представилъ Фалька длинному, худому кашляющему человѣку съ внѣшностью энтузіаста:

— Столяръ Эриксонъ!

— Такъ, — сказалъ тотъ. — Что, этотъ господинъ тоже хочетъ стать депутатомъ? Онъ кажется мнѣ слишкомъ не-solidнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — сказалъ Олѣ. — Онъ пришелъ отъ газеты.

— Отъ какой газеты? Есть много разныхъ газетъ! Можетъ быть, онъ здѣсь для того, чтобы насмѣхаться надъ нами?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, — сказалъ Олѣ. — Онъ другъ рабочихъ и готовъ все сдѣлать для васъ.

— Такъ, такъ! Это другое дѣло! Но я боюсь такихъ господъ; у насъ былъ одинъ, который жилъ съ нами; т.-е. онъ жилъ въ томъ же домѣ, на Бѣлыхъ Горахъ; онъ былъ управляющимъ; звали эту каналью Струвѣ.

Раздался ударъ молотка, и на предсѣдательское мѣсто сѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ. Это былъ каретникъ Лефгрень, городской гласный и кавалеръ медали *litteris et artibus*. Исполненіемъ общественныхъ обязанностей онъ выработалъ себѣ большую сценическую практику; а внѣшность его приняла отпечатокъ почтенности, заставлявшій стихать бури и подавлявшій шумъ. Большой судейскій парикъ защищалъ его широкое лицо, украшенное бакенбардами и очками.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ секретарь, въ которомъ Фалькъ узналъ служащаго въ большомъ присутствіи. Онъ надѣлъ пенсне и, скаля зубы, выражалъ порицаніе всему, что ни говорили.

На первой скамьѣ сидѣли почетные члены: офицеры, чиновники, банкиры, поддерживавшіе всѣ лояльныя предложенія и отвергавшіе съ большой парламентской ловкостью всѣ попытки къ реформѣ.

Протоколъ былъ прочтенъ секретаремъ и принятъ. Потомъ настала очередь перваго пункта порядка дня:

«Подготовительная комиссія предлагаетъ рабочему союзу «Полярная Звѣзда» выразить свое порицаніе, которое вы-

скажетъ всякій здравомыслящій гражданинъ тому незаконному движенію, которое, подъ именемъ стачекъ, проходитъ, теперь почти по всей Европѣ».

— Согласно ли собраніе?..

— Да, да! — кричали на первой скамьѣ.

— Господинъ предсѣдатель! — крикнулъ столяръ съ Бѣлыхъ Горъ.

— Кто тамъ сзади такъ шумитъ? — спрашиваетъ предсѣдатель и смотритъ сквозь очки такъ, какъ будто готовится достать палку.

— Тутъ никто не шумитъ; я просилъ слова!

— Кто это?

— Столяръ Эриксонъ!

— Онъ мастеръ? Когда это онъ сталъ имъ?

— Я прошелъ науку подмастерья, но не имѣлъ средствъ взять права; но я знаю свое дѣло не хуже другихъ и работаю самостоятельно!

— Прошу столярнаго подмастерья Эриксона сѣсть и не мѣшать! Отвѣчаетъ ли собраніе утвердительно на поставленный вопросъ?

— Господинъ предсѣдатель!

— Въ чемъ дѣло?

— Я прошу слова! Позвольте мнѣ говорить, господинъ предсѣдатель! — ревъль Эриксонъ.

— Слово Эриксону! — забормотали сзади.

— Подмастерье Эриксонъ, какъ вы пишете свою фамилію, черезъ «кс»? — спросилъ предсѣдатель, которому подсказывалъ секретарь.

Громкій смѣхъ раздался на первой скамьѣ.

— Я, вообще, не читаю, милостивые государи, а спору, — сказалъ столяръ съ горящими глазами, — да, вотъ что! Если бы мнѣ было дано слово, я сказалъ бы, что стачеч-

ники правы; потому что, когда хозяева и патроны жирѣютъ, не занимаясь ничѣмъ, кромѣ пріемовъ и тому подобной ерунды, то рабочій долженъ оплачивать это своимъ потомъ. Но мы уже знаемъ, почему вы не хотите оплачивать нашъ трудъ; потому что мы получили бы голосъ въ риксдагѣ, а этого боятся...

— Господинъ предсѣдатель!

— Господинъ ротмистръ фонъ-Шпорнь!

— И вы прекрасно знаете, что оцѣночная коммиссія сбавляетъ налоги, если они достигаютъ извѣстной цифры. Если бы я имѣлъ слово, я сказалъ бы многое, но это приносить такъ мало пользы...

— Господинъ ротмистръ фонъ-Шпорнь!

— Господинъ предсѣдатель, милостивые государи! Очень неожиданнымъ является то обстоятельство, что въ этомъ собраніи, создавшемъ себѣ извѣстность хорошимъ поведеніемъ, позволяется людямъ, лишеннымъ всякаго парламентскаго такта, компрометировать почтенный союзъ безстыднымъ презрѣніемъ ко всякимъ формамъ. Повѣрьте мнѣ, господа, это не случилось бы въ странѣ, въ которой смолоду получаютъ военное воспитаніе...

— Всеобщая воинская повинность,—сказалъ Эриксонъ Олэ.

— ...гдѣ привыкли управлять собой и другими! Я высказываю горячую надежду, что такой случай не повторится въ нашей средѣ; я говорю «наша среда» потому, что я тоже работникъ... всѣ мы работники передъ Господомъ... и я говорю это въ качествѣ члена союза. И былъ бы днемъ печали тотъ день, когда мнѣ пришлось бы взять обратно слова, высказанныя мной на-дняхъ въ другомъ собраніи (это было въ національномъ союзѣ друзей воин-

ской повинности). Вотъ эти слова: «я высокаго мнѣнія о шведскомъ рабочемъ!»

— Bravo, bravo!

— Принято ли предложеніе подготовительной комиссіи?

— Да, да!

— Второй пунктъ: «По предложенію нѣкоторыхъ членовъ подготовительная комиссія предлагаетъ союзу собрать деньги для подарка ко дню конфирмаціи герцога Далсландскаго, въ знакъ благодарности шведскаго рабочаго королевскому дому, въ особенности же въ знакъ порицанія тѣмъ рабочимъ беспорядкамъ, которые подъ именемъ коммуны разоряютъ столицу Франціи.

— Господинъ предсѣдатель!

— Господинъ докторъ Габерфельдъ!

— Нѣтъ, это я — Эриксонъ! Я прошу слова!

— Такъ! Слово принадлежитъ Эриксону!

— Я хотѣлъ бы только объяснить, что не рабочіе сдѣлали коммуны въ Парижѣ, а чиновники, офицеры, адвокаты и газетные сотрудники. Если я могъ бы говорить, я предложилъ бы этимъ господамъ выразить свои чувства въ конфирмаціонномъ альбомѣ.

— Отвѣчаетъ ли союзъ утвердительно на предложеніе?

— Да, да!

И потомъ началось писаніе протоколовъ, закусываніе и болтовня, совсѣмъ какъ въ риксдагѣ.

— Здѣсь всегда такъ? — спросилъ Фалькъ.

— Весело это, господинъ? — отвѣчалъ Эриксонъ. — Волосы врать на себѣ хочется! Измѣной и предательствомъ называю я это. Одинъ эгоизмъ и своекорыстіе! Ни одного человѣка съ сердцемъ, который повелъ бы дѣло дальше! Поэтому и кончится тѣмъ, чѣмъ должно кончиться!

— Чѣмъ же именно?

— Мы увидимъ! — сказалъ столяръ и схватилъ руку Олэ. — Готовъ ли ты? — продолжалъ онъ. — Не ударь лицомъ въ грязь, потому что въ критикѣ не будетъ недостатка!

Олэ хитро подмигнулъ.

— Подмастерье, орнаментщикъ Олэ Монтанусъ, заявилъ о желаніи прочесть рефератъ о Швеціи, — началъ опять предсѣдатель. — Матеріалъ, кажется мнѣ, нѣсколько обилень и взять обще; но если вы общаете покончить въ полчаса, тогда мы готовы васъ слушать. Какъ вы полагаете, милостивые государи?

— Да!

— Господинъ Монтанусъ, пожалуйста!

Олэ встряхнулся какъ собака, собирающаяся прыгнуть, и прошелъ черезъ собраніе, окидывавшее его испытующими взглядами.

Предсѣдатель вступилъ въ разговоръ съ первой скамьей, а секретарь зѣвнулъ передъ тѣмъ, какъ достать газету, чтобы показать, какъ мало онъ намѣренъ слушать докладъ.

Олэ взошелъ на эстраду, опустилъ свои большіе вѣки, пожевалъ нѣсколько разъ, чтобы увѣрить слушателей, что онъ начинаетъ; когда дѣйствительно стихло, такъ стихло, что можно было слышать, что предсѣдатель говорилъ ретимистру, онъ началъ:

— О Швеціи. Нѣсколько мыслей.

И послѣ нѣкоторой паузы:

— Милостивые государи! Не голословнымъ будетъ то утверженіе, что плодотворнѣйшая идея и сильнѣйшее стремленіе нашихъ дней — разрушить близорукое національное чувство, раздѣляющее народы и дѣлающее ихъ врагами; мы видѣли, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ

для этого — всемірныя выставки и ихъ вліяніе — почетныя дипломы.

Переглянулись вопросительно.

— Что это за вывертъ? — сказалъ Эриксонъ. — Что-то неожиданно, а такъ хорошо.

— Шведская нація маршируетъ, какъ всегда, такъ и теперь, во главѣ цивилизаціи и она больше другихъ націй сдѣлала плодотворной космополитическую идею, если можно судить по цифрамъ. Этому способствовали необычайно благоприятныя обстоятельства, и я кратко разсмотрю ихъ теперь, чтобы потомъ перейти къ болѣе легкимъ вопросамъ: образу правленія, основнымъ налогамъ и тому подобному.

— Это что-то затягивается, — сказалъ Эриксонъ и толкнулъ Фалька въ бокъ. — Но это весело.

— Швеція, какъ извѣстно всякому, есть нѣмецкая колонія, и языкъ, сохранившійся довольно чисто до нашихъ дней, есть грубый нѣмецкій въ двѣнадцати діалектахъ. Это обстоятельство, т.е. та трудность, съ которой сообщались между собой провинціи, стало мощнымъ факторомъ, противодѣйствовавшимъ развитію нездороваго націонализма. Другія же счастливыя обстоятельства боролись съ одностороннимъ нѣмецкимъ вліяніемъ, которое однажды дошло до того, что Швеція стала германской провинціей, именно при Альбрехтѣ Мекленбургскомъ. Сюда я причисляю, во-первыхъ, завоеваніе датскихъ провинцій: Шонена, Галланда, Блеклига, Богуслена и Далсланда; въ богатѣйшихъ провинціяхъ Швеціи живутъ датчане, говорящіе еще на языкѣ своей страны и отказывающіеся признавать шведское господство.

— Куда, ради Христа, онъ клонитъ? Съ ума онъ сошелъ, что ли?

— Жители Шонена до сихъ поръ, напримѣръ, счи-

тають Копенгагенъ столицей и въ риксдагѣ образуютъ враждебную нашему правительству партію. Приблизительно такъ же обстоитъ и съ датскимъ Гетеборгомъ, не признающимъ Стокгольмъ столицей государства; тамъ англичане теперь главенствуютъ и устроили колонію. Эта нація, англійская, ловитъ рыбу по побережью и ведетъ почти всю оптовую торговлю города зимой; лѣтомъ они уѣзжаютъ домой и наслаждаются своимъ доходомъ въ своихъ виллахъ въ шотландскихъ горахъ. Впрочемъ, они великолѣпные люди. Англичане издають большую газету, въ которой восхваляютъ собственные поступки, не порицая чужихъ.

Потомъ мы должны принять во вниманіе обильную колонизацію. У насъ есть финны въ финскихъ лѣсахъ, но они есть и въ столицѣ, гдѣ они поселились вслѣдствіе неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ на родинѣ. На нашихъ большихъ металлургическихъ заводахъ много валлоновъ, пришедшихъ въ XVII вѣкѣ и еще понынѣ говорящихъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. Извѣстно, что валлонъ ввелъ новую конституцію и въ Швеціи; и она происходитъ изъ Валлоніи. Дѣльные люди и очень честные!

— Нѣтъ, Бога ради, что же это такое?!

— При Густавѣ-Адольфѣ пришло много шотландскаго сброду и поступило въ солдаты; поэтому они попали и въ верхнюю палату. На восточномъ побережьи много семействъ, происходящихъ отъ ливонскихъ колонистовъ и изъ иныхъ славянскихъ земель; поэтому здѣсь можно часто встрѣтить чисто татарскій типъ.

Я утверждаю, что шведскій народъ былъ на лучшемъ пути къ денационализаціи... Раскройте родословныя книги шведскаго дворянства и посчитайте тамъ шведскія имена. Если ихъ будетъ больше двадцати пяти процентовъ, то вы можете отрѣзать мнѣ носъ, милостивые государи! Открой-

те адресную книгу наудачу; я самъ считалъ на букву Г и изъ 400 именъ 200 было иностранныхъ.

Гдѣ же причина этого? Ихъ много, но важнѣйшія: иностранныя династіи и завоевательныя войны. Когда подумаешь, сколько всякаго сброда сидѣло на шведскомъ престолѣ, то удивляешься, что нація понинѣ вѣрна королямъ. Постановленіе основного закона, что шведскій король долженъ всегда быть иностранцемъ, необходимо приводитъ къ нашей цѣли, къ денационализаціи.

Что страна выиграетъ отъ сношенія съ чужими націями, въ этомъ я убѣжденъ; ибо потерять что-либо она не можетъ, такъ какъ нельзя потерять то, чего не имѣешь. У націи, попросту, отсутствуетъ національность; это Тегнеръ открылъ уже въ 1811 году и по близорукости жаловался на это. Но было уже поздно, ибо раса уже была испорчена глупыми завоевательными войнами. Изъ единственнаго милліона жителей, которые числились въ странѣ во время Густава-Адольфа, 70.000 мужчинъ, способныхъ къ продолженію рода, были вывезены и истреблены. Сколькихъ израсходовали Карлъ X, XI и XII, я не знаю, но можно представить себѣ, какую расу должны были произвести оставшіеся, такъ какъ они принадлежали всѣ къ отбросамъ, которыми пренебрегла корона.

Я возвращаюсь къ своему утвержденію, что у насъ нѣтъ національности. Можетъ ли кто-нибудь назвать мнѣ что-нибудь шведское въ Швеціи, кромѣ нашихъ пихтъ, сосенъ и желѣзныхъ рудниковъ, которые вскорѣ не будутъ больше нужны рынку? Что представляютъ собой наши народныя пѣсни? Французскіе, англійскіе и нѣмецкіе романсы въ плохихъ переводахъ! Что представляютъ собой національные костюмы, объ исчезновеніи которыхъ мы печалимся? Старые обрывки господскихъ одеждъ среднихъ вѣковъ

Назовите мнѣ шведское стихотвореніе, произведеніе живописи, музыки, которое было бы настолько специфически шведскимъ, что отличалось бы отъ всего нешведскаго. Покажите мнѣ шведское зданіе! Нѣтъ такого, а если и есть, то оно или плохо или сдѣлано по иностранному образцу.

Мнѣ кажется, что я не преувеличу, если скажу, что шведская нація — недаровитая, высокомѣрная, рабская, завистливая и грубая нація. И поэтому она идетъ навстрѣчу своей гибели большими шагами.

(Теперь въ залѣ поднялся шумъ. Можно было разобратъ сквозь гулъ отдѣльные крики: «Карль XII! Карль XII!»)

— Милостивые государи, Карль XII умеръ; пусть спитъ онъ до слѣдующаго юбилейнаго празднества. Ему мы должны быть болѣе всего благодарны за нашу денационализацию, и поэтому я попрошу присутствующихъ провозгласить вмѣстѣ со мной четырехкратное «ура». — Милостивые государи, да здравствуетъ Карль XII!

— Позволю себѣ призвать собраніе къ порядку! — кричалъ предсѣдатель.

— Можно ли выдумать для какой-нибудь націи большую глупость, чѣмъ перенять у иностранцевъ стихосложеніе? Какіе волю способны ходить тысячу шестьсотъ лѣтъ за плугомъ, не умудрившись сочинить пѣсню!

Но вотъ появился весельчакъ изъ придворныхъ Карла XI и уничтожилъ все дѣло денационализации. Раньше писали по-нѣмецки, теперь должны были писать по-шведски, поэтому я попрошу воскликнуть вмѣстѣ со мной: «Долой глупую собаку Георга Стьернгельма!»

(«Какъ его звать?» «Эдвардъ Стьернстремъ!» Предсѣ-

датель ударяетъ молоткомъ по столу. Безпорядокъ. «Довольно! Долой измѣнника! Онъ издѣвается надъ нами!»)

— Шведская нація можетъ только орать и драться, это я вижу. И такъ какъ я не могу продолжать, чтобы перейти къ правительству и королевскимъ оброчнымъ статьямъ, то я хотѣлъ бы только сказать, что тѣ раболѣпные болваны, которыхъ я слышалъ сегодня здѣсь, созрѣли для абсолютизма. И вы получите его! Положитесь на это! Вы получите абсолютизмъ!

Толчокъ сзади выбросилъ эти слова изъ глотки оратора, державшагося за столъ.

— И неблагодарное племя, не желающее слушать правды... («Вонъ его! Разорвать на клочья!»)

Олэ сбросили съ эстрады; но еще въ послѣдній моментъ онъ кричалъ какъ безумный, въ то время, какъ на него сыпались толчки и удары: Да здравствуетъ Карлъ XII! Долой Георга Стьернгельма!

Олэ и Фалькъ встрѣтились снаружи на улицѣ.

— Съ чего это ты?—спросилъ Фалькъ.—Съ ума ты сошла, что ли?

— Да, мнѣ кажется, что такъ! Я почти шесть лѣтъ училъ эту рѣчь, я до послѣдней точки зналъ, что скажу; но, когда я выступилъ и увидѣлъ эти глаза, все лопнуло; вся моя искусная система доказательствъ рухнула, какъ лѣса; я почувствовалъ, что почва опускается у меня подъ ногами, и всѣ мысли перепутались. Что, это было очень безумно?

— Да, плохо, и газеты на тебя набросятся.

— Это печально! А мнѣ казалось, что все такъ ясно. Но все же хорошо было задать имъ разокъ встрепку.

— Ты такимъ образомъ вредишь своему дѣлу; теперь тебѣ никогда больше нельзя будетъ говорить!

Олэ вздохнулъ.

— На что, ради Бога, понадобился тебѣ Карлъ XII? Это было хуже всего.

— Не спрашивай меня! Не знаю!

— Любишь ли ты еще рабочаго?—продолжалъ Фалькъ.

— Мнѣ жаль, что онъ даетъ авантюристамъ обманывать себя, и я никогда не брошу его дѣла, ибо дѣло его—великій вопросъ ближайшаго будущаго, и вся ваша политика въ сравненіи съ нимъ не стоитъ ни гроша.

Олэ и Фалькъ спустились по улицамъ и потомъ опять вернулись въ старый городъ, гдѣ вошли въ кафэ.

Было теперь между девятью и десятью часами, и кафэ было пусто. Только одинъ единственный гость сидѣлъ около стойки. Онъ читалъ вслухъ дѣвушкѣ, сидѣвшей рядомъ съ нимъ за шитьемъ. Все это выглядѣло очень мило и уютно, но, должно быть, произвело сильное впечатлѣніе на Фалька, потому что онъ взволновано задвигался и выраженіе его лица измѣнилось.

— Селлень! Ты здѣсь! Добрый вечеръ, Бэда!—сказалъ Фалькъ, подавая руку дѣвушкѣ съ искусственной сердечностью, обычно такъ чуждой ему.

— А, братъ Фалькъ!—сказалъ Селлень.—И ты здѣсь бываешь? Я такъ и думалъ, что что-нибудь произошло, такъ какъ мы такъ рѣдко встрѣчаемся въ «Красной Комнатѣ».

Фалькъ и Бэда обмѣнялись взглядами. Молодая дѣвушка выглядѣла очень изящно для своего положенія; тонкое, интеллигентное лицо, тронутое какимъ-то горемъ; стройная фигура съ цѣломудренной игрой линій; глаза немножко сходились кверху, какъ бы ожидая какаго-то несчастья съ неба; но такъ они могли выражать все, чего хотѣлъ мгновенный капризь.

— Какъ ты серьезень! — сказала она Фальку и опустила глаза на шитье.

— Я былъ на серьезномъ засѣданіи, — сказалъ Фалькъ и покраснѣлъ какъ дѣвушка. — Что вы читаете?

— Я читалъ посвященіе Фауста, — сказалъ Селленъ и протянулъ руку, чтобы поиграть шитьемъ Бѣды.

Темное облако прошло по лицу Фалька. Разговоръ сталъ вымученнымъ и невыносимымъ. Олэ, погруженный въ размышленія, повидимому, касавшіяся самоубійства.

Фалькъ спросилъ газету, и ему дали «Неподкупнаго». При этомъ онъ вспомнилъ, что забылъ посмотрѣть, что тамъ писали о его стихахъ. Онъ раскрылъ газету и взглянулъ на третью страницу; тамъ онъ нашелъ, что ему требовалось.

Это не были комплименты, но не были также и грубости, потому что статья была написана съ настоящимъ и глубокимъ интересомъ. Рецензентъ находилъ, что поэзія Фалька не хуже и не лучше другой, но такъ же эгоистична и лишена значенія; она говоритъ только о частныхъ дѣлахъ автора, недозволенныхъ связяхъ, дѣйствительныхъ и вымышленныхъ; она кокетничаетъ съ маленькими грѣшками, но не печалится о большихъ грѣхахъ; она нисколько не лучше англійской туалетной поэзіи; и поэтъ могъ бы помѣстить передъ текстомъ свой портретъ, — тогда текстъ былъ бы иллюстрированъ.

Эти простыя истины произвели глубокое впечатлѣніе на Фалька, который читалъ только написанную Струвэ рекламу въ «Сѣромъ Колпачкѣ» и продиктованный личнымъ благоволеніемъ отзывъ въ «Красной Шапочкѣ». Онъ коротко простился и ушелъ.

— Ты уже уходишь? — спросила Бѣда.

— Да! — Встрѣтимся ли мы завтра?

— Конечно, какъ всегда. Покойной ночи!

Селленъ и Олэ послѣдовали за нимъ.

— Это рѣдкое дитя,—сказалъ Селленъ послѣ того, какъ они прошли нѣкоторое время молча.

— Прошу тебя говорить о ней сдержаннѣе.

— Я вижу, ты влюбленъ въ нее.

— Да, это такъ, и, надѣюсь, ты прощаешь это мнѣ.

— Пожалуйста, я не намѣренъ становиться на твоей дорогѣ!

— А я прошу тебя не думать о ней ничего плохого...

— Нѣтъ, я этого и не дѣлаю! Она была въ театрѣ.

— Откуда ты это знаешь? Она ничего не рассказывала мнѣ объ этомъ.

— А мнѣ рассказывала. Нельзя имъ вполнѣ довѣрять.

— Ну, въ этомъ нѣтъ ничего плохого. Я намѣреваюсь, какъ только буду въ состояннн, извлечь ее изъ ея положенія. Наши отношенія ограничиваются тѣмъ, что мы утромъ въ восемь часовъ отправляемся въ Гага-Паркъ и пьемъ воду изъ источника.

— Какъ невинно! Вы никогда не ходите по вечерамъ ужинать?

— Мнѣ никогда не приходило въ голову дѣлать сн такое неподходящее предложеніе, которое она отклонила бы съ презрѣніемъ. Ты смѣешься! Смѣйся! Я еще вѣрю въ любовь женщины, къ какому бы классу она ни принадлежала; да, пусть у ней будетъ какое угодно прошлое. Она сказала мнѣ, что жизнь ея не былъ чиста, но я обѣщаль ей никогда не спрашивать ее объ ея прошломъ.

— Значитъ, это серьезно?

— Да, серьезно.

— Ну, тогда это другое дѣло. Покойной ночи, Фалькъ!
Ты пойдешь со мной, Олэ?

— Покойной ночи.

— Бѣдный Фалькъ, — сказалъ Селленъ Олэ, — теперь его очередь пройти сквозь строй! Но это необходимо, какъ прорѣзываніе зубовъ; не становишься мужчиной, пока не переживешь своего романа!

— А какова эта дѣвица?—спросилъ Олэ исключительно изъ вѣжливости, такъ какъ мысли его были далеко.

— Она довольно хороша въ своемъ родѣ, но Фалькъ принимаетъ все это слишкомъ серьезно; это и она, повидимому, тоже дѣлаетъ, пока думаетъ, что можетъ завладѣть имъ; но если это затянется, она устанетъ, и нельзя ручаться, что она не будетъ искать развлеченій на сторонѣ. Нѣтъ, вы не понимаете этихъ вещей. Не надо мямлить, надо брать сразу, не то придетъ другой. Былъ ли ты уже влюбленъ, Олэ?

— У меня былъ ребенокъ отъ нашей работницы, тамъ дома, въ деревнѣ, и за это отецъ прогналъ меня изъ дому. Съ тѣхъ поръ мнѣ на нихъ наплевать!

— Это было не сложно. Но быть обманутымъ, какъ это называютъ, это чувствуется сразу, повѣрь мнѣ! О! о! о! Надо имѣть нервы, какъ скрипичныя струны, если хочешь играть эту игру. Посмотримъ, какъ Фалькъ выйдетъ изъ этой борьбы; многіе принимаютъ это слишкомъ глубоко, и это глупо.

— Дверь открыта! Входи, Олэ; я надѣюсь, что постели взбиты, чтобы тебѣ удобнѣе было лежать; но ты долженъ извинить мою старую служанку за то, что она не умѣетъ взбивать подушекъ; пальцы ея нѣсколько слабы, видишь ли, подушка, можетъ быть, окажется немного жесткой.

Они взобрались по лѣстницамъ и вошли въ мастерскую.

— Похоже, что служанка провѣтривала здѣсь или мыла полы; здѣсь что-то пахнетъ сыростью.

— Ты самъ надъ собой смѣешься; никто не могъ здѣсь мыть, такъ какъ нѣтъ больше пола.

— Нѣтъ больше пола? Ну это другое дѣло! Гдѣ же онъ остался? Можетъ быть, сгорѣлъ! Тотже ладно! Намъ придется лечь на мать сырую землю или на мусоръ, смотря по тому, что тамъ окажется.

И они легли одѣтые на накатъ, сдѣлавъ себѣ постель изъ кусковъ холста и старыхъ рисунковъ и положивъ папки подъ голову. Олэ добылъ огня, досталъ стеариновую свѣчку изъ кармана; слабый свѣтъ бродилъ въ большомъ, пустомъ ателье и, казалось, упорно боролся съ большими массами тьмы, врывающимися въ огромныя окна.

— Холодно сегодня,— сказалъ Олэ и досталъ засаленную книжку.

— Холодно? Нѣтъ, только двадцать градусовъ снаружи, и значить здѣсь, по меньшей мѣрѣ, тридцать, такъ какъ мы живемъ такъ высоко. Сколько сейчасъ можетъ быть времени?

— Кажется, у Иоанна только что пробило часъ.

— У Иоанна? У него нѣтъ часовъ! Онъ такъ бѣденъ, что заложилъ ихъ.

Произошла длительная пауза, которую прервалъ Семлень.

— Что ты читаешь, Олэ?

— Это неважно.

— Неважно? Развѣ ты не долженъ быть вѣжливымъ, когда ты въ гостяхъ?

— Это старая поваренная книга, которую я взялъ у Игберга.

— Неужели, чортъ дерит? О, мы ее почитаемъ; я сегодня выпилъ только чашку кофе и стаканъ воды.

— Чего ты хочешь?— сказалъ Олэ и сталъ перелистыв-

вать книгу. Хочешь рыбное блюдо? Знаешь, что такое майонезъ?

— Майонезъ? Нѣтъ! Читай! Это звучитъ хорошо!

— Такъ слушай! «139. Майонезъ. Масло, муку и немного англійской горчицы варятъ вмѣстѣ и растираютъ съ хорошимъ бульономъ. Пока все это варится, впускаютъ нѣсколько желтковъ. Послѣ надо дать остыть».

— Нѣтъ, чортъ дери, отъ этого не будешь сытымъ...

— О, это еще не все. «Хорошаго прованскаго масла, немного сливокъ съ бѣлымъ перцемъ»... Да, я вижу, это не годится. Хочешь чего-нибудь поосновательнѣе?

— Открой-ка про капустники; это самое лучшее изъ того, что я знаю.

— Нѣтъ, я не могу читать больше вслухъ!

— Ну, читай же!

— Нѣтъ, оставь меня въ покоѣ.

Опять настала тишина. Потомъ свѣча погасла, и стало совсѣмъ темно.

— Покойной ночи, Олэ; завернись, чтобы не замерзнуть.

— Во что мнѣ завернуться?

— Не знаю. Не правда ли, веселая жизнь?

— Я спрашиваю себя, почему ты не кончаешь самоубійствомъ въ такой холодъ.

— Этого не надо дѣлать! По моему интересно посмотреть, что изъ этого, наконецъ, выйдетъ.

— Есть у тебя родители, Селленъ.

— Нѣтъ, я незаконнорожденный! А у тебя?

— Есть, но выходитъ то же самое.

— Ты долженъ благодарить Провидѣніе, Олэ; надо всегда благодарить Провидѣніе, хотя я и не знаю, какую это имѣетъ цѣль. Такъ надо.

Опять настала тишина; потомъ Олэ нарушилъ ее.

— Ты спишь?

— Нѣтъ, я лежу и думаю о статуѣ Густава-Адольфа; повѣрь мнѣ...

— Ты не мерзнешь?

— Мерзнуть? Да здѣсь такъ тепло!

— Моя правая нога совсѣмъ отнялась.

— Накройся этюднымъ ящикомъ и воткни по бокамъ кисти, тебѣ станетъ теплѣе.

— Какъ ты думаешь, живется кому-нибудь такъ плохо, какъ намъ?

— Плохо? Развѣ намъ плохо, развѣ мы имѣемъ кровлю надъ головой? Есть профессора въ академіи, съ треуголкой и шпагой, которымъ бывало куда хуже. Профессоръ Лундстремъ проспалъ половину апрѣля въ театрѣ, въ Хмельномъ Саду. Это было стильно! Онъ имѣлъ въ полномъ распоряженіи всю лѣвую литерную ложу и увѣряетъ, что послѣ часа ночи не было ни одного свободнаго мѣста въ партерѣ; это всегда хорошій пріютъ зимой, но плохой лѣтомъ. Покойной ночи, я теперь засыпаю

II Семлень заснулъ. Олэ же всталъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, пока не стало свѣтать на востокѣ; тогда день сжалился надъ нимъ и послалъ ему покой, котораго не дала ему ночь.

XXV.

Зима прошла медленно для несчастныхъ, быстрѣе для менѣе несчастныхъ. И пришла весна съ ея обманчивой надеждой на солнце и зелень, пока не настало лѣто, какъ короткое приготовленіе къ осени.

Въ одно майское утро литераторъ Арвидъ Фалькъ

шелъ изъ редакціи «Рабочаго Знамени» въ раскаленную жару вдоль набережной и смотрѣлъ, какъ разгружались и нагружались суда. Его внѣшность была менѣе холена, чѣмъ прежде: его черные волосы были длиннѣе, чѣмъ требовала мода, и борода его разрослась à la Henri IV. Его глаза горѣли зловѣщимъ огнемъ, выдающимъ фанатика или пьяницу.

Казалось, что онъ выбиралъ судно, но не могъ рѣшиться. Послѣ долгаго колебанія, онъ подошелъ къ матросу, катившему тачку съ тюками къ бригау. Онъ вѣжливо поднялъ шляпу:

— Не можете ли вы мнѣ сказать, куда идетъ этотъ корабль?—спросилъ онъ робко, хотя ему казалось, что онъ говоритъ очень смѣлымъ тономъ.

— Корабль? Я не вижу никакого корабля!

Окружающіе смѣялись.

— Если же вы хотите знать, куда уходитъ бригъ, то прочтите вонъ тамъ!

Фалькъ почувствовалъ, что теряетъ позицію, но подзадорилъ себя и продолжалъ рѣзкимъ тономъ:

— Развѣ вы не можете вѣжливо отвѣтить на вѣжливый вопросъ?

— Вы? Убирайся къ чорту, не стой здѣсь и не ругайся! Берегись!

Разговоръ прекратился, и Фалькъ рѣшился, наконецъ. Онъ повернулся, пошелъ вверхъ по улицѣ, пересѣкъ рынокъ и завернулъ въ слѣдующую улицу. Тамъ онъ остановился передъ дверью грязнаго дома. Опять онъ колебался, потому что онъ никогда не могъ превозмочь свой природный грѣхъ, нерѣшительность.

Въ это время пробѣждалъ маленькій оборванный косою

мальчишка съ охапкой корректуръ на длинныхъ полосахъ; когда онъ пробѣгалъ мимо Фалька, тотъ остановилъ его.

— Редакторъ наверху?— спросилъ онъ.

— Да, онъ былъ здѣсь съ семи часовъ, — отвѣтилъ запыхавшійся мальчишка.

— Онъ обо мнѣ спрашивалъ?

— Да, много разъ!

— Онъ сердитъ?

— Да! Какъ всегда.

И мальчишка стрѣлой бросился вверхъ по лѣстницѣ. Фалькъ послѣдовалъ за нимъ и тотчасъ же послѣ него вошелъ въ редакціонную комнату. Это была дыра съ двумя окнами въ темный переулокъ; передъ каждымъ окномъ стоялъ столъ некрашеного дерева съ бумагой, перьями, газетами, ножницами и флаконами клея.

За однимъ столомъ сидѣлъ старый знакомецъ, Игбергъ, въ рваномъ черномъ сюртукѣ и читалъ корректуры; за другимъ столомъ (принадлежащимъ Фальку) сидѣлъ господинъ въ одномъ жилетѣ, въ черномъ бархатномъ беретѣ, какой носятъ коммунары. Лицо его заросло рыжей бородой, и коренастое сложеніе обличало рабочаго.

Когда Фалькъ вошелъ, коммунаръ оживленно задвигалъ ногами подъ столомъ и засучилъ рукава, при чемъ показалась синяя татуировка, состоявшая изъ якоря и англосаксонской буквы R. Потомъ онъ схватилъ ножницы, воткнулъ ихъ въ середину утренней газеты, сдѣлалъ вырѣзку и сказалъ грубымъ тономъ, поворачиваясь къ Фальку спиной:

— Гдѣ вы были?

— Я былъ боленъ, — отвѣчалъ Фалькъ упрямо, какъ казалось ему самому, но кротко, какъ увѣрялъ потомъ Игбергъ.

— Это ложь! Вы выходили и пьянствовали! Вы были вчера въ кафэ; я видѣлъ васъ...

— Кажется, я имѣю право...

— Вы можете сидѣть, гдѣ вамъ угодно, но здѣсь вы должны быть съ боемъ часовъ, по уговору. Уже четверть девятого. Я знаю, что такіе господа, посѣщавшіе университетъ, гдѣ, какъ имъ кажется, они научились ужасно многому, никогда не могутъ пріучиться къ порядку въ жизни. Ну, позволительно ли опаздывать такъ? Не ведете ли вы себя, какъ шальной, заставляя исполнять вашего работодателя ваши обязанности? Что? Свѣтъ теперь перевернулся, я вижу. Рабочій обращается съ хозяиномъ, я хочу сказать, съ работодателемъ, какъ съ собакой, и капиталъ подвергается насилію. Такъ-то-съ!

— Когда вы пришли къ этимъ убѣжденіямъ?

— Когда? Сейчасъ, сударь! Именно сейчасъ! И думаю все-таки, что эти убѣжденья хороши. Но и къ другому открытію я пришелъ. Вы невѣжда! Вы не умѣете писать по-шведски! Пожалуйста, взгляните! Что здѣсь написано? Прочтите: «Мы надѣемся, что всѣ, кто будущій годъ будутъ отбывать повторительную службу...» Слыхали ли вы что-нибудь подобное! «...которые будущій годъ»...

— Да, это вѣрно!—сказалъ Фалькъ.

— Вѣрно ли это? Какъ вы можете утверждать это? Говорятъ въ повседневномъ разговорѣ: «которые въ будущемъ году»,—значить, надо такъ и писать.

— Да, можно и такъ, но обстоятельство времени можетъ также стоять и въ винительномъ падежѣ...

— Безъ ученыхъ фразъ, пожалуйста! Не подѣзжайте ко мнѣ съ такими глупостями. Быть можетъ, я глупъ? Быть можетъ, я не могу говорить по-шведски? Я правиль-

но поставилъ вопросъ. Дѣлайте теперь свое дѣло и въ будущемъ соображайтесь со временемъ.

Онъ съ крикомъ вскочилъ со стула и далъ пощечину мальчишкѣ.

— Какъ ты смѣешь спать среди бѣла дня! Я научу тебя не спать. Ты еще достаточно молодъ для взбучки!

Онъ схватилъ жертву за помочи, бросилъ ее на кучу непроданныхъ газетъ и, распоясавшись, выдралъ ее своимъ ремнемъ.

— Я не спалъ! Я не спалъ! Я только вздремнулъ!— кричалъ отъ боли мальчишка.

— Ахъ, такъ ты еще ругаешься! Ты научился лгать, но я научу тебя говорить правду. Спалъ ты или не спалъ? Говори правду, не то наживешь бѣду!

— Я не спалъ,—бормоталъ несчастный, который былъ еще слишкомъ молодъ и невиненъ, чтобы ложью выпутываться изъ западни.

— А, ты все еще отпираешься! Какой закоснѣлый негодяй! Такъ нагло лгать!

Онъ хотѣлъ еще больше наказать маленькаго правдолюбца, но Фалькъ всталъ, подошелъ къ редактору и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Не бейте мальчика! Я видѣлъ, что онъ не спалъ.

— Нѣтъ, послушай только! Вотъ весельчакъ! «Не бейте мальчика!» Кто такъ выражается? Мнѣ кажется, комаръ жужжитъ у меня надъ ухомъ. Быть можетъ, я ослышался. Надѣюсь! Господинъ Игбергъ! Вы порядочный человекъ; вы не учились въ университетѣ. Не видѣли ли вы случайно, не спалъ ли этотъ мальчишка, котораго я поймалъ за помочи, какъ рыбу?

— Если онъ не спалъ,—отвѣтилъ Игбергъ флегматично, то онъ собираясь заснуть.

— Это хороший отвѣтъ! Не будете ли вы такъ добры, господинъ Игбергъ, поддержать здѣсь за помочи, пока я палкой буду прививать юношѣ правдолюбіе.

— Вы не имѣете права бить его,—сказаль Фалькъ.— Если вы тронете его, то я открою окно и позову полицейскаго.

— Я хозяинъ въ этомъ домѣ и бю своихъ учениковъ. Онъ ученикъ, потому что потомъ онъ будетъ въ редакціи. Такъ будетъ, хотя есть университетанты, которые увѣрены, что нельзя редактировать газету безъ ихъ помощи. Послушай-ка, Густавъ, изучаешь ты газетное дѣло? Что? Отвѣчай, но говори правду, а то...

Открылась дверь, и заглянула голова — очень необычная голова, которой нельзя было ожидать здѣсь; но очень знакомая голова, потому что ее изображали пять разъ.

Эта незначительная голова имѣла то дѣйствіе, что редакторъ напялилъ сюртукъ, затянулъ ремень, поклонился съ большимъ умѣньемъ и оскалилъ зубы.

Государственный дѣятель спросилъ, свободенъ ли редакторъ, на что былъ данъ положительный отвѣтъ, при чемъ исчезъ послѣдній признакъ рабочаго, такъ какъ барикадный головной уборъ тотчасъ же исчезъ съ головы.

Оба ушли въ частныя комнаты редактора, и дверь закрылась за ними.

— Хотѣлъ бы я знать, какіе планы теперь у графа,—сказаль Игбергъ и сѣлъ верхомъ на стулъ, какъ мальчикъ послѣ ухода учителя.

— Это для меня не загадка,—сказаль Фалькъ,—потому что мнѣ кажется, я знаю, какой онъ мошенникъ и и какой мошенникъ редакторъ. Но я желалъ бы знать, какъ ты изъ скотины сумѣлъ превратиться въ безсовѣстную собаку, идущую на всякія гадости.

— Не будь такъ рѣзокъ, дорогой другъ! Не былъ ты вчера вечеромъ на засѣданіи?

— Нѣтъ! По моему мнѣнію, рейхстагъ не имѣетъ никакого значенія ни для чего, кромѣ частныхъ интересовъ. Какъ покончили съ плохими дѣлами «Тритона»?

— Постановили, что государство, принимая во вниманіе великое національное значеніе патріотической идеи предпріятія, должно принять на себя обязательство общества, которое должно ликвидироваться, т.-е. распутаться съ текущими дѣлами.

— Это значитъ, что государство должно поддерживать домъ, пока проваливается фундаментъ, чтобы дирекція имѣла время наострить лыжи!

— Тебѣ было бы пріятнѣй, чтобы всѣ эти маленькіе...

— Да, да! Мнѣ было бы пріятнѣе видѣть, чтобы всѣ эти маленькіе рантье работали бы своимъ маленькимъ капиталомъ, вмѣсто того, чтобы лежать на боку, отдавая его въ ростъ; но всего пріятнѣй мнѣ было бы, чтобы обманщиковъ посадили въ тюрьму; тогда не поощрялись бы мошенническія предпріятія. Это называютъ политической экономіей! Тьфу, чортъ! Еще одно! Ты хочешь занять мое мѣсто! Получи его! Я не хочу, чтобы ты сидѣлъ въ углу и злился на меня за то, что тебѣ приходится читать мои корректуры. Слишкомъ много лежитъ у этой собаки моихъ ненапечатанныхъ статей, и я не хочу больше вырѣзывать сказки о разбойникахъ. «Красная Шапочка» казалась мнѣ слишкомъ консервативной, но «Рабочее Знамя» слишкомъ грязно для меня!

— Это хорошо, что ты бросаешь химеры и становишься благоразумнымъ. Ступай въ «Сѣрый Колпачокъ», тамъ тебя ждетъ будущность.

— Я оставляю химеру о томъ, что рабочее дѣло въ

хорошихъ рукахъ, и думаю, что великая задача разъяснить публикѣ, что такое общественное мнѣніе, въ особенности печатное, и какъ оно возникаетъ; но дѣла я не оставляю никогда!

Дверь въ комнату редактора снова открылась, и вышелъ самъ редакторъ. Онъ остановился посреди комнаты и сказалъ неестественно гибкимъ, почти вѣжливымъ тономъ:

— Не будете ли вы такъ любезны, господинъ Фалькъ, взять на себя редакцію на время моего отсутствія — мнѣ придется уѣхать на день по очень важному дѣлу. Господинъ Игбергъ можетъ помочь вамъ въ текущихъ дѣлахъ. Господинъ графъ останется на нѣкоторое время у меня, и я надѣюсь, что вы, господа, не откажете ему въ вашихъ услугахъ, если онѣ ему понадобятся.

— Пожалуйста, пожалуйста, это ненужно, — сказалъ графъ изъ комнаты, гдѣ онъ сидѣлъ, склоненный надъ статьей, еще только возникавшей.

Редакторъ ушелъ и, удивительно, графъ ушелъ приблизительно черезъ двѣ минуты, т.-е. какъ разъ черезъ столько времени, сколько было необходимо, чтобы не показаться въ обществѣ редактора «Рабочаго Знамени».

— Увѣренъ ли ты въ томъ, что онъ уѣхалъ? — спросилъ Игбергъ.

— Надѣюсь, — сказалъ Фалькъ.

— Тогда я выйду пройтись на рынокъ. А пророс, встрѣчалъ ли ты съ тѣхъ поръ Бэду?

— Съ тѣхъ поръ?

— Да, съ тѣхъ поръ какъ она покинула кафэ и сняла себѣ комнату.

— Откуда ты это знаешь?

— Ты долженъ постараться быть спокойнымъ, Фалькъ! Безъ этого тебѣ никогда не будетъ хорошо!

— Да, надо! Но я скоро потеряю рассудокъ! Я такъ любилъ эту дѣвушку! Она такъ позорно обманула меня! То, въ чемъ она отказала мнѣ, она отдала этому толстяку! И знаешь ли ты, что она сказала? Она сказала, что это доказываетъ, какъ чиста ея любовь ко мнѣ!

— Это тонкая діалектика! И она права, ибо предположеніе вѣрно! Она еще любитъ тебя?

— Она преслѣдуетъ меня, по меньшей мѣрѣ!

— А ты?

— Я ненавижу ее, такъ глубоко, какъ только можно, и боюсь ея близости.

— Значитъ ты еще любишь ее.

Пермѣнили тему.

— Будь спокоинѣ, Фалькъ! Гляди на меня! Но теперь я пойду погрѣться на солнцѣ; при этомъ жалкомъ существованіи надо пользоваться жизнью. Густавъ, можешь на часокъ сойти внизъ и поиграть въ пуговки, если хочешь.

Фалькъ остался одинъ. Солнце поребрасывало лучи черезъ сосѣднюю крышу и нагрѣвало комнату. Онъ открылъ окно и высунулся, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, но почувствовалъ только одуряющій запахъ водосточной канавы. Онъ кинулъ взглядъ направо вдоль улицы и увидѣлъ совсѣмъ въ глубинѣ кусокъ парохода, нѣсколько волнъ Мэлара, сверкавшихъ на солнцѣ, и ущелье въ скалистыхъ горахъ напротивъ, которое только теперь кое-гдѣ покрылось зеленью. Онъ подумалъ о тѣхъ, кто съ этимъ пароходомъ поѣдетъ за городъ, будетъ купаться въ волнахъ и радоваться этой зелени. Но тутъ жестяникъ внизу сталъ барабанить по жести такъ, что домъ и стекла оконъ задрожали; двое рабочихъ провезли громающую воющую повозку, а изъ кабачка напротивъ запахло водкой,

пивомъ, опилками и сосновыми вѣтками. Онъ отошелъ отъ окна и сѣлъ за свой столъ.

Передъ нимъ лежало около сотни провинціальныхъ газетъ, изъ которыхъ онъ долженъ былъ дѣлать вырѣзки. Онъ снялъ манжеты и сталъ читать. Газеты пахли копотью и масломъ и пачкали руки. Таково было главное впечатлѣніе. То, что казалось ему достойнымъ вниманія, онъ не могъ взять, ибо приходилось думать о программѣ газеты. Если рабочіе какой-нибудь фабрики поднесли мастеру серебряную табакерку, то онъ долженъ былъ это вырѣзать! Если же фабрикантъ внесъ въ рабочую кассу 500 кронъ, то онъ долженъ былъ пропускать это. Впрочемъ, для вырѣзокъ существовало правило: вырѣзывалось все хорошее про публицистовъ и рабочихъ, все позорящее про духовенство, военныхъ, большихъ коммерсантовъ (не маленькихъ) академиковъ, судей и знаменитыхъ писателей. Кромѣ того, онъ долженъ былъ по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю нападать на дирекцію королевскаго театра и «во имя морали и нравственности» критиковать легкомысленныя пьесы маленькихъ театровъ, ибо редакторъ замѣтилъ, что рабочіе не любятъ этихъ театровъ. Разъ въ мѣсяцъ городскіе гласные должны были обвиняться (и осуждаться!) за расточительность. Какъ только представлялся случай, должно было нападать на образъ правленія, но не на правительство. Строгую цензуру редакторъ наложилъ на нападки на нѣкоторыхъ депутатовъ и министровъ. Какіихъ? Это была тайна, которой не зналъ даже редакторъ, ибо это зависѣло отъ конъюктуръ, а ихъ могъ знать только тайный издатель газеты.

Фалькъ работалъ и клеилъ, пока у него не почернѣла рука, но флаконъ съ клеемъ издавалъ тошнотворный запахъ, а солнце жгло! Бѣдный алоэ, который можетъ переносить жажду какъ верблюдъ и переносить всѣ уколы

разъяренного стального пера, страшно дополняли впечатлѣніе пустыни: онъ былъ весь испещренъ черными точками отъ укуловъ, и листья его тянулись, какъ пачка ослиныхъ ушей изъ земли, высохшей, какъ нюхательный табакъ. Нѣчто подобное, должно быть, носилось въ воображеніи Фалька, когда онъ сидѣлъ, погруженный въ мысли, потому что раньше, чѣмъ онъ успѣлъ раскаяться въ этомъ, онъ обрѣзалъ всѣ кончики ушей. Потомъ, быть можетъ, для того, чтобы заглушить совѣсть, онъ смазалъ клеемъ раны и смотрѣлъ на то, какъ солнце сушить ихъ.

Потомъ онъ спросилъ себя черезъ нѣкоторое время, гдѣ онъ можетъ получить обѣдъ, потому что онъ попалъ на путь, ведущій къ проклятію, т.-е. на путь такъ называемыхъ «плохихъ обстоятельствъ». Наконецъ, онъ закурилъ трубку и пустилъ вверхъ одуряющій дымъ, купавшійся въ солнечномъ свѣтѣ. Это настроило его болѣе нѣжно къ «бѣдной Швеціи», высказывавшейся въ этихъ ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и полунедѣльныхъ отчетахъ, именуемыхъ газетами.

Онъ отложилъ ножницы и бросилъ газеты въ уголъ; онъ братски раздѣлилъ содержимое глинянаго кувшина съ алоэ; при этомъ бѣднякъ показался ему существомъ, которому отрѣзали крылья, наприимѣръ, духомъ, стоящимъ на головѣ въ болотной водѣ и ищущимъ чего-то, жемчужовъ или, по меньшей мѣрѣ, раковинъ безъ жемчужинъ.

И онъ не испытывалъ укуровъ совѣсти, раскаянія объ утраченной жизни, но просто отчаяніе отъ того, что онъ долженъ умереть духовной смертью въ молодости своей, раньше чѣмъ началъ творить; отчаяніе отъ того, что его, какъ ненужный камышъ, выбрасывали въ огонь.

На нѣмецкой церкви часы пробили одиннадцать и заиграли «Хорошо здѣсь» и «Жизнь моя волна»; какъ бы

охваченная той же самой мыслью, итальянская шарманка начала дудѣть пронзительнымъ голосомъ флейты «Дунайскія волны». Такое количество музыки сразу вселило новую жизнь въ скобяника, который съ удвоеннымъ усердіемъ занялся своей жестью.

Всѣ эти звуки скрыли отъ Фалька, что дверь открылась и вошло двое людей. Одинъ былъ длинная, худая, темная фигура съ орлинымъ носомъ и длинными волосами; другой — толстое, бѣлокурое, коренастое существо, лицо котораго блестѣло отъ пота и болѣе всего походило на животное, которое евреями считается самымъ нечистымъ. Его внѣшность говорила о занятіяхъ, не слишкомъ налегавшихъ на духовныя и на тѣлесныя силы; было въ ней что-то неопредѣленное, говорившее о безпорядкѣ въ работѣ и образѣ жизни.

— Сс! — зашепталъ длинный. — Ты одинъ?

Фалькъ былъ и пріятно и непріятно пораженъ посѣщеніемъ.

— Я даже совсѣмъ одинъ; рыжій уѣхалъ!

— Ну, такъ пойдемъ съ нами поѣсть.

Противъ этого Фалькъ не могъ возразить ничего; онъ заперъ бюро и послѣдовалъ за обоими въ ближайшій кабачокъ, гдѣ они сѣли въ самый темный уголь.

— Смотри, это водка! — сказалъ толстый, и его угасшій взоръ загорѣлся при видѣ бутылки.

Но Фалькъ, пошедшій только затѣмъ, чтобы найти участіе и утѣшеніе, не обратилъ должнаго вниманія на предложенную благодать.

— Я давно не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ! — сказалъ онъ.

— Возьми себѣ бутербродъ съ селедкой, — сказалъ длинный. — Мы возьмемъ тминнаго супа! Сс!.. Человѣкъ

— Можете ли вы дать мнѣ хорошиі совѣтъ? — попытался еще разъ Фалькъ. — Мнѣ больше невыносимо у рыжаго, и я долженъ...

— Человѣкъ, сухарей! Пей, Фалькъ, и не болтай глупостей!

Какъ будто ядъ разлился по его жиламъ, потому что онъ не имѣлъ привычки пить утромъ крѣпкіе напитки; онъ почувствовалъ странное удовольствіе отъ запаха пищи, жужжанія мухъ и аромата полусгнившаго букета цвѣтовъ, стоявшаго около грязнаго прибора. Даже плохое общество съ его несвѣжимъ бѣльемъ и нечесаными рожками висѣльниковъ такъ гармонировало съ его собственнымъ униженіемъ, что онъ почувствовалъ дикую радость.

— Мы были вчера въ Дьургарденѣ и выпили, — сказалъ толстый, чтобы воскресить въ воспоминаніи прошлыя наслажденія.

Противъ этого Фалькъ не могъ ничего возразить, и мысли его тотчасъ же пошли по другому направленію.

— Какъ хорошо имѣть свободное утро! — сказалъ длинный, игравшій роль соблазнителя.

— Да, хорошо, — отвѣчалъ Фалькъ и какъ бы хотѣлъ измѣрить свою свободу взглядомъ, но увидѣлъ въ окно только пожарную лѣстницу и мусорный ящикъ на дворѣ, куда доходили только слабые отблески лѣтняго неба.

— Поль-литра! Такъ! Ага! Ну, что съ «Тритономъ»? Ха-ха-ха!

— Не смѣйся, — сказалъ Фалькъ. — Немало бѣдняковъ пострадаетъ при этомъ.

— Какіе бѣдняки? Бѣдные капиталисты? Развѣ ты жалѣешь тѣхъ, кто не работаетъ, а живетъ отъ своихъ денегъ? Нѣтъ, милый, у тебя все еще предразсудки! Въ «Горнисѣ» есть веселый разказецъ о коммерсантѣ, кото-

рыи подарилъ дѣтскимъ яслямъ «Виолеемъ» 20.000 кронъ и за это получилъ орденъ Вазы; но выяснилось, что это были акціи «Тритона», и теперь яслямъ приходится объявлять конкурсъ. Развѣ это не великолѣпно! Активъ состоялъ изъ 25 мосекъ и портрета работы неизвѣстнаго художника! Вѣдь это прекрасно! Портретъ оцѣнили въ 5 кронъ! Развѣ это не великолѣпно? Ха-ха-ха!

Фалькъ почувствовалъ себя непріятно задѣтымъ этими свѣдѣніями, которыя были ему извѣстны лучше, чѣмъ кому-либо другому.

— Видѣлъ ли ты, какъ «Красная Шапочка» разоблачила этого шарлатана Шенстрема, который на Рождество издалъ свои жалкія стихотворенія? — сказалъ толстый. — Право, рѣдкое было удовольствіе прочесть объ этомъ негодяѣ правдивое слово. Я нѣсколько разъ отдѣлывалъ его въ «Мѣдномъ Зміѣ», такъ что только свистѣло.

— Да, но ты былъ нѣсколько несправедливъ къ нему; его стихи были не такъ плохи, — сказалъ длинный.

— Плохи? Они были много хуже моихъ, а ихъ «Сѣрый Колпачокъ» тоже раздѣлалъ, — ты помнишь?

— А пророс, Фалькъ! Былъ ли ты въ Дьургарденскомъ театрѣ? — спросилъ длинный.

— Нѣтъ!

— Жаль! Тамъ картавить лундгольмская шайка разбойниковъ. Вотъ дерзкій болванъ, этотъ директоръ! Онъ не послалъ «Мѣдному Змію» билетовъ, а когда мы пришли въ театръ, онъ выгналъ насъ. За это ему воздастся! Не проберешь ли и ты эту собаку? Вотъ тебѣ бумага и карандашъ. Я написалъ: «Театръ и музыка. Дьургарденскій театръ». Теперь пиши ты!

— Но я не видѣлъ его труппы!

— Ну такъ что жъ! Развѣ ты никогда еще не писалъ о чемъ-нибудь, чего ты не видѣлъ?

— Нѣтъ, я этого не дѣлалъ! Я разоблачалъ шарлатанство, но никогда не нападалъ на невинныхъ; я его трупы не знаю.

— Ахъ, она жалка! Это одинъ сбродъ! — подтвердилъ толстый. — Навостри перо и уколи его въ пятку, какъ ты умѣешь.

— Почему вы сами не уколете? — спросилъ Фалькъ.

— Потому что наборщики знаютъ нашу руку, а они по вечерамъ изображаютъ тамъ народъ. Впрочемъ, Лундгольмъ такой дикарь, что онъ навѣрно бросится въ редакцію; тогда можно будетъ сунуть ему подъ носъ, что это письмо изъ публики. Такъ, Фалькъ сейчасъ напишетъ о театрѣ, а я займусь музыкой. На прошлой недѣлѣ былъ духовный концертъ. Какъ фамилія-то, Добри?

— Это мы можемъ взглянуть, — сказалъ толстый редакторъ «Мѣднаго Змія» и снялъ пачку газетъ съ газометра.

— Вотъ тебѣ вся программа, да, кажется, здѣсь есть и рецензія!

Фалькъ не могъ скрыть улыбки.

— Не можетъ же рецензія появиться въ тотъ же день, какъ и объявленіе!

— Конечно, можетъ! Но этого ненужно, я самъ отрецензирую французскую сволочь. Займись-ка литературой, толстенный!

— Развѣ издатели посылаютъ книги «Мѣдному Змію»? — спросилъ Фалькъ.

— Ты съ ума сошелъ?

— Неужели же вы ихъ сами покупаете изъ-за одного удовольствія писать рецензіи?

— Покупаемъ? Желторотый! Выпей-ка еще рюмку, да гляди веселѣй, тогда ты получишь котлету!

— Можетъ быть, вы вовсе не читаете книгъ, о которыхъ пишете?

— У кого есть время читать книги? Не довольно ли того, что о нихъ пишутъ? Читаютъ газеты, и то хорошо! Впрочемъ, принципъ нашъ — раздѣлывать всѣхъ.

— Но вѣдь это глупый принципъ.

— Ничуть! Этимъ привлекаешь на свою сторону всѣхъ враговъ и завистниковъ автора, и тогда большинство на твоей сторонѣ. Безразличные охотиѣе читаютъ порицаніе, чѣмъ похвалу! Есть что-то пріятное и утѣшительное для неизвѣстнаго, когда онъ видитъ, какъ тернистъ путь славы. Не такъ ли?

— Да, но вести такую игру съ судьбами людей...

— О, это хорошо и въ старости и въ молодости. Я знаю это, такъ какъ въ моеѣ молодости меня встрѣчали только руганью!

— Да, но вы вводите въ заблужденіе публику.

— Публика не хочетъ имѣть сужденія, публика хочетъ только удовлетворить свою страсть. Если я хвалю твоего врага, то ты извиваешься какъ червь и говоришь, что я сужу невѣрно; если хвалю твоего друга, то ты говоришь, что я сужу вѣрно. Раскритикуй-ка послѣднюю пьесу драматическаго театра, только что появившуюся въ печати.

— Увѣренъ ли ты, что она вышла въ свѣтъ?

— Да, конечно! Ты можешь всегда сказать, что въ ней слишкомъ мало дѣйствія, ибо публика привыкла, чтобы это говорили; потомъ ты можешь посмѣяться надъ «хорошимъ языкомъ»; а потомъ можешь накинуться на театральную дирекцію за то, что она приняла эту пьесу; скажи также о томъ, что нравственное содержаніе — сомнительно,

ибо это можно сказать обо всемъ; но не говори объ исполненіи: «это мы по недостатку мѣста откладываемъ до слѣдующаго раза».

— Кто несчастный, написавшій эту пьесу? — спросилъ Фалькъ.

— Это еще неизвѣстно!

— Подумайте же о его родителяхъ и семьѣ, которые могутъ прочесть эти слова, можетъ быть, въ высокой мѣрѣ несправедливыя!

— Ахъ, какое имъ дѣло до «Мѣднаго Змія»? Будь увѣренъ, они уже знаютъ, что обыкновенно бываетъ въ «Мѣдномъ Зміѣ»!

— Неужели у васъ нѣтъ совѣсти?

— А у почтеннѣйшей публики, которая насъ содержитъ, есть совѣсть? Какъ бы мы жили, если бы она не содержала насъ? Хочешь прослушать отрывокъ о современномъ состояніи литературы, написанный мною; не такъ глупо, можешь повѣрить. Этотъ отрывокъ со мной. Но сперва надо спросить портера. Человѣкъ! Сс!.. Теперь ты услышишь кое-что. Можешь извлечь изъ этого пользу, если хочешь.

«Давно уже эти жалобы слышатся на шведской стихотворной фабрикѣ; вой, могущій довести до отчаянія; большіе длинные малые воютъ, какъ коты въ мартѣ! Они хотятъ привлечь интересъ острымъ малокровіемъ и полипами, если не могутъ иначе! Съ чахоткой они уже не рискуютъ появляться, это слишкомъ старо. И при этомъ у нихъ широкія спины, какъ у лошадей пивовара, и красныя рожи, какъ у винодѣловъ. Одинъ жалуется на невѣрность женщинъ въ то время, какъ испыталъ только платную вѣрность проститутки; другой поетъ, «что у него нѣтъ золота, есть только лира» — каковъ ляжець! У него пять тысячъ кронъ ренты и наследственное право на кресло въ

шведской академіи! А этотъ невѣрный, циничный насмѣшникъ, не могущій открыть рта, не выдыхая своего нечистаго духа, онъ болтаетъ одни богохульства. Имъ бы писать для кондитеровъ по двѣнадцати эре за дюймъ, а не обременять своимъ стихотворствомъ издателей, рецензентовъ и типографовъ. О чемъ они пишутъ? Ни о чемъ, т.-е. о себѣ самихъ. Неприлично говорить о себѣ, но прилично писать. На что они жалуются? На свою неспособность добиться успѣха? Успѣхъ! Вотъ слово! Взялись ли они хоть разъ за дѣло обездоленныхъ; если такъ, то имъ можно было бы простить ихъ грѣхи; но они этого не сдѣлали; поэтому они мѣдь гремящая—нѣтъ, звенящій чугунокъ и лопнувшій бубенчикъ шута—ибо у нихъ не было любви ни къ чему, кромѣ ближайшаго изданія исторіи литературы, къ шведской академіи и къ самимъ себѣ.

— Это горько! А?

— Это несправедливо, думается мнѣ!—сказалъ Фалькъ,

— Мнѣ кажется, что это выразительно,—сказалъ толстякъ.—Ты долженъ сознаться, что это хорошо написано. Не такъ ли? У этого длиннаго пера, которое можетъ пронзить подошву.

— Молчите теперь, дѣти, и пишите, тогда вы послѣ получите кофе съ коньякомъ.

И они писали о достоинствахъ и недостаткахъ людей и разбивали сердца, какъ разбиваютъ яйца.

Фалькъ почувствовалъ необходимость въ чистомъ воздухѣ; онъ отворилъ окно на дворъ; но это былъ узкій, темный дворъ, въ которомъ чувствуешь себя, какъ въ гробу, и видишь четырехугольникъ неба, только запрокинувъ голову. Онъ постарался вдохнуть запахъ сирени, стоявшей на столѣ, но она распространяла только вонь гніенія; еще разъ попытался онъ увидѣть въ окно что-нибудь, что не

внушало бы ему отвращенія; но онъ увидѣлъ только пустой мусорный ящикъ, стоявшій какъ гробъ. Онъ пустилъ свои мысли вверхъ по пожарной лѣстницѣ, которая, казалось, вела прямо въ синее небо отъ грязи, вони и смрада; но не было на ней ангеловъ, и вверху не было видно привѣтливаго лица, только пустынное голубое ничто. Фалькъ взялъ перо и сталъ оттушовывать буквы надписи «театръ», когда сильная рука схватила его за плечо и твердый голосъ сказалъ:

— Пойдемъ со мной, мнѣ надо поговорить съ тобой!

Фалькъ поднялъ глаза, пораженный и пристыженный. Боргъ стоялъ рядомъ съ нимъ и, казалось, не хотѣлъ его отпустить.

— Позвольте познакомить...— началъ Фалькъ.

— Нѣтъ, не надо,—прервалъ его Боргъ,—я не желаю знакомства съ водочными литераторами. Пойдемъ!

И онъ потянулъ Фалька къ двери.

— Гдѣ твоя шляпа? Здѣсь? Идемъ!

Они вышли на улицу. Боргъ взялъ его подъ руку и провелъ до ближайшей площади; тамъ онъ увлекъ его въ магазинъ мореходныхъ принадлежностей и купилъ пару парусиновыхъ туфель; потомъ черезъ шлюзъ провелъ его въ гавань; тамъ привязанный баркасъ былъ готовъ къ отплытію; на баркасѣ сидѣлъ молодой Леви, изучалъ латинскую грамматику и ѣлъ бутербродъ.

— Вотъ,—сказалъ Боргъ,—видишь баркасъ «Урію»; это уродливое имя, но у него хорошій ходъ, и онъ застрахованъ въ «Тритонѣ»; вотъ сидитъ капитанъ—жиденокъ Исаакъ—и зубритъ латинскую грамматику—идіотъ хочетъ стать студентомъ,—а теперь онъ на лѣто домашнимъ учителемъ, и мы ѣдемъ въ наше имѣнье въ Нямдö. Всѣ на борты! Не противорѣчь! Готово? Отчаливай!

XXI.

Кандидатъ Боргъ журналисту Струвѣ.

Нѣмдѣ. Юнь 18...

Старый пасквилянть!

Такъ какъ я вполне увѣренъ, что ни ты, ни Левинъ не уплатили срочныхъ взносовъ по нашей ссудѣ изъ банка сапожниковъ, то я шлю при семь вексель для новой ссуды изъ банка архитекторовъ. То, что не уйдетъ на срочные взносы, раздѣлите по-христіански; мою часть прошу выслать съ пароходомъ въ Дѣларѣ, откуда я ее возьму.

Братъ Фалькъ уже съ мѣсяцъ на моемъ попеченіи и, думается мнѣ, онъ находится на пути къ исправленію. Ты помнишь, что онъ покинулъ насъ тотчасъ же послѣ реферата Олэ и, вмѣсто того, чтобы воспользоваться связями брата, ушелъ въ «Рабочее Знамя», гдѣ его оскорбляли за пятьдесятъ кронъ въ мѣсяцъ.

Но тамошній воздухъ свободы, должно быть, подѣйствовалъ на него деморализующе, ибо онъ сталъ избѣгать людей и плохо одѣваться. Но я въ то время слѣдилъ за нимъ, черезъ посредство той шлюхи Бѣды, а когда я нашелъ, что онъ созрѣлъ для разрыва съ коммунаркомъ, я взялъ его.

Я нашелъ его въ кабацкѣ «Подъ звѣздой» въ обществѣ двухъ пасквилянтовъ, съ которыми онъ пилъ водку, — думается мнѣ, они что-то писали тамъ. Его положеніе было скверно, какъ сказали бы вы.

Какъ тебѣ извѣстно, я гляжу на людей съ абсолютнымъ равнодушіемъ; я беру ихъ, какъ геологическіе объ-

екты, какъ минералы; одни кристаллизуются по одной системѣ, другіе—по другой; почему они это дѣлаютъ, зависитъ отъ законовъ и обстоятельствъ, по отношенію къ которымъ мы должны быть равнодушными; я не плачу о томъ, что полевой шпатъ не твердъ, какъ горный хрусталь.

Поэтому я не могу назвать грустнымъ и положеніе Фалька; оно просто было продуктомъ его собственнаго темперамента (сердца, какъ говорите вы) плюсъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя вызвалъ его темпераментъ.

Онъ все-таки былъ нѣсколько «down», когда я нашелъ его. Я взялъ его на бортъ, и онъ держался спокойно. Но какъ разъ, когда мы отчалили, онъ обернулся и увидѣлъ что на берегу стоитъ Бэда и киваетъ; не знаю, какъ она туда попала. Тогда нашъ малый съ ума спятилъ; «я хочу на берегъ», кричалъ онъ и грозился прыгнуть въ воду. Я схватилъ его за плечи, засунулъ его въ каюту и заперъ дверь.

Когда мы проѣзжали мимо Вагсгольма, я опустилъ два письма въ ящикъ; одно къ редактору «Рабочаго Знамени» съ просьбой извинить отсутствіе Фалька, другое къ его хозяйкѣ съ просьбой выслать его платье.

Между тѣмъ онъ сталъ благоразумнѣе, и когда онъ увидѣлъ море и шхеры, онъ сталъ сантиментально болтать всякую чепуху: онъ говорилъ, что не надѣялся увидѣть еще когда-нибудь зеленую Божью (!) землю и т. под.

Но потомъ въ немъ проснулось нѣчто въ родѣ совѣсти. Ему казалось, что онъ не имѣетъ права быть счастливымъ и отдыхать отъ труда, когда такъ много несчастныхъ людей; ему казалось, что онъ нарушилъ свои обязанности по отношенію къ негодяю изъ «Рабочаго Знамени», и онъ захотѣлъ вернуться. Когда я пытался изобразить ему весь ужасъ его послѣднихъ дней, онъ объявилъ мнѣ, что долгъ

людей страдать другъ за друга и трудиться. Это убѣжденіе приняло у него религіозный характеръ, который я, однако, выгналъ теперь изъ него сельтерской водой и солеными ваннами. Малыи казался совершенно разбитымъ, и мнѣ стоило большого труда починить его, ибо психику и физическую сторону было трудно лѣчить отдѣльно.

Долженъ сказать, что въ извѣстномъ отношеніи онъ удивляетъ меня—а я никогда не удивляюсь. Должно быть, существуетъ какая-то своеобразная манія, заставляющая его дѣйствовать какъ разъ наперекоръ его интересамъ. Какъ хорошо было бы, если бы онъ преспокойно остался чиновникомъ, тѣмъ болѣе, что братъ въ этомъ случаѣ помогъ бы ему большой денежной суммой. Въмѣсто этого онъ губитъ свою репутацію и хлопочетъ за грубаго рабочаго; все изъ-за этихъ идей. Это слишкомъ страшно!

Теперь же онъ, кажется, находится на пути къ выздоровленію, въ особенности послѣ послѣдней лекціи. Можешь ты себѣ представить, онъ здѣсь называлъ рыбака «сударь» и снималъ передъ нимъ шляпу. Кромѣ того, онъ пускался въ сердечныя бесѣды съ жителями и хотѣлъ разъяснить имъ «какъ жить». Слѣдствіемъ этого было, что рыбакъ спросилъ меня однажды, самъ ли Фалькъ заплатитъ за свое содержаніе или это сдѣлаетъ докторъ (я). Я рассказалъ это Фальку, и онъ опечалился, какъ бываетъ съ нимъ всегда, когда онъ разочаровывается въ чемъ нибудь.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого онъ говорилъ съ рыбакомъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ; слѣдствіемъ этого было то, что тотъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ, не живетъ ли Фалькъ въ дурной обстановкѣ.

Первые дни онъ какъ сумасшедшій бѣгалъ вдоль берега. Часто онъ далеко уплывалъ въ фіордъ, какъ будто не собирався вернуться. Такъ какъ я всегда считалъ само-

убійство одной изъ священнѣйшихъ прерогативъ чловѣка, то я и не думалъ ему препятствовать.

Исаакъ рассказываетъ, впрочемъ, что Фалькъ выложилъ ему содержимое своего сердца по поводу нимфы Бэды, которая, должно быть, основательно подвела его.

А propos, Исаакъ: вотъ тонкая голова, можешь мнѣ повѣрить! Онъ въ мѣсяцъ усвоилъ латинскую грамматику и читаетъ Цезаря, какъ мы «Сѣрый Колпачокъ»; и, больше того, онъ знаетъ, о чемъ тамъ написано, чего мы никогда не знали. Но голова его, въ сущности, рецептивна, т.-е. воспримчива и притомъ расчетлива; а это даръ, съ которымъ многіе стали гениями, хотя были порядочно глупы. Его практическая смѣтка ищетъ иногда проявленія, и мы надняхъ имѣли блестящій примѣръ его дѣлового таланта.

Я не знаю его экономическаго положенія, ибо онъ окружаетъ это большой тайнственностью, но однажды онъ проявилъ безпокойство, такъ какъ ему надо было заплатить нѣсколько сотенъ кронъ. Такъ какъ онъ не могъ обратиться къ своему брату изъ «Тритона», съ которымъ онъ порвалъ, то онъ обратился ко мнѣ. Я не могъ помочь ему. Тогда онъ написалъ письмо, которое отправилъ съ нарочнымъ; послѣ этого нѣсколько дней было тихо.

Передъ домомъ, въ которомъ мы жили, находилась красивая дубовая рошица, дававшая пріятную тѣнь и вмѣстѣ съ тѣмъ защищавшая отъ морскихъ вѣтровъ. Я, въ общемъ, мало смыслу въ деревьяхъ и природѣ, но я люблю тѣнь, когда жарко. Однажды утромъ, когда я поднималъ занавѣску, я не понималъ, гдѣ я. Вся рошица была сведена, и на одномъ пнѣ сидѣлъ Исаакъ, зубрилъ Эвклида и считалъ деревья, которыя перетаскивали на яхту.

Я разбудилъ Фалька; онъ былъ въ отчаяніи и тотчасъ вступилъ въ перебранку съ Исаакомъ, положившимъ отъ

этого дѣльца 100 кронъ собѣ въ карманъ. Рыбакъ получилъ двѣсти — онъ больше не требовалъ. Я разозлился; не изъ-за деревьевъ, но изъ-за того, что мнѣ самому не пришла въ голову эта идея.

Фалькъ говоритъ, что это непатріотично; Исаакъ же клянется, что ландшафтъ выигралъ отъ того, что убрали этотъ мусоръ; и онъ хочетъ на слѣдующей недѣлѣ взять лодку и съ этой же цѣлью посѣтить сосѣдніе острова.

Старуха рыбака плакала цѣлый день; рыбакъ же поѣхалъ въ Дамарѵ, чтобы купить ей хорошей матеріи на платье; онъ пропадалъ двое сутокъ; и когда онъ вернулся домой, онъ былъ пьянъ; лодка была пуста, и, когда старуха спросила матерію, онъ объявилъ, что забылъ ее.

Теперь прощай! Пиши скорѣе и разскажи пару скандальныхъ исторій и распорядись какъ слѣдуетъ ссудой.

Твой смертельный врагъ и поручитель

Г. Б.

P.S. Я прочелъ въ газетахъ, что основывается чиновничій банкъ. Кто сунетъ туда деньги? Во всякомъ случаѣ будь на чеку, чтобы мы могли во-время пристроить бумажонку.

Прошу принять нижеслѣдующую замѣтку въ «Сѣрый Колпачокъ». Это относится къ моему докторату:

Научное открытіе. *Sand. med.* Генрикъ Боргъ, одинъ изъ нашихъ выдающихся молодыхъ врачей, открылъ при своихъ зоотомическихъ изысканіяхъ въ стокгольмскихъ шхерахъ, новый видъ семейства *Clupeaster*, которому онъ далъ мѣткое прозвище — *maritimus*. Характеръ этого вида можно кратчайшимъ образомъ опредѣлить такъ (слѣдуетъ описаніе). Экземпляръ возбудилъ живое вниманіе въ мірѣ ученыхъ.

Арвидъ Фалькъ — Болдъ Петерсонъ.

Нямдѣ, Августъ 18...

Когда я хожу вдоль морского берега и вижу, какъ крестоцвѣтъ растеть на пескѣ и камняхъ, я думаю о томъ, какъ ты могла цвѣсти цѣлую зиму въ кабачкѣ стараго города.

Я не знаю ничего болѣе прекраснаго, какъ лежать на прибрежной скалѣ и чувствовать, какъ щепень щекочеть ребра въ то время, какъ я гляжу на море; тогда я становлюсь высокоумнымъ и воображаю себя Прометеемъ; а коршунъ — это ты — лежитъ въ постели на Сандберггатау и долженъ питаться ртутью.

Никого не радуютъ водоросли, пока онѣ растутъ на морскомъ днѣ; но когда ихъ выбросить на берегъ и онѣ гниютъ, тогда онѣ пахнутъ іодомъ—это хорошо для любви, и бромомъ—это хорошо для сумасшествія.

Не было ада на землѣ, пока рай не былъ готовъ, т.-с. пока не было женщинъ! (Старо!).

Далеко въ открытомъ морѣ живетъ пара гагаръ. Если знаешь, что у гагары въ размахѣ крыльевъ два фута, приходится думать о чудѣ — и эта любовь — чудо! А мнѣ нѣтъ больше мѣста во всемъ мирѣ.

Бѣда Петерсонъ — господину Фальку.

Стокгольмъ, Августъ 18...

Дорогой другъ!

Я только что получила твое письмо, но не могу сказать, что поняла его; я вижу, ты думаешь, что я на Сандберггатау. Но это вѣчная ложь, и я понимаю, что это

распространяетъ этотъ негодай, это вѣчная ложь, и клянусь тебѣ, что я люблю тебя такъ же сильно, какъ прежде; я часто стремлюсь увидѣть тебя, но это не можетъ случиться такъ скоро.

Твоя вѣрная Бѣда.

P.S. Милый Арвидъ, не можешь ли ты помочь мнѣ тридцатью кронами до пятнадцатаго; ты получишь ихъ навѣрно пятнадцатаго, потому что тогда я сама получу деньги.

Я была очень больна, и мнѣ такъ грустно, что я хотѣла бы умереть. Барышня въ кафѣ была дрянь, которая ревновала меня къ этому толстому Берглунду, и потому я ушла оттуда. Все, что они болтаютъ обо мнѣ, ложь и клевета. Всего тебѣ хорошаго и не забывай твою

Ту же.

P. P. S. Ты можешь послать деньги Гульдѣ въ кафѣ, тогда я получу ихъ.

Кандидатъ Боргъ — журналисту Струвѣ.

Нямдѣ, Августъ 18...

Консервативный негодай!

Ты растратилъ деньги, такъ какъ я не только не получилъ ихъ, но еще получилъ и письмо съ напоминаніемъ изъ банка сапожниковъ! Не думаешь ли ты, что можно красть, если имѣешь жену и дѣтей! Отвѣчай тотчасъ же, не то я приѣду въ городъ и устрою скандалъ!

Замѣтку я прочелъ, но конечно не обошлось безъ опечатокъ; напечатали «зоологическія» вмѣсто «зоотомическія» и Сруреастер вмѣсто Слуреастер. Надѣюсь, что она все-таки подѣйствовала.

Фалькъ совсѣмъ съ ума спятилъ, получивъ надняхъ письмо, написанное женской рукой. То онъ взлѣзаетъ на деревья, то опускается на морское дно. Должно быть, сейчасъ у него кризисъ. Потомъ я разумно потолкую съ нимъ.

Исаакъ продалъ свою яхту, не спросивъ у меня позволенія, поэтому мы сейчасъ враждуемъ; онъ читаетъ теперь вторую книгу Ливія и основываетъ общество рыбной ловли.

Кромѣ того, онъ приобрѣлъ неводъ для шпротовъ, ружье для тюленей, 25 чубуковъ, лесу для ловли лососей, двѣ сѣти для окуней, сарай для невода и... церковь. Последнее звучитъ неправдоподобно, но это правда! Она, правда, подпалена русскими (1719), но стѣны еще стоятъ. (Община имѣетъ другую церковь, которой и пользуется въ обычныхъ цѣляхъ, старая же служитъ складомъ для сахара). Исаакъ хочетъ подарить ее академіи, чтобы получить орденъ Вазы. Его получали и за меньшее. Дядя Исаака, содержатель гостиницы, получилъ его за то, что угощалъ глухонѣмыхъ пивомъ и бутербродами, когда они осенью посѣщали скачки. Онъ дѣлалъ это въ теченіе шести лѣтъ, но теперь пересталъ! Теперь глухонѣмые не получаютъ больше бутербродовъ, что показываетъ, какъ вреденъ орденъ Вазы!

Если я не утоплю этого малаго, онъ не остановится, пока не скупитъ всю Швецію.

Возьми себя въ руки и будь порядочнымъ, а то я ополчусь на тебя, и ты погибнешь.

Г. Б.

P.S. Если будешь писать замѣтку о посѣтителяхъ курорта Даларё, то назови меня и Фалька, но не Исаака; его общество начинаетъ стѣснять меня—тамъ онъ продалъ яхту.

Пришли мнѣ нѣсколько вексельныхъ бланковъ (голубыхъ), когда будешь высылать деньги.

Кандидатъ Боргъ — журналисту Струвѣ.

Намдѣ, Сентябрь 18...

Почтенный!

Деньги вернулъ! Однако, кажется, мѣнялъ ихъ, потому что въ банкѣ архитекторовъ выплачиваютъ не иначе, какъ шоненскими билетами по 50 кронъ! Ну, да и такъ ладно!

Фалькъ здоровъ; онъ мужественно перенесъ кризисъ; къ нему опять вернулось сознание; очень важный факторъ для жизненнаго успѣха, который, однако, какъ показываетъ статистика, очень ослабленъ у дѣтей, рано потерявшихъ мать. Я далъ ему рецептъ, который онъ принялъ тѣмъ охотнѣй, что и самъ пришелъ къ нему. Онъ опять станетъ чиновникомъ, но не принимая денегъ отъ брата (это его послѣдняя глупость, могу ее уважить); возвращается въ общество, станетъ уважаемымъ, получитъ общественное положеніе и будетъ держать языкъ за зубами до тѣхъ поръ, пока слова его не будутъ пользоваться авторитетомъ.

Послѣднее крайне необходимо, если онъ хочетъ продолжать жизнь, потому что у него предрасположеніе къ сумасшествію. Онъ погибнетъ, если не выколотитъ изъ своей головы всѣхъ этихъ идей, которыхъ я не понимаю; да, думается мнѣ, что и самъ онъ не можетъ сказать, чего хочетъ.

Онъ уже приступилъ къ лѣченію, и я пораженъ его успѣхами! Онъ непременно кончитъ придворнымъ званіемъ.

Такъ я думалъ. Но на этихъ дняхъ ему попала въ руки газета, и онъ прочелъ о парижской коммунѣ. Тотчасъ же съ нимъ случился рецидивъ, и онъ опять полѣзъ на деревья—но потомъ прошло, и онъ не осмѣливается теперь открыть газету. Но онъ не говоритъ ни слова! Остерегайтесь этого человѣка, когда онъ однажды созрѣетъ!

Исаакъ началъ теперь греческій языкъ. Онъ находитъ, что учебники слишкомъ глупы и слишкомъ длинны; поэтому онъ разрѣзаетъ ихъ и вырѣзаетъ самое важное; это онъ вклеиваетъ въ счетоводную книгу, изъ которой онъ сдѣлалъ компендіумъ для экзаменовъ.

Его растущія познанія въ классическихъ языкахъ дѣлаютъ его наглымъ и неприятнымъ. Онъ осмѣлился надняхъ спорить за шахматами съ пасторомъ и увѣрялъ, что христіанство изобрѣтено евреями и что всѣ, получившіе крещенье, евреи. Это латынь да греческій испортили его! Боюсь, что я вскормилъ змѣю на моей волосатой груди; если такъ, то потомство женщины раздавитъ голову змѣю.

Прощай!

Г. Б.

P.S. Фалькъ сбрилъ свою американскую бороду и не снимаетъ больше шляпу передъ рыбаками.

Теперь ты больше не получишь отъ насъ извѣстій изъ Нямдö. Въ понедѣльникъ мы вернемся.

XXVII.

Опять осень. Свѣтлымъ ноябрьскимъ утромъ Фалькъ отправляется изъ своей изящной квартиры на Большой улицѣ въ —скій женскій пансіонъ на площади Карла XIII, въ которомъ ему предстоитъ начать уроки въ качествѣ преподавателя шведскаго языка и исторіи.

Онъ хорошо воспользовался осенними мѣсяцами, чтобы снова вернуться въ цивилизованное общество; узналъ при этомъ, какимъ варваромъ онъ сталъ за время своихъ скитаній; онъ бросилъ свою разбойничью шляпу и купилъ себѣ новую, высокую, которая первоначально не хотѣла сидѣть, какъ слѣдуетъ; онъ купилъ себѣ перчатки, но такъ одичалъ, что отвѣтилъ: «Г!» когда продавщица спросила его объ его номерѣ; всѣ продавщицы улыбнулись этому.

Мода очень измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ купилъ себѣ послѣдній костюмъ; и ему казалось, что онъ франтомъ идетъ по улицамъ; и время отъ времени онъ глядѣлъ на свое отраженіе въ зеркальныхъ стеклахъ, чтобы убѣдиться, что все сидитъ хорошо.

Но теперь онъ ходитъ взадъ и впередъ по тротуару передъ драматическимъ театромъ и ждетъ, когда часы на церкви св. Якова пробьютъ 9; онъ чувствовалъ безпокойство и тяжесть, какъ будто ему самому приходилось итти учиться; тротуаръ слишкомъ коротокъ, и ему казалось, что онъ, какъ собака, бѣгаетъ на цѣпи.

Одно мгновеніе оно серьезно думаетъ о томъ, чтобы продлить свою прогулку, потому что онъ знаетъ, что можно притти въ Лилль-Янсъ, если пойти дальше по улицѣ; и онъ воспоминаетъ утро, когда тотъ же тротуаръ вывелъ его изъ общества, отъ котораго онъ бѣжалъ на свободу, природу и — рабство!

Часы бьютъ девять! Онъ стоитъ въ сѣняхъ; двери въ школьную залу заперты; въ полутьмѣ онъ видитъ много дѣтскихъ одѣяній, висящихъ по стѣнамъ: шляпы, боа, капоры, перчатки, муфты лежатъ на столахъ и на подоконникахъ, а на землѣ стоитъ цѣлый полкъ ботишковъ и калошъ. Но не пахнетъ сырмъ платьемъ и мокрой кожей,

какъ въ передней риксадага, или въ рабочемъ союзѣ «Фениксъ» или... ага, пронесся запахъ свѣже скошеннаго сѣна — онъ опредѣленно шелъ отъ той маленькой муфты, бѣлой, какъ котенокъ, съ черными хвостиками и голубой шелковой подкладкой; онъ не могъ удержаться, взялъ ее въ руки и понюхалъ запахъ духовъ New-town hay—гуть отворилась дверь, и вошла маленькая десятилѣтняя дѣвочка, въ сопровожденіи горничной.

Она глядитъ на учителя большими безстрашными глазами и дѣлаетъ маленькій кокетливый книксъ, на который учитель почти смущенно отвѣчаетъ поклономъ, надъ которымъ улыбается и дѣвочка и горничная. Она опаздываетъ; но это ее нисколько не пугаетъ, потому что она даетъ себя такъ спокойно раздѣть горничной, какъ будто прѣѣхала на балъ.

И вдругъ какой-то звукъ изъ комнатъ — сердце его забилось — что это такое? Ахъ, это органъ! Гм!.. Старый органъ! Да, и цѣлое воинство дѣтскихъ голосовъ поетъ: «Исусе, благослови начинаніе!» Ему скверно на душѣ, и онъ думаетъ о Боргѣ и Исаакѣ, чтобы вернуть себѣ самообладаніе.

Но становится еще хуже: «Отче нашъ!..» Господи! Старое Отче Нашъ! Какъ давно...

Паступаетъ такая тишина, что слышно какъ поднимаются маленькія головки и шуршатъ воротнички и фартучки; потомъ открываются двери, и цѣлый цвѣтникъ дѣвочекъ отъ восьми до четырнадцати лѣтъ колышется изъ стороны въ сторону.

Онъ чувствуетъ себя неловко, и у него такое впечатлѣніе, какъ будто онъ пойманный воръ, когда старая начальница привѣтствуетъ его и подаетъ ему руку; цвѣтникъ

приходить въ движеніе, перешоптывается и обмѣнивается взглядами.

Теперь онъ сидитъ у одного конца длиннаго стола, окруженный двадцатью свѣжими личиками, глядящими весело; двадцать дѣтей, которыя никогда не знали горчайшаго униженія человѣческой жизни—бѣдности, они смѣло и съ любопытствомъ встрѣчаются съ его взглядами; но онъ смущенъ, пока собирается съ духомъ; но потомъ онъ уже друженъ съ Анной, и Шарлоттой, и Жеоржеттой, и Луизой, и Гарри; преподаваніе становится удовольствіемъ; Людовикъ XIV и Александръ остаются великими людьми, какъ всѣ, добившіеся успѣха; французская революція ужасное событіе, при которомъ благородный Людовикъ XVI и добродѣтельная Марія Антуанста погибли, и т. д.

Когда онъ потомъ поднялся въ присутствіе по снабженію сѣномъ кавалерійскихъ полковъ, онъ чувствовалъ себя веселымъ и псмелодѣшнымъ. Въ этомъ присутствіи, въ которомъ онъ читалъ «Консерватора», онъ просидѣлъ до одиннадцати часовъ; потомъ онъ пшелъ въ присутствіе по винокуренію; тамъ онъ позавтракалъ и написалъ два письма, Боргу и Струвѣ.

Ровно въ часъ онъ входитъ въ отдѣленіи по облсженію наслѣдственней пшлиной. Тамъ онъ проводитъ ввводъ въ наслѣдство, на которомъ зарабатываетъ 150 кронъ; до сѣда у него еще столько сесбоднаго времни, что снъ успѣваетъ просмотрѣть корректуру законовъ о лѣссодствѣ, которые онъ издаетъ.

Такъ наступаютъ три часа. На мосту у дома дсрянства можно встрѣтить молодого челоѣка съ важнымъ лицомъ, съ руками за спиной и съ карманами, набитыми бумажными свертками; онъ не спѣша идетъ рядомъ со старымъ худосаеымъ сѣдымъ челоѣкомъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Это

актуаръ присутствія по наслѣдствамъ. Это человѣкъ, болѣе интересующійся мертвыми, чѣмъ живыми, и поэтому Фалькъ такъ хорошо чувствуетъ себя въ его обществѣ; а онъ привязанъ къ Фальку, потому что тотъ, подобно ему, собираетъ монеты и автографы и потому что онъ не склоненъ къ оппозиціи, что рѣдко бываетъ среди молодыхъ людей.

Теперь оба старыхъ друга идутъ въ ресторанъ Розенгрень, гдѣ они увѣрены, что не встрѣтятъ молодыхъ людей, и гдѣ они говорятъ о нумизматикѣ и автографахъ. Потомъ они пьютъ кофе въ уголкѣ кафэ Рюдберга и просматриваютъ до шести часовъ каталоги монетъ; въ это время выходитъ официальная почтовая газета, и они читаютъ о назначеніяхъ.

Оба они счастливы въ обществѣ другъ друга, ибо никогда не спорятъ. Фалькъ такъ свободенъ отъ убѣжденій, что сталъ любезнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ, и поэтому начальство и товарищи любятъ и цѣнятъ его.

Иногда они засиживаются и тогда перекусываютъ на Гамбургской и выпиваютъ рюмку настойки въ ресторанѣ при Оперѣ, а то и двѣ рюмки. Когда потомъ видишь ихъ въ одиннадцать часовъ возвращающихся подъ руку, то, право, пріятно глядѣть.

Фалькъ часто обѣдаетъ и ужинаетъ въ семействахъ, въ которыя его ввелъ отецъ Борга; дамы находятъ его интереснымъ, но никогда не знаютъ, какъ онъ относится къ нимъ, потому что онъ всегда улыбается и говоритъ имъ пріятныя колкости.

Но когда онъ пресыщенъ семейной жизнью и общественной ложью, онъ идетъ въ «Красную Комнату»; тамъ онъ застаетъ ужаснаго Борга, поклонника Исаака, его тайнаго врага и завистника Струвэ, у котораго никогда нѣтъ денегъ, и саркастически настроеннаго Селлена, который по-

степенно подготовляетъ себѣ второй успѣхъ, послѣ того какъ всѣ его подражатели пріучили публику къ новой манерѣ.

Лундель, покинувшій религіозное поприще, послѣ того, какъ кончилъ алтарную живопись, сталъ жирнымъ эпикурейцемъ, который приходитъ въ «Красную Комнату» только тогда, когда можно ѣсть и пить задаромъ; онъ живетъ теперь портретами, что связано съ безчисленными приглашеніями на обѣды и ужины; какъ увѣряетъ Лундель, эти посѣщенія необходимы, чтобы изучать характеры.

Олэ, все еще работающій у орнаментщика, послѣ своего пораженія въ качествѣ оратора и политика, сталъ мрачнымъ человѣконенавистникомъ и не желаетъ «стѣснять» прежнихъ товарищей.

Фалькъ дикъ и пылокъ, когда онъ приходитъ въ «Красную Комнату», и ничто не свято для него, кромѣ политики, къ которой онъ не прикасается. Но если онъ увидитъ въ то время, какъ запаливаетъ свои ракеты, сквозь облака табачнаго дыма, мрачнаго Олэ на другомъ концѣ зала, тогда онъ станется мрачнымъ, какъ ночь на морѣ, и потребляетъ большія количества крѣпкихъ напитковъ, какъ будто хочетъ потушить ими пламя или раздуть его.

Но съ нѣкотораго времени Олэ пересталъ показываться.

XXVIII.

Снѣгъ падаетъ такъ легко, такъ тихо, и все бѣло на улицѣ, когда Фалькъ и Селленъ идутъ въ госпиталь въ юго-восточной части города, чтобы захватить собой Борга въ «Красную Комнату».

— Удивительно, какое торжественное, сказалъ бы я,

впечатлѣніе производитъ первый снѣгъ, — говоритъ Селленъ. — Грязная земля становится...

— Ты сантименталенъ? — прервалъ его Фалькъ насмѣшливо.

— Нѣтъ, я высказывался только, какъ пейзажистъ.

Они тихо пошли дальше сквозь снѣгъ, кружившійся около ихъ ногъ.

— Этотъ Конунгсгольмъ съ его лазаретами кажется мнѣ жуткимъ, — замѣтилъ Фалькъ.

— Ты сантименталенъ? — сказалъ Селленъ насмѣшливо.

— Нѣтъ, но эта часть города всегда производитъ на меня извѣстное впечатлѣніе.

— Ахъ, болтовня! Она не производитъ никакого впечатлѣнія. Это твое заблужденіе. Смотри, вотъ мы пришли, и у Борга свѣтло. Можетъ быть, у него сегодня вечеромъ нѣсколько хорошенькихъ труповъ.

Они стояли теперь передъ воротами института. Большое зданіе глядѣло на нихъ своими многочисленными окнами, какъ бы спрашивая ихъ, что имъ нужно въ такой поздній часъ. Они прошли, утопая въ снѣгу, въ маленькій флигель направо.

— Добрый вечеръ! — сказалъ Боргъ и отложилъ скальпель. — Хотите видѣть знакомаго?

Онъ не дождался отвѣта, котораго и не послѣдовало, зажегъ фонарь, взялъ свое пальто и связку ключей.

— Я не зналъ, что у насъ здѣсь есть знакомые, — сказалъ Селленъ, не желавшій портить себѣ настроеніе.

Они перешли черезъ дворъ въ большое зданіе; дверь заскрипѣла и захлопнулась за ними, и огарокъ свѣчи, оставшійся отъ послѣдней картежной игры немощно освѣщалъ бѣлыя стѣны. Оба посѣтителя старались про-

честь по лицу Борга, шутить ли онъ; но на немъ ничего нельзя было прочесть.

Теперь они загнули налево въ коридоръ, который такъ вторилъ шуму ихъ шаговъ, какъ будто кто-то шелъ за ними.

Фалькъ старался итти непосредственно за Боргомъ и имѣть за спиной Селлена.

— Вотъ! — сказалъ Боргъ и остановился посреди коридора.

Никто не видѣлъ ничего, кромѣ стѣны. Но слышался звукъ какъ будто дождя, и страннымъ запахомъ сырой клумбы или хвойнаго лѣса въ октябрѣ пахнуло имъ навстрѣчу.

Правая стѣна была стеклянная, и за ней виднѣлись три бѣлыхъ тѣла, лежащихъ на спинѣ.

— Здѣсь, — сказалъ онъ и остановился у второго стѣна края.

Это былъ Олэ! Онъ лежалъ, скрестивъ руки на груди, какъ будто спалъ, губы поднялись кверху такъ, что казалось, будто онъ спитъ. Впрочемъ, онъ хорошо сохранился.

— Утонулъ? — спросилъ Селленъ, первымъ пришедшій въ себя.

— Утонулъ! Узнаетъ ли кто-нибудь изъ васъ его платье?

Три жалкихъ костюма висѣли на стѣнѣ, изъ которыхъ, Селленъ тотчасъ же узналъ подходящий: синюю куртку съ охотничьими пуговицами и черные брюки, побѣлѣвшія на колѣнкахъ.

— Ты увѣренъ?

— Какъ мнѣ не узнать собственной одежды, которую я взялъ у Фалька.

Изъ кармана куртки Селленъ вытащилъ большой бумажникъ, ставшій отъ воды липкимъ и разбухшимъ. Онъ

открылъ его при свѣтѣ фонаря и просмотрѣлъ его содержимое — нѣсколько просроченныхъ залоговыхъ квитанцій и тетрадку, на которой было написано: «Тому, кто захочетъ читать».

— Достаточно ли вы полюбовались?—сказалъ Боргъ.— Пойдемъ въ ближайшій кабакъ.

Трое опечаленныхъ (слово «друзья» употреблялось только Лунделемъ и Левинымъ, когда они хотѣли занять денегъ), собрались въ ближайшемъ кабакѣ, какъ комитетъ «Красной Комнаты».

При пылающемъ огнѣ и батарее крѣпкихъ напитковъ Боргъ началъ читать бумаги, оставленные Олэ, но долженъ былъ порой прибѣгать къ умѣнью Фалька разбирать автографы, потому что вода мѣстами смыла чернила, такъ что казалось, что писавшій плакалъ, какъ шутливо замѣтилъ Селлень.

— Молчать! — сказалъ Боргъ и вынулъ свой грогъ однимъ глоткомъ, обнаживъ коренные зубы. — Теперь я начинаю и прошу не перебивать.

Тому, кто захочетъ читать.

То, что я теперь лишаю себя жизни — мое право, тѣмъ болѣе, что я не нарушаю этимъ правъ другихъ людей, а скорѣе дѣлаю ихъ счастливыми; освобождается мѣсто и 400 кубическихъ футовъ воздуха ежедневно.

Я совершаю это не изъ отчаянія, потому что размышляющій человекъ не отчаивается никогда; всякій пойметъ, что такой шагъ привлечетъ вниманіе; откладывать его изъ страха передъ тѣмъ, что будетъ, можетъ только рабъ

земли, ищущій этого предлога для того, чтобы остаться тамъ, гдѣ ему, навѣрно, было не плохо. Я чувствую себя освобожденнымъ при мысли, что могу прервать это существованіе, ибо хуже мнѣ быть не можетъ, а можетъ быть, будетъ и лучше. Если же не будетъ ничего, то смерть явится блаженствомъ, какъ сонъ въ хорошей постели послѣ тяжелаго физическаго труда. Кто наблюдалъ, какъ при этомъ замираетъ тѣло и понемногу уходитъ душа, тотъ навѣрное не станетъ бояться смерти.

Почему люди такъ носятся со смертію; потому что они слишкомъ глубоко закопались здѣсь въ землю, чтобы не чувствовать боль, когда ихъ вырываютъ. Я давно отвергнулъ землей, не связанъ семейными, экономическими и правовыми узами, которыя могли бы удержать меня, и я ухожу отсюда, потому что я просто потерялъ охоту жить.

Почему я ухожу? Причины такъ многочисленны и уходятъ такъ глубоко, что у меня сейчасъ нѣтъ ни времени, ни возможности разъяснить ихъ.

Въ дѣтствѣ и юности я работалъ тѣломъ. Вы, не знающіе, что значитъ работать отъ восхода до заката и потомъ впадать въ животный сонъ, вы избѣгли первороднаго проклятiя, потому что нѣтъ хуже проклятiя, чѣмъ чувствовать, что душа остановилась въ ростѣ, въ то время какъ тѣло копается въ землѣ. Иди за воломъ, тянущимъ плугъ, и пусть глазъ твой изо дня въ день глядитъ на сѣрыя глыбы земли, и ты въ концѣ концовъ разучишься глядѣть въ небо. Стой съ заступомъ и подъ жгучимъ солнцемъ копай ровъ и ты почувствуешь, какъ уходишь въ землю, больную водянкой, и копаешь могилу собственной своей душѣ. Этого вы не знаете, вы, веселящіеся цѣлый день и работающіе въ свободный промежутокъ между завтракомъ и обѣдомъ, чтобы потомъ дать душѣ отдыхъ лѣтомъ, когда

земля зеленѣетъ и вы наслаждаетесь природой и ея облагораживающимъ и возвышающимъ зрѣлищемъ. Для земледѣльца не существуетъ такой природы: пашня — хлѣбъ, лѣсъ — дрова, озеро — лоханка, лугъ — сыръ и молоко, все вмѣстѣ — земля, лишенная души!

Когда я увидѣлъ, что одна половина людей можетъ работать душой, а другая только тѣломъ, я подумалъ сперва, что мѣръ создалъ два рода людей, но потомъ вернулся мой разумъ и отвергъ это. Тогда возмутилась душа моя, и я рѣшилъ тоже бѣжать отъ первороднаго проклятія — и сталъ художникомъ.

Я могу анализировать стремленіе къ творчеству, о которомъ такъ много говорятъ, потому что самъ пережилъ его. Оно поконится прежде всего на стремленіи къ свободѣ отъ полезнаго труда; поэтому одинъ нѣмецкій художникъ опредѣлилъ прекрасное, какъ бесполезное; ибо, если произведеніе искусства хочетъ быть полезнымъ и выдаетъ намѣреніе, или тенденцію, то оно — уродливо. Потомъ это стремленіе поконится на высокоуміи: человекъ хочетъ въ искусствѣ играть роль Бога не потому, что можетъ создавать новое, — этого онъ не можетъ, — но для того, чтобы улучшать, комбинировать, претворять. Онъ не начинаетъ съ того, что восхищается природой, какъ прообразомъ; нѣтъ, онъ начинаетъ съ критики; онъ находитъ все порочнымъ и все хочетъ улучшить.

Это высокоуміе, которое гонитъ впередъ, и эта свобода отъ первороднаго проклятія дѣлаютъ то, что художнику кажется, что онъ стоитъ надъ всѣми людьми; это дѣйствительно такъ, нѣкоторымъ образомъ, но ему необходимо постоянно помнить о прошломъ, а то онъ найдетъ ничтожное въ своей дѣятельности и несправедливое въ своемъ

отреченіи отъ полезнаго труда. Вѣчная необходимость въ признаніи дѣлають его тщеславнымъ, безпокойнымъ и часто глубоко несчастнымъ. Но если онъ становится яснымъ себѣ самому, то продуктивность его пропадаетъ, и онъ погибаетъ, ибо вернуться подъ ярмо тому, кто извѣдалъ свободу, невозможно, и на это способенъ только человѣкъъ религіозный.

Дѣлать разницу между геніемъ и талантомъ — глупо, ибо тогда пришлось бы вѣрить и въ особое откровеніе. Конечно, величайшій художникъ имѣетъ природныя способности къ извѣстному техническому умѣнью; онѣ умирають безъ упражненія; поэтому кто-то сказалъ, что геній есть прилежаніе; это можно утверждать, какъ и многое справедливое на одну четверть. Если къ этому еще присоединяется образованіе (что рѣдко, ибо знаніе быстро раскрываетъ заблужденіе) и свѣтлый разумъ, то возникаетъ геній, какъ продуктъ цѣлаго ряда благопріятныхъ условій.

Я старался опять войти въ рабство, но это было невозможно! Я старался найти въ немъ свой высшій долгъ. Душа моя повредилаь, и я былъ уже готовъ стать животнымъ; иногда мнѣ, казалось, что большое количество работы грѣховно, ибо оно замедляетъ развитіе души; тогда я убѣгалъ къ природѣ, гдѣ дѣлалъ наблюденія, дѣлавшія меня невыразимо счастливымъ. Это счастье казалось мнѣ наслажденіемъ, столь же большимъ, даже большимъ, чѣмъ то, которое я испытывалъ при работѣ; но приходила совѣсть, сознаніе долга налетало, какъ фурія, и я опять бѣжалъ къ своему ярму, которое радовало меня—на одинъ день!

Чтобы освободиться отъ этого невыносимаго состоянія и обрѣсти ясность и покой, я иду навстрѣчу невѣдомому. Вы, смотрящіе теперь на мой трупъ — скажите, несчастно ли я выгляжу въ смерти?

Замѣтки при прогулкѣ.

Цѣль міра — освобожденіе идеи отъ чувственности; искусство же старается придать идеямъ чувственную форму, чтобы онѣ стали видимыми. Слѣдовательно...

Все само себя исправляетъ. Когда хозяйничанье художниковъ разрослось во Флоренціи, пришелъ Савонарола — о, глубокой человѣкъ! — и сказалъ свое: «Это ничтожно». И художники — какіе художники! — сложили костры изъ своихъ произведеній. О, Савонарола!

Чего хотѣли иконоборцы въ Византіи? Чего хотѣли анабаптисты и иконоборцы въ Нидерландахъ? Я не смѣю сказать этого, ибо тогда меня разочтутъ въ субботу, а можетъ быть, даже и въ пятницу!

Великая идея нашего времени — раздѣленіе труда — приводитъ къ торжеству вида и къ смерти индивидуума. Что такое видъ? Это понятіе цѣлаго, идеи, говорятъ философы. Индивиды вѣрятъ въ это и умираютъ за идею!

Странно, что правители хотятъ всегда того, чего не хочетъ народъ. Развѣ нельзя устранить это недоразумѣніе очень простымъ и легкодостижимымъ способомъ?

Швеція есть колонія, которая имѣла свою пору расцвѣта и величія, но теперь она, подобно Греціи, Италіи и Испаніи, погружается въ вѣчный сонъ.

Страшная реакція, наступившая послѣ 1865 года, года смерти надеждъ, деморализующе подѣйствовала на новое поколѣніе. Большаго равнодушія къ общему благу, большаго эгоизма, большей иррелигіозности давно уже не запомнить исторія. Тамъ гдѣ-то бушуетъ буря, и народы

ревуть отъ бѣшенства противъ порабощенія; здѣсь же празднуютъ только юбилеи.

Быть консервативнымъ по расчету—это величайшій грѣхъ, какой только можетъ свершить человѣкъ. Это покушеніе на міровыя цѣли изъ-за трехъ шиллинговъ, ибо консерваторъ старается остановить развитіе: онъ упирается спиной въ вращающуюся землю и говоритъ: стой! Одно только можетъ быть извиненіе: глупость. Плохія обстоятельства не могутъ служить извиненіемъ.

Я спрашиваю себя, не станетъ ли Норвегія для насъ новой заплатой на старомъ платьѣ.

Стернгельмъ, бывший неглупымъ малымъ, написалъ уже въ семнадцатомъ вѣкѣ о Швеціи:

«Нашу страну перемѣстили, подмѣнили или измѣнили».

— Что вы скажете на это? — сказалъ Боргъ, окончивъ чтеніе и выпивъ рюмку коньяку.

— О, это неплохо; могло бы быть только поостроумнѣй, — сказалъ Селлень.

— Ты что полагаешь, Фалькъ?

— Это обыкновенный крикъ и ничего больше. Пойдемте?

Боргъ поглядѣлъ на него, чтобы узнать, иронія ли это по не было видно ничего тревожнаго.

— Итакъ, — сказалъ Селлень, — Олэ ушелъ, отыскивать поля блаженныхъ; да, хорошо ему, ему не придется больше заботиться объ обѣдѣ. Хотѣлъ бы я знать, что скажетъ хозяинъ «Пуговицы». У него былъ небольшой должокъ тамъ.

— Какая безсердечность, какая грубость! Тьфу, чортъ!

Вотъ такъ молодежь!—разразился Фалькъ, бросилъ деньги на столъ и надѣлъ пальто.

— Ты сантименталенъ? — дразнилъ Селленъ.

— Да! Прощайте.

И онъ ушелъ.

XXIX.

Лиценціатъ Боргъ въ Стокгольмѣ — пейзажисту Селлену въ Парижѣ.

Дорогой Селленъ!

Цѣлый годъ ты ждалъ моего письма, но теперь мнѣ есть о чемъ писать. Согласно моимъ принципамъ я хотѣлъ бы начать съ самого себя, но надо упражняться въ вѣжливости, ибо скоро придется выходить въ жизнь и зарабатывать себѣ хлѣбъ; итакъ, начну съ тебя.

Поздравляю тебя, что тебѣ пришлось выставить твою картину и что она произвела такой эффектъ. Замѣтка была принесена Исаакомъ въ «Сѣрый Колпачокъ» безъ вѣдома редактора, который потомъ бѣсился, читая ее, такъ какъ онъ клялся, что изъ тебя ничего не выйдетъ. Послѣ того, какъ тебя признали за границей, ты, конечно, имѣешь теперь имя и здѣсь, на родинѣ, и я могу больше не стыдиться моего знакомства съ тобой.

Чтобы ничего не забыть и быть краткимъ, ибо, какъ ты знаешь, я лѣнивъ, а сегодня, кромѣ того, и утомился послѣ дежурства въ родильномъ пріютѣ, я напишу письмо въ формѣ замѣтокъ, совсѣмъ какъ въ «Сѣромъ Колпачкѣ»; благодаря этому ты можешь легче перескочить черезъ то, что тебя не интересуешь.

Политическое положеніе становится все болѣе интереснымъ; всѣ партіи подкупили другъ друга взаимными

подарками, и теперь всё съры; эта реакція, вѣрнѣе всего, кончится социализмомъ. Я говорилъ на-дняхъ съ однимъ изъ моихъ товарищей, который уже статскій совѣтникъ въ отставку. Онъ увѣрялъ меня, что теперь легче стать статскимъ совѣтникомъ, чѣмъ экспедиторомъ. Работа же очень напоминаетъ ту, которую приходится дѣлать, когда даешь поручительства, — приходится только подписывать! Съ уплатой не такъ уже строго, есть вѣдь второй поручитель.

Пресса — да вѣдь ты ее знаешь! Въ общемъ она стала дѣловымъ предпріятіемъ, она слѣдуетъ убѣжденію большинства, то-есть большинства подписчиковъ, а большинство подписчиковъ реакціонно. Я спросилъ однажды одного либеральнаго журналиста, почему онъ такъ хорошо пишетъ о тебѣ, не зная тебя. Онъ сказалъ, что дѣлаетъ это потому, что на твоей сторонѣ общественное мнѣніе, т.-е. большинство подписчиковъ.

— А если общественное мнѣніе повернется противъ него?

— Тогда я его, конечно, отдѣлаю!

Ты, конечно, понимаешь, что при такихъ обстоятельствахъ все поколѣніе, подростшее послѣ 1865 года и не представленное въ риксдагъ, должно притти въ отчаяніе; поэтому они нигилисты, т.-е. они... на все, или же находятъ выгоднымъ стать консервативными, ибо стать при такихъ обстоятельствахъ либеральнымъ, это къ чорту-съ!

Экономическое положеніе подавлено. Запасъ векселей, мой, по меньшей мѣрѣ, падаетъ; даже лучшія бумаги, подписанныя двумя Dr med., не имѣютъ усгѣха ни въ какомъ банкѣ.

«Тритонъ» ликвидированъ, какъ тебѣ извѣстно.

Николаусъ Фалькъ, другъ и братъ, который

имѣлъ частныя ссудныя дѣлишки, рѣшилъ соединиться съ нѣсколькими свѣдущими людьми и открыть банкъ. Новая программа гласить:

«Такъ какъ опытъ—поистинѣ печальный (составитель—Левинъ, замѣчашь?)—показалъ, что депозитныя бумаги недостаточная гарантія, чтобы получить обратно ссуженныя цѣнности—т.-е. деньги,—мы, нижеподписавшіеся, побуждаемые безкорыстной ревностью къ дѣламъ отечественной промышленности и чтобы дать состоятельной публикѣ бѣольшую гарантію, составили банкъ, подъ именемъ «Акціонерное общество для гарантіи залоговъ». Новаго и надежнаго,—ибо не все ново и надежно,—въ нашей идеѣ то, что закладывающіе свое имущество получать, вмѣсто неимѣющихъ никакой цѣны залоговыхъ расписокъ, цѣнныя бумаги на полную сумму залога и т. д.»

Дѣло еще существуетъ, и ты можешь вообразить, какія цѣнныя бумаги они вручаютъ взаменъ расписокъ!

Левинъ. Острымъ взглядомъ Фалькъ оцѣнилъ, какую пользу онъ можетъ извлечь изъ такого человѣка, какъ Левинъ, который, кромѣ того, развелъ колоссальныя знакомства своими займами. Но чтобы приготовить его какъ слѣдуетъ и ознакомить его со всѣми закоулками дѣла, онъ опротестовалъ одинъ его вексель. Потомъ онъ выступилъ въ качествѣ спасителя и сдѣлалъ его чѣмъ-то въ родѣ совѣтника съ титуломъ секретаря правленія. И теперь этотъ Левинъ сидитъ въ маленькой отдѣльной комнатѣ, но не смѣетъ показываться въ банкѣ.

«Исаакъ Леви кассиромъ въ этомъ банкѣ. Онъ сдалъ экзаменъ (съ латынью, греческимъ и еврейскимъ) такъ же, какъ и юридическіе предметы и философскіе, съ высшей отмѣткой; конечно, «Сѣрый Колпачокъ» оповѣстилъ объ его экзаменѣ. Теперь онъ продолжаетъ изучать

право и дѣлаеть гешефты на собственный счетъ. Онъ, какъ угорь, у него девять жизней, и онъ живетъ ничѣмъ. Онъ не употребляетъ спиртныхъ напитковъ и никотина ни въ какомъ видѣ; есть ли у него другіе пороки, не знаю, но онъ плодovitъ! У него желѣзная лавка въ Гернозундѣ, сигарный магазинъ въ Гельсингфорсѣ и галантерейная лавка въ Седертелье; кромѣ того, у него нѣсколько домиковъ на югѣ Стокгольма! Онъ человѣкъ съ будущимъ, говорятъ люди. Онъ человѣкъ съ настоящимъ, скажу я.

Братъ его Леви послѣ ликвидаціи «Тритона» ушелъ въ частныя дѣла, какъ говорятъ, съ хорошимъ капиталомъ. Онъ хочетъ приобрести Лѣсной монастырь около Упсалы, который онъ собирается реставрировать въ совѣмъ новомъ стилѣ, который изобрѣтенъ его дядей изъ художественной академіи. Но, кажется, предложеніе его отвергнуто. Это очень оскорбляетъ Леви, и онъ написалъ замѣтку для «Сѣраго Колпачка»: «Преслѣдованіе евреевъ въ XIX вѣкѣ», чѣмъ привлекъ на свою сторону живѣйшія симпатіи всей интеллигентной публики; благодаря этому онъ можетъ стать депутатомъ, если захочетъ. Онъ получилъ также благодарственный адресъ отъ единовѣрцевъ (какъ будто у Леви есть вѣра); въ немъ они благодарили его, что онъ защитилъ права евреевъ (въ частности — купить Лѣсной монастырь). Адресъ былъ переданъ на банкетѣ, на который было приглашено не мало шведовъ (я переносу еврейскій вопросъ на его настоящую почву, этнографическую). Герою передали при этомъ случаѣ подарокъ въ 20.000 кронъ (акціями) для «пріюта для падшихъ мальчиковъ евангелическаго вѣроисповѣданія» (все-таки вѣроисповѣданіе!).

— Я тоже былъ на банкетѣ и видѣлъ то, чего никогда не видѣлъ, именно — пьянаго Исаака! Онъ объявилъ, что ненавидитъ меня, Фалька и всѣхъ «бѣлыхъ». Онъ назы-

валъ насъ то «бѣлыми», то «аборигенами». Потомъ онъ изливалъ мнѣ свое сердце, говорилъ о своихъ страданіяхъ ребенкомъ въ школѣ, когда учителя и товарищи издѣвались надъ нимъ, а уличные мальчишки колотили его. Что тронуло меня больше всего, такъ это разсказъ о его солдатчинѣ; его вызывали на зорю передъ строй читать «Отче нашъ». И такъ какъ онъ его не зналъ, то надъ нимъ насмѣхались. Его разсказы побудили меня измѣнить взглядъ на него и его племя.

Религіозное шарлатанство и благотворительная холера процвѣтаютъ въ высокой степени и дѣлаютъ пребываніе на родинѣ весьма непріятнымъ. Помнишь два чортовыхъ волоса, госпожу Гоманъ и госпожу Фалькъ, два мелочнѣйшихъ, тщеславнѣйшихъ и злѣйшихъ существа. Ты помнишь ихъ ясли и конецъ этого предпріятія; теперь онѣ устроили пріютъ имени св. Магдалины—и первая, кого они приняли по моей рекомендаціи, была Марія! Бѣдняжка отдала всѣ свои сбереженія какому-то прохвосту, который съ ними скрылся. Теперь она радовалась имѣть все задаромъ и вернуть себѣ гражданское довѣріе. Она объявила, что сможетъ вынести всѣ проповѣди, которыя неизбѣжны при такой дѣятельности, если только ей будутъ давать каждое утро кофе.

Пасторъ Скорэ, котораго ты навѣрно помнишь, не сталъ примаріусомъ и изъ досады онъ собираетъ на новую церковь. Печатные листы, подписанные богатѣйшими магнатами Швеціи, призываютъ всеобщее милосердіе. Собранныхъ денегъ уже столько, что пришлось назначить завѣдующаго (съ бесплатной квартирой и отопленіемъ). Угадай, кто назначенъ завѣдующимъ? Слушай и дивись: Струвэ!

Струвэ въ послѣднее время сталъ нѣсколько рели-

гіознымъ — я говорю немного, но достаточно для его обстоятельствъ, ибо теперь онъ подъ защитой вѣрующихъ. Это не мѣшаетъ ему продолжать писаніе въ газетахъ и пьянство. Но сердце его не смягчилось, наоборотъ, онъ такъ обозленъ на всѣхъ, кто не опустились подобно ему, ибо, между нами говоря, онъ страшно опустился; поэтому онъ ненавидитъ Фалька и тебя и поклялся разнести васъ, лишь только вы заставите говорить о себѣ. Впрочемъ, для того, чтобы переѣхать на бесплатную квартиру, ему пришлось повѣнчаться, что и случилось втихомолку на Бѣлыхъ Горахъ. Я былъ свидѣтелемъ (въ пьяномъ видѣ, конечно) и присутствовалъ при этомъ обстоятельствѣ. Жена его стала тоже религіозной, такъ какъ она слыхала, что это принято.

Лундель совсѣмъ покинулъ религіозную почву и пишетъ только портреты директоровъ; они сдѣлали его ассистентомъ въ академіи художествъ. Онъ теперь тоже безсмертный, ибо ему удалось провести контрабандой картину въ національный музей. Способъ простъ и достоинъ подражанія. Смитъ подарилъ національному музею жанровую картину Лунделя, который за это бесплатно написалъ его портретъ! Развѣ это не хорошо? А?

Конецъ романа. Однажды утромъ въ воскресенье я сидѣлъ въ своей комнатѣ и курилъ. Раздался стукъ въ мою дверь, и вошелъ красивый рослый мужчина, который показался мнѣ знакомымъ, — Ренгельмъ! Взаимные разспросы. Онъ управляющій большой фабрикой и доволенъ.

Опять постучали. Вошелъ Фалькъ (ниже подробнѣе о немъ.).

Поговорили о старыхъ воспоминаніяхъ и общихъ знакомыхъ! Потомъ наступилъ этотъ столь знакомый моментъ послѣ оживленнаго разговора, когда все стихаетъ и про-

исходитъ странная пауза. Ренгельмъ схватилъ книгу, лежавшую вблизи него, полисталъ въ ней и началъ громко читать:

«Цесарево сѣченіе. Диссертация, публично защищаемая въ малой аудиторіи университета». Вотъ страшныя вещи; кто эта несчастная?

— Посмотри, — сказалъ я, — на второй страницѣ.

Онъ сталъ читать дальше.

«— Тазъ, хранящійся подъ номеромъ 38 въ патологической коллекціи академіи...» Нѣтъ, это не то. «Незамужняя Агнеса Рундгрень...»

Ренгельмъ сталъ блѣденъ, какъ извѣсть, и ему пришлось встать и пить воду.

— Ты зналъ ее? — спросилъ я, чтобы разсѣять его.

— Зналъ ли я ее? Она была въ театрѣ въ Х — ксепингъ и потомъ переселилась сюда, въ Стокгольмъ, въ одно кафэ, гдѣ называлась Бэда Петерсонъ.

Теперь ты посмотрѣлъ бы на Фалькъ! Разразилась сцена, которая кончилась тѣмъ, что Ренгельмъ проклиналъ женщину вообще, на что Фалькъ возбужденно отвѣтилъ, что существуетъ два рода женщинъ; онъ хочетъ сказать, что между женщиной и женщиной можетъ быть разница, какъ между ангеломъ и чортомъ. И онъ говорилъ съ такимъ волненіемъ, что у Ренгельма слезы навернулись на глаза.

Фалькъ. Да! Его я приберегъ напоследокъ. Онъ обрученъ! Какъ это произошло? Онъ самъ рассказывалъ это такъ: «Мы видѣлись!»

Какъ тебѣ извѣстно, у меня нѣтъ предвзятыхъ мнѣній, я жду опыта; но послѣ того, что я видѣлъ, едва ли можно отрицать, что любовь есть нѣчто, о чемъ мы, холостяки, не можемъ судить. То, что мы называемъ этимъ

именемъ, есть только легкомысліе. Смѣйся, старый насмѣшникъ!

Я видѣлъ только въ плохихъ пьесахъ такое развитіе характера, какъ у Фалька. Можешь себѣ вообразить, съ обрученіемъ пошло не такъ гладко. Отецъ, старый вдовецъ, эгонстъ, пенсіонеръ,—глядѣвшій на свою дочь, какъ на капиталъ, и желавшій, чтобы она богатой партіей приготовила ему пріятную старость. (Это нѣчто весьма повседневное!) Онъ, значитъ, наотрѣзъ сказалъ нѣтъ! Тутъ бы ты посмотрѣлъ на Фалька! Онъ вновь и вновь приходилъ къ старику, и тотъ каждый разъ выгонялъ его, но онъ опять приходилъ, заявлялъ старику прямо въ лицо, что они пожениатся безъ его согласія; не знаю, но кажется мнѣ, что они дрались.

Однажды вечеромъ Фалькъ провожалъ свою невѣсту отъ родныхъ, которымъ онъ самъ себя представилъ. Когда они пришли въ ихъ улицу, они увидѣли при свѣтѣ фонаря старика въ окнѣ—у него маленькій домъ, въ которомъ онъ живетъ одинъ. Фалькъ стучитъ въ калитку; онъ стучитъ четверть часа, но никто не открываетъ. Онъ перелѣзаетъ черезъ ворота, при чемъ на него нападаетъ большая собака, которую онъ побѣждаетъ и запираетъ въ мусорный ящикъ. Затѣмъ онъ заставляетъ дворника встать и отпереть. Такъ они проникли во дворъ; оставалось еще проникнуть въ домъ. Онъ ударяетъ большимъ камнемъ въ дверь, но изнутри не слышать ни звука; тогда онъ достаетъ изъ сада лѣстницу, взбирается къ окну старика (совсѣмъ такъ же сдѣлалъ бы и я) и кричитъ:

— Откройте дверь, не то я окно выбью!

Тогда раздался голосъ старика:

— Если ты это сдѣлаешь, негодяй, я пристрѣлю тебя!
Фалькъ выбилъ окошко!

Минуту царила мертвая тишина. Наконецъ, раздалось за разбитымъ стекломъ:

— Это стильно! (Старикъ былъ военнымъ). Ты мнѣ нравишься, малый!

— Я неохотно бью стекла, — сказалъ Фалькъ, — но для вашей дочери я готовъ на все.

Этимъ положеніе было выяснено, и они обручились.

Къ тому же риксдагъ провелъ свою реорганизацію вѣдомствъ и удвоилъ количество мѣстъ и оклады, такъ что молодой человѣкъ, получающій окладъ первой категоріи, уже можетъ жениться! Такимъ образомъ, осенью Фалькъ женится.

Она останется учительницей. Я мало интересуюсь женскимъ вопросомъ, но думается мнѣ, что наше поколѣніе выведетъ изъ брака все то азіатское, что въ немъ еще осталось. Обѣ стороны заключаютъ свободный союзъ, никто не жертвуетъ своей самостоятельностью, одинъ не стремится воспитать другого, каждый уважаетъ слабости другого, и у обонхъ товарищество на всю жизнь.

Госпожа Фалькъ, благотворительная чертовка, это вѣдь только содержанка, да и сама она считаетъ себя таковою! Большинство женщинъ выходитъ замужъ, чтобы не работать, и то, что заключается такъ мало браковъ, въ равной мѣрѣ является виной мужчинъ и женщинъ.

Фалькъ набросился на нумизматику съ жаромъ почти неестественнымъ; онъ говорилъ на дняхъ, что занять составленіемъ учебника нумизматики и что постарается ввести этотъ предметъ въ школахъ.

Газетъ онъ больше не читаетъ вовсе; что происходитъ на свѣтѣ, онъ не знаетъ; и, кажется, онъ совсѣмъ пересталъ думать о писательствѣ. Онъ живетъ только для своей службы и для своей невѣсты, которую онъ обожаетъ.

Но я всему этому не вѣрю. Фалькъ—политическій фанатикъ, который знаетъ, что сгорѣлъ бы, если бы оставилъ огню тягу, и потому онъ тушитъ его сухими занятіями; но не думаю, что это удастся ему; когда-нибудь его взорветъ.

Впрочемъ, между нами, онъ, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ тѣмъ тайнымъ сообществамъ, которыя вызвали реакцію и военную диктатуру на континентѣ. Когда я его на-дняхъ видѣлъ въ залѣ риксдага въ качествѣ герольда во время тронной рѣчи, въ красномъ плащѣ и въ шляпѣ съ перомъ и жезломъ въ рукѣ, у подножья трона (у подножья трона!), то я подумалъ это! Но когда министръ читалъ всемилостивѣйшія соображенія его величества о состояніи и нуждахъ государства, я увидѣлъ взглядъ Фалька, говорившій: Что знаетъ его величество о состояніи и нуждахъ государства?

Вотъ человѣкъ!

Кажется, я покончилъ свой смотръ, никого не забывъ. Прощай на сегодня! Ты скоро опять услышишь обо мнѣ.

Г. Б.

1879.

ЭПИЛОГЪ.

(1882).

Навѣрно, нѣтъ другой такой уродливой улицы въ Стокгольмѣ и другого такого стараго, грязнаго и мрачнаго дома; ворота стоятъ, какъ отслужившая висѣлица; плиты на дворѣ такъ расползлись, что между ними выросла трава. И домъ стоитъ одиноко, какъ старый отшельникъ, отыскавшій уединенное мѣсто, чтобы тамъ — разрушиться.

Фундаментъ осылъ, и домикъ наклонился на лѣвую сторону. Жолобъ потекъ, и слезы его оставили черныя морщины на всемъ лицѣ фасада; кой-гдѣ онъ отдѣлился совсѣмъ, и можно слышать въ бурныя ночи, какъ вода стекаетъ со стѣнъ. Однимъ словомъ, домъ имѣетъ видъ стараго вдовьяго гнѣзда нищеты, легкомыслія, небрежности и порока.

И все же существуютъ два человѣка, которые не могутъ пройти мимо этого дома, не остановившись, чтобы съ волненіемъ и любовью оглядѣть это жалкое, непріютное старое строеніе! Для нихъ большія ворота—триумфальная арка, чертополохъ и стокъ—зеленый лугъ съ ручьемъ, черный домъ—пріятная руина съ нѣжными, розовыми воспоминаніями. И когда они проходятъ тамъ, воздухъ поетъ, и земля благоухаетъ, и они видятъ солнце даже сквозь осеннія тучи, и они забываются до того, что цѣлуются. Они всегда были немного шалыми эти славные люди.

Три года тому назадъ нашъ молодой другъ—мы можемъ вѣдь быть его друзьями, послѣ того какъ онъ раскался въ своихъ заблужденіяхъ, извинился предъ обществомъ и сталъ почтеннымъ человѣкомъ, который служитъ государству и носить пурпуровую мантию въ риксдагѣ,—нашъ молодой другъ стоялъ въ третьемъ этажѣ уродливаго дома съ пакетомъ булавокъ во рту, молоткомъ въ карманѣ пиджака и щипцами подъ мышкой; онъ стоялъ на стремянкѣ и вѣшалъ шторы въ маленькой комнатѣ, очень маленькой, въ которой помѣщались только маленькій диванъ, туалетный столикъ, маленькій письменный столъ и маленькая-маленькая постель съ бѣлыми занавѣсками.

А въ столовой стоялъ вѣрный Исаакъ въ одномъ жилетѣ и смазывалъ клеємъ кусокъ обоевъ, который онъ по-

ложилъ на гладильную доску между двумя стульями; при этомъ онъ насвистывалъ и пѣлъ массу неизвѣстныхъ пѣсенъ и никогда неслыханныхъ мелодій; а когда онъ усталъ, онъ на пустомъ ящикѣ передъ окномъ накрылъ завтракъ.

А снаружи солнце играло въ саду сосѣда. Садъ, стиснутый между брандмауерами, былъ невеликъ; въ немъ росло только одно грушевое дерево, и оно цвѣло; и два сиреневыхъ куста, и они тоже цвѣли; а въ пролетѣ между крышами видно было небо и острія мачтъ въ гавани.

Исаакъ самъ сбѣгалъ внизъ въ лавочку и купилъ бутерброды и портеръ; и онъ же оклеилъ комнату, и купилъ олеандръ и плющъ, чтобы уродливыя окна съ ихъ черными рамами не пугали молодую женщину при ея въѣздѣ; онъ хотѣлъ ихъ сперва покрасить, но боялся, что они будутъ пахнуть масляной краской.

Извозчикъ остановился на улицѣ. «Это Боргъ», — сказалъ Исаакъ, — «зачѣмъ онъ сюда? и онъ привезъ съ собою эту чуму, Левина». — Это былъ долгій визитъ, длившійся десять минутъ, очень мучительный. Фалькъ принялъ его, какъ испытаніе, и чувствовалъ, что навсегда порвалъ съ прошлымъ.

А потомъ пріѣхала г-жа Фалькъ съ женой ревизора Гоманъ; онѣ нашли обои въ столовой слишкомъ темными, а обои въ комнатѣ жены слишкомъ свѣтлыми; занавѣски въ кабинетѣ мужа должны были бы быть пошире; коверъ не подходитъ къ обивкѣ мебели; часы — старомодны, а люстра — слишкомъ дорога для своей простоты. Но въ особенности одинъ предметъ мебелировки въ комнатѣ жены вызываетъ долгія разсужденія обѣихъ подругъ; кухня кажется имъ черной, сѣни — грязными; но, впрочемъ, все очень мило. Это было второе испытаніе, но оно прошло такъ же, какъ и все остальное.

Но Исаакъ уже не былъ болѣе веселъ, послѣ того какъ раскритиковали его обои, и самъ Фалькъ чувствуетъ, что это—жалкое гнѣздо; но онъ открываетъ окно, чтобы очистить воздухъ своего рая. А Исаакъ объявляетъ, что онъ посадить ихъ на свадебное время въ долговую, чтобы онѣ не могли присутствовать.

И, наконецъ, приходитъ она! Онъ стоялъ у окна и видѣлъ ее за тысячу сажень и увѣрялъ, что отъ нея исходитъ сіяніе и что на улицѣ становится свѣтло тамъ, гдѣ она проходитъ.

И когда она вошла въ будущее жилище и нашла все превосходнымъ, Исаакъ вышелъ на кухню, накололъ дровъ и развелъ огонь. И лишь только онъ вошелъ назадъ, неся подносъ съ шоколадомъ, замѣтили его отсутствіе. Это забавляетъ его, потому что онъ знаетъ, что любящимъ никто не нуженъ, и ему пріятенъ ихъ страшный эгоизмъ, который они называютъ любовью.

Что же сказалъ свѣтъ? Вотъ что сказалъ свѣтъ:

— А этотъ Фалькъ женился?

— Да на комъ же?

— На учительницѣ.

— Фу, чортъ! — Этакой въ синихъ очкахъ и со стриженными волосами? — Дальнѣйшихъ подробностей спрашивающій не хотѣлъ знать. Если же другой сказалъ бы ему: «онъ женился на дочери Кохстрома», тогда второй вопросъ былъ бы:

— Много за ней дали?

Другихъ вопросовъ свѣтъ не предлагаетъ, и это хорошо. Но свѣтъ требуетъ еще, чтобы они были счастливы, не то—горе имъ!

Когда она возвращается изъ школы, усталая отъ работы, огорченная какимъ-нибудь униженіемъ, раздосадован-

ная неудачей, и встрѣчаетъ на улицѣ подругу, которая хватаетъ ее за руку и говорить:

— У тебя несчастный видъ, Елизавета!

Тогда — горе ему!

Если онъ возвращается изъ своего присутствія съ отчаяніемъ въ сердцѣ, такъ какъ его обошли повышеніемъ, и встрѣчаетъ друга, который находитъ, что у него убитый видъ, — тогда горе ей!

Зимній вечеръ. Годъ или нѣсколько лѣтъ спустя. Она сидитъ у своего письменнаго стола въ комнатѣ и поправляетъ сочиненія, а онъ сидитъ у своего стола и подсчитываетъ имущественныя обложенія. Перья скрипятъ, часы тикаютъ и кипитъ чайникъ. Когда онъ поднимаетъ голову отъ своихъ бумагъ, онъ видитъ по ея ласковому лицу, что она тоже собирается взглянуть. И взгляды ихъ встрѣчаются, и они киваютъ другъ другу, какъ будто они давно не видались; и потомъ они опять пишутъ.

Наконецъ, онъ устаетъ.

— Не поболтаемъ ли мы немного, — говоритъ онъ. И она не противорѣчитъ, и рѣшеніе принимается абсолютнымъ большинствомъ.

О чемъ они болтаютъ?

Объ этомъ спросилъ однажды насмѣшникъ Боргъ, увѣряя, что бракъ немислимъ съ естественно-научной точки зрѣнія; въ качествѣ аксіомы устанавливаетъ онъ, что должно наступить мгновеніе, когда обо всемъ будетъ переговорено и всѣ мысли и взгляды будутъ извѣстны; тогда должно наступить абсолютное молчаніе!

Дуракъ!